

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

Центр военно-политических исследований

А. И. Подберезкин, М. В. Александров,
К. П. Боришполец, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич

**Стратегическое прогнозирование
и планирование внешней
и оборонной политики**

Том 2

**Прогнозирование сценариев развития
международной и военно-политической обстановки
на период до 2050 года**

Издательство
«МГИМО–Университет»

2015

УДК 327
ББК66.4
С83

Авторы:

А. И. Подберезкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец,
Е. С. Зиновьева, В. В. Каберник, М. А. Мунтян, О. Е. Родионов,
Г. Р. Ручкин, М. В. Харкевич

С83 **Стратегическое прогнозирование и планирование
внешней и оборонной политики** : монография : в 2 т. / под
ред. А.И. Подберезкина. Моск. гос. ин-т междунар. отношений
(ун-т) МИД России, центр военно-полит. исследований. — М. :
МГИМО–Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1238-2

Т.2: Прогнозирование сценариев развития международной
и военно-политической обстановки на период до 2050 года —
2015. — 722 с. : ил. ISBN 978-5-9228-1240-5

Данное двухтомное издание подготовлено коллективом Центра военно-политических исследований МГИМО под общим руководством профессора, д.и.н. А.И. Подберезкина. Книга представляет собой первое в российской науке системное исследование по теории прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики. Во втором томе, имеющем прикладной характер, по существу, на практике применяются теоретические и методические положения, изложенные в первом томе. Главное внимание уделяется разработке конкретных сценариев развития человеческой цивилизации, международной, военно-политической и стратегической обстановки, высказываются предположения о возможных военных угрозах Российской Федерации на отдельных стратегических этапах. Также рассматривается характер военных конфликтов будущего, в которые по различным причинам может быть вовлечена Россия. Книга адресована специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

УДК 327
ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1240-5 (т.2) © Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1238-2

Оглавление

Глава XV. Наиболее вероятный сценарий взаимодействия западной и российской локальных цивилизаций.....	9
15.1. Основные области противостояния локальных цивилизаций Запада и Востока в XXI веке	14
15.2. Роль международных транспортных коридоров в реализации сценария противоборства западной и российской локальных цивилизаций.....	18
15.3. Интеграционное/дезинтеграционное военно-политическое значение международных транспортных коридоров.....	26
15.4. Значение Арктики и Северного морского пути для развития сценариев противоборства локальных цивилизаций.....	30
Глава XVI. Некоторые конкретные сценарии будущего развития международной обстановки	49
16.1. Сценарий искусственного провоцирования междоцивилизационного конфликта	53
16.2. Сценарий укрепления «партнерских отношений» между локальными цивилизациями.....	68
16.3. Сценарий «союзнических отношений» локальных цивилизаций во главе с Россией и США.....	85
16.4. Сценарий противостояния США и России: «война чужими руками»	93
16.5. Многообразие нереалистичных сценариев развития международной обстановки, активно продвигаемых в России.....	97
Глава XVII. Нарастание полицентризма как наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки до 2050 года	105
17.1. Измерение соотношения сил между центрами силы.....	109

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

17.2. Союзы и коалиции в новом соотношении сил в мире.....	130
17.3. Мировые тенденции и их роль в соотношении сил.....	137
17.4. Теоретически возможные сценарии международных военно-политических коалиций в XXI веке	143

Глава XVIII. Анализ сценариев развития военно-политической обстановки до 2050 года

149

18.1. Взаимосвязь сценариев развития международной и военно-политической обстановки.....	158
18.2. Проблема оценки развития военно-политической обстановки.....	164
18.3. Выделение конкретных вариантов из сценариев развития военно-политической обстановки	172
18.4. Системность анализа и прогноза сценариев развития военно-политической обстановки	176
18.5. Систематизация современных сценариев развития военно-политической обстановки (на примере России и США)	184
18.6. Военно-техническое развитие как противодействие негативным сценариям развития ВПО	189

Глава XIX. Позитивные и негативные сценарии развития военно-политической обстановки

203

19.1. Теоретическая возможность развития позитивных сценариев ВПО до 2050 года.....	206
19.2. Конфронтационные сценарии развития ВПО	232

Глава XX. Сценарий евразийской военно-политической интеграции.....

307

20.1. Евразийская общность как основа для сценариев военно-политической интеграции.....	313
20.2. Сценарий евразийской военно-политической интеграции.....	321
20.3. Евразийские институты обеспечения безопасности.....	329
20.4. Воздушно-космическая оборона как эффективный практический инструмент евразийской интеграции.....	336

20.5. Сценарий возможной евразийской военно-политической интеграции во главе с «российским ядром».....	350
Глава XXI. Военное сдерживание как сценарий развития ВПО в XXI веке	361
21.1. Сценарий сохранения «ядерного сдерживания» в Евразии	368
21.2. Сценарий развития стратегического неядерного оружия как главной угрозы «ядерному сдерживанию»	377
21.3. Значение воздушно-космической обороны как гаранта безопасности и суверенитета государств.....	385
Глава XXII. Анализ стратегической обстановки, характера войн и вооруженных конфликтов	395
22.1. Основы анализа стратегической обстановки и характера будущих войн и вооруженных конфликтов	405
22.2. Субъективность как основная характерная черта при анализе и прогнозе стратегической обстановки	409
22.3. Характеристика возможных сценариев развития стратегической обстановки до 2030 и 2050 годов	418
22.4. Сценарии развития стратегической обстановки как логическое и субъективное продолжение развития сценариев МО и ВПО	436
22.5. Стратегия сетевой войны как попытка обеспечения контроля над всеми участниками стратегической обстановки в мире	447
22.6. Доминирующий сценарий формирования и развития стратегической обстановки по отношению к России как противоборство ведущих локальных цивилизаций.....	458
22.7. Стратегия реализации доминирующего сценария формирования стратегической обстановки по отношению к России	466

22.8. Сценарий развития глобальной стратегической обстановки в качестве последствия создания системы ПРО США.....	469
22.9. Сценарии возможного формирования стратегической обстановки на базе военного конфликта в Юго-Восточной Азии	479
22.10. Сценарии развития стратегической обстановки на базе создания воздушно-космического ТВД.....	485
22.11. Сценарии развития стратегической обстановки на базе возможных военных конфликтов за Арктику и транспортные коридоры	488

Глава XXIII. Возможный характер международных войн и вооруженных конфликтов в 2030-х

и 2050-х годах XXI века	503
23.1. Фазовые изменения в характере международных войн XXI века.....	507
23.2. Субъективность в анализе вероятного характера войн и вооруженных конфликтов.....	516
23.3. Гипотетический субъективный характер сценария войны в 2014 году между Россией и США: новое качество и значение	527
23.4. Основные тенденции в эволюции характера международных войн и вооруженных конфликтов в XXI веке	539
23.5. Основные особенности современного «переходного периода» в характере международных войн и вооруженных конфликтов.....	549
23.6. Существующие представления в России о будущих войнах.....	555
23.7. Возможные особенности будущего характера международных войн и вооруженных конфликтов	575
23.8. Возможная военная специфика характера международных войн и конфликтов к 2030-м годам XXI века.....	589
23.9. Возможный характер международных войн и вооруженных конфликтов после 2050-х годов XXI века	595

Глава XXIV. Возможный характер внутренних войн и вооруженных конфликтов в 2030-х и 2050-х годах XXI века	605
24.1. Анализ и стратегический прогноз внутренних войн и вооруженных конфликтов.....	610
24.2. Некоторые методики анализа и стратегического прогноза внутренних войн и вооруженных конфликтов.....	620
24.3. Взаимосвязь внешнего и внутреннего военного конфликта в XXI веке	629
24.4. Вероятный характер внутренних войн и вооруженных конфликтов к 2030 годам XXI века: современные представления и прогноз.....	638
24.5. Внутренняя война и вооруженный конфликт: современное состояние и перспектива эволюции.....	650
24.6. Внутренние вооруженные конфликты и перспективы их эволюции в XXI веке	667
24.7. Будущее внутренних военных конфликтов.....	675
24.8. Возможный характер внутренних войн и вооруженных конфликтов в долгосрочной перспективе после 2050-х годов XXI века.....	683
Список источников и используемой литературы	693

Глава XV.
Наиболее вероятный сценарий
взаимодействия западной
и российской локальных
цивилизаций

На основании того, что мы знаем о мегатенденциях, а также возможных взаимодействиях этих тенденций с ключевыми факторами, нами предложены четыре архетипических версии будущего, которые представляют собой определенные пути развития мира к 2030 году. Наступление любого из этих альтернативных миров не является неизбежным. В действительности, возможно, будущее будет включать в себя элементы всех предложенных сценариев¹

*Авторы доклада Национального Совета
по разведке США*

В логике предлагаемой методологии стратегического прогноза, будущая международная обстановка (МО) характеризуется следующими факторами:

1. Глобальными тенденциями общемирового развития, характерными для всех локальных цивилизаций.
2. Тенденциями в развитии локальных цивилизаций.
3. Взаимоотношениями между глобальными тенденциями и тенденциями в развитии локальных цивилизаций.
4. Национальными интересами (потребностями) и ценностями и отношениями между ними в мире.
5. Государственными интересами (потребностями) и отношениями между ними в мире.
6. Социальными, групповыми и личными интересами.

¹ Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Публикация Национального Совета по разведке США. Вал.: 2013. Декабрь. С. 8.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

Составные отношения между локальной цивилизацией Запада и другими субъектами МО и ВПО	Субъекты (локальные цивилизации) международной обстановки (МО)					
	Исламская локальная цивилизация	Китайская локальная цивилизация	Российская локальная цивилизация	Индийская локальная цивилизация	Африканская локальная цивилизация	Латинская и др. локальные цивилизации
1. Глобальные интересы	-3	-1	-2	-1	-1	
2. Интересы локальной цивилизации	-3	-1	-2	-1	-1	+1+1
3. Взаимодействие между глобальными и локальными интересами	-1	+1	+1	+1	+1	+2
4. Отношения между национальными интересами и ценностями	-3	-3	-3	-2	-2	+1
5. Отношения между государственными интересами (потребностями)	-2	-1	-1	+1	+1	+1
6. Отношения между социальными, групповыми и личными интересами	-2	-1	+2	+2	+2	+2

Группы сценариев взаимодействия локальных цивилизаций (на пример Запада)

Обозначение цивилизации	Исламская	Китайская	Российская	Индийская	Африканская	Л. Американская	
Отношения западной локальной цивилизации с другими цивилизациями	I позитивные	н/р	н/р	н/р	н/р	н/р	н/р
		до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.
	II негативные	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.
		н/р	н/р	н/р	н/р	н/р	н/р
	III нейтральные	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.	до 2030 г.
		до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.	до 2050 г.

Рис. 15.1

Соответственно, современное состояние той или иной локальной цивилизации можно описать, исходя из матрицы интересов (потребностей) и определяя «вес» совпадения (несовпадения) интересов от -3 до $+3$. На примере западной цивилизации это может выглядеть следующим образом: рис. 15.1.

Можно выделить, как минимум, шесть–семь направлений взаимодействия тех или иных локальных цивилизаций и соответствующих им групп сценариев. Например, векторы взаимодействия западной локальной цивилизации с другими основными локальными цивилизациями по условным группам: («Запад–Запад»); («Запад–Китай»); («Запад–Россия»); («Запад–Индия»); («Запад–Л. Америка»); («Запад–Африка»). При этом, как минимум, эти отношения, вытекающие из масштабов совпадения или несовпадения интересов, могут делиться на три крупные группы, условно-обозначенные как:

- позитивные, дружеские;
- негативные, враждебные;
- безразличные, нейтральные.

Таким образом, минимальный «набор» вариантов отношений, определяющий значительно большее число сценариев на будущее, будет порядка 70, а в действительности — значительно больше, так как характеристики «позитивные» или «негативные» отношения, для локальных цивилизаций, требуют конкретизации. Так, например, отношения России и Украины в последние десятилетия характеризуются настойчивым стремлением влиятельных групп правящей элиты Украины перевести их в конфронтацию локальных цивилизаций («Запад–Россия»), которая за короткий срок прошла стадии от «позитивной» к «негативной» в ее крайней вооруженной форме.

15.1. Основные области противостояния локальных цивилизаций Запада и Востока в XXI веке

В данном стратегическом прогнозе, определяя сценарии отношений западной цивилизации с другими цивилизациями, можно построить три логические схемы, соответствующие разным периодам: настоящему времени, периоду до 2030 года и периоду до 2050 годов, которые будут выглядеть следующим образом:

Позитивные сценарии взаимодействий западной локальной цивилизации с другими цивилизациями

Сценарий №1: «Упрочение мирового порядка» на основе норм международного права, укрепления государственных суверенитетов, роли международных организаций и учета интересов других наций, государств и сообществ.

Такой сценарий вполне можно отнести к категории теоретически возможных, но маловероятных в настоящее время. Реальная политика США, НАТО и ЕС свидетельствует, что этот сценарий в лучшем случае может рассматриваться как декларативно-медийный, а в худшем — как проявление целенаправленной информационной политики, ориентированной на маскировку действительных целей.

Сценарий №2: «Сверхоптимистический» сценарий развития ЧЦ, который разделяют некоторые ученые. Если им верить, наше относительно близкое будущее выглядит вполне радужным. Через 50 лет продолжительность жизни человека увеличится на 40%. У нас появится возможность легко менять свою внешность. Мы раскроем тайну возникновения Вселенной и благополучно выживем в возможной глобальной катастрофе.

При этом ученые объяснили, почему все люди станут вегетарианцами, и как мы обнаружим тех, кого не замечали на Земле всю свою жизнь.

Всего через 50 лет — к 2056 году — человек обнаружит, что рядом с ним живут инопланетяне, научится понимать язык животных, а собственное тело, если оно ему перестанет нравиться, сможет легко поправить, обратившись к врачу и заменив неудобные детали. «Мы выживем в глобальной катастрофе и позволим снова произойти естественной эволюции, найдем неисчерпаемую форму экологически чистой энергии». Такой прогноз близкого будущего попросил представить, отмечая свой 50-летний юбилей, журнал *NewScientist*, и более 40 ведущих ученых откликнулись на его просьбу (перевод статьи на сайте *InoPressa*).

По мнению профессора Дэниела Поли из университета Британской Колумбии, «в ближайшие полвека самым важным прорывом станет устройство для распознавания, расшифровки и передачи эмоций и неоформившихся „мыслей“ животных таким образом, чтобы они могли трансформироваться в аналогичные эмоции и мысли в мозге человека. То есть, мы научимся понимать язык животных. Разумеется, это также вызовет повсеместный отказ от поедания любого мяса, и мы все станем вегетарианцами»².

Если говорить о группах сценариев, которые можно оценить как наиболее вероятные, то следует выделить группу негативных сценариев.

Негативные сценарии взаимодействия западной локальной цивилизации с другими цивилизациями.

Сценарий №1. Усиление борьбы за природные ресурсы планеты и контроль над распределением мировых богатств. Огромное

² Александрова В. Прогноз на 2056 год / Эл. ресурс: «Взгляд». 2006. 3 декабря / <http://vz.ru/society/2006/12/3/59430.html>

значение как в настоящее время, так и на период до 2030 и 2050 годов будет иметь в этой связи возможность геополитического контроля, которая реализуется, прежде всего в возможности контроля мировых транспортных коридоров.

Современная мировая политика определяется двумя происходящими процессами: глобализацией и регионализацией. Также и безопасность не может рассматриваться как раньше только как сфера внутренней и внешней политики. Экономики стран объединяются в рамках глобализационных процессов и защищают свои интересы через региональные объединения. Существуют страны-изгои, которые в этих процессах не участвуют, но это временно. Уже сегодня, очевидно, что Северная Корея и Иран, которые еще недавно были главными изгоями, ищут сотрудничества с соседними странами.

Безопасность страны в новых условиях уже определяется не столько количеством ракет, сколько социально-экономическими показателями, такими как ВВП на душу населения, уровнем разрыва между богатыми и бедными, демографическими параметрами, уровнем отчуждения между правящим истеблишментом и остальным обществом, динамикой благосостояния населения, темпами экономического развития.

Если военный потенциал, особенно ядерный с ПРО может гарантировать безопасность границ, то внутреннюю безопасность только военными средствами гарантировать нельзя. Наиболее показательные примеры — оранжевые революции в странах бывшего СССР, арабская весна в странах Ближнего Востока. Причины волнений, которые приводят к гражданским войнам и свержению правящего режима лежат, прежде всего, в социально-экономической сфере. С расширением глобализации, если жители твоей страны живут хуже, чем соседней, информацию об этом невозможно контролировать, и это будет приводить к недовольству. Другие страны активно используют культуру, телевидение, образование, рекламу, бренды, ЛГБТ движения, ГРИНПИС и другие НПО для продвижения сво-

их интересов и влияния на умы жителей другой страны. Этот комплекс мер называется «мягкой силой».

Также с развитием социальных медиа появилось новое средство для управления протестными движениями. Через социальные сети легко найти недовольных и объединить их, а потом «расформировать», отпустить. Так называемый «облачный противник» широко использовался в конфликте на Украине 2013–2014 гг. Россия достаточно успешно смогла использовать в ответ свои инструменты «мягкой силы». Но это лишь верхушка айсберга. Причины недовольства практически во всех этих странах, как уже говорилось, лежат в социально-экономической области.

В современном мире страна не может опираться только на природные и материальные ресурсы, поскольку это ведет к опасному расслоению общества, деградации экономики и потере наиболее талантливых людей страны. Но в России отойти от модели сырьевой экономики очень трудно. Есть целые регионы, по размеру больше Европы, где торговля ресурсами это основной доход — это Дальний Восток. Особенно виден разрыв между экономикой Дальнего Востока и быстрорастущего региона США и АТР в целом. Подтверждением этому служит доля Дальнего Востока в экономике АТР, которая составляет 1% и состоит только из использования ресурсов. Ситуацию ухудшает и то, что Дальний Восток почти не связан с остальной Россией хозяйственными отношениями и только несколькими железными и автодорогами. Несвязность пространства — это другая крайне опасная вещь для обеспечения безопасности.

Для того чтобы решить проблемы не только Дальнего Востока, но и остальной России, которые связаны с демографией, социально-экономическим положением, транспортной интегрированностью геоэкономического и геополитического пространства, прежде всего, необходимо развивать международные транспортные коридоры.

15.2. Роль международных транспортных коридоров в реализации сценария противоборства западной и российской локальных цивилизаций

Международный транспортный коридор (транспортный коридор, МТК) — высокотехнологическая транспортная система, концентрирующая на генеральных направлениях транспорт общего пользования (железнодорожный, автомобильный, морской, трубопроводный) и телекоммуникации. МТК наиболее эффективно функционирует в условиях преференциального режима, включая единое таможенное или экономическое пространство.

Наиболее широкое развитие получили панъевропейские транспортные коридоры. Также ЕС в 2005 году принял новую транспортную политику, в которой важная роль отводится морским автомагистралям.

Каждому из международных транспортных коридоров присвоено собственное обозначение:

- «Север–Юг» (страны Восточной, Центральной Европы и Скандинавии — европейская часть Российской Федерации — Каспийское море — Иран — Индия, Пакистан и другие) — **NS**;
- «Запад–Восток» — Трансиб (Центральная Европа — Москва — Екатеринбург — Красноярск — Хабаровск — Владивосток/Находка и система его ответвлений (на Санкт-Петербург, Киев, Новороссийск, Казахстан, Монголию, Китай и Корею); на территории России и сопредельных стран сопрягается с общеевропейскими коридорами №№2, 3 и 9 — **TS**;
- «Северный морской путь» (Мурманск — Архангельск — Кандалакша — Дудинка) — **SMP**;

- «Приморье-1» (Харбин — Гродеково — Владивосток/Находка/Восточный — порты АТП) — **PR1**;
- «Приморье-2» (Хуньчунь — Краскино — Посъет/Зарубино — порты АТП) — **PR2**;
- панъевропейский транспортный коридор №1 (ответвление от основного направления коридора граница с Латвией (от Риги) Калининград — граница с Польшей (на Гданьск)) — **PE1**;
- панъевропейский транспортный коридор №2 (граница с Белоруссией (от Минска) — Смоленск — Москва — Нижний Новгород с предполагаемым продолжением до Екатеринбурга) — **PE2**;
- панъевропейский транспортный коридор №9 (граница с Финляндией (от Хельсинки) — Санкт-Петербург — Москва — граница с Украиной (на Киев) и ответвления коридора Санкт-Петербург — граница с Белоруссией (на Витебск) и граница с Литвой (от Вильнюса) — Калининград — **PE9**³.

Развитие рынка транспортно-логистических услуг (ТЛУ) оказывает существенное влияние на экономику в целом. Для того чтобы охарактеризовать современное состояние рынка ТЛУ в России, необходимо выявить основную тенденцию развития и определить его положение и долю на мировом рынке. Кроме того, нужно проанализировать эффективность транспортно-логистической деятельности в стране в целом, сравнивая показатель доли логистических издержек во внутреннем валовом продукте стран, и изучить соотношение услуг, оказываемых логистическими компаниями, и самостоятельной деятельностью компаний в этой области.

По итогам 2012 года объем российского рынка транспортно-логистических услуг увеличился на 11%, продолжая уже сложившуюся тенденцию к росту. Для сравнения, рост мирового

³ Транспортная стратегия и экономический рост России. Россия в становлении единой транспортной системы евроазиатского континента. Вестник Евразийского транспортного союза. М., 2005. Вып. 2.

рынка ТЛУ в 2012 году составил 5%, при этом наиболее активно развитие происходит в азиатских странах — 20%, а в европейских странах он существенно ниже, составляя 6%⁴. На следующем рисунке (рис. 15.2) представлены темпы роста объема рынка логистических услуг в России и в мире.

Динамика коммерческих перевозок грузов и грузооборота транспорта в 2008-2013 гг., %

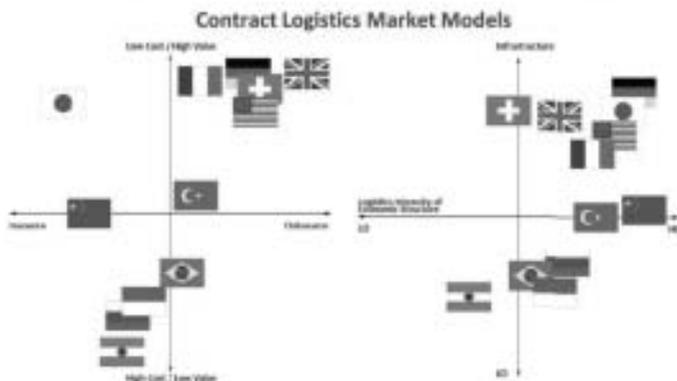
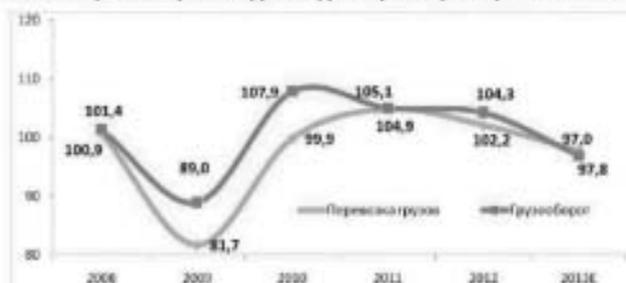

Рис. 15.2

Оценивая позицию российского рынка ТЛУ в мировом масштабе, выявим лидеров мирового рынка. Ими являются: США — 23% объема рынка, европейские страны — 19% и Китай — 15% рынка. На долю российского рынка приходится

⁴ Объем и структура российского рынка транспортно-логистических услуг / РБК. 2013 / Эл. ресурс: URL: http://www.rbc.ru/reviews/transport/2013/chapter_1.shtml

2,5% объема услуг по данным за 2012 год. Исходя из этих количественных показателей, можно прийти к такому выводу: в настоящее время на мировом рынке ТЛУ Россия не играет существенной роли, однако именно российские перспективы в этой сфере представляются весьма заманчивыми.

Уровень развития транспортно-логистической системы страны можно охарактеризовать, используя такой показатель, как уровень логистических издержек. При среднем мировом уровне логистических издержек 11,6% по состоянию на 2012 год, показатель по России достигает 19%⁵. Столь высокий показатель негативно характеризует потенциал развития транспортной логистики в России, свидетельствуя о менее благоприятных условиях развития по сравнению с другими участниками мирового рынка ТЛУ.

Сравнение уровня логистических издержек в различных странах приведено в таблице.

Доли логистических издержек в ВВП стран

Страна	Доля логистических издержек в ВВП страны, %
РФ	19
Китай	18
Бразилия, Индия	11–13
США	8,5
Италия	9,4
Япония	8,7
Германия	8,3

⁵ Объем и структура российского рынка транспортно-логистических услуг / РБК. 2013 / Эл. ресурс: URL: http://www.rbc.ru/reviews/transport/2013/chapter_1.shtml

Анализируя приведенные данные, а также сведения о доле мирового рынка ТЛУ стран, можно отметить наличие зависимости между ними. Страны, имеющие наименьшие логистические издержки, имеют наибольшую долю рынка.

Высокий уровень логистических издержек в России оказывает влияние на степень развития рынка ТЛУ и на ее позицию в мировом сообществе. Немаловажным показателем развития рынка является доля рынка контрактной логистики на рынке ТЛУ. Она характеризует и уровень развитости логистики в целом, и степень развития транспортно-логистических компаний, и отражает наличие спроса и предложения транспортно-логистических услуг на рынке. В среднем в мире доля услуг, оказываемых логистическими компаниями, составляет 55%, однако этот показатель существенно выше в странах-лидерах рынка ТЛУ — США (81,3%), европейских странах (64,6%). Доля контрактной логистики на российском рынке существенно меньше — 32,4%⁶.

Российская логистика имеет огромный потенциал для своего развития, спрос на логистические услуги на российском пространстве постоянно растет, но вместе с тем, по-прежнему сохраняется несоответствие предлагаемых услуг требованиям клиентов, их недостаточный объем или качество. Последнее вынуждает потребителей услуг создавать собственные логистические службы, отказываясь от взаимодействия с участниками рынка ТЛУ.

Таким образом, через развитие транспортно-логистического потенциала России можно решить целый ряд проблем: социально-экономического роста восточных и северных регионов; транспортной интегрированности России; продвижения интеграционного проекта Евразийского Экономического сотрудничества и сохранения тем самым зоны добрососедства

⁶ Объем и структура российского рынка транспортно-логистических услуг / РБК. 2013 / Эл. ресурс: URL: http://www.rbc.ru/reviews/transport/2013/chapter_1.shtml

и сотрудничества со странами-соседями; повышения значимости России в регионе АТР; развития Арктического региона и сохранения контроля за Северным морским путем.

Становление России как транспортной супердержавы — одна из важнейших геополитических и геоэкономических задач. 8 июля 2014 г. Президент РФ Владимир Путин в своем выступлении на запуске проекта «БАМ-2» заявил, что реализация этого проекта «позволит России закрепить за Россией статус мощной транспортной державы, с которой легко и выгодно работать»⁷. В российском правящем истеблишменте есть понимание того, что развиваться без сотрудничества невозможно, и только за счет ускоренной эксплуатации природных ресурсов Россия не сможет превратиться в современную глобальную державу, не сможет представлять интерес для значительного числа стран, в особенности в АТР.

В этом же выступлении Владимир Путин отметил, что: «БАМ носил и высокое военно-стратегическое, и народнохозяйственное значение». О геополитическом значении этой магистрали, говорил и начальник иркутской группы дирекции по реконструкции и строительству объектов железнодорожного транспорта ОАО «РЖД» Евгений Солнцев. Он отметил, что в XXI веке перед Байкало-Амурской магистралью стоят новые геополитические вызовы, а именно — «создать на транспортной основе БАМа принципиально новую интегральную инфраструктуру, которая должна объединить различные отраслевые коммуникации и полностью раскрыть социально-экономический потенциал этой магистрали». Уже к 2017 году необходимо увеличить пропускную способность БАМа в два раза — с 16 до 32 пар поездов в сутки, для чего необходимо реконструировать более 500 километров вторых путей, 90 станций, 85 мостов и построить новый Байкальский туннель.

⁷ Выступление В. Путина на 08.07.2014 / <http://russian.rt.com/article/39898#ixzz36zGzbymI>

Развитие БАМа даст импульс освоению новых сырьевых источников и реализации крупных производственных проектов, говорит губернатор Амурской области Олег Кожемяко. По его словам, модернизация и расширение БАМа существенно изменит облик Дальнего Востока и укрепит экономический каркас региона, позволит решить целый ряд социальных проблем. Благодаря БАМу-2 на Дальнем Востоке появится около 500 тыс. новых высококвалифицированных рабочих мест. Также планируется, что БАМ-2 даст дополнительный импульс развитию экономических связей со странами АТР, поможет разгрузить и модернизировать Транссиб, а также даст толчок развитию портов Хабаровского края.

Помимо БАМа есть еще и планы проведения работ на Транссибе (МТК №9), на транспортном коридоре Север–Юг (МТК №2), соединении Транссиба с Транскорейской железной дорогой, развитие Северного морского пути. Существенно и то, что развитие этих коридоров стратегически важно и для Китая.

Выступая в мае на форуме в Санкт-Петербурге, заместитель председателя КНР Ли Юань-чао предложил сформировать в XXI веке экономические зоны «Шелковый путь» и «Морской Шелковый путь» с целью расширения масштабов и уровня сотрудничества между странами ради достижения взаимной выгоды и совместного развития. А во время своего визита в КНР 9 июля 2014 г. глава Администрации Президента РФ Сергей Иванов заявил, что считает перспективным объединение Шелкового пути с Транссибирской и Байкало-Амурской магистралями: «Концепция Шелкового пути однозначно перспективна. Зачем мешать тому, что уже исторически доказало свою эффективность». При этом он отметил, что, в то время как Китай начинает реализовывать идею возрождения Шелкового пути, Россия приступает к расширению Транссиба и БАМа. Он также сообщил, что уже согласован проект строительства автомобильной дороги из Китая через

Казахстан с выходом на Балтийское море⁸. Китай является первым торговым партнером России с 2010 года: доля КНР во внешнеторговом обороте РФ в 2013 году составила 10,8%. Основной статьёй российского экспорта в Китай являются нефть и нефтепродукты, древесина и продукция химической промышленности. Также КНР необходимо диверсифицировать свои грузопотоки в Европу. Как известно морской сверхдержавой на сегодняшний день является только одна страна, — США. Морские перевозки являются самыми быстрыми и дешевыми: пока достойной альтернативы морской перевозке через Суэцкий канал не создано. Это уязвимое место для Китая, который через строительство проекта Новый Шелковый путь пытается создать свой транспортный коридор к европейскому рынку.

Ранее считалось, что китайский проект, как и проект США по возрождению Шелкового пути через территорию Афганистана будет конкурировать с российскими коридорами Транссибом и БАМом. Но последние внешнеполитические договоренности говорят о другом. Объединение Нового Шелкового пути с Транссибом привлечет другие страны региона к сотрудничеству, стабилизирует обстановку в регионах и странах прохождения, и свяжет экономически и, возможно, интеграционно страны региона.

При этом существует и ряд опасностей дестабилизации обстановки в Центральной Азии — усиление радикальных исламистских вооруженных группировок, территориальные конфликты и споры вокруг водных ресурсов, растущий наркотрафик из Афганистана и экспорт революций. Все эти угрозы безопасности в регионе могут помешать развитию проекта, что конечно было бы удобно США и странам ЕС, которые продвигают свою идею Шелкового пути — ТРАСЕКА.

⁸ Иванов считает перспективным объединение Шелкового пути с Транссибом. 09.07.2014 / <http://ria.ru/economy/20140709/1015254067.html>

15.3. Интеграционное/дезинтеграционное военно-политическое значение международных транспортных коридоров

Конфликт на Украине 2013–2014 гг. показывает, что противостояние за сферу интересов набирает обороты. Не так много стран можно назвать сегодня по-настоящему независимыми. Большинство, руководствуясь экономическими интересами и обеспечением безопасности, вступают в те или иные региональные объединения. Думается, что не будет преувеличением сказать, что в будущем мировая политика будет совершаться несколькими странами, находящимися у руководства интеграционных объединений. Столкновение интеграционного проекта России и ЕС во главе с США за присоединение Украины показывает насколько качественно новой будет мировая политика в будущем.

Транспортные коридоры продвигают вместе с собой отказ от тарифов и облегченный режим таможенных процедур, снятие тарифных барьеров ведет к большему сотрудничеству и экономической зависимости между регионами и странами, экономическая зависимость ведет к определению общих политических целей и к интеграции. ЕврАзЭс как российский интеграционный проект в будущем должен стать таким же экономически и военно-сильным как союз США и ЕС, чтобы обеспечить себе независимость на международной арене. Без реализации крупных инфраструктурных проектов между странами-членами ЕврАзЭс невозможно будет говорить о экономическом росте стран объединения.

В 2008 г. была утверждена Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества. Одной из заявленных главами го-

сударств членов ЕврАзЭС задач деятельности Сообщества в области экономической политики является формирование общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы. Это возможно только в условиях Единого транспортного пространства (ЕТП), под которым понимается совокупность транспортных систем государств-членов ЕврАзЭС, для беспрепятственного перемещения пассажиров, багажа, грузов и транспортных средств, обеспечивающая техническую и технологическую совместимость транспортных процессов, гармонизированное законодательство в области транспорта и единые правила конкуренции. ЕТП охватывает деятельность всех видов транспорта и распространяется на поставщиков транспортных и вспомогательных услуг, связанных с организацией перевозок, всех форм собственности, вне зависимости от страны учреждения⁹.

В качестве приоритетов формирования ЕТП, на которые будет сосредоточено государственное финансирование, предлагается определить:

- создание общего рынка транспортных услуг;
- создание единой транспортной системы;
- реализация транзитного потенциала стран-членов ЕврАзЭС;
- развитие системы логистических центров Сообщества.

В 2015–2020 гг. планируется завершить формирование Единого транспортного пространства ЕврАзЭС созданием общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы.

От формирования ЕТП ожидается социально-экономический эффект и следующие важные результаты:

1. Свободное перемещение граждан создаст стимулы для укрепления нарушенных социальных связей и развития туризма;

⁹ Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества / <http://www.hse.ru/data/2013/12/10/1339246840/O%20КОНЦЕПЦИИ%20ФОРМИРОВАНИЯ%20ЕДИНОГО%20ТРАНСПОРТНОГО.pdf>

2. Упрощенный процесс товародвижения между государствами-членами ЕврАзЭС и транзита по их территории повысит скорость транспортировки и снижение транспортной составляющей в цене товара на 4–5 процентов;
3. Беспрепятственный взаимный доступ перевозчиков и других поставщиков, транспортных и сопутствующих услуг на рынки государств-членов Сообщества, улучшит экономические показатели их работы. Вследствие повышения технического уровня транспортной инфраструктуры и транспортных средств, а также применения современных транспортных и логистических технологий, себестоимость перевозок грузов и пассажиров в межгосударственном сообщении снизится на 13–15 процентов;
4. Повысится уровень интеграции транспортных комплексов государств-членов ЕврАзЭС в мировую транспортную систему, а также будут созданы предпосылки для устойчивого обеспечения евроазиатских транспортных связей и роста экспорта транспортных услуг государствами Сообщества не менее 15%;
5. Увеличится транспортная доступность для развития регионов, повысив не менее чем на 20% круглогодичную обеспеченность населения, территорий, хозяйствующих субъектов различными видами сообщения и транспортных услуг мирового уровня;
6. Ожидаемые условия функционирования и развития транспортных предприятий расширят их грузоподъемность и рентабельность;
7. Общеэкономический эффект от улучшения транспортных связей, снижения стоимости транспортных услуг и повышения их качества составит не менее 10% для каждого государства-члена Содружества;
8. Конкурентоспособность транспортных систем государств Сообщества за счет координации их усилий по защите интересов ЕврАзЭС, проведения согласованной

внешнеэкономической политики в области транспорта повысится в среднем на 25%.

9. Транзитный потенциал будет использован полностью с резервированием не более 15% в среднем по странам Сообщества.
10. В создание транспортно-логистической системы сообщества предполагается вложить не менее 12 млрд долл. США в ценах 2007г.
11. Реализация инвестиционных проектов позволит создать не менее 100 тысяч новых рабочих мест, в т. ч. более 20 тысяч — высококвалифицированных;
12. Подвижность населения вырастет не менее чем на 30%;
13. Грузоёмкость ВВП снизится на 5–8%;
14. Скорость грузового сообщения возрастет на 10–15%, а по международным транспортным коридорам на 25%;
15. Показатель числа погибших в транспортных происшествиях и чрезвычайных ситуациях снизится на 35%;
16. Доля транспорта в загрязнении окружающей среды снизится в полтора раза.

Повышение эффективности использования транзитного потенциала государств-членов Сообщества в условиях ЕТП явится существенным стимулом для интеграции, развития экономики и социальной сферы государств-членов ЕврАзЭС. Наибольший эффект получают регионы государств-членов ЕврАзЭС, по территориям которых проходят основные транспортные направления, связывающие эти страны и обеспечивающие транзитные перевозки пассажиров и грузов.

Для обеспечения целостности и устойчивости Сообщества от разрушающих воздействий (экономических, политических, чрезвычайных ситуаций различного происхождения) государства-члены ЕврАзЭС должны поддерживать развитие и работу транспортных систем на уровне.

15.4. Значение Арктики и Северного морского пути для развития сценариев противоборства локальных цивилизаций

Арктика — это новый регион для международных отношений, который имеет стратегическое значение для России. Поэтому России надо использовать все функционирующие структуры для продвижения своих интересов в Арктике. Структура современной арктической дипломатии обычно включает три измерения.

Во-первых, это международные и/или региональные организации, как, например, Международная морская организация (ИМО), Арктический совет, Совет Баренцева-Евроарктического региона. Второе измерение образуют диалоги на межправительственном уровне. И, наконец, третье — международная публичная сфера — пресс-конференции, форумы, семинары по проблемам Арктики, в рамках которых представители дипломатических ведомств знакомят широкую аудиторию с результатами и планами национальной арктической политики, а также осуществляют контакты по линии предпринимательского и научно-экспертного сообществ как внутри, так и за пределами своих стран. Безусловно, соотношение указанных измерений варьируется в зависимости от содержания конкретного регионального подхода. С 2005 г. Норвегия стала позиционировать себя в качестве ведущего арктического игрока. Главными конкурентными преимуществами по сравнению с другими полярными державами Норвегия считает технологическое превосходство в энергетической отрасли, самые строгие экологические стандарты морской нефтегазодобычи и исчерпывающий объем знаний об Арктике.

Первым успехом арктической дипломатии Норвегии стало юридическое оформление морских границ в Арктике.

За относительно короткое время согласованы линии разграничения исключительных экономических зон с Данией и Исландией, что закреплено в соглашениях, подписанных в феврале и сентябре 2006 г. соответственно. Договоренности имели принципиально важное значение, в связи с тем, что напрямую способствовали утверждению принципа срединной линии в качестве общепризнанного способа разграничения морских пространств в Арктике. В дальнейшем это должно было обеспечить норвежской стороне преимущество на переговорах с Россией о делимитации «серой зоны» Баренцева моря, остававшейся болевой точкой двусторонних отношений с 1970 года. Вторым достижением стала подача в ноябре 2006 г. в профильную Комиссию ООН заявки о границах континентального шельфа Норвегии в Арктике за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны (общей площадью 235 тыс. кв. км шельфа). Хотя в споре относительно границы в Баренцевом море Осло не удалось добиться полного применения принципа срединной линии, подписанного 15 сентября 2010 г. Мурманский договор приходится отнести к победе скорее норвежской, чем российской дипломатии. С формальной точки зрения зона перекрывающихся притязаний в Баренцевом море площадью 175 тыс. км поделена примерно поровну. Очевидно и политическое значение данного акта: Москва и Осло подтвердили верность принципам Илулиссатской декларации 2008 г. (о мирном разрешении споров) и устранили еще один очаг напряженности в Арктике¹⁰.

Идее создания альтернативы существующим водным путям на самом деле столько же лет, сколько самим каналам, и это неудивительно. Бизнесменам не дают покоя лавры Панамского и Суэцкого каналов. Компании — операторы этих торговых артерий стабильно росли во все кризисные времена. Панамский

¹⁰ Тулупов Д. С. Арктическая дипломатия — новый феномен мировой политики // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа.

канал не проваливался в долговую яму ни в 2008 г., ни в 2009 г., а его прибыль даже тогда увеличивалась на 8–11% ежегодно. На логистику — перевозку и хранение товаров и деталей для производства в целом уходит объем средств, равный 12% мирового ВВП.

А развертывание добычи углеводородного сырья на арктическом шельфе РФ ставит перед собой задачу увеличения объема грузовых перевозок по Северному морскому пути (СМП). Использование этого транспортного маршрута при современном уровне развития техники становится все более привлекательным. Так, например, расстояние на маршруте Роттердам — Иокогама при использовании Северного морского пути составит 7 тыс. 345 морских миль, тогда как через Суэцкий канал — 11 тыс. 205 морских миль. Разница — 3 тыс. 860 миль, или 34%. Впервые в российской истории осуществляется транзитный коммерческий переход по Северному морскому пути крупнотоннажного танкера арктического ледового класса «СФК Балтика». Танкер вышел в рейс из порта «Мурманск» 14 августа 2010 г. с грузом 117 тыс. т газового конденсата и прибыл в порт назначения «Нинбо» (Китай) 6 сентября. Таким образом, подтверждена возможность и рентабельность регулярной доставки энергоносителей из бассейна Баренцева и Карского морей на рынки АТР по Северному морскому пути. По оценкам экспертов объем перевозок по этому маршруту может достигать пяти миллионов тонн в западном направлении¹¹.

В условиях глобального потепления все более актуализируется вопрос о Северном морском пути как новом международном транспортном коридоре, позволяющем перевозить грузы из Европы в Азию и США по сравнительно короткому и безопасному маршруту. Начало регулярной навигации вдоль северного побережья Сибири и Дальнего Востока открывает

¹¹ Синютин С. Дороги будут! // Транспорт России / <http://www.transportrussia.ru/transportnaya-politika/dorogi-budut.html>

новые перспективы в качестве международных транспортных узлов для пока еще каботажных портов Чукотки, Камчатки и Магадана.

Интерес к России как транспортному пространству между Европой и Восточной Азией будет зависеть от российской политики в сфере развития транспортной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Как естественный мост между рынками Европы и Азии, Россия обладает уникальным транспортно-транзитным потенциалом, защита которого от стратегических конкурентов и полноценная реализация являются необходимым условием успешного развития¹².

Северный морской путь (СМП) — это кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком и поэтому Россия не может упустить этот жизненно важный транспортный коридор. Ведь для обеспечения продовольствием труднодоступные регионы Дальнего Востока зимой можно использовать только СМП.

Но также СМП это еще и кратчайший путь из Европы в Азиатско-тихоокеанский регион (АТР). С учетом увеличивающегося товарооборота между рынками европейских стран и стран АТР СМП пользуется все большей популярностью у компаний-перевозчиков как самый быстрый путь. Контроль России за этим транспортно-транзитным путем благоприятно скажется на развитии дальневосточных регионов.

В частности, при использовании маршрута Роттердам-Иокогама расстояние через Суэцкий канал составляет 11,2 тыс. морских миль, а при использовании СМП — 7,3 тыс. миль. В последние годы потенциал Северного морского пути (СМП) в качестве наиболее короткого евроазиатского маршрута стал объектом повышенного интереса со стороны субъектов морского бизнеса целого ряда стран.

¹² Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике №2. 2006. Март–апрель.

В силу своего уникального географического положения Россия объективно выступает связующим мостом между Европой и Азией. Такое положение делает Россию стратегическим партнером для многих государств при осуществлении транзитных перевозок из быстрорастущих экономик Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. Эти экономики также являются ключевыми потребителями транспортных услуг в приграничных регионах России.

Число рейсов по Северному морскому пути достигает ежегодно новых рекордных значений — разрешение на проход на 2013 год получили свыше 200 судов. Увеличение перевозок связано с изменением климатических условий и таянием льдов. Но в восточном секторе пути по-прежнему не хватает инфраструктуры.

Севморпуть начал эксплуатироваться в 1933 году. Пик перевозок пришелся на 1987 г. — 6579 тыс. тонн, минимум был отмечен в 1998 г. — 1458 тыс. тонн.

Маршрут рассматривался как альтернатива транспортным артериям, проходящим через Суэцкий или Панамский каналы. Он является кратчайшим путем между портами стран Западной Европы, России, Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии. В среднесрочной и долгосрочной перспективе эксперты

прогнозируют дальнейший рост арктического судоходства. Севморпуть может привлечь четверть от всего объема торгового судоходства между Азией и Европой к 2030 году¹³.

Использование Севморпути значительно сокращает время в пути для судна, а также потенциально может снизить стоимость доставки грузов. Например, расстояние проходимое судами из Мурманска в Иокогаму через Суэцкий канал составляет 12 840 миль, а Северным морским путем — всего 5770 миль; путь из порта Роттердама через Суэцкий канал — 11 250 миль, а Северным морским путем — 7350 миль. В рейсе из Мурманска в порт Ванкувера (Канада) через Панамский канал судно пройдет 9700 миль, а Северным морским путем — лишь 5400 миль. Проводка из Роттердама в Ванкувер через Панамский канал составит 8920 миль, а Северным морским путем — 6980. По словам Усова, экономия за рейс с 200 тыс. тонн груза, например, из Норвегии в Японию может составить около \$500 тыс., а сокращение времени пути — 15 суток.

Начало систематическому использованию СМП иностранными судоходными компаниями было положено летом 2009 г., когда два судна немецкой компании «Beluga Group» доставили около 5 тыс. т коммерческого груза из Пусана (Южная Корея) в Новый порт, расположенный в Обской губе. С этого момента спрос на использование СМП стал все больше возрастать. Если в 2010 г. в Арктике транзитом было перевезено около 115 тыс. т грузов (из них 45 тыс. т иностранными компаниями), то к концу полярной навигации 2011 г. — уже 674 тыс. т, из которых на долю иностранных перевозчиков пришлось почти 500 тыс. т. Если функционирование арктической морской транспортной системы станет прибыльным, оно сможет дать синергетический эффект для развития смежных отраслей, а также стимулировать развитие инфраструктуры в российских регионах,

¹³ Дашковский И. Торговцы перекроют карту мира // РБК. 2011. 29 августа.

расположенных вдоль всего побережья Северного Ледовитого океана¹⁴.

Оценки готовности, как инфраструктуры, так и маршрута для превращения СМП в полноценный транспортный коридор сильно разнятся. Если в оценках готовности береговой инфраструктуры Севморпути многие эксперты соглашаются, что она не готова к серьезному увеличению объема перевозок. Из-за того, что на протяжении всего маршрута работают два больших и пять небольших портов. И если европейская часть Севморпути, западнее Архангельска, работает активнее, потому что на нее и приходится рост трафика, то восточный сектор — от Дудинки до Чукотки — это практически «мертвая зона».

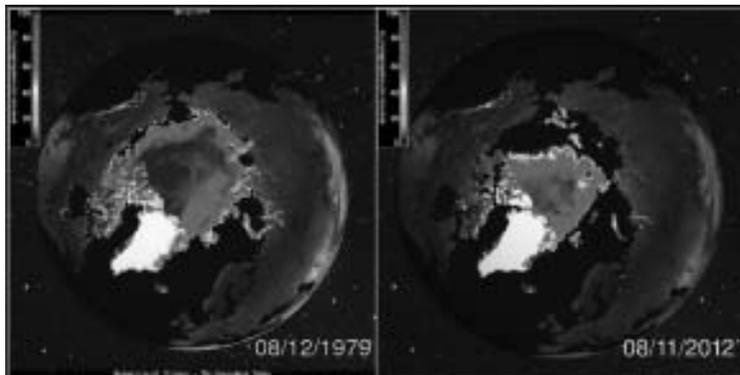
Вопрос о беспрепятственном судоходстве из-за интенсивного таяния льдов вызывает больше вопросов. В 2013 году ледокольные проводки летней навигации показали, что ледовая обстановка на ряде участков сложнее, чем в предыдущем 2012 году, и несколько снижает скорость прохождения судов — о таких данных свидетельствовали проводки атомных ледоколов «Вайгач» и «Ямал»

С другой стороны, последние 15 лет уровень таяния арктических льдов достигает своего исторического минимума. Считается, что в Арктическом регионе расположено около 30% мировых неразведанных запасов природного газа и около 13% неразведанных запасов нефти. Кроме того, Северный морской путь через Арктику может стать альтернативным маршрутом для перевозки энергоресурсов, предоставив импортерам и экспортерам хорошую возможность уменьшить свою зависимость от таких нестабильных морских путей, как Ормузский и Малаккский проливы.

Тем не менее, спрос на транспортно-логистические услуги и транспортные перевозки между регионами АТР и Европой

¹⁴ Мнение: Арктика – вот настоящий банк России // ИА REGNUM. 2013. 19 марта.

будет только расти. Российские и зарубежные государственные и частные компании продолжают развивать свой флот и навыки прохождения по Северному морскому пути.

При этом следует сразу отметить, что интерес западные компании проявляют, несмотря на отсутствие в России практики выдачи разрешений иностранным судам на северную навигацию.

Строительство нового морского порта Сабетта, предназначенного для обеспечения перевалки углеводородного сырья Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения на Ямале и поставок природного газа, нефти и газового конденсата морским транспортом в страны Западной Европы, Северной и Южной Америки и страны Азиатско-Тихоокеанского региона осуществляется в соответствии с распоряжением правительства России от 13.07.2012 №1259-р.

20 июля 2012 года состоялась торжественная закладка порта Сабетта, расположенного в 5 километрах к северо-востоку от одноименного поселка. Первые грузовые суда пришвартовались к причалу порта Сабетта в октябре 2013 года. Арктический аэропорт Сабетта на Ямале будет введен в эксплуатацию в конце 2014 года. Аэродром будет принимать самолеты практически всех типов, включая тяжелый транспортник Ил-76. Аэропорт

будет удовлетворять всем требованиям, которые применяются к аэропортам международного класса.

Планируется строительство завода по сжижению газа рядом с поселком — первую очередь планируют запустить в эксплуатацию в 2016 году.

Новый порт на Ямале обеспечит круглогодичную навигацию по Северному морскому пути и станет ключевым элементом транспортной инфраструктуры проекта «Северный широтный ход», в основе которого — пуск в 2016 году завода по сжижению природного газа на базе Южно-Тамбейского месторождения¹⁵.

Международные организации также проявляют интерес к СМП. Так в августе 2013 г. Генеральный секретарь Международной морской организации (ИМО) Коджи Секимицу лично прошел по СМП и увидел процесс организации ледового плавания судов и ледокольной проводки судов.

А именно был совершен пятидневный переход из порта Диксон в порт Певек на атомном ледоколе «50 лет Победы», который обеспечивает ледокольную проводку судов в акватории СМП.

Миссия Коджи Секимицу связана с возросшим интересом судоходной индустрии к СМП и другим арктическим судоходным путям и весьма актуальна для ИМО, которая в настоящее время завершает разработку Полярного Кодекса — обязательного инструмента ИМО для судов, плавающих в полярных водах, включая СМП. Российские меры по организации плавания судов во льдах могут лечь в основу Полярного Кодекса¹⁶.

Также обсуждались вопросы логистики и организации снабжения судов при плавании в ледовых условиях Арктики, необходимость специальной подготовки и квалификации экипажей судов, совершающих плавание в ледовых условиях,

¹⁵ Дноуглубительные суда готовятся к переходу из Мурманска в Сабетту // ИА «Би-порт». 2013. 24 июля.

¹⁶ Koji Sekimizu Northern Sea Route, Days 4 and 5, 18–19 August 2013

меры адекватного обеспечения ледоколами для поддержания судоходства, меры безопасности мореплавания и реагирования на возможные разливы загрязняющих веществ, организацию радиосвязи при бедствии и многие другие вопросы. Важнейшим вопросом для совместного обсуждения является статус и ответственность прибрежного государства при организации плавания судов в покрытых льдами акваториях в свете норм, установленных Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г.

Международная морская организация — специализированное агентство системы Организации Объединенных Наций, предназначенные для глобального регулирования вопросов безопасности мореплавания, защиты морской среды от загрязнения с судов, защиты морского судоходства от актов незаконного вмешательства. Международные конвенции, кодексы, принимаемые в рамках деятельности ИМО, являются обязательными для выполнения всеми судами, независимо от национальной принадлежности. Коджи Секимицу избран генеральным секретарем ИМО в ноябре 2011 года и приступил к своим обязанностям с 1 января 2012 года.

Также оценки российских государственных ведомств в основном позитивны. По оценкам Министерства экономического развития Мурманской области, в 2012 г. по СМП удалось перевезти транзитом более 1,5 млн т навалочных грузов и около 1 млн т нефти. В свою очередь, «Атомфлот», оператор отечественного ледокольного флота, заявляет о готовности обеспечить проводку любого количества судов по морским трассам Арктики. Здесь следует учитывать, что при всей своей уникальности наикратчайшие маршруты в Арктике не могут быть интересны всем судоходным компаниям. Следовательно, при определении целевой аудитории для СМП должны быть сформулированы релевантные критерии отбора. К их числу можно отнести следующие: межрегиональный/глобальный характер бизнеса компании; специализация (полная или частичная)

на грузоперевозках по линии Европа–Азия либо стремление начать освоение азиатского/европейского рынка; наличие в составе флота компании судов ледового класса (не ниже 1А по классификации Det Norske Veritas) и/или водоизмещением не менее 10 тыс. т¹⁷.

Применив указанные выше критерии для определения круга пользователей СМП, можно получить список с весьма широкой географией. Помимо официально признанных полярных держав (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания) в него попадут компании-перевозчики из Греции, Польши, ФРГ, Нидерландов и Бельгии. В Азии же интерес к СМП демонстрируют судовладельцы Южной Кореи, Японии и Китая. Например, среди иностранных компаний, которые собираются подать заявки на использование СМП в 2012–2014 гг., фигурируют немецкая «Oldendorff Carriers», южнокорейская «Hyundai Merchant Marine» и норвежская «Knutsen OAS Shipping». Полный перечень заинтересованных субъектов, естественно, окажется гораздо длиннее¹⁸.

Южная Корея уже поставляет в Финляндию авиационное топливо по Северному морскому пути. Переход из Азии в Европу вдоль арктического побережья России занимает две трети времени, необходимого для перехода по традиционному маршруту через Суэцкий канал. Авиационный керосин — основной груз иностранных транспортов, везущих грузы по российскому Севморпути. По этой трассе в высоких широтах керосин поступает с завода в южнокорейском Йосу в финский порт Порвоо. Танкер «Stena Poseidon» стал первым в этом сезоне судном, прошедшим Северным морским путём без захода в российские порты. В июле танкер доставил в Порвоо груз авиационного керосина из Йосу, Южная Корея. В сентябре

¹⁷ Тулупов Д. Потенциал Северного морского пути // РСМД. 2012. 9июля.

¹⁸ Исаев Р.Г. Перспективы развития Северного морского пути и Мурманского транспортного узла. Отчет о результатах исследования / Мурманск. 2012. С. 19.

2012 года из Южной Кореи в Финляндию по Севморпути прошло ещё два танкера, *Marika* и *Palva*, каждый вёз в своих танках по 60–70 тыс. тонн авиационного топлива¹⁹. В общей сложности три танкера доставили в Финляндию за один сезон 129 тыс. тонн керосина. Напомним, порт Порвоо — самый крупный по грузообороту в Суоми, расположен к востоку от Хельсинки. Ежегодно через него проходит около 20 миллионов тонн сырой нефти и нефтепродуктов. Кроме трёх транзитных танкеров, по Севморпути прошло ещё 16 танкеров с грузом нефтепродуктов для российских портов. По информации Росатомфлота, с начала навигации 2012 года по Северному морскому пути перевезли 742 049 тонны нефтепродуктов — 522 263 тонны с запада и 229 786 тонн с восточного направления. По трассе в высоких широтах везут дизтопливо, авиационный керосин, газовый конденсат и другие грузы²⁰.

В сентябре 2013 г. танкер-афрамекс «Залив Амурский» ледовый класс 1С (DNV) вышел в свой первый арктический рейс из порта Онсан (Корея) в порт Роттердам (Нидерланды).

ПРИСКО считает, что в ближайшем будущем транспортировка грузов Севморпутем между Европой и портами Юго-Восточной Азии, станет серьезной альтернативой традиционным маршрутам, позволяя продолжать оптимизировать результаты коммерческой деятельности как грузовладельцев, так и судоходных компаний, несмотря на то, что для придания делу широкого размаха, потребуется комплексное решение ряда неотложных проблем.

Не отстают и китайские компании. Первое китайское коммерческое судно вышло из порта Тайцан 15 августа 2013 г. и 10 сентября 2013 г. Прибыло в Роттердам. Использование СМП позволило судну выиграть две недели пути, по сравнению

¹⁹ Nilsen Thomas. Южная Корея снабжает Финляндию авиационным топливом по Севморпути // *Varents Observer*. 2012. 26 ноября.

²⁰ Российский Северный морской путь связал Корею и Финляндию // Администрация Ненецкого автономного округа. 2012. 30 октября.

с традиционным маршрутом доставки грузов из Китая в Европу по морю через Индийский океан и Суэцкий канал (45–48 дней). Любая возможность сократить пребывание груза в пути означает существенное снижение издержек для судовладельцев, импортеров и, соответственно, потребителей.

Китай с 2012 г. развернул самую бурную деятельность в Арктике по сравнению с остальными внерегиональными державами (Японией, Южной Кореей, Сингапуром). Как ни парадоксально, но наиболее пассивными игроками выступают «тяжеловесы» — Россия, США и Канада, на долю которых приходится подавляющая часть сконцентрированных в регионе ресурсов²¹.

Арктическое судоходство интересно Исландии, которая рассматривает возможность строительства арктического незамерзающего порта на северо-востоке страны.

На XVIII съезде КПК было объявлено о том, что КНР является великой морской державой. КНР имеет один ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон»), который проходит по Севморпути. Маршрут Шанхай — Владивосток — Чукотка — Мурманск — порты Норвегии — Гамбург короче на 5200 километров, чем через Индийский океан и Суэцкий канал. Это экономия топлива, оплаты труда моряков, платы за фрахт судна. Отсутствие сомалийских пиратов и очередей на проход через Суэцкий канал и оплаты за него. Проход через СМП тоже собирает ледокольный сбор и существуют издержки климатических условий, когда 8–9 месяцев в году большую часть маршрута покрывают льды. Чтобы оценить коммерческую привлекательность по настоящему, нужно эксплуатировать транспортную артерию года три. Но в любом случае этот путь сможет взять только часть международной торговли КНР. Большие объемы морских перевозок Китая связаны с транспортировкой нефти, а это суда

²¹ Тулупов Д. С. Арктическая дипломатия — новый феномен мировой политики // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа.

из арабских стран по Индийскому океану, а также из Африки, например, из Анголы. КНР рассчитывает примерно одну пятую часть своей внешней торговли перевалить на Северный морской путь.

На данный момент Южная Корея использует Южный морской путь для того, чтобы осуществить экспорт и импорт своих товаров в Европу. Использование же СМП позволит значительно сэкономить ресурсы и финансовые средства. Мурманск имеет все шансы стать центром логистики и транспортных перевозок. Правительство Мурманской области привлекает и поощряет корейских бизнесменов для участия в различных проектах на территории Мурманской области²².

С начала XXI века международное взаимодействие и сотрудничество в Арктике неуклонно расширяется. За сравнительно небольшой период с 2006 по 2014 гг. процесс приобрел системные очертания. Главным признаком тому служит массовое утверждение заинтересованными государствами концепций освоения этого региона. Из анализа содержания этих документов следует, что большая часть ключевых задач сосредоточена во внешнеполитической плоскости, а значительную роль в их реализации играет «арктическая дипломатия».

Среди стратегических конкурентов в борьбе за обладание Арктическим транспортным коридором можно назвать страны Арктического совета и Китай, который в последнее время начал проникновение в Арктику. По оценкам некоторых экспертов к 2020 году по арктическому маршруту пойдет 15% китайской внешней торговли²³.

Норвегия вместе со своими скандинавскими партнерами стремится обеспечить утверждение Арктического совета в роли ведущего центра принятия региональных решений. Одной из

²² Южная Корея пойдет Северным морским путем // ИА «Федералпресс». 2013. 31 июля.

²³ Рогов С. М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая.

практических мер в данной области стало размещение в Тромсё, неофициальной столице норвежского Заполярья, постоянного секретариата этой структуры.

Отдавая должное Арктическому совету, Норвегия не отказывается и от других инструментов регионального сотрудничества, как, например, Совет Баренцева-Евроарктического региона, созданный по ее инициативе в 1993 г., а также программа «Северного измерения», являющаяся своеобразным окном в Арктику для Европейского союза. Параллельно Осло развивает активную деятельность в рамках Международной морской организации, где лоббирует принятие Кодекса полярного мореплавания (Polar Code), который будет включать экологические и технические стандарты для судоходства в Арктике, обязательные для всех заинтересованных держав. Можно выделить главную характеристику современной арктической дипломатии Норвегии, которая заключается в опоре на международное морское право и в частности на Конвенцию ООН 1982 года. Данный документ предоставляет Осло отличную возможность для широкого маневра в реализации стратегических приоритетов морской политики.

Значительные успехи норвежской арктической дипломатии, достигнутые в 2006–2010 гг., стали мощным стимулом для других полярных держав, которые также начали предпринимать меры по внешнеполитическому обеспечению стратегических интересов в Арктике. В частности, широкое распространение получила практика утверждения всеобъемлющих концепций освоения региона, ведущую роль при этом в большинстве случаев играли именно внешнеполитические ведомства. Так, в середине мая 2008 г. внешнеполитическое ведомство Дании публикует проект арктической стратегии под названием «Арктика в переломную эпоху».

В других скандинавских странах разработка программ освоения Арктики также отнесена к компетенции министерств иностранных дел. Например, в Финляндии документ был при-

нят в июне 2010 г., в конце марта 2011 г. основы национальной арктической политики утверждены парламентом Исландии, наконец, в мае 2011 г. по случаю начала двухлетнего председательства Швеции в Арктическом совете состоялась презентация ее региональной стратегии.

Вторым ключевым индикатором институционализации арктической дипломатии является создание профильных административных структур в рамках внешнеполитических ведомств. Например, в Дании в январе 2012 г. для обеспечения координации арктической политики введена должность посла по вопросам Арктики. В Финляндии вся работа по подготовке концептуальных основ национальной арктической стратегии была поручена консультативной группе по вопросам Арктики, созданной в апреле 2010 г. при аппарате премьер-министра.

Институционализация арктической дипломатии нагляднее всего просматривается на примере внерегиональных заинтересованных держав. Так, в сентябре 2010 г. в структуре японского МИД появилась рабочая группа по Арктике, на которую возложен комплексный анализ и мониторинг изменений в экономике, безопасности, экологии и международном морском праве. В начале 2012 г. к ее деятельности подключился Японский институт международных отношений, который начал проведение исследовательского проекта по формулированию основных положений дипломатической стратегии Токио в Арктике.

Второй эшелон занимает группа скандинавских стран — Исландия, Дания, Швеция и Финляндия, амбиции и достижения, которых носят более умеренный локальный характер.

В Форин-офисе Соединенного Королевства компетенцией в вопросах арктической политики наделен отдел полярных регионов, который в декабре 2012 г. преобразован в департамент, получив тем самым более высокий административный статус. Фокус работы департамента полярных регионов традиционно сосредоточен на сохранении британских интересов

в Антарктиде и прилегающих к ней территорий (островов Южного Георгия и Южных Сандвичевых островов). Однако с недавнего времени арктическое направление стало занимать более заметное положение в рабочей повестке дня указанного ведомства, особенно после того как в январе 2012 г. в Палату общин был представлен проект арктической стратегии Великобритании.

Однако есть группа стран, в которых участие дипломатов в подготовке национальных арктических стратегий было сведено к минимуму. К ним относится Россия (первая редакция Основ государственной политики в Арктике разрабатывалась Советом безопасности), США (где региональные приоритеты изложены в Президентской директиве №66 в области национальной безопасности), а также Канада (подготовкой документа занималось министерство по делам индейского населения и развития Севера).

Ведомственное происхождение арктических стратегий, трех указанных стран, оказывает безусловное влияние на их содержание, которое по сравнению с подходами скандинавских государств оказывается больше ориентированным на решение внутриполитических задач. Возможно, это обусловлено относительным географическим единством России, США и Канады. В этих странах значительные по площади участки континентальной суши, имеющие большое значение для внутреннего социально-экономического развития и военной безопасности, расположены за Полярным кругом.

Под акваторией Северного морского пути понимается водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации и ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до

архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар²⁴.

234 статья Конвенции ООН по морскому праву рассматривает Северный морской путь, как исторически сложившуюся единую национальную транспортную коммуникацию России.

Международные транспортные коридоры в реальном и вероятностном формате являются необъемлемым элементом развития международной обстановки, причем техническое и политическое проектирование на этом направлении, с одной стороны, достаточно латентно, а с другой — отличается постоянством в определении целей и продвижения к ним.

²⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. №132-ФЗ вступил в силу 27 января 2013 г.

**Глава XVI.
Некоторые
конкретные сценарии
будущего развития
международной обстановки**

Искусство вождя — это, прежде всего, искусство усмотреть верную цель и указать путь к ее достижению¹

*А. Свечин,
военный теоретик*

Конкретные сценарии развития МО на современном этапе и их долгосрочный прогноз предполагают тщательный анализ десятков тысяч факторов. Причем в динамике и во взаимовлиянии их друг на друга. Это, естественно, требует огромных усилий и времени, что не всегда возможно. Поэтому нередко на концептуальном уровне, в наиболее обобщенном виде, выступают отдельные исследования, концепции или даже идеи, в которых концентрируются наиболее важные общие представления о состоянии и будущем МО.

Таких концепций, идей и сценариев сегодня великое множество, и их простое перечисление (даже перечисление коллективов, которые ими занимаются) не представляется возможным. Поэтому неизбежно приходится отбирать некоторые сценарии, ориентируясь на субъективные представления об их вероятности и возможности, реалистичности и актуальности. В данном разделе приводятся лишь некоторые из таких сценариев.

Сценарии развития международной обстановки (МО), с учетом их большего количества по сравнению со сценариями развития ЧЦ, нуждаются в определенной классификации. Видимо,

¹ Свечин А. Методы стратегического мышления / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков / ред. совет: С. В. Степашин и др. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 19.

имеет смысл разделить различные сценарии развития МО по группам в зависимости от сценариев развития ЧЦ. Как минимум, таких групп может быть три (по аналогии с группами сценариев развития ЧЦ): группа позитивных сценариев развития международной обстановки (ГПСР МО); группа негативных сценариев развития международной обстановки (ГНСР МО) и, наконец, группа нейтральных сценариев развития международной обстановки (ГНСЦР МО). Учитывая, что существует огромное многообразие сценариев развития международной обстановки, три основные группы могут и должны быть разделены на подгруппы, которые в принципе описывают весь основной спектр отношений существовавший в истории (в данном случае СССР/России и США), — от союзнических в XVIII веке и в 1941–1945 гг. XX века и партнерских — в 90-х годах XX века до открыто конфронтационных (войны в Корее, Вьетнаме, Кубинский кризис).

Кроме того, с целью повышения точности описания и возможного количественного анализа каждую из этих подгрупп можно ранжировать (например, от 1 до 3), что дает, безусловно, перспективу для дальнейшего анализа и прогноза.

Соответственно по горизонту анализа, прогноза и планирования эти группы могут быть отнесены к настоящему времени, периоду до 2030 года и периоду до 2050 годов. Эту систематизацию можно представить (также как и в случае со сценариями развития ЧЦ) в виде простой матрицы применительно к какому-либо субъекту (субъектам) МО, например, России и США. Причем эти отношения нужно рассматривать по отдельным направлениям (в данном случае — политическим).

Наверное такой анализ политических отношений не будет полностью совпадать с анализом и прогнозом отношений в военной и стратегической или гуманитарных областях, хотя, вероятно, и будет к ним близок. Для каждой из таких отдельных областей МО требуется своя матрица, определяющая свою группу сценариев. Результирующей будет общая матрица, характеризующая все группы сценариев во всех основных

областях — от политики и экономики до экономического и гуманитарного сотрудничества.

Возвращаясь к подгруппам сценариев развития МО в отношениях РФ — США, можно попытаться вычленить конкретные возможные и вероятные сценарии в этих подгруппах. Так, например, подгруппа «враждебные» сценарии МО в настоящее время представлена, естественно, единственным сценарием развития отношений США и России, который можно назвать сценарием **«провоцирования военно-политического конфликта России с Западом»**. Этот сценарий должен быть описан в определении противоречий государственных интересов США и России в разных областях (как это показано в начале раздела в «Матрице интересов государств формирующих международную обстановку (МО)»).

Реализация такого сценария, естественно, возможна и вероятна в самых различных формах. Выбор одной из таких форм будет зависеть от многих факторов, в частности, от готовности идти на риск. Если (с точки зрения готовности рисковать) выбран наименее рискованный сценарий, то он может (и, вероятно, будет иметь форму «провоцирования международного конфликта», когда США непосредственно не вовлечены в военное противостояние с Россией, «делегировав» это право своим союзникам по НАТО).

16.1. Сценарий искусственного провоцирования междивизиационного конфликта²

Междивизиационные противоречия и борьба в XXI веке могут достигать таких масштабов и интенсивности, когда

² **Провоцирование международного конфликта** — зд. использование частной ситуации или искусственное создание такой ситуации для эскалации конфликта.

в политических целях может потребоваться резкое осложнение международной обстановки для оправдания, подготовки войны, или, когда использование военной силы в международных отношениях в той или иной форме выглядит оправданным. Такое искусственное осложнение МО может преследовать, в конечном счете, активизацию использования военной силы в ее двух основных формах:

- косвенной, используя политико-психологические угрозы, когда противник понимает, что должен изменить свою политику, пойти на уступки, компромиссы, либо даже признать поражения, опасаясь военного поражения;
- прямой, то есть непосредственной угрозы эскалации вооруженного насилия, когда ВС уже начали непосредственные военные действия³.

Типичным примером такого поведения стала политика США, Литвы, Польши и ряда других стран во время военного конфликта на Украине, когда, например, президент Литвы Д. Грибаускайте весь 2014 год последовательно и очень настойчиво выступала в качестве провокатора, за которой стояли США. Если после Вильнюсского саммита 2013 года, когда Украина отказалась подписать договор об ассоциации с ЕС, именно она заняла жесткую антироссийскую позицию, озвучивая «наработки» США⁴, то к осени 2014 года эта последовательная провокационная позиция привела к тому, что на саммите ЕС ею была озвучена инициативе «оказать Украине военную помощь и признать, что Россия ведет войну с Украиной и ЕС»⁵.

Этот частный случай с Литвой весьма показателен потому, что фактически это государство озвучивает реальный сценарий

³ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

⁴ Палюкович И. Зачем Литве Украина? // Военно-политическое обозрение. 2014. 29 января / ИТАР-ТАСС. 2014. 30 августа / <http://itar-tass.com/>

⁵ Арутюнян А., Дубровин Д. Литва готова помогать Украине и призывает оказывать ей помощь // ИТАР-ТАСС. 2014. 30 августа / <http://itar-tass.com/>

желаемого для США развития МО. Он вполне укладывается в рамки не только стратегии противоборства локальных цивилизаций и борьбы за лидерство России и США, но и в более широкий контекст цивилизационной политики США по отношению к большому числу «несостоявшихся» государств. Целью такой политики является «выделение» и «обоснование неполноценности и неправомерности существования многих «неприятных» США государств. На фоне кардинальных изменений в системе международных отношений — завершения блокового противостояния, снижения риска глобальной войны — в мире стремительно набирали силу процессы, свидетельствовавшие о возрастающей уязвимости и убывающей жизнеспособности отдельных государств и целых регионов.

Достаточно вспомнить, что на этот период пришёлся распад целой группы государств, входивших в социалистическое содружество. Однако если бывшие соцстраны нашли (хотя и далеко не всегда), новые формы государственного устройства, то в условиях набравшей темпы глобализации многие государства Азии и Африки оказались «выпавшими» из процесса мирового развития и вплотную приблизились к критическому порогу, ставившему в практическую плоскость вопрос их существования.

Весьма широким остается разброс мнений относительно «наполнения» этого понятия. Так, например, швейцарский исследователь Д. Тюрер исходит из того, что «несостоятельные государства» представляют собой «продукт распада государственных структур, обеспечивающих законность и порядок». По его мнению, подавляющее большинство «несостоявшихся государств» представляют собой образования с «агрессивными, волюнтаристскими или тоталитарными» режимами власти. А сотрудник берлинского фонда «Наука и политика» У. Шнеккенер под термином «несостоявшееся» понимает государство, «утратившее способность управления в главных сферах компетенции», к которым он предлагает относить «монополию на

применение силы, государственные услуги в различных сферах, механизмы распределения экономических ресурсов, участие населения в политике и процедурах принятия решений, стабильность политических институтов». Он выделяет три типа государства: «слабые государства» (weak states), «деградирующие или не справляющиеся со своими функциями государства» (failing states), и собственно «несостоявшиеся государства» (failed states)⁶.

«Мощный импульс теоретической разработке проблемы «несостоятельности» государств в последние годы придала востребованность подобных исследований со стороны правящих кругов Запада, в первую очередь США, пытавшихся использовать реальные и мнимые угрозы, порождаемые этим явлением, в своих стратегических интересах. При администрации Дж. Буша-младшего, а затем и Б. Обамы государства с ярлыком „несостоявшихся“ объявлялись рассадниками терроризма, угрозой мировому сообществу и включены в число приоритетных проблем национальной безопасности США. В недавнем прошлом это послужило обоснованием для ввода войск в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003»⁷.

Кроме того, искусственное осложнение МО может использоваться во внутривнутриполитических целях — борьбы за власть, изменения системы управления, перераспределения ресурсов и т. д. Особенно часто к таким провокациям прибегают в период обострения дискуссий о военных бюджетах. В любом случае, в развитии того или иного сценария МО случайные инциденты, конфликты и даже претензии играют сугубо подчиненную роль: когда государствам выгодно, они превращают в повод любое событие для улучшения или ухудшения отношений, которые фундаментально зависят от тех или иных интересов и политических целей.

⁶ «Несостоявшиеся» государства в планах Вашингтона / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2014. 31 августа / <http://topwar.ru/>

⁷ Там же.

Конфликт на Украине 2014 года показал качественно новую роль информационных средств, которые превратились фактически в силовые инструменты политики. Быстро развивающийся процесс российской самоидентификации, который сопровождается идеями укрепления государства и его институтов и создания «российского ядра» евразийской интеграции, абсолютно не воспринимается на Западе. И отнюдь не потому, что это, как говорят некоторые, рассматривается в качестве «интеллектуальной архаики»⁸, но потому, что эта политика угрожает самим основам политики глобализации, проводимой западной локальной цивилизацией — подчинению своим нормам, принципам, правилам, системе ценностей и, в конечном счете, интересам западной локальной цивилизации. Собственно говоря, именно такой конфликт в идеологической, ценностной и политико-геополитической области стал основой конфликта на Украине. Причем политико-идеологические средства провокации в этом конфликте стали играть ведущую роль.

Противоречия на уровне локальных цивилизаций большого масштаба неизбежно трансформируются в непримиримые противоречия в международных отношениях и формируемом сценарии МО, а также как следствие, в военно-политической области. Для этого могут быть использованы любые имеющиеся или искусственно создаваемые поводы, основания для которых всегда существуют в современной жизни. Такие поводы и объективные обстоятельства вытекают как из сложившихся в конкретное время МО и ВПО, так и искусственно создаваемых внешних угроз и опасностей. В целом ряде случаев тому или иному государству выгодно либо использовать уже имеющиеся угрозы в качестве повода, либо трансформировать внешние вызовы и угрозы в непосредственные поводы.

⁸ Зевелев И. Границы русского мира / Россия в глобальной политике. Т. 12. № 2. 2014. Март–апрель. С. 35.

Учитывая решающую роль, которую в XXI веке играют в политических и военных конфликтах СМИ и другие средства информационно-психологической войны, можно сделать вывод о том, что политические и военные провокации, растиражированные СМИ, становятся мощным инструментом влияния на оппонентов и на мировое сообщество. Причем суть, содержание такого повода, как правило, имеет мало значения. Как показал конфликт на Украине 2014 года, — повод может быть любой. В том числе и искусственный. Важно то, насколько эффективно — оперативно, массированно, безапелляционно и т. д. — он используется, когда необходимо сознательно исказить реальность.

Другая сторона вопроса — сохранение контроля над провоцированием конфликтов и эскалаций политических и военных рисков. Очевидно, что та сторона, которая готовит и использует провокации, хочет сохранить контроль над эскалацией рисков и конфликта. Только сохранение такого контроля позволяет использовать военную силу как политическое средство в ее косвенной (невоенной) форме, что и является, собственно говоря, целью подобной провокации. Если это удастся, то политическая цель достигается с минимальными материальными затратами, которые в 10–100 раз меньше, чем затраты при непосредственном применении военной силы, а риски несопоставимо ниже. Это предполагает, что провоцирующая сторона сохраняет контроль над эскалацией, в том числе в том случае, когда конфликт уже начался, что крайне трудно, если вообще возможно. Тем не менее, этой проблеме на Западе уделяется много внимания и, естественно, требуется, чтобы и в России существовали механизмы контроля над политическими и военными рисками и эскалацией, которые не ставили бы ее в заведомо ущербную позицию. Так, некоторые российские исследователи понимают логику этой ситуации так, как это показано на следующей схеме⁹.

⁹ Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. №6. С. 36.

Общие методологические подходы к анализу военно-политических рисков

Рис. 16.1

Вместе с тем авторы излишне оптимистично считают, что в основе таких прогнозов могут лежать социально-экономические прогнозы: «Прогнозы социально-экономического развития государства включают данные комплексного анализа демографической ситуации, состояния научно-технического потенциала, накопленного национального богатства, социальной структуры, внешнего положения Российской Федерации, состояния природных ресурсов и перспектив изменения указанных факторов. Прогнозы социально-экономического развития основываются на результатах анализа и оценки системы демографических, экологических, научно-технических, внешнеэкономических, социальных, а также отраслевых, региональных и других показателей, характеризующих наиболее общественно значимые сферы деятельности государства. Прогнозы разрабатываются в нескольких вариантах с учетом

вероятностных показателей последствий воздействия внешних военных, внутренних, внешнеполитических, экономических и других факторов случайного характера»¹⁰.

На самом деле такие прогнозы абсолютно не соответствуют развивающейся действительности. На самом деле, необходим такой долгосрочный прогноз развития МО и ВПО, который мог бы системно осветить всю совокупность государственных участников МО (их более 200), а также негосударственных акторов, ведущих мировых тенденций, международных групп (союзов, коалиций) и других факторов¹¹. В этой связи можно констатировать, что социально-экономические долгосрочные прогнозы отражают лишь часть, причем не самую крупную, такой конкретной реальности, какой является МО.

В наибольшей степени в XXI веке искусственные поводы для провокаций существуют и используются не непосредственно в межгосударственных отношениях, а во внутренней политике тех или иных государств. На этом обстоятельстве важно особенно акцентировать внимание: в «чистом» виде международная провокация слишком рискованна и редко оправдывается в силу существующих международных инструментов. Другое дело, когда международная провокация вытекает, является следствием внутреннего кризиса, когда внешнее вмешательство становится «вынужденным», а, значит, «оправданным». Так, поддержка антиправительственных сил и внешнее вмешательство выглядят гораздо цивилизованнее и выгоднее, чем просто внешняя провокация. Причем риски в этом случае — минимальны: если очередная «революция роз» не приводит к захвату власти, то можно и подождать (как на Украине) до более удобного случая и вновь повторить.

¹⁰ Малышев В.П., Макиев Ю.Д., Богатырев Э.Я. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. №6. С. 29.

¹¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО. 2014.

Сказанное означает, что по сути дела исчезла граница, отделяющая понятия «война» и «не война». Если Первая мировая и Вторая мировая войны начинались после формального объявления войны и почти изначально с военных действий (хотя и в тех случаях война не начиналась автоматически), то новые войны не имеют явных или формальных границ. Никто формально не начинал войну против Югославии, Ирака, Ливии, Сирии или Украины. Политический кризис «незаметно» перетекал в политический конфликт и внутренний военный конфликт, когда со стороны и даже изнутри никто не мог этого предположить. Так, в январе 2014 года никто не предполагал, что через месяц на Украине произойдет вооруженный захват власти.

Самое благоприятное поле для «выращивания» таких поводов и последующих конфликтов, — национальная и социальные области, которые всегда могут дать «основания» для быстрого искусственного взращивания недовольства. Так, простейший социологический анализ показывает, что существуют социальные слои/группы, которые могут послужить социальной или национальной основой недовольства. Суть такого недовольства по большому счету не имеет значения. Важно, что оно может быть использовано силами извне или изнутри. Достаточно посмотреть на отдельные социальные группы и их самоидентификацию, чтобы увидеть «линии разлома»: христиане — мусульмане, русские — нерусские, отцы и дети, интеллигенты — работяги и т. д. При желании, наличии времени и средств, любую из этих социальных групп можно не только воспитать, но и ориентировать политически.

Именно это объясняет украинский феномен, когда миллионы граждан Украины, в том числе бывших советских граждан, «вдруг» оказались русофобами, создав идеальную социальную группу для провоцирования международного конфликта. Такой конфликт мог бы начаться не зимой 2014 года, а в 2015, 2016 году или даже позже, но он неизбежно бы начался потому, что на протяжении многих лет (еще со второй половины 1980-х годов

под руководством ЦК КПУ) сознательно создавался будущий территориальный и социальный плацдарм против России.

Спонтанная самоидентификация

Представьте себя частью одной или нескольких групп, наиболее близких вам по духу. Какие это будут группы?

в % от опрошенных, не более трёх ответов, открытый вопрос

Рис. 16.2¹²

Для того чтобы наиболее точно определиться с избранной социальной группой и работать с ней целевым образом, затрачивая наиболее эффективно выделенные ресурсы, требуется очень точно определиться с возрастной категорией граждан. Так, революция 1968 года в Париже была сделана студентами, антивоенные протесты начала 1970-х годов в США — интеллектуалами, «перестройка» в СССР — либеральной номенклатурой и интеллигенцией. В России эта ситуация упрощается определенным совпадением возрастных групп и их политической ориентацией (рис. 16.3).

Таким образом, сценарий провоцирования конфликта можно рассматривать как один из вероятных сценариев развития МО. Исследуя этот сценарий, можно сделать несколько

¹² Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf

Рис. 16.3

выводов применительно к последствиям его реализации для международной обстановки.¹³

1. Сценарий, реализуемый в настоящее время западной цивилизацией, прежде всего США, направлен на искусственное осложнение ситуации в мире и в Евразии посредством усиления конфронтации и провоцирования прямых политических и вооруженных противоборств на континенте в его самых различных регионах:
 - Центральной Европе (Украина (ЕС) — Россия);
 - Ближнем Востоке (Сирия, Израиль, Палестина, Египет);
 - Среднем Востоке (Иран, Ирак);
 - Центральной Азии (Афганистан)
 - Северо-Восточной Азии (КНДР);
 - Юго-Восточной Азии (Китай);
2. России в этих планах отводится важная, но вполне ограниченная, региональная роль — «осложнения отношений» в Европе, включая Северную Европу, посредством провоцирования конфликта на Украине. При этом основной упор США делают на политической консолидации вокруг себя максимально широкого круга союзников в форме

¹³ Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf

двух будущих блоков — Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств (ТАП и ТТП), которые должны обеспечить США компенсацию потери влияния и мощи, неизбежно последующих в будущем.

Политические механизмы подчинения партнеров и союзников становятся главными инструментами сохранения американского влияния, в том числе механизмы обострения, провоцирования МО. Механизмы реализации — вполне просты и конкретны, но не примитивны. Это, прежде всего, «политическая консолидация» на базе общей системы ценностей.

Обсуждение сценариев будущего развития НАТО усилилось накануне сентябрьской (2014 г.) встречи в Великобритании Совета НАТО. Однако в принципе основные направления эволюции блока уже были понятны. Их ясно сформулировал бывший представитель МО США в Белом доме Дж. Д. Гордон:

1. Активнее разделять общее бремя. «Коллективная безопасность» должна быть коллективной, но в случае НАТО это по большей части коллективное получение американских денег», — пишет автор. Аббревиатуру ISAF — «Международные силы содействия безопасности», действующие в Афганистане, — полусхотливо расшифровывают: «Я видел, как американцы воевали».
2. «Более продуманная политика в отношении России». Совокупные оборонные бюджеты НАТО в 10 с лишним раз превышают оборонный бюджет России. Но Путин «ведет себя так, словно дело обстоит наоборот», пишет Гордон. Он советует расширить санкции и проводить больше военных учений «в Грузии, странах Балтии, Польше и даже на Западной Украине». Одновременно НАТО должно признать, что Россия обеспокоена своей внутренней безопасностью (сокращение населения и быстрый рост мусульманского населения). «Сотрудничество в космосе и в сфере противодействия общей

угрозе радикального ислама могут успокоить русских, внушив им, что НАТО им не враг».

3. «Противостояние радикальному исламу в своих странах и за границей». По мнению автора, большинство стран сильно недооценивают опасность. НАТО давно пора признать, что налицо война с западной цивилизацией.
4. Расширение НАТО. «Грузия, направившая 12 тыс. военнослужащих в Афганистан, 11 тыс. в Ирак и 160 в Центральную Африку, уже делает для коллективной безопасности больше, чем многие члены НАТО. Ее следует принять в альянс без промедления. Когда Босния-Герцеговина и Черногория будут готовы, они должны последовать за Грузией», — говорится в статье.
5. Глобализация: «страны НАТО должны быть готовы к более широкому присутствию во всем мире, чтобы отстаивать свободу». И это — главное направление в развитии НАТО, которое можно показать на следующей логической схеме перспективного развития блока (рис. 16.4). «Чтобы сохранить жизнеспособность, НАТО должно адаптироваться к современным реалиям»¹⁴, — заключает бывший представитель МО США.

Рис. 16.4

¹⁴ Гордон Дж. Д. НАТО чахнет, куда идет НАТО? / The Washington Times. 2014. 21 августа / <http://eurasian-defence.ru/>

В том или ином виде дискуссия вокруг НАТО ведется в рамках общей концепции ее глобализации. Об этом, кстати, следует напомнить тем экспертам и политикам, которые последние десятилетия без конца говорили о «политизации», «кризисе» и «отмирании» НАТО, потому, что сознательно или невольно они вводили в заблуждение лиц, принимающих политические решения и общественность — научную и политическую.

В такой эволюции НАТО отчетливо просматривается не только политический, но и военный аспект, когда блок ориентируется не вообще «на оборону», а против конкретных противников. Так, в большом интервью центральной датской газете *Morgunblaðið* (14.08) уходящий в отставку Генеральный секретарь НАТО Расмуссен выделил «три основные стоящие перед НАТО задачи:

1. Укрепление коллективной безопасности, включая патрулирование воздушного пространства Эстонии, Латвии и Литвы, размещение военных кораблей в Балтийском и Черном морях и активизацию военных учений в странах Балтии и Польше;
2. Создание Украины как военной державы, интенсификация военного сотрудничества, помощь в реформировании и модернизации ее вооруженных сил;
3. Прекращение любого взаимодействия с Россией, пока она не перестанет уклоняться от следования принципам НАТО»¹⁵.

В этом смысле основная проблема России в отношениях с западной локальной цивилизацией (США–ЕС–НАТО) заключается в ее готовности демонстрировать публично свой суверенитет и независимую внешнюю политику, противопоставлять себя в качестве самостоятельного центра силы.

¹⁵ Россия готова к капитуляции / Эл. ресурс: «ИНССМИ». 2014. 21 августа / <http://inosmi.ru/>

3. Последующее развитие этого сценария предполагает (до 2030 годов) усиление его военно-силовой составляющей и превращения враждебных отношений в Евразии в открыто провоцируемые конфронтационные и вооруженные конфликты. Обострение этих отношений до прямого военного противостояния необходимо США с целью сохранения своих позиций безусловного лидера, который ради этого готов идти на военный конфликт.

Объяснение такой политики может быть следующим: до 2030 годов США будет сохранять экономическое, технологическое и военное лидерство, которое неизбежно исчезнет, если США не удастся:

- окончательно подчинить своим интересам Европу. И не только Евросоюз, но и другие страны, включая страны Северной Европы (Норвегию, Швецию, Финляндию) и Южной Европы (Грецию), а также страны Ближнего и Среднего Востока;
 - обеспечить «нейтрализацию» России как самостоятельного цивилизационного и интеграционного центра в Евразии, способного стать альтернативой США;
 - обеспечить противодействия КНР с помощью объединенных сил Запада (Трансатлантического партнерства) и Востока (Транстихоокеанское партнерство);
 - обеспечить благожелательный нейтралитет Индии, Бразилии и других крупных нарождающихся политико-экономических гигантов.
4. В дальнейшем этот сценарий в своем развитии может предусматривать «смягчение» МО по отношению к России к 2050 годам как следствие:
 - реализации планов США сохранения своего лидерства и (в том числе устранения опасности со стороны России как одного из мировых центров) отсутствия непосредственных угроз интересам США;

- изменению соотношения сил в мире в пользу США в качестве результатов формирования проамериканских союзов и коалиций;
- как следствие военных конфликтов и войн, в результате которых США добились поставленных целей.

Соответственно, степень конфронтационности отношений США с Россией после 2030 г. до 2050 гг. может быть снижена. Теоретически даже до уровня «партнерских» отношений (при безусловном понимании того, что суть «партнерства» — подчинение интересам США ослабленной России).

16.2. Сценарий укрепления «партнерских отношений» между локальными цивилизациями

Ключевой вопрос вероятности этого сценария заключается в том, какая из тенденций, какие интересы — сотрудничества или противоборства локальных цивилизаций — будут преобладать в конкретный период времени.

Глобализация и некоторые мировые тенденции, отражающие общецивилизационные интересы и ценности, формируют определенную основу для сотрудничества локальных цивилизаций и формирования позитивного сценария развития МО. Есть основания полагать, что такая общность интересов и ценностей развивается по нарастающей. Более того, существуют оптимисты, полагающие, что эта тенденция и сценарий развития современной МО окажется, в конечном счете, доминирующим. Так, общие глобальные тренды, оказывающие воздействия на все субъекты МО и неизбежно влияющие на формирование любых сценариев, насчитываются десятками. Среди них исследователи НИУ ВШЭ выделяют те, которые перечислены в нижеследующей таблице.

Глобальные тренды, оказывающие существенное влияние на формирование новых рынков для инновационных видов продукции

Приоритетное направление	Глобальные тренды
Науки о жизни	1. Рост онкологической заболеваемости и повышение уровня смертности при онкологических заболеваниях (2019)*
	2. Рост смертности населения вследствие сердечно-сосудистых заболеваний (ИБС, инсульт) (2018)
	3. Рост заболеваний, связанных с нарушением метаболических процессов (диабет, ожирение и др.) (2020)
	4. Рост заболеваний, связанных с увеличением продолжительности жизни (болезни старения) (2025)
	5. Рост потребностей в технологиях для персонализированной медицины (2021)
	6. Рост спроса на органы и ткани для замещения (2021)
	7. Рост потребностей в материалах с новыми свойствами (2021)
	8. Развитие исследований в области регуляции экспрессии генома (2021)
	9. Развитие направленной регуляции клеточной дифференцировки (2021)
	10. Смена основных игроков (участников) на мировых рынках разработки, производства и дистрибуции (ослабление США, стран Европейского Союза, усиление Китая, Индии) (2022)
Информационно-телекоммуникационные системы	1. Повсеместный высокоскоростной доступ (2019)
	2. Исследования в области создания единой управляющей среды и единого информационного пространства транспортной инфраструктуры (среда обмена унифицированной информацией между транспортными средствами) (2020)

Приоритетное направление	Глобальные тренды	
Информационно-телекоммуникационные системы	3. Исследования в области новых принципов организации вычислений, создания вычислительных архитектур, построенных на новых парадигмах, в том числе: нейро-, био-, оптических, квантовых, самосинхронизации, рекуррентности (2022)	
	4. Исследования в области систем машинного обучения, основанных на новых методах и алгоритмах (2020)	
	5. Исследования в области коммуникационных инфраструктур с терабитовыми скоростями передачи информации (2025)	
	6. Переход к экономике, основанной на знаниях (2034)	
	7. Изменение характера и способа занятости работников (2014)	
	8. Производство и поддержание функционирования суперкомпьютеров, суперкомпьютерные вычисления (2016)	
	9. Облачные инфраструктуры, сети персональных компьютеров и мобильных устройств (2017)	
	10. Исследования в области новых интерфейсов (тактильные сенсоры, 3D — принтеры, включая bioprinting, встроенные интеллектуальные системы, интерфейсы «мозг — компьютер», аппаратные средства круглосуточного мониторинга важнейших физиологических параметров человека) (2018)	
	Новые материалы и нанотехнологии	1. Распространение технологий производства на основе молекулярной самосборки (2022)
		2. Рост спроса на новые материалы для производства товаров с принципиально новыми свойствами (2022)
3. Развитие превентивной медицины (2020)		
4. Необходимость использования и обработки промышленных и бытовых отходов (2019)		

Приоритетное направление	Глобальные тренды
Новые материалы и нанотехнологии	5. Разработка перспективных преобразователей солнечной энергии в электрическую, использующих полный спектр солнечного излучения и обеспечивающих высокий КПД и длительный ресурс работы (2021)
	6. Истощение запасов пресной воды (2024)
	7. Рост спроса на новые материалы в связи с истощением ресурсов сырья (2023)
	8. Рост потребности в хранении, обработке и передаче больших объемов данных, в том числе под действием закона Мура (2019)
	9. Рост потребности в увеличении срока активной жизни человека (2024)
Транспортные и космические системы	10. Интеллектуализация производства (2021)
	1. Ракетно-космические средства с грузоподъемностью позволяющей выведение космических аппаратов на орбиту и доставку на землю грузов (2032)
	2. Формирование систем доставки и заправки КПГ (2020)
	3. Ракетные двигатели обладающие повышенным импульсом тяги (2027)
	4. Электромобили с моторколесом (2025)
	5. Разработка схем двигателей на новых принципах получения тяги (2031)
	6. Исследование технологий беспроводной передачи энергии (2042)
	7. Эффективные конструкции ТС с традиционными ДВС (экологическая безопасность, эксплуатационная надежность, топливная экономичность) (2016)
8. Теория новых автономных энергетических систем и ресурсов для сопровождения орбитальных и межпланетных пилотируемых и автоматических полетов (2032)	

Приоритетное направление	Глобальные тренды
Транспортные и космические системы	9. Автомобили со специализированным газовым двигателем (2018) 10. Разработка конфигураций роторных и крылатых ЛА (2020)
Рациональное природопользование	1. Сокращение доступности пресной воды и увеличение конкуренции за воду в трансграничных речных бассейнах (2022) 2. Рост нефтегазодобычи на шельфе, ускоренное освоение Арктики (2027) 3. Увеличение затрат на охрану окружающей среды (2028) 4. Рост мирового спроса на продукты питания (2022) 5. Изменения климата, в т. ч. увеличения интенсивности опасных и экстремальных гидрометеорологических процессов (2023) 6. Развитие методов оценки природного и антропогенного риска (2019) Истощение запасов некоторых стратегических минеральных ресурсов (нефть, фосфориты, редкие металлы и др.) (2024) 8. Экологизация экономики и «зеленый рост» в развитых странах мира (2020) 9. Увеличение доли городского населения (рост потребления энергии, воды и др. ресурсов, производства отходов) (2023) 10. Развитие технологий экологически безопасной утилизации отходов и обезвреживания токсикантов (2019)
Энергетика и энергоэффективность	1. Рост мирового энергопотребления (2023) 2. Повышение параметров теплоэнергетических установок и рост их КПД (2020) 3. Истощение дешевых запасов традиционных углеводов (2026)

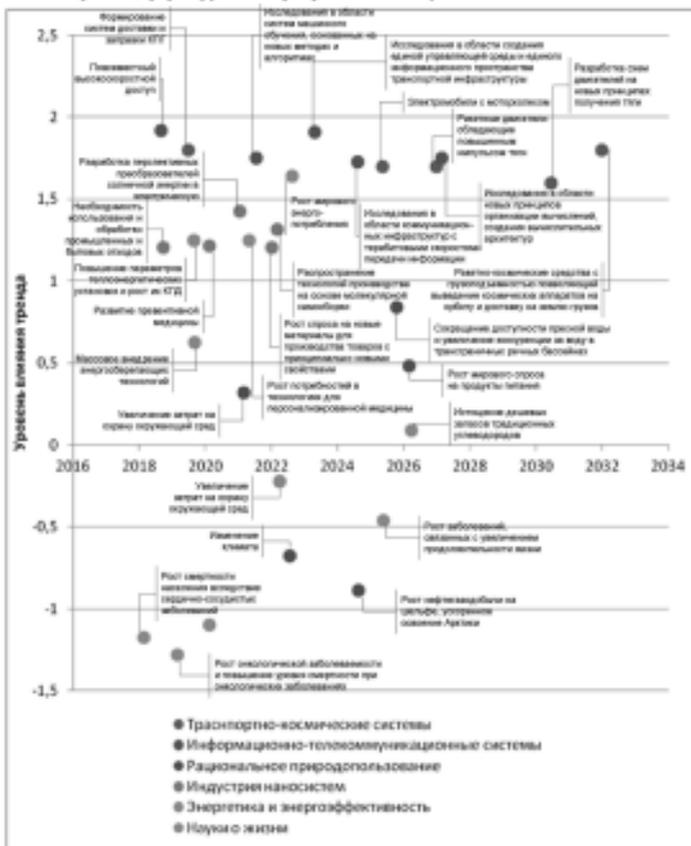
Приоритетное направление	Глобальные тренды
Энергетика и энергоэффективность	4. Увеличение затрат на защиту окружающей среды (2022)
	5. Массовое внедрение энергосберегающих технологий (2020)
	6. Рост себестоимости добычи топлив (2023)
	7. Ужесточение экологических требований к энергетике (2021)
	8. Увеличение объемов использования ВИЭ и улучшение технико-экономических показателей соответствующих технологий (2024)
	9. Формирование и развитие мирового рынка СПГ (2020)
	10. Изменение климата (рост концентрации парниковых газов в атмосфере, увеличение среднегодовой температуры на планете и др.) (2024)

*В скобках приведена экспертная оценка срока наступления максимального эффекта от действия тренда.

По результатам опросов экспертов, для каждого приоритетного направления были получены следующие результаты:

- оценка степени влияния различных тематических областей и пакетов технологий на глобальные тренды, вызовы и окна возможностей;
- периоды времени, в которые рассматриваемые вызовы и тренды могут проявиться в наибольшей степени;
- перечни тематических научно-технологических областей и пакетов технологий, оказывающих максимальное влияние на вызовы, тренды, окна возможностей;
- оценки возможностей паритетного участия России в развитии науки и технологий по приоритетным направлениям;
- перечни «белых пятен» — областей, в которых уровень исследований и разработок значительно уступает мировому, но развитие которых критически важно для России;
- перечни стран, с которыми кооперация российских ученых будет наиболее эффективной.

ТОП-5 трендов, формирующих приоритеты для научно-технологических областей

Итоговые результаты были одобрены в экспертном сообществе, в том числе в рамках международной конференции «Foresight for innovative responses to grand challenges», организованной НИУ ВШЭ совместно с ОЭСР, которая прошла в Москве 18–19 октября 2012 года¹⁶.

¹⁶ Долгосрочный прогноз важнейших направлений научно-технологического развития на период до 2030 года. Аналитическое резюме. 2013. 8 февраля / <http://www.hse.ru/>

Естественно, что чем выше цивилизационный и национальный научный потенциал, тем больше шансов у той или иной нации стать лидером в XXI веке. Соответственно, чем выше способность цивилизации/нации использовать мировые достижения и эффективнее сотрудничать, тем больше шансов сохранить (добиться) мирового лидерства. Тем более что общемировые глобальные тенденции развития неизбежно совпадают с трендами развития локальных цивилизаций, что хорошо видно, например, на сопоставлении различных демографических сценариев развития человечества.

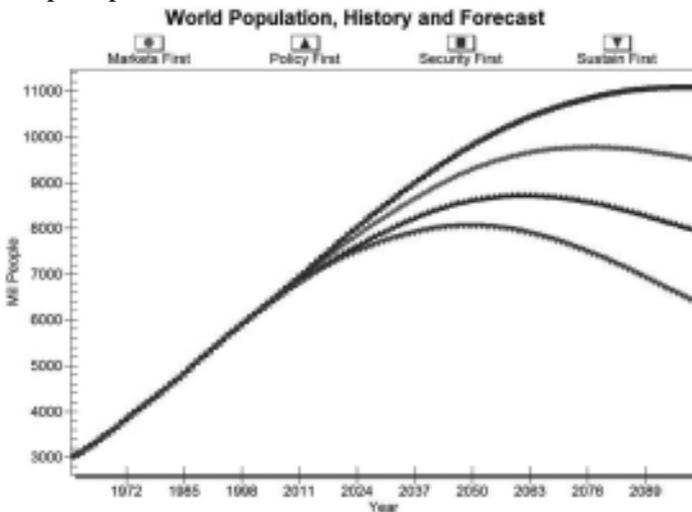

Рис. 16.5¹⁷

Можно констатировать в данной связи, что развитие сценария, условно называемого «укрепление партнерских отношений» между локальными цивилизациями, практически крайне маловероятно, однако возможно. Вместе с тем необходимо

¹⁷ Forecast of world population for four UNEP scenarios from 1960–2100 / http://en.m.wikipedia.org/wiki/International_Futures

разделять развитие сценариев сотрудничества в МО внутри отдельной локальной цивилизации и между локальными цивилизациями. Сценарии внутри одной локальной цивилизации могут варьироваться от откровенно враждебных до партнерских и дружеских, но партнерские отношения между локальными цивилизациями, как правило, трудно прогнозируемы и недостижимы в условиях нарастающего межцивилизационного противоборства.

Рис. 16.6

Как видно на рисунке 16.6, внутри одной (в данном случае исламской) локальной цивилизации находится крайне ограниченное число форм сотрудничества. Примером развития сценария сотрудничества в рамках существующей и будущей МО могут стать взаимоотношения внутри западной локальной цивилизации, которое в целом успешно развивается в последние десятилетия и имеет четкую перспективу расширения.

Соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (СТТИП) потенциально явится такой договоренностью между Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом, в соответствии с которым стороны попытаются устранить большинство тарифных и нетарифных барьеров и повысить уровень и степень экономического сотрудничества. Уже состоялось несколько раундов переговоров, а само соглашение стороны планировали подписать

к концу 2014 года¹⁸, — считает эксперт МГИМО профессор Т. Полякова.

На долю экономических связей между Соединенными Штатами и Европейским союзом приходится половина мирового объема производства и почти один триллион долларов, или одна треть общего объема мировой торговли товарами и услугами. В совместном заявлении от 13 февраля 2013 г. Б. Обама, Ж. Баррозу и председатель Европейского совета Херман ван Ромпей подчеркнули, что они полны решимости сделать экономические отношения «еще более мощной движущей силой нашего процветания»¹⁹. Предлагаемое партнерство будет стимулировать либерализацию торговли и инвестиций и решит проблему регулятивных и прочих нетарифных барьеров.

Посредством этих договоренностей Соединенные Штаты и Европейский союз получают возможность не только расширить трансатлантическую торговлю и инвестиции, но и способствовать разработке глобальных правил, которые могут укрепить многостороннюю торговую систему на условиях СТТИП. Соглашение может оказать влияние на мировую торговлю посредством разработки правил и принципов в таких областях, как рыночное регулирование деятельности государственных предприятий, противодействие дискриминационным требованиям отдельных стран, ограничивающим торговлю, и стимулировать глобальную конкурентоспособность малых и средних предприятий.

Планы по заключению всеобъемлющего торгового соглашения между сторонами рекомендованы в США

¹⁸ Полякова Т. Н. Переговоры ЕС и США о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Аналитические записки. М.: МГИМО. 2014. Август. С. 3–4.

¹⁹ Statement from United States President Barack Obama, European Council President Herman Van Rompuy and European Commission President Jose Manuel Barroso. Brussels/Washington, 13 February 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-94_en.htm

Трансатлантическим экономическим советом (Transatlantic Economic Council), проведшим независимые исследования²⁰. В Европе также проведен ряд исследований, которые в целом подтверждают выгоды заключения такого соглашения. Как ожидается, СТИП принесет значительные экономические преимущества, как Соединенным Штатам, так и Европейскому союзу. По имеющимся оценкам, соглашение может привести к росту реальных доходов на душу населения на 13,4%, позволит снизить уровень безработицы на 0,73% и повысить реальную заработную плату на 0,93%. Прогнозируется, что соглашение создаст преимущества в плане укрепления национальной безопасности Соединенных Штатов и Европейского союза. Ожидается, что соглашение будет способствовать укреплению альянса между США и Европой, обеспечит большее глобальное влияние США и ЕС, приведет к росту политической стабильности, повысит уровень экономической безопасности в целом²¹.

Наиболее опасное и маловероятное развитие «сценария сотрудничества» возможно между Западом и Востоком. Такая гипотетическая возможность развития сценария отношений между локальными цивилизациями, в том числе сценария МО и отношений между США и Россией находится в границах подгруппы «партнерские отношения» группы позитивных сценариев (ГПСР МО). Развитие такого сценария МО должно сопровождаться, как минимум, тремя крайне неблагоприятными условиями, которые вынудят США и их союзников отказаться от попыток заставить другие страны вести себя в мире по их правилам:

- неожиданной и масштабной внешней угрозой, как это случилось в декабре 1941 года при нападении Японии на США;
- возникновением чрезвычайных природных, экономических и иных обстоятельств, как это было, например, когда

²⁰ URL: <http://www.state.gov/p/eur/rt/eu/tec/>

²¹ URL: <http://www.state.gov/p/eur/rt/eu/tec/>

природные катаклизмы дезорганизовывали всю жизнь США;

- неожиданными внутривнутриполитическими событиями, осложняющими существование США после 2014 года, например, социальным или иным структурным кризисом.

Предполагается, таким образом, что изменения в МО могут быть следствием экстремальных внутривнутриполитических обстоятельств. Другими словами, в середине 2014 года можно констатировать, что развитие позитивных сценариев МО возможно только в случае непредвиденных негативных событий, которые могут радикально повлиять на нынешнюю международную стратегию США и их союзников, целью которой является укрепление своего политического и финансового контроля над мировой политикой и глобальным управлением мировыми процессами. В рамках этой стратегии, США с ЕС и готовят соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном сотрудничестве стран, на которые сегодня приходится половина мирового ВВП и треть мировой торговли. Но не только. Другая цель этого соглашения — «способствовать разработке и укреплению глобальных правил»²². Такие «глобальные правила» относятся не только к мировой торговле и экономике, но и политическим и иным отношениям, то есть ко всей международной обстановке (МО). Иными словами, США предусматривают развитие такого сценария МО, который обеспечивал бы им возможность сохранения и доведения своего влияния в мире до уровня способности контролировать глобальную обстановку.

Отказ от такой долгосрочной стратегии и развития этого сценария возможен в исключительных обстоятельствах, диктуемых (применительно к США) прежде всего внутривнутриполитическими причинами. Естественно, что в США вынуждены

²² Полякова Т.В. Переговоры ЕС и США о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Аналитические записки. М.: МГИМО, 2014. Август. С. 2.

учитывать и другие тенденции и факторы, способные влиять на их стратегию в рамках существующего сценария. Так, в частности, в уже цитировавшемся исследовании национального Совета по разведке предлагается обзор глобальных тенденций, которые будут характерны для 2030-х гг.:

Глобальные тенденции 2030: обзор²³

Мегатенденции

Расширение прав и возможностей человека	Расширение прав и возможностей форсирует сокращение бедности и рост в мире среднего класса; повышает уровень образования, расширяет применение новых коммуникационных и производственных технологий, а также медицинских услуг.
Распределение влияния	Не останется державы-гегемона. Власть переедет к сетям и коалициям многополярного мира.
Демографические модели	Демографическая дуга нестабильности сократится. В «стареющих» странах уровень экономического роста может снизиться. Шестьдесят процентов населения мира будет жить в городах; повысится уровень миграции.
Продукты питания, вода и энергоресурсы	В значительной степени, с ростом мирового населения, увеличится потребность в ресурсах. Решение проблем, лежащих в одной области продуктов массового спроса, будет связано с уровнем потребления других продуктов.

Факторы, меняющие правила игры

Кризисный фон глобальной экономики	Может ли привести к краху глобальная нестабильность и противоречия в экономических интересах? Или растущая многополярность приведет к повышению устойчивости мирового экономического порядка?
------------------------------------	---

²³ Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры / публикация национального Совета по разведке США. Wash.: December, 2013. P.7.

Угрозы управления	Смогут ли правительства и государственные институты достаточно быстро адаптироваться к изменениям существующей системы и не оказаться ими раздавленными?
Потенциал нарастания конфликта	Не приведут ли быстрые изменения во власти к большим внутригосударственным и межгосударственным конфликтам?
Расширение границ региональной нестабильности	Может ли региональная нестабильность, особенно на Ближнем Востоке и в Южной Азии, перекинуться на другие регионы и послужить угрозой глобальной безопасности?
Влияние новых технологий	Появятся ли технологические прорывы для экономической эффективности в решении проблем, вызванных ростом мирового населения, быстрой урбанизацией и изменениями климата?
Роль США	Будут ли США способны работать с новыми партнерами над перестройкой мирового порядка?
Альтернативные миры	
«Заглохшие двигатели»	При наиболее худшем сценарии возрастут риски международных конфликтов. США будут заниматься внутренними проблемами и терять равновесие в мире.
Интеграция	При наиболее положительном сценарии, Китай и США укрепят партнерские отношения, что приведет к расширению глобального сотрудничества.
«Джин из бутылки»	Неравенство в значительной степени возрастет, потому что некоторые страны почувствуют себя победителями, при этом остальные окажутся в роли проигравших. Неравенство внутри таких стран увеличит социальное напряжение. В результате перераспределения влияния, США перестанут быть «мировым полицейским».
Мир без государств	Вооруженные новыми технологиями, негосударственные акторы возьмут на себя инициативу в решении глобальных проблем.

Эти объективные магатренды и факторы становятся теми реальными причинами, из-за которых стратегия США и существующий сценарий МО может быть пересмотрен без экстремальных внутренних обстоятельств. Таким образом, вероятность развития сценария МО, который условно называется «сценарием укрепления партнерских отношений» зависит от того, какие внутривластные и внешнеполитические факторы будут ему благоприятствовать или противодействовать. Дело в том, что международные факторы в долгосрочной перспективе могут значительно, даже полярно отличаться. В частности, доля в мировом ВВП и экспорте между развитыми странами, странами-членами БРИКС и другими странами мира к 2035 году может существенно отличаться. Это будет зависеть от реализации того или иного сценария: при сценарии максимально быстрого роста ВВП и экспорта и минимального роста ВВП и экспорта доля стран-членов БРИКС может составлять 31,1 и 15,9% соответственно²⁴.

Очень важно иметь в виду, что разные факторы оказывают разное по своей силе влияние на формирование МО будущего. Если говорить об экономических факторах, то эксперты ВТО, например, выдвигают на передний план влияние производительности труда, качества населения, энергообеспеченности и мобильности капиталов. В любом случае, сценарий «укрепления партнерских отношений» будет в лучшем случае вынужденным для США потому, что им придется пересматривать сам подход к «партнерским отношениям» и перейти от политики доминирования к политике равноправия, что принципиально меняет их подход к развитию МО, означая фактически отказ от безусловного лидерства.

²⁴ Fontagné L., Fouré J. and Alexander K. Simulating world trade in the decades ahead: driving forces and policy implications / WTO Working Paper. April 04. 2014. P. 11.

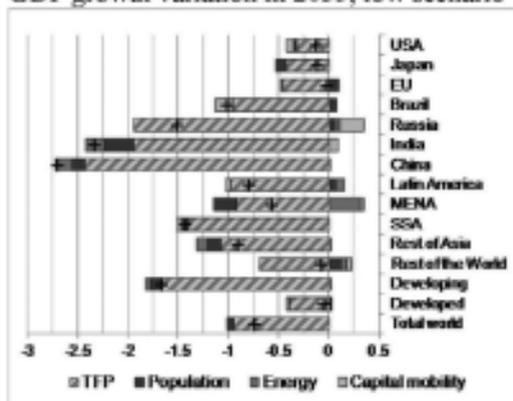
Country/regional shares in global GDP and exports (per cent)

	GDP (volume)			Exports (volume, excluding intra-EU trade)		
	2012	High 2035	Low 2035	2012	High 2035	Low 2035
World total (2004 USD billion)	49,992	129,618	77,759	10,165	48,206	13,827
Developed	70.1	44.3	63.9	47.8	28.6	51.1
EU	28.2	18.1	24.6	18.2	11.6	18.4
USA	26.5	16.8	24.4	15.2	9.3	17.4
Japan	9.9	5.7	8.7	6.5	3.8	6.5
Other developed	5.5	3.7	6.2	7.9	3.8	8.8
BRICs	12.9	31.1	15.9	19.3	31.5	15.9
China	7.3	20.4	9.2	14.2	22.5	10.9
India	2.4	6.4	3.3	2.0	5.0	2.4
Brazil	1.7	1.7	1.7	1.0	0.8	0.8
Russian Fed.	1.6	2.7	1.7	2.1	3.1	1.8
Other	17.0	24.5	20.2	32.9	39.9	33.0
ASEAN	2.4	3.7	2.6	8.1	8.9	8.4
MENA	4.3	6.9	5.4	7.0	10.0	6.2
SSA	1.6	3.3	2.2	2.3	4.6	2.5
Other	8.7	10.6	9.9	15.5	16.4	15.9

Notations: See Table 1. ASEAN stands for «Association of Southeast Asian Nations». Source: Authors' calculations.

Relative contribution of each key economic factor to deviations from GDP growth under the reference scenario between 2012 and 2035 (per cent)

GDP growth variation in 2035, low scenario

GDP growth variation in 2035, high scenario

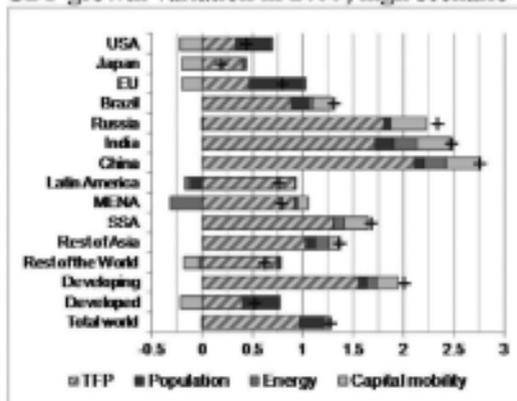

Рис. 16.7²⁵

²⁵ Fontagné L., Fouré J. and Alexander K. Simulating world trade in the decades ahead: driving forces and policy implications / WTO Working Paper. April 04. 2014. P. 8.

16.3. Сценарий «союзнических отношений» локальных цивилизаций во главе с Россией и США

Среди многочисленных потенциально возможных сценариев развития МО в XXI веке сохраняется некоторая вероятность появления очередного сценария «партнерства», «перезагрузки», «разрядки» или даже временного союза между Россией и США. Теоретическая возможность превращения такого сценария в вероятный сценарий развития МО и даже реальный сохраняется и для всего XXI века. Эта трансформация возможного сценария в вероятный и реальный может произойти под влиянием нескольких факторов, которые и прежде оказывали свое воздействие, а именно:

- появление более глубокого противоречия, чем существует сегодня между российской и американской локальными цивилизациями, например, противоречия с исламской или китайской локальными цивилизациями;
- приход к власти в России элитарной группы, откровенно ориентированной на США и готовой к зависимому сотрудничеству на любых условиях, включая противоречащие российским национальным интересам и системе ценностей русской цивилизации (что фактически произошло в первой половине 90-х годов XX века);
- постепенной эволюции правящей элиты США под влиянием изменения в соотношении мировых сил к реалистичным и справедливым отношениям с другими странами и к готовности строить реальную МО на иных (равноправных, справедливых и т. д.) принципах.

Эти и другие сценарные условия сохраняют не только теоретическую, но и практическую возможность появления в XXI веке сценария «союза» российской и американской локальных цивилизаций. Вместе с тем очень важно, чтобы

такая теоретическая возможность не рассматривалась в российской правящей элите как вероятность, а тем более реальность. К сожалению, именно это и происходило с середины 80-х годов XX века, а в значительной части правящей элиты сохранилось и до нынешнего дня. Подобная неадекватность в оценке реалий привела к многочисленным ошибкам во внешней и военной политике и катастрофическим последствиям для СССР, ОВД и СЭВ, которые продолжают совершаться до сих пор. Именно такими ошибками объясняется сегодня антироссийская политика не только США и стран Западной Европы, но и бывших членов ОВД и СЭВ, а также советских республик.

К сожалению, и сегодня часть правящей элиты России остается — явно или скрыто — на этих же позициях, что искажает нашу внешнюю и военную политику, негативно влияет на многочисленные политические решения. Именно поэтому сценарий «союзнических отношений» должен занимать точно отведенное ему реальными обстоятельствами место среди теоретически возможных и крайне маловероятных сценариев. В этих целях необходимо регулярно давать ему адекватную оценку. История международных отношений, в том числе развития отношений между Россией и США, начиная с XVIII века, периодически создавала союзнические предпосылки, которые, однако, никогда не носили:

- **глубокий, разносторонний, системный характер**, то есть не являлись ни общецивилизационными, ни геополитически выгодными. Скорее наоборот: геополитически, цивилизационно Россия и США всегда были либо противостоящими силами, либо, в лучшем случае, нейтральными по отношению друг к другу. Даже изменение идеологической и политической системы в СССР, как оказалось, не смогло преодолеть этой «геополитической и цивилизационной неприязни», имеющей под собой, на мой взгляд, достаточно глубокую основу.

В этой связи любопытно и достаточно адекватное представление о взаимодействии цивилизаций и геополитических противоречиях в АТР, которое высказали П. Бакланов и М. Романов²⁶.

Геополитическое положение российского Дальнего Востока в АТР

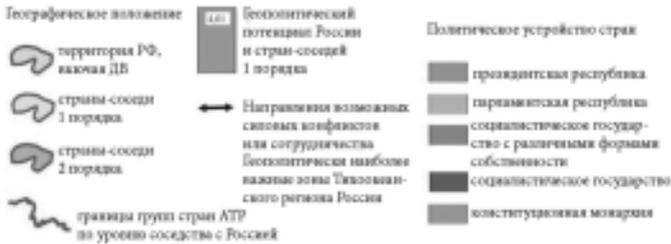

Рис. 16.8

²⁶ Бакланов П. Я., Романов М. Т. Стратегия развития Приморского региона: от прошлого к будущему. 2013. С. 16.

Как видно из рисунка (рис. 16.8), геополитические противоречия между Россией и США по мере развития и консолидации АТР будут усиливаться, делая превращение союза США и России из потенциально возможного в вероятный и все менее реальный;

- *сколько-нибудь долгосрочного характера.* Тем более это не характерно для современной геополитической долгосрочной стратегии США, которая ориентирована на сохранение американского лидерства (по сути — гегемонии), где отношения с другими странами носят зависимый, подчиненный характер. Крайне маловероятно, что характер этой стратегии США изменится в долгосрочной перспективе, а тем более в ближайшем будущем. В долгосрочном плане США будут во все возрастающей степени ориентироваться на борьбу между локальными цивилизациями за природные ресурсы, транспортные коридоры и мировое влияние. Как справедливо отмечают авторы глобального прогноза «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года под руководством Ю. В. Яковца, А. И. Агеева и Т. Т. Тимофеева, «риски экологии в ближайшее 20-летие состоят не только в глобальном потеплении, которое является важной, но разрешимой проблемой. Более опасно непримиримое соперничество за обладание дефицитными ресурсами, особенно водой. Так, темпы экономического роста на 8–10% в год предполагают удвоение мирового производства и (при увеличении населения) удвоение использования дефицитных ресурсов к 2025 г.»²⁷... И далее они отмечают два ресурса, способных резко обострить МО:

«а). Нефть. Сегодня многие беспокоятся о физическом или экономическом исчерпании мировых запасов нефти. ... По мере роста цен можно ожидать рост вложений в экономику

²⁷ Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Научные редакторы: Ю. В. Яковец, А. И. Агеев, Т. Т. Тимофеев. М.: МИСК, 2009. Ч. VII. С. 142–144.

нефти и разработку альтернативных топлив, вероятно, на основе природного газа, одним из крупнейших производителей которого является Россия, с возможным дальнейшим получением синтетического газа на основе метана из различных источников — син-газа. Второй пик цены и добычи можно ожидать в районе 2020–2030 годов, после чего нефть может потерять своё стратегическое значение, постепенно переходя в категорию нишевых энергоресурсов типа угля. Следует особо подчеркнуть, — отмечают авторы, — что, как свидетельствует исторический опыт, реализация этого сценария может быть связана с опасным столкновением интересов вовлеченных сторон, на фоне экономических дислокаций населения и последующей фрагментации мировой торговли из-за нестабильности переходного периода»²⁸.

В принципе с такими оценками согласны и авторы глобального энергетического прогноза, которые признают, что «Мировое потребление нефти до 2030 г. будет расти в инерционном

²⁸ Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Научные редакторы: Ю. В. Яковец, А. И. Агеев, Т. Т. Тимофеев. М.: МИСК, 2009. Ч. VII. С. 144.

(20%), и стагнационном (15%) сценарии при снижении в инновационном сценарии на 5%. После 2030 г. в инерционном сценарии рост продолжается (на 9% к 2050 г.). В стагнационном и инновационном сценариях он сменяется спадом (на 6 и 25% соответственно)²⁹.

Большое значение будет иметь рост политических и экологических рисков³⁰. Рост политических рисков в нефтяной отрасли обусловлен противоречиями между национальными нефтяными компаниями (ННК) и международными нефтяными компаниями (МНК), а также процессами приватизации и национализации нефтегазового сектора в развивающихся странах. Дополнительным фактором нестабильности стало появление третьего важного класса компаний — национальных нефтяных компаний стран — нетто-импортеров нефти, особенно китайских (PetroChina, Sinopec, CNOOC), которые становятся конкурентами МНК. Рост геополитических рисков в нефтяной отрасли обусловлен зависимостью мировой торговли нефти от критических точек (Ормузский пролив, Аденский залив — Красное море — Суэцкий канал, Малаккский и Зондский проливы — Южно-Китайское море), которые находятся в зонах геополитической нестабильности и обеспечивают до 50% мировых поставок нефти. Международная торговля в 2008 г. обеспечила 67% мирового потребления нефти, а к 2030 г. эта доля может увеличиться до 80%³¹.

б). Пахотная земля и вода. Превращение продовольствия, и, в связи с этим, пахотной земли и, особенно, воды, в стратегический ресурс в кратко и среднесрочной перспективе ближайших 5–10 лет представляется важнейшим проявлением нарастания энергетической нестабильности.

²⁹ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев, А. И. Громов и др. М.: ИД «Энергия», 2011. С. 32.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Этот процесс уже набирает скорость, стимулируясь опустыниванием южных стран, промышленными застройками пахотных территорий на фоне идущего повышения цен (на кукурузу, пшеницу, сахар). Процесс усиливается с нарастающей экономической поддержкой производства биодизеля со стороны государств нетто-производителей продовольствия (Бразилия, США)³².

- ***условия формирования отношений России и США никогда не носили ценностной, культурно-мировоззренческий, цивилизационный характер.*** Это означает, что ни исторически, ни духовно, ни ментально российская и американская цивилизации не испытывали стремления к сближению друг с другом. Ни материально, ни духовно обе локальные цивилизации не наработали и не имеют предпосылок для долгосрочного сотрудничества, которое может быть обеспечено только конъюнктурой в области безопасности. Типичными примерами таких краткосрочных сценариев сотрудничества были союзнические отношения СССР–США во Второй мировой войне и политика разрядки международной напряженности начала — середины 70-х годов, а также начала 90-х годов XX века. И в первом, и во втором случаях можно выделить определенные общие признаки, сопутствующие реализации подобных временных «союзных» сценариев, оговорившись, что природа их «дружбы» в 1990-е годы была иной, а именно — субъективно-предательской политикой части российской элиты. Так, например:
- а) и в первом, и во втором случаях не менялись ни правящие элиты, ни идеология, ни политические стратегии, что свидетельствует о решающем значении прагматизма в политике СССР и США, который граничил с беспринципностью и был вынужденным, искусственным;

³² Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Научные редакторы: Ю. В. Яковец, А. И. Агеев, Т. Т. Тимофеев. М.: МИСК, 2009. Ч. VII. С. 144.

- б) и в первом, и во втором случаях происходило серьезное изменение сил не в пользу США. В первом из них мощная Япония стала серьезным врагом, во втором был достигнут стратегический ядерный паритет СССР– США. Такое изменение в соотношении сил придавало импульс развитию советско-американских отношений до определенного предела, который обозначался выравниванием соотношения сил. Так, во Второй мировой войне для США было крайне важно участие СССР в разгроме Японии, после чего интерес к сотрудничеству сразу же пропал, хотя чаще всего такой поворот объясняется речью Черчилля в Фултоне и идеологическими разногласиями;
- в) и в первом, и во втором случаях поворот был обусловлен формированием внешних и внутренних неблагоприятных условий для США, когда они были вынуждены концентрироваться на своих внутренних проблемах и отражении неотложных внешних угроз;
- г) и в первом, и во втором случае такой сценарий был вызван ограниченностью ресурсов США для реализации предыдущих сценариев. Во время Второй мировой войны США не могли эффективно воевать на два фронта, а в начале 1970-х годов (после войны во Вьетнаме) был очевиден кризис внутренней и внешней политики, в том числе связанный с военными расходами и потерями в Индокитае;
- д) и в первом, и во втором случае переход к сценарию сотрудничества был не только вынужденным, но и кратковременным (4–5 лет), что не меняло в принципе долгосрочной стратегии США в мире.

Важно подчеркнуть еще раз, что природа «союзных» отношений СССР/России с США с конца 80-х годов до начала XXI века была иной — никакого союза (политического, экономического, тем более ценностного, мировоззренческого) в действительности не было. Было подчинение российской (а до этого советской) элит интересам и ценностям, представлявшимся

элитой США. Понятия «союз» и «подчинение» — вынужденное или добровольное, не имеет значения — находятся совершенно в разных плоскостях. Это особенно надо иметь в виду, когда часть современной российской элиты говорят об «идеале» российско-американских отношений. Если иметь в виду, что такой идеал достигается уступками, потерей суверенитета, отказом от защиты национальных ценностей, то в таком случае «идеальный союз» вполне достижим.

Сказанное означает, что небольшая вероятность появления сценария сотрудничества и даже «совместного вооруженного противостояния» может означать, что такой маловероятный сценарий может развиваться только в краткосрочной перспективе и не будет связан с долгосрочной стратегией США, направленной на установление равноправного международного сотрудничества, а будет всего лишь вынужденным поворотом в американской политике. Соответственно, российская внешнеполитическая стратегия должна исходить из того, что в долгосрочной перспективе отношения с США будут находиться в зоне конфликта, когда вероятность их улучшения и крайне мала, и кратковременна.

16.4. Сценарий противостояния США и России: «война чужими руками»

В растущем противостоянии локальных цивилизаций в XXI веке особенно выгодное развитие МО для одной из локальных цивилизаций может быть в случае прямого противостояния — политического, экономического, а тем более военного — других локальных цивилизаций. Следует понимать, что политическая логика выигрыша от противостояния других локальных цивилизаций (как в прежней истории наций и государств) не просто сохраняется, но и усиливается. Очевидно, например, что противостояние исламской и западной локальных

цивилизаций выгодно по многим причинам не только индийской локальной цивилизации, но и китайской, и российской.

Тем большее значение эта логика приобретает, когда США пытаются консолидировать все силы не только для сохранения своего лидерства в мире, но и для получения контроля над формированием систем ценностей и интересов других локальных цивилизаций. Так, формирование ТАП и ТТП, безусловно, может укрепить влияние США в Северной Африке, на Востоке и в АТР, противопоставив другим локальным цивилизациям экономические и военно-политические союзы. Из этой логики вытекает неизбежно, что любая нестабильность и конфликтность за пределами западной локальной цивилизации выгодна США и ее развитие необходимо поощрять, даже инспирировать, брать под контроль и, в конечном счете, использовать против этой локальной цивилизации.

Исключительно выгодный (хотя и рискованный для США) сценарий развития МО может быть реализован, если удастся вовлечь Россию в вооруженный конфликт, за которым фактически будут стоять США. Пример такого конфликта — военные действия СССР в Афганистане, которые помогли США во многом изолировать СССР, противопоставив его значительному числу стран, заставить его экономически с военной точки зрения перераспределить свои ресурсы и т. д. При этом собственные издержки США оказались минимизированы³³. Этот практический сценарий — идеален, хотя и обладает набором определенных рисков, делающих его использование ограниченным. Тем не менее, он всегда находится в поле зрения правящих элит США и НАТО, которые исторически приспособились к его реализации.

Другие военные конфликты — на Кавказе, в Закавказье и на Украине, также вполне укладываются в эту стратегию, которая,

³³ Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. Аналитический доклад. М.: МГИМО. 2014 г.

с одной стороны, сочетает рост противостояния и нагнетания враждебности, усиления политики изоляции России, а, с другой, минимизирует риски прямого военного участия США, оставляя им «простор для эскалации», как в экономической, так и в военной областях. Не исключен и даже возможен сценарий развития МО и отношений США — Россия в ближнесрочной и среднесрочной перспективе, способный радикально повлиять на МО в будущем. Этот сценарий может быть назван как «война с Россией чужими руками», и ограничен с военной точки зрения вполне разумными этапами, исключающими военные риски.

Среди политиков и экспертов в последние десятилетия почему-то сложилось мнение, что такой сценарий развития МО в мире с участием СССР (России) и США нереален, даже невозможен, хотя, как правило, употреблялся более обтекаемый термин — «маловероятен». При этом исходили из посылки, что ядерное равновесие, сложившееся к началу 70-х годов XX века, сделало неоправданным риском любую политику и любые политические цели, связанные с использованием ракетно-ядерного оружия. Между тем, если говорить о реалиях, а не о желаемых последствиях ядерного равновесия, то такой военный конфликт, в том числе с применением ядерного оружия, никогда не исключался после достижения стратегического паритета, более того, допускался, планировался и к нему готовились.

Ситуация радикально изменилась к началу XXI века, когда нарушение стратегического паритета стало вполне условным, хотя и по-прежнему очень раскованным вариантом политики: количество СНВ, систем боевого управления, союзников, систем ВТО и других факторов все более превращало ядерное сдерживание из стратегии в обстоятельство, которое можно при определенных условиях проигнорировать.

Такой сценарий означает развитие МО в рамках подгруппы «откровенно конфронтационных» сценариев уже в настоящее время (+ 1 в матрице), когда Россию втягивают непосредственно в вооруженный конфликт в Евразии (на Украине, в Сирии, либо

другом регионе). Здесь ей будут противостоять не непосредственно США и страны НАТО, а некий «облачный противник» с неизвестным политическим и военным центром реального управления, неизвестными источниками финансирования и материально-технического обеспечения и не известными до конца политическими целями.

Главной целью реализации такого сценария в период 2014–2020 годов является развал России как единого военно-политического и экономического центра в условиях, когда ядерное противоборство невозможно. Такое военное противоборство переносится соответственно:

- по времени: на период после 2020 года, когда будет создана глобальная ПРО и потенциал ВТО;
- по участникам: когда непосредственное участие США и других стран ЕС рискованно и исключается;
- по средствам: когда вооруженные средства ограничиваются запретом на использование ОМУ, но активно применяются все силовые средства Запада без каких-либо серьезных ограничений.

Безусловно, сохраняются высокие риски прямой военной конфронтации России и США, однако они во многом нивелируются, если:

- США прямо, политически и военно не участвуют в силовом конфликте, сохраняют отношения и заявляют о готовности к переговорам;
- если не используется ОМУ, прежде всего ЯО;
- если в военный конфликт вовлечены «неизвестные» политические силы и вооруженные формирования;
- если сохраняется превосходство в СМИ и средствах коммуникации;
- если существует возможность внутривосточной дестабилизации;
- если существует возможность внешнеполитической изоляции.

Сценарий противостояния, особенно войны «чужими руками» доказал исторически огромные преимущества для США. Позднее вступление в Первую и Вторую мировые войны позволило США выйти из этих войн единственным государством — победителем, укрепившим свою экономическую, финансовую и социальную мощь. Именно это в конечном итоге позволило создать универсальную финансово-экономическую систему в мире, очевидно выгодную только США. В этом смысле новая мировая война, в которой США не примут прямого военного участия либо вступят в нее на последнем, завершающем этапе, станет всего лишь повторением того положительного опыта, который уже есть у США.

16.5. Многообразие нереалистичных сценариев развития международной обстановки, активно продвигаемых в России

В мире вообще, а в России в частности было создано значительное количество различных прогнозов и сценариев развития. Причем «российский бум» пришелся на первое десятилетие: после повального осуждения социализма, планов и прогнозов 1990-х годов российская элита спохватилась и стала стремительно наверстывать упущенные годы и вспоминать о том преимуществе в области прогнозирования, которое имели в СССР. В итоге появились сотни прогнозов (как правило, отраслевых, региональных и даже местных), сценариев и концепций, часть из которых, безусловно, заслуживают внимания и продвижения. Одновременно появилось и множество идеологически ориентированных прогнозов и сценариев, которые должны доказать святость либеральной идеологии и неоспоримость мирового лидерства США.

Надо отчетливо понимать, что огромное и все увеличивающееся количество сценариев, теорий, концепций и прогнозов развития стран, ЧЦ, МО и ВПО неизбежно еще больше возрастет уже в ближайшем будущем в качестве реакции на растущую потребность анализа и прогноза происходящих событий в мире. Войны в Ливии, Сирии и особенно на Украине явились мощным стимулом для этого процесса. Если прежде международный и военно-политический анализ и прогноз интересовал лишь специалистов, то сегодня он требуется во все возрастающей степени правящим элитам, общественности, да и простым гражданам. Другая практическая мотивация роста числа таких исследований заключается во все большей вовлеченности государственных и общественных органов в процессе планирования, в основе которых лежат анализы и прогнозы. Принятый в июне 2014 года ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» прямо требует прогнозов и предложений уже до конца 2014 года.

В СССР и России всегда существовала множественность подходов к политике и международным отношениям. Даже в периоды, когда формально — и законодательно, и идеологически, — такое многообразие было запрещено. Этим объясняется то обстоятельство, что после снятия политико-идеологических запретов появилось великое множество концепций, идей и даже доктрин, в том числе отстаиваемых учеными-профессионалами, которые имеют очень отдаленное отношение к реалиям, однако претендуют на существование. Ситуацию осложнило и безответственное поведение М. Горбачева, А. Яковлева и Э. Шеварднадзе, которые искусственно требовали «непредвзятых», «деидеологизированных» и прочих подходов, выходящих за рамки традиционных воззрений. К сожалению, эти и другие причины привели к тому, что во внешней политике, международных отношениях и военной науке слишком большое значение приобрели непрофессиональные концепции, а внешняя и военная политика долгие годы реализовывались, как справедливо за-

метил крупный военный ученый И. Ерохин, «...без серьезной научной подготовки»³⁴.

Ко второму десятилетию XXI века в российском экспертном сообществе не сложилось даже формального единства в отношении вероятных сценариев развития МО в мире. Существоющий «разброс мнений» означает, что такие сценарии рассматриваются одновременно в самом широком диапазоне — от «благоприятного» сценария развития МО до «негативно-конфронтационного». Действительно, в Тезисах о внешней политике России (2012–2018 гг.), подготовленных в РСМД в 2012 году, например, откровенно заявляется о необходимости прозападного вектора внешней политики «в интересах модернизации». «Национальные интересы России требуют самого широкого привлечения внешних ресурсов для модернизации на максимально благоприятных условиях. Это означает установление и поддержание стабильно мирных и партнерских отношений со странами, где сосредоточены модернизации. Среди них, главным образом, страны — участники Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Потребности России в инвестициях и технологиях из этих стран будут возрастать на протяжении 2012–2018 гг., независимо от сценариев развития российской экономики»³⁵ — отмечалось в этом документе. Кроме того, в тех же тезисах говорилось о том, что «интеграция с отдельными странами СНГ не является средством решения ключевых проблем России»³⁶.

Вопросы обеспечения безопасности в этом сценарии, очевидно рассматриваются в контексте союзнических отношений с США, НАТО и Евросоюзом. Главной задачей российской политики в отношениях с НАТО провозглашено формирование

³⁴ Ерохин И. Трудный путь военной доктрины // Независимое военное обозрение. 1999. № 43 / <http://www.airforce.ru/>

³⁵ Тезисы о внешней политике России (2012–2018 гг.) / РСМД. М.: Спецкнига, 2012. С. 9.

³⁶ Там же. С. 12.

в Евроатлантике сообщества безопасности с участием Российской Федерации. Основными приоритетами на этом направлении на период 2012–2018 гг. зафиксированы:

- трансформация российско-американских (и российско-западных) отношений в направлении стратегического сотрудничества, достижения договоренности с США/НАТО по ПРО в Европе, учитывающей интересы безопасности России;
- укрепление доверия посредством дальнейшего контроля над вооружениями, договоренности с США по нестратегическим системам — крылатым ракетам и тактическому ядерному оружию в Европе;
- использование отношений Россия — НАТО для модернизации системы внешней безопасности Российской Федерации»³⁷.

Соответственно, исходя из этих приоритетов, предлагаются и военно-политические приоритеты, и основные направления российской военной политики на долгосрочную перспективу. В частности, заведующий отделом ИМЭМО РАН А. Загорский предлагает, например, ликвидацию всех баллистических ракет наземного базирования (МБР) и ряд других сомнительным мер в области вооружений³⁸.

Существуют и прямо противоположные, полярные прогнозы и предположения, в частности, со ссылками на официальных руководителей Генштаба ВС РФ, полагающие неизбежность войны между Россией и США. Тот же РСМД, возглавляемый бывшим министром иностранных дел РФ И. Ивановым, буквально через два дня после публикации оценок А. Загорского предложил статью своего эксперта Валерия Алексева. Он уже писал о «неизбежности войны» между Россией и США

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ Загорский А. Радикальное сокращение ядерных вооружений укрепит безопасность России / РСМД. 2013. 21 сентября / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2538#top

в ближайшие 10–15 лет. Условия этого предполагаемого военного столкновения определены Алексеевым следующим образом:

- военный конфликт между США и РФ проходит в некоем далеком от центра периферийном районе;
- столкновение между США и РФ опосредовано некоей третьей силой, выступающей на стороне американцев, то есть военный конфликт РФ и США имеет непрямой характер. Последнее обстоятельство не исключает вступления США в военные действия на заключительной фазе;
- военные действия будут вестись на базе обычных вооружений, что, впрочем, не исключает возможность в какой-то момент конфликта ограниченного применения ядерного оружия.

Война, как известно, по классическому определению является продолжением политики иными средствами, поэтому каждый из участников конфликта преследует в конфликте собственные цели. Для США это — создание условий для дестабилизации РФ и изменения мирового порядка, являющегося в настоящее время продолжением Ялтинско-Потсдамской системы. Для России — это легитимация в глазах населения общественной системы, возникшей после 1991 года, и продолжение диалога с США на базе собственных интересов.

Выступление третьего участника конфликта на стороне США не исключает того, что он преследует в нем собственные интересы. Таким образом, очевидно, что для модели гипотетического будущего военного конфликта эксперт РСМД использовал пятидневную войну РФ с Грузией в августе 2008 года, которая на самом деле была непрямым военным конфликтом США и РФ. Алексеев полагает, что в отличие от событий 2008 года, новый военный конфликт РФ и США будет более продолжительным по времени и более кровопролитным. Возможный военный конфликт между РФ и США не перерастет в тотальную войну. Однако он может привести к таким результатам,

что каждая из участвующих в конфликте сторон объявит его результаты своей победой»³⁹.

Далее Алексеев «перечисляет возможные сценарии военного конфликта: „третья русско-японская война“, „арктическая война“, „дальневосточная война“ и т. д.» Здесь надо сразу заметить, что автор рассматриваемой статьи выводит за скобки военного конфликта кризисные точки в СНГ. Он полагает, что «столкновение российских и американских вооруженных сил теоретически возможно в таких конфликтных точках СНГ, как Крым, Черное море, Закавказье. Однако ни один подобный конфликт не позволит Москве или Вашингтону решить свои глубинные политические задачи. Для России победа в нем будет выглядеть слишком очевидной, а для США — поставит вопрос об «эскалации». Очевидно, что «пятидневная война» 2008 года подвела черту под возможностью военных авантур подобного рода. Алексеев пишет, что «наиболее реалистичным полигоном теоретически выступают: волнения в Белоруссии, вызванные возможным ее выходом из Союзного государства», но почему-то умалчивает о конфликтном потенциале Украины.

Означенные сценарии не дают «третьего заинтересованного», который выступит инициатором подобного рода конфликта со стороны США. Не рассматривать же в качестве такового Польшу? Поэтому сомнительна эскалация военного конфликта вокруг Калининградской области из-за предъявления территориальных претензий на нее со стороны Польши или Германии, либо появления в ней сепаратистских настроений, которые будут поддержаны ЕС. Алексеев пишет о конфликтном потенциале проблемы статуса русскоязычного населения в Эстонии и Латвии. Однако в этой ситуации инициатива конфликта должна опять же исходить от прибалтов.

³⁹ Сценарии возможного военного конфликта РФ и США: комментарий к статье эксперта РСМД Валерия Алексеева. 2013. 6 ноября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1728971.html>

Проблематичен предлагаемый Алексеевым и сценарий Тихоокеанского конфликта США и России, поскольку в нем отсутствует «третий заинтересованный». Конфликт в означенном варианте примет характер прямого столкновения США и РФ. В этом своем качестве он не отвечает базовым условиям гипотетического столкновения. «Дополнительным источником конфликта может послужить поддержка американцами сепаратистских тенденций на Дальнем Востоке», — полагает при рассмотрении подобного варианта Алексеев. Но где эти дальневосточные сепаратисты, спросим мы, при рассмотрении подобного варианта? Реальные сепаратистские движения на окраинах России могут проявиться лишь в ситуации ослабления центра — в таком состоянии, когда он точно не сможет вести внешние войны.

Также сомнителен предлагаемый Алексеевым сценарий «арктической войны». Эксперт РСМД полагает, что «третьим заинтересованным» в ней могла бы выступить Канада. «Между Россией и Канадой сохраняется конфликт за статус Северного полюса. Для России выдавливание небольших канадских групп из российского сектора (возможно, после напряженного воздушного боя) будет выглядеть как «выстраданная победа», — пишет эксперт РСМД. Подобный вариант, по крайней мере, смешон. Потенциальным враждебным России «канадским группам» негде закрепиться в Арктике, разве что на дрейфующих льдах. Для подобного рода конфликта в Арктике нет каких-либо спорных островных территорий.

Из всех рассмотренных и, как полагаем мы, нереальных сценариев остается один, достаточно проработанный экспертом вариант. Алексеев полагает, что идеальным полигоном для военного столкновения РФ и США выступает российско-японский территориальный спор. Для России Япония является сильным противником, обладающим если не равенством, то даже превосходством в надводном флоте на Тихоокеанском театре военных действий. Однако фактор российской авиации, особенно

стратегического назначения, делает конечную победу Москвы несомненной, полагает эксперт РСМД. В означенном конфликте представлен и «третий заинтересованный». В самой Японии есть силы, которые могут быть заинтересованы в поражении своей страны для ликвидации зависимости от США и обретения полновесного суверенитета и создания полноценных вооруженных сил. При наличии у Вашингтона и Токио союзного договора 1960 года, русско-японская война будет выглядеть как проявление слабости США, если они в войну не вступят. Для Соединенных Штатов конфликт может также сыграть позитивную роль»⁴⁰.

⁴⁰ Сценарии возможного военного конфликта РФ и США: комментарий к статье эксперта РСМД Валерия Алексева. 2013. 6 ноября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1728971.html>

Глава XVII.
Нарастание полицентризма
как наиболее вероятный
сценарий развития
международной обстановки
до 2050 года

... нам нужно ... иметь адекватное представление
о балансе сил...¹

*С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ*

Силовое принуждение, прежде всего, направлено
на поддержание или изменение определенных
экономических отношений...²

*В. Колотуша,
военный аналитик*

Наиболее вероятный сценарий развития МО вытекает из синтеза нескольких сценариев, в основе которых лежит утверждение о постепенном выравнивании уровней развития, мощи и влияния основных локальных цивилизаций, которое станет заметным к 2035 году и неизбежным — к 2050 годам. Это приведет с такой же неизбежностью к формированию нескольких соизмеримых цивилизационных политических и экономических центров силы, а именно:

- центр силы западной локальной цивилизации во главе с США;
- центр силы китайской локальной цивилизации во главе с КНР;

¹ Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО 2014. Август. С. 109.

² Колотуша В. В. Силовое принуждение в глобализирующемся мире и его особенности в пограничной сфере. М.: Пограничная академия ФСБ, 2013. С. 26.

- центр силы индийской локальной цивилизации во главе с Индией;
- центр силы исламской локальной цивилизации во главе с Египтом, Ираном или Пакистаном;
- центр силы евразийской локальной цивилизации во главе с Россией.

Этому будут способствовать и усиление глобальных тенденций и вызовов. Английские исследователи отмечают в этой связи: «В последние годы в практике ведущих развитых и развивающихся стран наблюдается смещение акцентов с формирования проблематики развития науки и технологий в сторону поиска ответов на так называемые большие вызовы (Grand Challenges). С ними экономика и общество столкнутся в среднесрочной и долгосрочной перспективах»³.

Среди «базового набора» глобальных вызовов, сформированного на основании ключевых зарубежных и российских прогнозов, выделяются, по мнению некоторых исследователей НИУ ВШК следующие вызовы и тренды общемирового масштаба:

- исчерпание запасов стратегических минеральных ресурсов, поиск новых источников энергии и обеспечение энергетической безопасности;
- старение населения, изменение образа жизни человека и общества, рост социально-значимых заболеваний, в том числе, онкологических и сердечнососудистых;
- экологизация экономики и «зеленый рост», связанный с переходом к «неуглеродному» обществу;

³ Chaminade C., Edquist C. (2006) From theory to practice. The use of the systems of innovation approach in innovation policy // *Innovation, Learning and Institutions* / Eds. J. Hage, M. de Meeus. Oxford: Oxford University Press; Edquist C. (2011) *Innovation Policy Design: Identification of Systemic Problems*. CIRCLE Electronic Working Papers 2011/6. Lund University, Center for Innovation, Research and Competences in the Learning Economy.

- формирование новых моделей экономического развития, включая трансформацию глобальных цепочек создания стоимости;
- переход глобальной экономики на новый этап технологического развития, сопровождающийся коренным изменением отраслевой структуры и источников (факторов) конкурентоспособности;
- усиливающаяся роль межотраслевых технологий и междисциплинарных исследований, включая социально-экономические и гуманитарные⁴.

17.1. Измерение соотношения сил между центрами силы

Известно, что любой политический анализ начинается с анализа соотношения сил. Это тем более справедливо, если речь идет об анализе и стратегическом прогнозе сценариев развития международной обстановки который, повторим, формируется под влиянием трех групп факторов: субъектов МО, мировых тенденций и взаимоотношений между ними. Сценарий, в основе которого лежат оценки соотношения сил субъектов МО как важнейшей группы факторов, формирующих будущую международную обстановку, не только достаточно традиционен, но и один из немногих практически используемых сценариев. В его основе лежит «измерение» будущей мощи и влияния тех или иных субъектов МО и тенденций, влияющих на такое соотношение⁵.

Проблема, однако, заключается в другом, а именно:

- в максимальном устранении субъективной трактовки тех или иных понятий и выбора критериев оценки мощи

⁴ Долгосрочный прогноз важнейших направлений научно-технологического развития на период до 2030 года / НИУ ВШЭ. 2014. 8 февраля.

⁵ Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО. 2014. Август. С. 113–133.

локальных цивилизаций, наций, государств, коалиций и т. д.;

- количественных методах и способах оценки;
- выборе качественных методов оценки.

Существует немало попыток количественной оценки изменения в соотношении сил в мире и последующих трансформаций, которые должны повлиять на развитие тех или иных сценариев МО и ВПО. Такие попытки, безусловно, полезны в качестве иллюстраций развития тех или иных глобальных или региональных тенденций и состояния субъектов МО, однако они не могут послужить основой для выводов относительно содержания современной МО, а тем более будущих сценариев развития МО. Так, авторы глобального прогноза «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года в своем многотомном исследовании приходят к выводам, которые они, в конечном счете, свели в агрегированную таблицу. В таблице 17.1 приводятся обобщенные данные по цивилизациям и их группам в сопоставлении удельного веса их интегральных показателей мощи (ИПМ) с глобальным показателем в целом по планете за четверть века⁶.

Авторы исследования сформулировали следующие выводы:

1. Наибольшей интегральной мощью к началу XXI века располагала группа цивилизаций Европы, и прежде всего Западноевропейская цивилизация, которая доминировала в системе локальных цивилизаций четвертого поколения. Эта лидирующая роль, судя по оценкам на основе стратегической матрицы, сократится к концу первой четверти XXI века, хотя удельный вес всей европейской группы, и в том числе западноевропейской цивилизации, немного снизится. Восточноевропейская цивилизация занимает второе

⁶ Глобальный прогноз «Будущее цивилизации» на период до 2050 года. Часть 7. Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Под ред. Ю. В. Яковца, А. И. Агеева, Т. Т. Тимофеева. М.: МИСК, 2009. С. 155.

Таблица 17.1. Сопоставление интегральной мощи локальных цивилизаций

Локальные цивилизации	ИПМ			Отношение к ИПМ по планете		
	2000	2025	% изменения	2000	2025	% изменения
Общий показатель по глобальной цивилизации	246,34	254,19	103	100	100	100
Цивилизации Европы	101,95	110,09	102	43,8	43,3	99
Западноевропейская	60,76	61,28	101	24,7	24,1	98
Восточноевропейская	19,29	19,75	103	7,8	7,8	100
Евразийская	27,90	29,60	104	11,3	11,4	101
Цивилизации Америки и Океании	42,98	44,59	104	17,4	17,5	101
Североамериканская	12,17	12,13	100	4,9	4,8	97
Латиноамериканская	23,12	24,58	106	9,4	9,7	103
Океаническая	7,69	7,88	102	3,1	3,2	103
Цивилизации Азии и Африки	95,38	99,51	104	38,7	39,1	101
Японская	4,67	4,81	103	1,9	1,9	100
Китайская	8,42	8,78	104	3,4	3,5	103
Индийская	5,33	5,82	109	2,2	2,3	104
Буддийская	13,27	14,07	106	5,4	5,6	103
Мусульманская	47,33	49,16	103	19,2	19,3	101
Африканская	16,36	16,87	103	6,6	6,6	100

меньший удельный вес, который сохранится к 2025 году. Объединение этих двух цивилизаций в рамках Европейского союза еще более укрепит роль Европы на геополитической арене⁷.

Евразийская цивилизация, которая сильно сдала позиции в результате кризиса 1990-х годов и распада СССР, все еще сохраняет, благодаря своему природному потенциалу, значительный удельный вес в суммарной оценке мощи (чуть более 11%). Вместе с тем видны и пределы такого развития влияния, которые аналитики ЦРУ прямо связывают с ростом государственной мощи. Так, на графике, представленном ниже, отчетливо видно, что дипломатическое (политическое) влияние государств достигает предела, который коррелируется с относительным материальным могуществом.

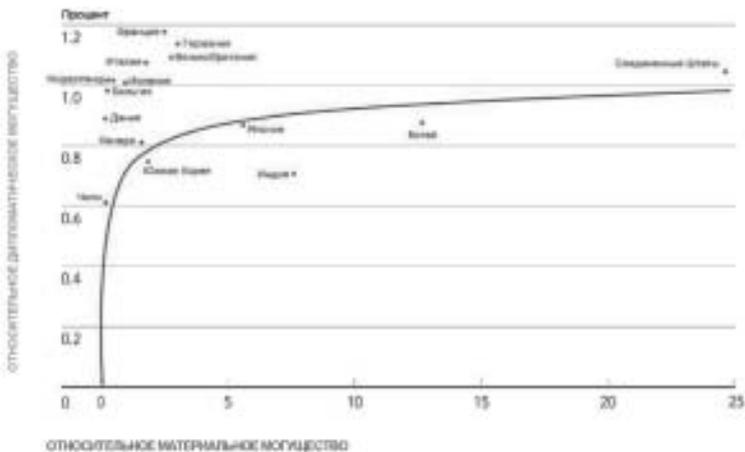

Рис. 17.1⁸

2. Вплотную за цивилизациями Европы по ИПМ идут древние цивилизации Азии и Африки — около 39%. Ведущее место

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Публикация национального Совета по разведке США. Вашингтон, 2013. Декабрь. С. 17.

среди них занимают мусульманская (более 19%), африканская (6,6%), буддийская (5,6%) и китайская (3,5%) цивилизации. Впрочем, оценка мощи африканской цивилизации представляется завышенной, а китайской и индийской — заниженной.

3. Интегральная оценка мощи самых молодых цивилизаций Америки и Океании сравнительно невысока (17,5%), причем в перспективе оценка североамериканской цивилизации несколько снизится (с 4,9 до 4,7%, на 3%), а латиноамериканской — повысится с 9,4 до 9,7%, то есть на 3%. Представляется, вместе с тем, что реальная геополитическая мощь североамериканской цивилизации на самом деле существенно выше, чем полученная в результате оценки на основе стратегической матрицы.
4. Приведенные в таблицах прогнозные оценки сделаны в докризисный период. Мировой финансово-экономический кризис и последовавшая за ним депрессия, а также процесс глобальной трансформации на пути к интегральному экономическому строю, надо полагать, существенно повлияет на интенсивность геополитических сдвигов. В ближайшие десятилетия и в перспективе до 2050 года можно ожидать значительного усиления интегральной мощи и геополитического влияния китайской, а вслед за ней индийской цивилизаций. Геополитическое влияние североамериканской цивилизации начало ослабевать⁹.

Если сохранятся ныне преобладающие тенденции, существенно ослабнут позиции евразийской цивилизации. В наиболее критической ситуации окажется африканская цивилизация, которая из-за больших потерь и деградации в период кризиса все больше становится глобальным эпицентром геополитической нестабильности. Учет глубины и последствий кризиса

⁹ Глобальный прогноз «Будущее цивилизации» на период до 2050 года. Часть 7. Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Под ред. Ю. В. Яковца, А. И. Агеева, Т. Т. Тимофеева. М.: МИСК, 2009. С. 157.

потребуется, вероятно, уточняющих оценок и продления горизонта прогноза до середины XXI столетия.

5. В рамках цивилизаций показатели по отдельным странам значительно различаются. Одни страны быстро растут, другие умеренно, третьи теряют в оценках. Наиболее высокие показатели роста по Бразилии — 13% в 2025 г. по отношению к 2000 г. Большинство стран имеют умеренные показатели повышения мощи — в пределах 2–3%. Однако по некоторым странам эти показатели снижаются (Израиль — на 5%, Франция — на 4%, Украина — на 1%, Норвегия и Финляндия — каждая на 2% и т. д.). С учетом последствий кризиса и в этом показателе тенденции, вероятно, окажутся более дифференцированными. Конечный вывод авторов работы заключается в том, что произведенная ИНЭС на основе стратегической матрицы оценка интегральной мощи 100 ведущих стран мира дает возможность количественно оценить тенденции динамики геополитического влияния ведущих стран мира и локальных цивилизаций¹⁰.

Текущий и прогнозный рейтинги государств мира¹¹ в соответствии с ИПМ

Рейтинг в настоящее время	Государство	Рейтинг в 2025 г. (сценарий «Умеренная глобализация»)	Изменение рейтинга
1	2	3	4
1	США	1	•
2	ЕС	2	•

¹⁰ Глобальный прогноз «Будущее цивилизации» на период до 2050 года. Часть 7. Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Под ред. Ю. В. Яковца, А. И. Агеева, Т. Т. Тимофеева. М.: МИСК, 2009. С. 158.

¹¹ Там же. С. 159.

продолжение табл.

Рейтинг в настоящее время	Государство	Рейтинг в 2025 г. (сценарий «Умеренная глобализация»)	Изменение рейтинга
1	2	3	4
3	Китай	3	•
4	Россия	4	•
5	Германия	6	▼
6	Франция	9	▼
7	Великобритания	8	▼
8	Индия	5	▲
9	Япония	10	▼
10	Бразилия	7	
11	Италия	12	▼
12	Канада	13	▼
13	Иран	11	▲
14	Австралия	14	•
15	Пакистан	17	▼
16	Испания	15	▼
17	Мексика	15	▲
18	Саудовская Аравия	22	▼
19	Турция	19	•
20	Индонезия	15	▲
21	Египет	20	▲
22	Израиль	24	▼
23	ЮАР	21	▲
24	Южная Корея	23	▲

Рейтинг в настоящее время	Государство	Рейтинг в 2025 г. (сценарий «Умеренная глобализация»)	Изменение рейтинга
1	2	3	4
25	Швеция	25	•
26	Украина	25	•
27	Швейцария	27	•
28	Польша	28	•
29	Нигерия	29	•
30	Австрия	31	▼
31	Аргентина	33	▼
32	Норвегия	36	▼
33	Венесуэла	32	▲
34	Вьетнам	30	▲
35	Казахстан	35	•
36	Нидерланды	30	▼

Уже существует достаточно много примеров того, как различные показатели социально-экономического развития используются не только для отдельных стран, но и групп стран, например, ОЭСР или ТС. В частности, к основным показателям для прогноза в странах ТС относят:

- ВВП, % к предыдущему году;
- индекс промышленного производства, % к предыдущему году;
- продукция сельскохозяйственной отрасли, % к предыдущему году.

Ряд показателей содержится в прогнозах двух стран, но отсутствует у третьей страны.

К общим показателям в Беларуси и России относятся:

- инвестиции в основной капитал, % к предыдущему году;
- производительность труда, % к предыдущему году;
- реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году;
- численность (доля) населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % к общей численности населения (для Республики Беларусь — уровень малообеспеченности, в % к численности общего населения).

У Казахстана и России перечень общих показателей шире:

- оборот розничной торговли, % к предыдущему году;
- экспорт и импорт товаров, млрд долл. США;
- инфляция, % декабрь к декабрю предыдущего года.

Показатели социальной сферы:

- численность ЭАН, млн чел.;
- прожиточный минимум на душу населения, % к предыдущему году;
- численность (доля) населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % к общей численности населения;
- уровень безработицы к ЭАН, %;
- численность безработных, млн чел.;
- численность занятых, млн чел.;
- номинально начисленная среднемесячная заработная плата на одного работника, долл. США¹².

Существуют показатели, представленные только в прогнозе одной стороны — Российской Федерации.

¹² Евразийская экономическая комиссия. 2012. Декабрь. С. 4. Информация о сравнительном анализе прогнозов (программ) социально-экономического развития государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу (по состоянию на декабрь 2012 года). С. 3.

В Республике Беларусь в состав таких прогнозируемых показателей входят:

- рентабельность продаж в организациях промышленности;
- рентабельность продаж в сельском хозяйстве;
- внутренние затраты на научные исследования и разработки;
- снижение уровня материалоемкости продукции (работ, услуг) в организациях промышленности (в фактических ценах);
- снижение энергоемкости валового внутреннего продукта;
- удельный вес отгруженной инновационной продукции организациями, основным видом деятельности которых является производство промышленной продукции.

В Республике Казахстан прогнозируются:

- отраслевые показатели в области горнодобывающей промышленности и разработке карьеров, добыче нефти и газового конденсата, обрабатывающей промышленности и т. д.;
- показатели денежно-кредитной политики:
- кредиты БВУ экономике, депозиты резидентов и т. д.;
- показатели платежного баланса: торговый баланс, текущий счет;
- показатели социальной сферы: минимальный размер заработной платы, численность пенсионеров, размер базовой пенсионной выплаты¹³.

Приведенные примеры позволяют констатировать, что в науке существует объективная основа для оценки соотно-

¹³ Евразийская экономическая комиссия. 2012. Декабрь. С. 4. Информация о сравнительном анализе прогнозов (программ) социально-экономического развития государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу (по состоянию на декабрь 2012 года). С. 3.

шения сил, требующая для этого использование различных методов и методик.

В основе реалистичности любых сценариев развития международной обстановки (МО) лежит общность или противоречие интересов локальных цивилизаций и стран, реализованная в некой внешнеполитической стратегии, основанной на реальном соотношении сил — политических, экономических, финансовых, военных и иных. Именно реализация той или иной внешнеполитической стратегии, основанная на реальном соотношении сил в мире, является адекватной политикой, которая создает допустимые рамки для правящей элиты в принятии тех или иных решений. В этом смысле мы вновь возвращаемся к известному рисунку, описывающему политический процесс, но уже с точки зрения возможного сценария развития МО, который основывается на противоборстве разных локальных цивилизаций и их соотношения сил.

Рис. 17.2

Как видно из рисунка 17.2, базовые ценности и интересы локальной цивилизации лежат в основе всей политики. Их

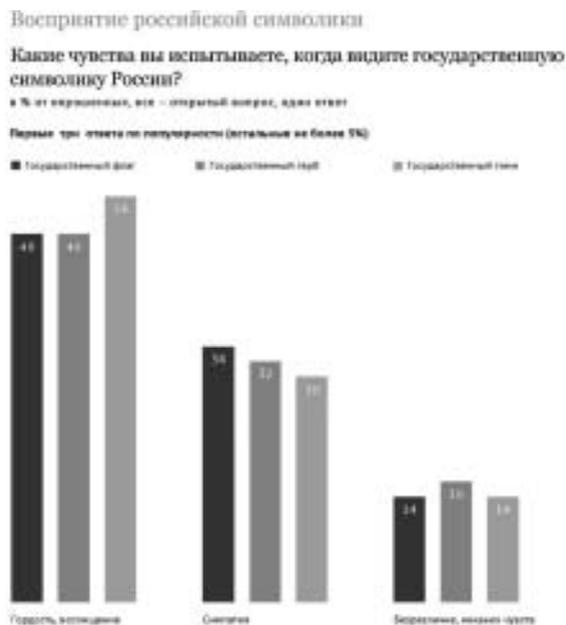

Рис. 17.3¹⁴

масштабы, сроки, способы реализации зависят, прежде всего, от ресурсов и возможностей, внешних условий и эффективности управления правящими элитами. Но в основе всего, все-таки лежат система ценностей и национальные интересы, что, кстати, еще раз доказали события на Украине 2013–2014 годов. Из этого неизбежно следует вывод о том, что в условиях развития и противоборства локальных цивилизаций важнейшим ресурсом становится цивилизационная идентичность как приверженность к собственной системе ценностей и готовность каждой локальной цивилизации защищать свои интересы. Что, кстати, также стало очевидным в ходе событий на Украине. Вот почему замеры общественного мнения (идентичности, патриотизма и т. д.) могут

¹⁴ Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf. С. 69.

показать реальное соотношение сил между локальными цивилизациями, зависящее не только от объемов ВВП и государственной мощи, но и от национальной самоидентификации.

При этом давно уже было замечено, что сомнение в действительном соотношении сил, как правило, провоцирует конфликт. И наоборот: уверенность, например, что «государства А» определено сильнее/слабее «государства Б» делает конфликт бессмысленным. Именно поэтому очень важно знать реальное соотношение сил в мире, диктующее правящим кругам образ поведения и выбор средств в реализации своей внешнеполитической стратегии. Так, если предположить, что «государство А» стремится распространить свой контроль над всей Евразией (это его объективный и субъективный интерес/потребность), то, естественно, возникает вопрос о том, какие ресурсы у него имеются и какие ресурсы могут быть противопоставлены для противодействия реализации этой идеи. В самом простом виде эта мысль наглядно иллюстрируется на примере соотношения военных сил, в частности, ВМС в АТР (рис. 17.4).

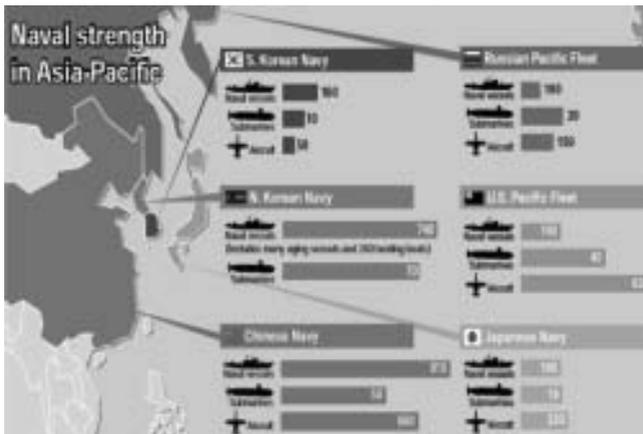

Рис. 17.4¹⁵

¹⁵ [http://www.thejakartapost.com/files/images2/naval_strength_\(the_korea_herald\).jpg](http://www.thejakartapost.com/files/images2/naval_strength_(the_korea_herald).jpg)

Другой пример — соотношение ВМС гитлеровской Германии и союзников во время Второй мировой войны (1944 г.) в Атлантике показывает абсолютное превосходство в соотношении сил союзников:

- по подводным кораблям;
- авиации;
- превосходство Германии в подводном флоте.

Состав флотов сторон на Атлантическом театре военных действий к июню 1944 года¹⁶

Силы	Союзники			Германия	Соотношение
	США	Великобритания	Всего		
Авианосцы	11	28	39		
Линейные корабли	4	13	17	2	8,5 : 1
Крейсера	10	38	48	8	6,0 : 1
Эскадренные миноносцы	126	66	192	24	8,0 : 1
Подводные лодки	40	85	125	380	1,0 : 3
Самолеты авианосной авиации	380	600	980		

Одновременно известно, что с середины 1943 г. по середину 1944 г. доля военного производства в интересах ВМС в Германии снизилась с 9% до 5%, что благоприятствовало успеху высадки союзников в Нормандии и изменению ВПО в Европе в 1944 году.

¹⁶ Боевые действия в Атлантике в 1944 г. Соотношение сил / <http://www.prowton.ru/information/hidden/5343.html>

Очень важно понимать, что процессы изменения в соотношении сил должны тщательно оцениваться, избегать инерционности в подходах. Так, в связи со стагнацией и кризисом 2008–2012 годов в США и в ряде развитых стран возникло неверное представление об их переходе в стадию устойчивой стагнации, что совершенно неверно. Во-первых, потому, что масштабы и качество их экономик все еще существенно превышают экономические уровни других государств, а, во-вторых, потому, что относительно других стран мира их развитие идет достаточно устойчивыми темпами и «списывать» США с роли лидера еще рано. Как видно из ниже приводимых данных, ежегодные темпы роста экономики США в 2013–2016 годы оцениваются более чем 3%, что для такой крупной и современной экономики означает достаточно быстрый рост хотя бы потому, что 1% прироста американского ВВП равен 12–15% прироста ВВП России¹⁷.

Global GDP growth Year-on-year percentage change

	2013	2014	2015	2016
United States	2,2	2,2	3,4	3,1
Japan	1,5	1,1	1,2	0,8
Germany	0,1	1,2	1,4	1,8
China	7,7	7,5	7,3	6,9
United Kingdom	1,7	3,1	2,8	2,6
Euro zone	-0,4	0,7	1,1	1,5
Nordic countries	0,6	1,5	2,0	2,2

¹⁷ Continued recovery, but downside risks have increased Nordic Outlook. Economic Research August 2014. P. 5.

	2013	2014	2015	2016
Baltic countries	2,9	2,1	2,7	3,6
OECD	1,4	1,9	2,5	2,4
Emerging markets	4,8	4,6	5,0	5,1
World, PPP*	3,3	3,4	3,9	4,0

Source: OECD, SEB

*Purchasing power parities

В настоящее время наблюдается стремительный процесс вычленения отдельных самостоятельных центров силы в мире из просуществовавшей некоторое время однополярной системы, в основе которого лежат, в свою очередь, процессы изменения экономических, финансовых, демографических и, как следствие, политических и военных сил. Это ведет к неизбежному переформатированию всей МО уже в ближайшем будущем и коренному изменению — в долгосрочной перспективе. На рисунке этот процесс изменения МО можно изобразить следующим образом (рис. 17.5), принимая во внимание историческую МО и конкретность ее социально-политического характера.

Можно привести конкретный доклад, представленный группой международных исследователей под руководством А. Агеева, Г. Менша (Германия) и Р. Мэтьюза (Великобритания). В нем дается «оценка ретроспективного, текущего и прогнозного статусов интегральной мощи государства, которая осуществляется в модели стратегической матрицы по девяти базовым факторам¹⁸. В стратегическом планировании, предусматривающем целеполагание, прогнозирование, планирование

¹⁸ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 4.

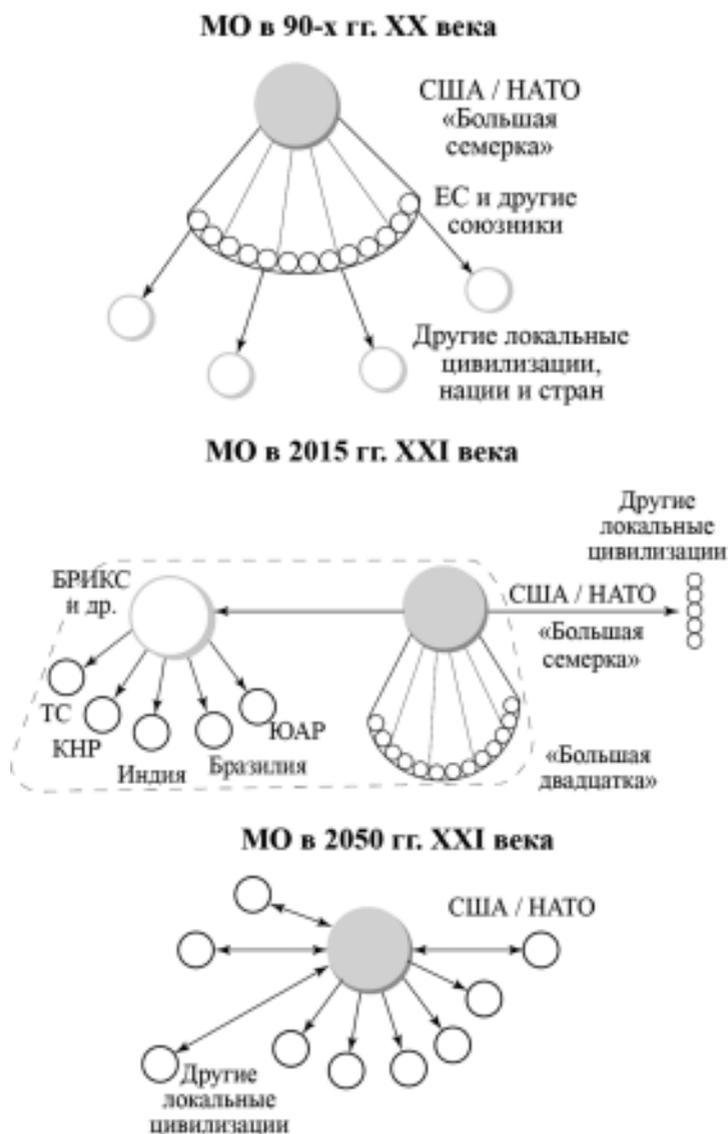

Рис. 17.5

и программирование, оценки всех этих и других факторов имеют исключительное значение¹⁹:

1. система государственного и общественного управления;
2. территория;
3. природные ресурсы;
4. народонаселение;
5. экономика;
6. культура и религия;
7. наука и образование;
8. вооруженные силы;
9. внешняя политика (геополитическое позиционирование).

Сравнение цивилизаций, коалиций и государств по этим показателям в принципе дает основание для выводов относительно соотношения сил между существующими центрами силы в мире. При этом их сравнение не должно быть механическим, что признают в принципе авторы: «Последовательность факторов в модели стратегической матрицы не отражает их иерархии. Значения факторов, описывающие территорию, природные ресурсы, население, культуру и религию, определяют потенциал развития государства. Факторы реализации имеющегося потенциала охватывают переменные групп «экономика», «наука и образование», «вооруженные силы» и «внешняя политика». Фактор управления является подсистемой управления в группировке всех компонентов интегральной мощи»²⁰.

Такой констатации мало. Влияние различных факторов государственной мощи проявляется не только по-разному, но и в разное время. Так, в XXI веке решающим фактором мощи государства становится не только численность гражд-

¹⁹ Федеральный закон от 29.08.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

²⁰ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 5.

дан (народонаселение, как у авторов), а его качество, которое с 1990 года измеряется индексом развития человеческого потенциала ИРЧП²¹.

В настоящее время этот показатель стал ведущим при определении государственной мощи и от него зависят:

- темпы прироста ВВП;
 - качество экономики;
 - наукоемкость и т. д.,
- а в военной области:
- качество личного состава ВС;
 - качество управления ВС;
 - качество и эффективность использования ВиВТ.

Соответственно, одни факторы обнаруживают сравнительно меньшую, другие — сравнительно большую амплитуду изменений. К первым относятся территория, природные ресурсы, население, ко вторым — внешняя политика и синтезирующий все эти элементы фактор управления, который находится в зависимости от качества лидерства и эффективности системы государственного управления, а также от того, насколько она скоординирована с корпоративным и общественным управлением²², — справедливо полагают авторы. В частности, факторы, обладающие «большой амплитудой» изменений — масштабы финансирования внешнеполитической и военно-политической деятельностью. Эти масштабы отнюдь не безграничны и колеблются в определенных пределах (как правило, от 1% до 7% ВВП), однако в абсолютных величинах могут представлять большую разницу. Например, расходы США в 2000–2010 годах выросли в 2 раза (с 350 до 700 млрд долл. / или на 350 млрд долл.

²¹ Подберезкин А. И. Идеология русского социализма / Человеческий капитал. Т. I. М.: МГИМО(У). 2012.

²² Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 5.

Рис. 17.6²³

Использование многофакторной модели позволяет судить об устойчивости государства, рассматриваемого как большая система. Чрезмерное развитие одних факторов при существенном отставании других создает риски дестабилизации системы. Идеальная модель жизнеспособного государства — многогранник, вписанный в круг, с равномерным и по возможности максимально развитым уровнем факторов его мощи.

Для графической интерпретации получаемых результатов используется энниаграмма — окружность с вписанным в нее девятиугольником (рис. 17.7). Графическое отображение многофакторной модели позволяет наглядно продемонстрировать стратегическую траекторию трансформации государства на заданном временном отрезке. Каждый из используемых частных параметров оценивается коэффициентом

²³ Доклад национального разведывательного совета США. «Контурь мирового будущего». 2004 / <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=2087>

относительной важности и сопоставляется с другими параметрами²⁴.

В различные периоды у стран возникает потребность в ускоренном развитии. При этом государство должно идти на форсированную эскалацию значений отдельных факторов с целью формирования импульса к развитию. Но и здесь желательным состоянием остается достижение на более высоком уровне баланса факторов с компенсацией при необходимости низких значений одних факторов более высокими показателями других. Функции управления в этом случае отводится ключевая роль мобилизации ресурсов страны для достижения амбициозных целей ускоренного, прорывного развития. Тогда решение задачи требует разработки эффективной стратегии активизации факторов, обеспечивающих реализацию сценария ускоренного развития: экономики, науки и образования, внешней политики²⁵.

Сознательное форсирование динамики развития системы невозможно без общественного согласия в отношении целей и механизмов реализации стратегии ускоренного развития. В этом контексте культурно-духовная сфера общества играет ключевую роль в обеспечении успеха любых реформ, нацеленных на модернизацию страны.

Значения всех факторов и составляющих их переменных соотнесены со специальными критериальными шкалами. Они определяют уровень развития государства в диапазонах значений «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство». Каждый из базовых факторов рассматривается в соответствии с нечеткой четырехзначной топологической шкалой, численные значения которой находятся в диапазоне от 1 до 10 (табл. 17.2)²⁶.

²⁴ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 6.

Таблица 17.2. Шкала оценок

Статус государства	Уровень, баллов		
	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Сверхдержава	8	9	10
Великая держава	5	6	7
Региональная держава	2	3	4
Малое государство		1	

17.2. Союзы и коалиции в новом соотношении сил в мире

Сценарий развития МО, основанный на сосуществовании и противоборстве разных центров сил, неизбежно предполагает развитие практики союзов и коалиций. Такая «коалиционная

стратегия» успешно реализуется многие годы США и декларируется в качестве ставки на будущее.

Следует подчеркнуть, что используемые в этой шкале категории имеют свои эквиваленты в политической лексике и истории. Так, в разные исторические периоды лишь относительно небольшое количество государств могло претендовать на статус сверхдержавы. В Древнем мире классическим примером сверхдержавы можно считать Римскую империю. Хотя империя Александра Македонского в древней истории и империя Наполеона в Новое время на пике своего могущества просуществовали относительно недолго, они также могут служить примером приближения к статусу сверхдержавы.

Классическая трактовка этого термина относится к периоду после Второй мировой войны, когда возникла биполярная система с США и СССР как сверхдержавами на ее полюсах. В настоящее время США претендуют на то, чтобы быть единственной сверхдержавой современного мира («униполяр»). Вместе с тем можно ожидать появления новой европейской сверхдержавы в лице ЕС, быть может, на этот статус будет претендовать и Китай²⁷.

«Стоит также обратить внимание и на то, что государство может обладать смешанным набором характеристик по девяти факторам. Будучи по одному фактору великой державой, оно может быть малым государством или региональной державой по другим факторам. Будучи сверхдержавой по территориальному статусу, государство может быть слабым по фактору «Народонаселение» и т. д. Комбинаций здесь много. Вероятно, между разными группами параметров существуют свои корреляции. Они требуют специальных исследований».

«Термин, определяющий статус государства как великой державы, по мнению авторов „Рейтинга“, также достаточно узнаваем. Исторически он возник раньше, чем термин

²⁷ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 6.

„сверхдержава“. В разные эпохи великими державами мира считались Священная Римская империя, Португалия, Испания, Великобритания, Франция, Пруссия, Австро-Венгрия и т. д.»²⁸. Вместе с тем статус «великой державы» в XXI веке стремительно меняется. По целому ряду критериев Мексика, Индонезия, Бразилия и ряд других стран уже превосходят традиционные великие державы — Англию, Францию и Германию, — а во второй половине XXI века можно будет констатировать, что к группе великих (или «не менее великих») держав добавятся Египет, Нигерия, Аргентина и др. страны.

В этой связи необходимо регулярно производить мониторинг и переоценку мировых сил и угроз, которые имеют тенденцию «инерции мышления», что хорошо видно на примере военных исследований и нормативных документов. Не случайно заместитель секретаря Совбеза РФ М. Попов признал необходимость пересмотра до конца 2014 года Военной доктрины России, принятой в 2010 году²⁹.

Вызывает сомнение утверждение авторов «Глобального рейтинга» о том, что в современных международных отношениях стратегическая субъектность государств обеспечивается только за счет принадлежности к крупным торгово-экономическим мегаблокам (ЕС, ССТ, МЕРКОСУР и т. д.). Даже для США актуальным является построение собственных торгово-экономических блоков (ССТ/НАФТА). Столь же важно для международного влияния Китая развитие китаецентричной зоны свободной торговли в Восточной Азии. Традиционные великие державы, такие как Германия, Великобритания и Франция, для сохранения своего влияния в системе международных отношений развивают межгосударственное образование — ЕС,

²⁸ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 6.

²⁹ Россия уточняет военную доктрину // Российская газета. 2014. 2 сентября.

который является одним из явных претендентов на роль сверхдержавы современного мира. Европейский союз можно рассматривать как объединение великих, региональных и малых держав, каждая из которых самостоятельно (в том числе и по демографическим показателям) не в состоянии играть важную роль на мировой арене и вынуждена искать пути сохранения своего влияния за счет интеграции с экономически и культурно близкими ей партнерами³⁰.

Торгово-экономические мегаблоки» всегда играли второстепенное значение уступая первенство таким коалициям и союзам, которые формировались на основе общей системы ценностей, либо общности цивилизационных (национальных) интересов, где торгово-экономическая выгода оказывалась подчиненным соображением. Евросоюз — типичный тому пример. Претендующая на статус великой державы Бразилия — один из инициаторов и наиболее активных участников общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР). Россия, учитывая ее демографическую слабость, имеет шансы упрочить свое положение как великой державы только в составе Евразийского союза³¹.

Тем не менее, статус союзов и коалиций в новом соотношении сил, в мире, остается двойственным, как и ответ на вопрос о преобладании экономических или военно-стратегических интересов в политике их участников на различных этапах взаимодействия. Исходя из логики современного поступательного развития новых и уже сложившихся региональных лидеров, представляется, что стремление упрочить свои державные преимущества станет центральным моментом в системе их национальных приоритетов и наиболее привлекательным ориентиром внешнеполитической деятельности нескольких ближайших десятилетий. Поэтому западная модель, усиленно

³⁰ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 6.

³¹ Там же.

продвигаемого сегодня, однополярного мира будет восприниматься как все более нежелательная альтернатива глобального развития.

Основные показатели, используемые для описания уровня развития государства

Рис. 17.7

Уникальные ниши великих держав, особого геополитического расположения, занимают сегодня только Япония и Индия. Япония, не сумев в полной мере реализовать свое финансовое могущество, все более проигрывает экономическое и геополитическое соревнование в Восточной Азии набирающему силу Китаю. Проигрывая демографически и не будучи в состоянии построить полноценные вооруженные силы, Япония в тенденции останется достаточно мощной державой, но преимущественно регионального масштаба. Индия в силу особенностей своего геополитического положения — зажатости между региональными соперниками, превосходящими ее или сопоставимыми с ней по мощи (Китаем и Пакистаном), ограничена в возможностях построения собственной зоны влияния в Азии. Поэтому она не может в обозримом будущем претендовать на статус сверхдержавы и будет вынуждена и в дальнейшем выстраивать свое позиционирование в мире на основе баланса интересов с ведущими мировыми центрами силы.

Термин «региональная держава» возник относительно недавно в Новейшей истории. В нашей классификации под ним понимается государство, значимое, прежде всего в региональном масштабе, но не обладающее важными атрибутами великой державы (объем ВВП, уровень технологического развития, статус в международных союзах, качество социального капитала). Термин «малое государство» обозначает страны, значимость которых даже в региональном измерении невелика.

По десятибалльной шкале уровень сверхдержавы соответствует диапазону значений 10–8 (или «высокое»), великой державы — 8–5 (или «выше среднего»), региональной державы — 4–2 (или «среднее»), малое государство — 1 (или «ниже среднего»).

Конечным интегральным показателем, помимо значений девяти базовых факторов, выступает интегральный показатель мощности (ИПМ, IPI — Integral Power Indicator) государства, позволяющий обобщить полученные значения девяти факторов

государственной мощи. Для расчета интегральных показателей строится восходящая иерархия, в соответствии с которой на каждом из выделяемых уровней происходит обобщение показателей предыдущего уровня и их сведение к единому интегральному показателю. Для реализации этой схемы каждый из параметров нижнего уровня (начиная с отдельных частных параметров) оценивается коэффициентом относительной важности (сопоставляется с другими параметрами, используемыми при оценке значения интегрального показателя).

Общая оценка выводится по формуле:

где:

$$Z_y = \sum_{i=1, l} M_i \times Z_i,$$

l — количество оцениваемых частных параметров;

M_i — коэффициент важности частного параметра в общей оценке;

Z_i — значение частного параметра в баллах;

Z_y — значение интегрального показателя заданного уровня.

Коэффициент важности (M_i) для частных параметров выводится на основе метода дробей Фишберна, который может быть представлен универсальной формулой (2):

где:

$$M_i = \frac{\max(V_n) - V_i + 1}{\sum V_i}, \quad i, n = 1, N,$$

M_i — весовой коэффициент значимости i -го показателя;

V_i — определяемый экспертом ранг важности i -го показателя;

$\max(V_n)$ — максимальное (то есть наихудшее) значение ранга важности рассматриваемых показателей;

N — общее количество показателей³².

³² Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. С. 8.

Основные показатели, используемые для определения уровня развития государств как методический инструмент анализа, оценок и прогнозирования позволяет повысить строгость не только качественных, но и количественных характеристик ведущих и уступающих им по своему потенциалу стран в контексте международного взаимодействия. Происходит конкретизация представлений о степени их «самодостаточности» как центров международного влияния или, напротив необходимости участия в союзах/коалициях.

17.3. Мировые тенденции и их роль в соотношении сил

Пока что изменение в соотношении сил рассматривается, как правило, в качестве экстраполяции существующих тенденций — экономических, научно-технических и др., — что совершенно неверно, если говорить о долгосрочном прогнозе и неизбежной смене парадигм в развитии цивилизаций, наций и государств. Подобная стремительная смена парадигм может быть чрезвычайно опасной с точки зрения международной стабильности, так как может привести к войнам и вооруженным конфликтам автоматически, вместе со сложившейся сменой системы международных отношений. Так, революционная смена социально-политической парадигмы в России привела к доктрине «мировой революции» и «революционной войны», созданию Интернационала и финансированию левых партий за рубежом. Революции на Кубе и в Никарагуа — к попыткам внешних интервенций, а левое правительство С. Альенде в Чили — к государственному перевороту.

В любом случае смена парадигм в социально-политической, экономической или иной области ведет к выбору, за которым может стоять выбор, в том числе и военный. Взаимосвязь «революция — война», ставшая очевидной еще со времен Великой

французской буржуазной революции, на самом деле является лишь одним из многих, социально-политическим проявлением смены парадигм общественного развития.

Другая взаимосвязь, замеченная еще с древних времен, это совпадение кризисных явлений в стране и войн, когда выход из кризиса видится во внешней или внутренней войне. К сожалению, глобальные тенденции мирового развития сегодня нередко ведут к кризису и стагнации, что в свое время, как считают многие историки, стало причиной Второй мировой войны. И сегодня целый ряд исследователей находят между ними прямую взаимосвязь. К таковым, в частности, относятся В. Якунин и В. Сулакшин.

Синхронизм начала войн и военных конфликтов и фаз кризисов (до, во время и после кризиса) за 1900–2011 гг.

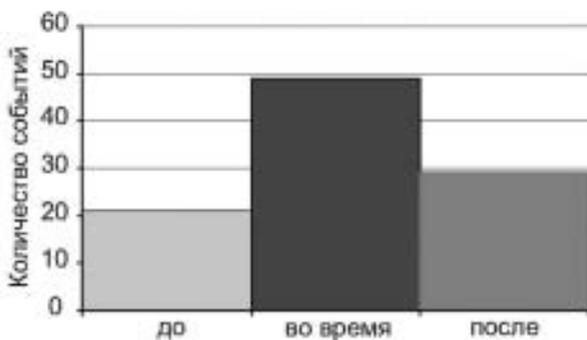

Рис. 17.8³³

Представляется, что наиболее вероятным сценарием развития МО в мире будет сценарий, когда условия формирования мировой МО будут определяться не только США и Россией, но и другими, порой даже более важными субъектами МО и об-

³³ Якунин В.И., Сулакшин С.С. и др. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Москва. 2012 / http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2014/01/Mirov_krizis.pdf. С. 94.

стоятельствами³⁴. Целесообразно привести некоторые из них, полагая, что отношения «Россия–США» и сценарии их развития, как уже говорилось, во многом будут предопределяться факторами иного, более высокого, цивилизационного порядка.

В частности, основной и наиболее вероятный сценарий развития МО в мире и его составная часть — военно-политические отношения, — будут зависеть от развития следующих факторов:

- **во-первых**, способности США реализовать свою стратегию создания подконтрольных сообществ — Трансатлантического партнерства (ТАП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП), — которые смогут обеспечить сохранение в будущем американского мирового лидерства. Очевидно, в том числе и для США, что сохранение «контрольного пакета» управления в мире будет возможно только в том случае, если США смогут мобилизовать и повысить эффективность своего сотрудничества как с традиционными союзниками, так и новыми партнерами;
- **во-вторых**, будущая ВПО в мире будет зависеть от того, насколько успешным будет не только опережающее развитие новых центров силы, но и их способность превратиться в «центры консолидации». В частности, речь идет о том, насколько быстро и эффективно будут развиваться такие новые центры силы, как БРИКС, ШОС, АСЕАН. Очевидно, что превращение БРИКС из «политического клуба» в политический и финансовый союз, которое наметилось летом 2014 года, означает, что возник и уверенно развивается серьезный политический и экономический противовес США и создаваемому ими поясу из двух партнерств — ТТП и ТАП;
- **в-третьих**, в значительной степени влияние на формирование будущей ВПО в мире окажет возможность создания по сути нового военно-политического центра силы на базе

³⁴ Подберезкин А. И. Идеология опережающего развития человеческого потенциала / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал М.: Европа. 2007.

ОДКБ и Евразийского союза. Если допустить, что в него войдут (кроме Казахстана, Белоруссии, России, Армении и Киргизии) еще те 20 стран, которые заявили о готовности участвовать в ТС, то это, безусловно, будет означать: в мире появился новый политический, экономический и военный центр силы;

- **в-четвертых**, большое значение будет иметь усиление КНР и трансформация его военно-политической доктрины, в частности, с точки зрения превращения его в активного субъекта мировой ВПО. Китай, как известно, «отказался принимать американские правила игры, например, на переговорах по торговле, климатическим изменениям, интеллектуальной собственности. Несмотря на обвинения в валютных манипуляциях, которые выдвигаются против КНР в США в связи с огромным торговым дисбалансом между двумя странами, Пекин пошел лишь на незначительные уступки и не согласился на ревальвацию. Как констатировал Роберт Зеллик, «Китай оказался недовольным акционером». Пекин отказался сотрудничать на условиях Вашингтона, утверждает известный американский политический аналитик Фарид Закария.

Новый руководитель КНР Си Цзиньпин на заседании Всекитайского собрания народных представителей провозгласил: «Нам необходимо умножать свои силы и неуклонно идти вперед для того, чтобы в дальнейшем продвинуть вперед социализм с китайской спецификой и бороться за достижение «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации». Председатель КНР напомнил о 170 годах, прошедших со времени первой Опиумной войны (1839–1842) и о всей пятитысячелетней истории китайской цивилизации. «Китайская нация — это нация, обладающая беспрецедентной созидательной силой», — подчеркнул Си Цзиньпин. Он заявил, что Вооружённые силы КНР должны находиться «в полной боевой готовности для обеспечения победы в любой войне». Как утверждают некоторые

американские эксперты, «Пекин считает, что США являются одновременно и величайшей угрозой национальной безопасности Китая, и приходящей в упадок державой». «Китай намерен стать величайшей державой мира и быть признанным как Китай, а не как почетный член западного сообщества»³⁵ — заявил бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю.

- **в-пятых**, наконец, существует множество иных глобальных трендов — научно-технические, финансовые, цивилизационные и др., — которые будут влиять на формирование наиболее вероятного сценария развития МО. В частности, повышение эффективности существующих ВиВТ или создание качественно новых систем оружия может привести к военно-техническому и технологическому превосходству, которое редко изменит соотношение военных и политических сил в мире. Так, появление ядерного оружия и стратегической авиации у США в 50-е годы XX века привело к появлению целого ряда внешнеполитических доктрин и концепций, в основе которых лежали возможность и даже необходимость применения военной силы.

Сегодня в связи с развитием ВиВТ можно говорить об очень тревожном процессе умножения внешних опасностей и угроз, который заключается в том, что прежние угрозы обостряются (создаются ВТО, гиперзвуковые системы, широкомасштабная ПРО и т. д.), и одновременно появляются и качественно новые. И первые, и вторые формы угроз могут решительно повлиять на соотношение сил в мире и на безопасность России. Так, события на Украине, например, показали резко возросшее значение информационного оружия, превосходство в котором стало залогом успешной политической и военной борьбы.

Само существование этих внешних по отношению к США и РФ факторов, их потенциальное влияние и направленность

³⁵ Рогов С. Доктрина Обамы. Властелин двух колец / Эл. ресурс: РСМД. 2013. 6 мая / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top

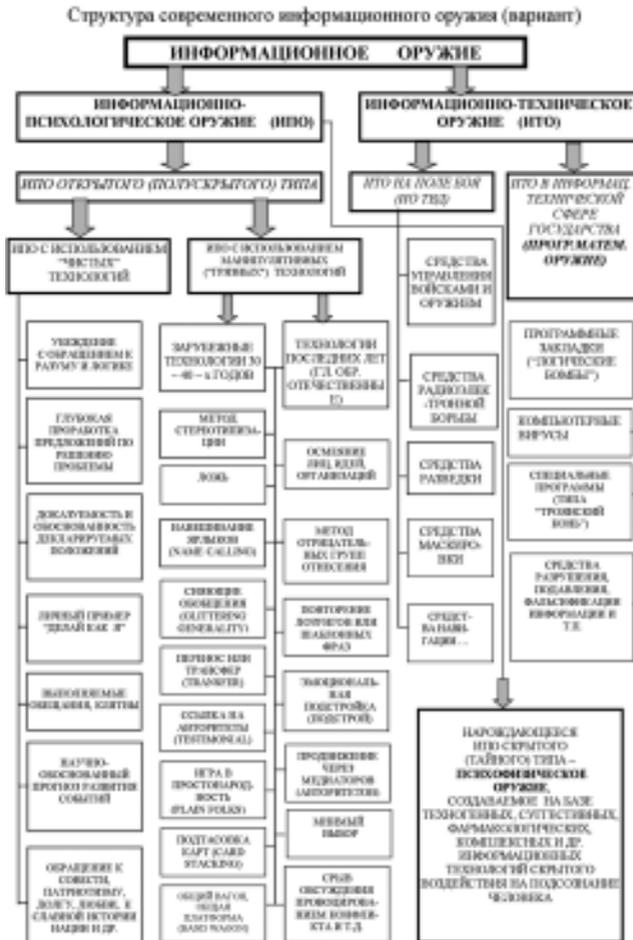

Рис. 17.9³⁶

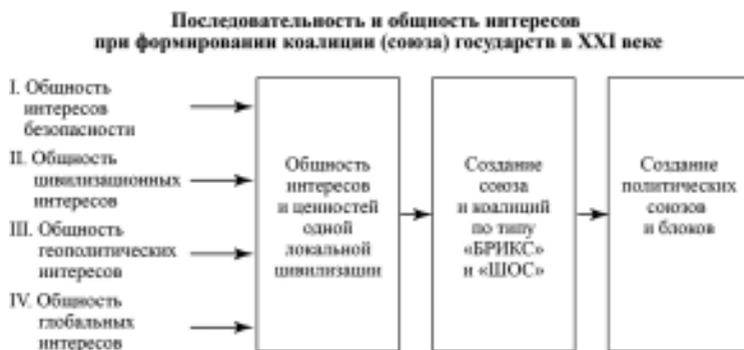
³⁶ Прокофьев В. Ф. К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / Генеральный штаб вооруженных сил Российской Федерации Центр военно-стратегических исследований. М. 2004. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей / под ред. ген. полковника Балуевского Ю. Н. / <http://www.csef.ru/files/csef/articles/719/719.pdf>. С. 388.

свидетельствуют о том, что наиболее вероятный будущий сценарий ВПО будет развиваться при постоянно усиливающемся воздействии с их стороны. Сказанное означает, что относительное значение собственной политики США в мире будет уменьшаться под воздействием этих факторов, а способность США влиять на их эволюцию посредством международных инструментов, в частности, созданием ТАП и ТТП, будет решающей.

Сказанное означает, что будущий сценарий развития ВПО в мире во все возрастающей степени будет определяться внешними факторами, прежде всего способностью ведущих государств объединить вокруг себя другие страны, создать новые политические союзы и военно-политические коалиции. По сути дела, это означает, что набор сценариев развития ВПО будет во многом идентичен набору сценариев возможных военно-политических коалиций. Их число теоретически достаточно ограничено, а практически в будущем будет еще меньше.

17.4. Теоретически возможные сценарии международных военно-политических коалиций в XXI веке

Формирование новых мировых центров силы неизбежно ведет к созданию новых политических, экономических и военных союзов и коалиций во главе с новыми цивилизационными лидерами. При этом было бы глубоким заблуждением думать, что в основе этих союзов будут лежать только экономические интересы или выгода, как нередко говорится сегодня. Эта схожесть, даже общность интересов будет предполагать, прежде всего, общность интересов безопасности, цивилизационную общность (систем ценностей) и геополитическую общность, что можно продемонстрировать на следующем рисунке (рис. 17.10).

1. **США** — НАТО — ТАП — ТТП.
2. **КНР** — страны ЦА, АСЕАН, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Латинской Америки.
3. **БРИКС** — (возможно в расширенном составе), как политический, экономический и иной союз.
4. **«Исламский халифат»** — как союз большинства мусульманских государств и организаций.

Нетрудно обнаружить, что (за исключением БРИКС) политическая вероятность таких коалиций совпадает во многом с их цивилизационной идентичностью. Это означает, что в эволюции военно-политической обстановки цивилизационные и гуманитарные факторы будут приобретать все возрастающее значение. Рассматривая возможность реализации нескольких сценариев (в данном случае развития отношений между Россией и США и их влиянием на формирование МО), можно констатировать, что:

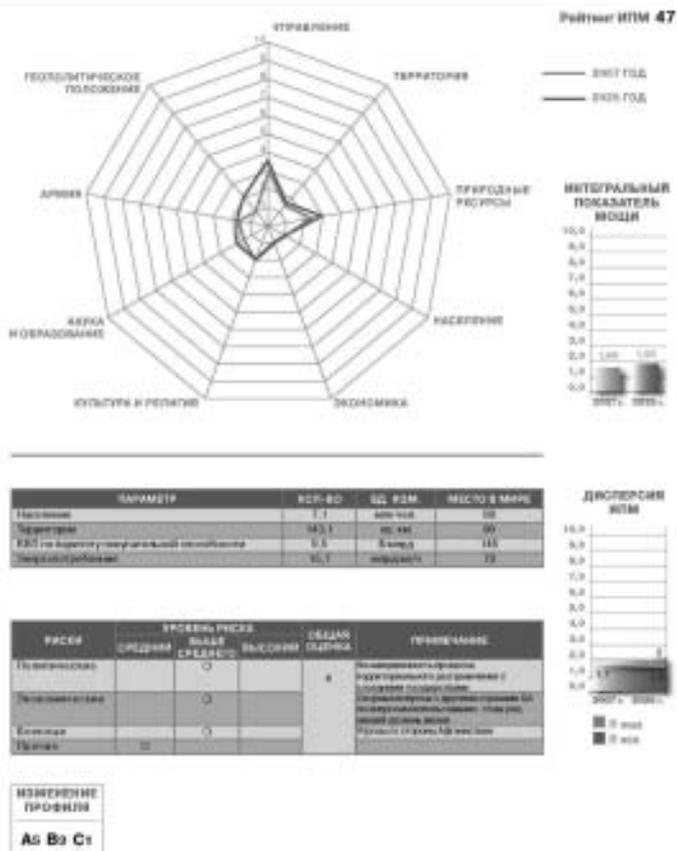
- существует большое количество возможных и вероятных сценариев развития МО в мире, когда участвуют все основные субъекты (акторы) МО и влияют основные тренды мирового развития. Их анализ и прогноз необходимы для того, чтобы не ограничиваться только несколькими группами факторов. Количество сценариев и их вероятность

- определяется как количеством участников МО, так и системой взаимоотношений между ними;
- основные тенденции в развитии МО определяются тенденциями в развитии ЧЦ, которые предопределяют границы, вероятность и характер сценариев развития МО, детерминируют тенденции мирового развития, значение и роль основных участников и других акторов МО;
 - существует достаточно ограниченное количество групп и подгрупп сценариев развития МО, определяемых на основе современного анализа МО, политики и потенциалов отдельных государств, основными национальными интересами и мотивами поведения правящих элит;
 - анализ существующих сценариев развития позволяет сделать их вероятностный прогноз, существенно ограничив количество их вариантов на среднесрочную и долгосрочную перспективу;
 - смена мировых парадигм развития, соотношения сил и политик отдельных субъектов МО может вести к изменениям в сценариях развития МО в существенной их части, превращения бывших врагов в союзников и наоборот, в зависимости от совпадения (или несовпадения) основных групп интересов к тому периоду времени.

Анализ и стратегический прогноз сценариев развития МО дает серьезные основания для анализа и прогноза отдельной составной части МО — военно-политической обстановки (ВПО), которая, с одной стороны, является одной лишь частью МО, но с другой, проникает во все другие области МО — политику, экономику, гуманитарные отношения между этносами, нациями и государствами. Естественно, что для целей стратегического прогноза сценариев развития МО в долгосрочной перспективе важно оценить, каким государственным (цивилизационным) потенциалом будет обладать тот или иной будущий центр силы. Для этого можно использовать разные методики. В качестве иллюстрации можно привести пример с методикой

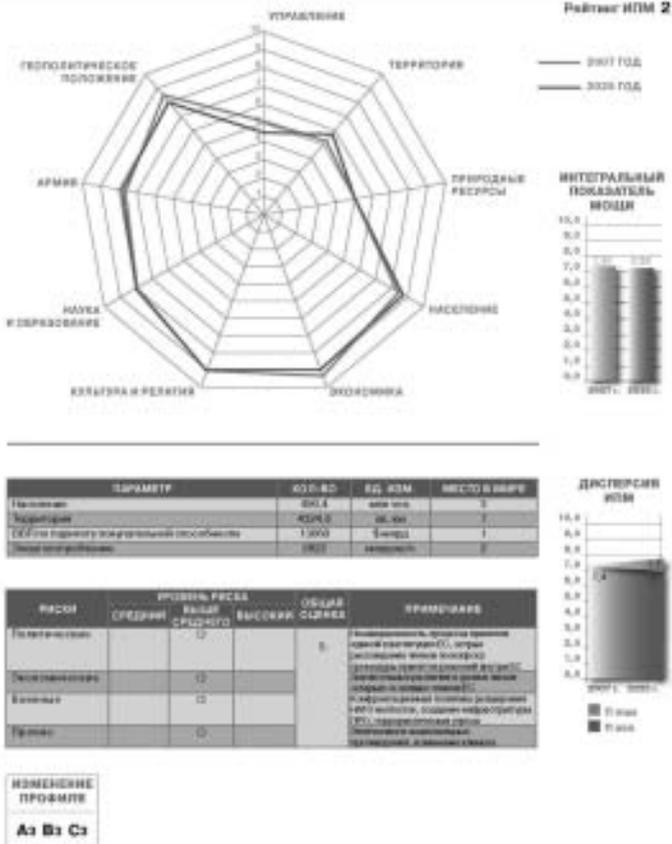
ряда авторов, разработанной в начале XXI века. Оценивая мощь государства или союза (Таджикистана и ЕС, например) авторы, могут сделать заключение о приблизительном соотношении сил, рассчитав его по предложенной ими методике, о которой уже говорилось выше³⁷.

ТАДЖИКИСТАН

³⁷ Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира. Доклад к обсуждению / под научн. ред. А. Агеева и др. М. 2007. С. 50.

ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

Такова суть этой методики применительно к союзам (коалициям) и центрам силы³⁸. Оценка статуса и прогнозной динамики процесса государственного развития осуществляется в модели стратегической матрицы по девяти базовым факторам,

³⁸ Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира. Доклад к обсуждению / под научн. ред. А. Агеева и др. М. 2007. С. 50.

о которых уже говорилось выше. Обоснование выбора именно этих факторов более подробно изложено в более ранних работах, опубликованных под эгидой МЛ СУ, МАИБ и ИНЭС. Для графической интерпретации получаемых результатов используется энниаграмма (окружность с вписанным в нее девятиугольником — геометрический символ, используемый в некоторых религиях).

Графическое отображение многофакторной модели позволяет наглядно продемонстрировать стратегическую траекторию трансформации государства на заданном временном отрезке. При этом значения факторов определяются как по имеющимся статистическим данным, оцениваемым по специально разработанным критериальным шкалам, так и на основе экспертных оценок. Каждый из используемых частных параметров оценивается коэффициентом относительной важности и сопоставляется с другими параметрами.

Исследованиями, проведенными в отношении исторической динамики и прогноза развития по более чем 50 странам, выявлено, что одни факторы обнаруживают сравнительно меньшую, другие — сравнительно большую амплитуду изменений. К первым относятся территория, природные ресурсы, население, ко вторым — внешняя политика и синтезирующий все эти элементы фактор управления, который находится в зависимости от качества лидерства и эффективности системы государственного управления и ее координированности с корпоративным и общественным управлением.

Глава XVIII.
Анализ сценариев развития
военно-политической
обстановки до 2050 года

Долгосрочный сценарный прогноз развития ВПО и СО вытекает из строго логической последовательности, которая не предполагает исключения какого-либо предшествующего этапа¹

А. Подберезкин

Построение сценариев развития военно-политической обстановки (ВПО) является комплексным и взаимосвязанным процессом, в котором каждый последующий сценарий строится на базе предыдущего. В данном случае сначала строится краткосрочный сценарий, на его основе составляется среднесрочный, а на основе среднесрочного — долгосрочный. При построении сценария на краткосрочную перспективу (до 7 лет) предлагается использовать линейный метод. Этот метод предполагает выявление уже существующих тенденций мирового развития, а также тенденций развития ключевых стран и регионов, имеющих важное значение для национальной безопасности России. Затем эти тенденции экстраполируются в будущее.

В основе сценария на среднесрочную перспективу (15 лет) также будет лежать линейный метод, но с добавлением элементов многовариантности в отношении отдельных стран и регионов. Речь идет о том, что в этот период экономическое и внутривнутриполитическое развитие отдельных стран может привести к таким изменениям, что их роль на международной арене принципиально изменится.

¹ Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО / Аналитический доклад. 2014. Сентябрь. С. 15.

Предсказать подобные изменения со 100% точностью, вряд ли, возможно. Однако при анализе современных тенденций можно ожидать определенную степень вероятности таких изменений. А это в свою очередь позволит предвидеть несколько вариантов дальнейшего поведения конкретного государства, что в свою очередь поможет сделать выводы о частичном изменении баланса сил в том или ином регионе. То же самое касается и перспектив военно-технического развития тех или иных стран, в особенности касательно создания ими новых видов вооружений и военной техники. Так, можно предположить, что страны, ведущие работы над гиперзвуковым оружием, смогут через 15 лет создать реальную гиперзвуковую боевую систему. И это определенным образом повлияет на мировой баланс военных сил. Но этого может и не случиться. Поэтому предполагаемый прогноз должен будет учитывать оба варианта.

Сценарий развития военно-политической и стратегической обстановки на долгосрочную перспективу (35 лет) может быть только многовариантным. То есть исходить из многовариантности развития всей системы международных отношений, а не только отдельных стран и регионов. На таком временном отрезке накапливаемые в различных странах и регионах изменения могут, в конце концов, привести к полному переформатированию системы международных отношений, как например, случилось вследствие распада СССР и социалистической системы. То же самое касается и разработки новых видов и систем вооружений вследствие научно-технических прорывов в различных областях или наоборот упадка науки и военных технологий вследствие неблагоприятных экономических и политических процессов в ведущих странах мира.

Развитие будущих сценариев ВПО в мире, как уже говорилось, происходит под влиянием трех основных групп факторов и характера взаимоотношений между ними. Прогноз их

влиятельности по существу и будет во многом предопределять развитие ВПО в XXI веке. Речь идет о:

- основных субъектах ВПО (государства) и военно-политических союзах государств, их коалициях;
- негосударственных акторах ВПО (коалициях, общественно-политических силах, союзах, политических организациях и т. д.);
- глобальных тенденциях политического, экономического, научно-технического развития;
- наконец, об отношениях между этими субъектами и о тенденциях ВПО, причем, не только, военно-политических, но и гуманитарных, экономических и др.

Анализ и стратегический прогноз различных сценариев развития ВПО до 2030 и 2050 годов, таким образом, предполагает, что любой из этих сценариев должен рассматриваться, как минимум, «на пересечении» трех тенденций:

- во-первых, как будут развиваться и выглядеть субъекты ВПО в 2030 или 2050 годах с точки зрения не только их государственной, но и военной мощи, измеряемой не только с их количественной стороны (ВВП, танки, самолеты и т. д.), но и качественной. Речь идет об анализе и оценке практически всех государств и военно-политических коалиций по сотням параметров. Это означает учет десятков и сотен тысяч находящихся в динамике и в процессах качественных изменений факторов;
- во-вторых, как будут изменяться роли не государственных субъектов ВПО, ныне наращивающих свое влияние и играющих все более важную роль во внешних, внутренних конфликтах и войнах;
- в-третьих, как будут формироваться отношения между всеми этими факторами, субъектами и тенденциями развития человеческой и локальных цивилизаций.

Простейшая матрица, отображающая только основные факторы, формирующие ВПО в мире, может быть представлена

в виде следующей диаграммы. Из нее видно, например, что значение «доля» ВПО при формировании МО может быть не-большим (или его может не быть вообще), либо значительным.

Диаграмма 18.1. Факторы, влияющие на формирование ВПО в мире в конкретный период времени (2014 г.)

Область формирования международной обстановки (МО) и военно-политической обстановки (ВПО)	Факторы влияния			
	Государственные субъекты МО	Негосударственные акторы	Глобальные тенденции мирового развития	Отношения между субъектами и факторами
Политические отношения	■			■
Экономические отношения			■	■
Военные отношения	■	■		■
Торговые отношения	■		■	■
Финансовые отношения			■	■
Гуманитарные отношения	■		■	■
«Доля» ВПО в отношении при формировании МО	■		■	■

Так, состояние ВПО на Ближнем Востоке во многом определяется МО, а именно уровнем политических, экономических и военных отношений России с Сирией и Египтом, а США — с Турцией и Израилем.

В любом случае ясно, что:

- во-первых, сценарии развития МО и их варианты во многом определяют сценарии и варианты развития ВПО. Это означает, что при негативном сценарии развития МО не может быть в принципе позитивного сценария развития ВПО. Он может быть либо кризисным, либо враждебным;
- во-вторых, сами по себе сценарии развития ВПО зависят как от общего состояния международной обстановки (МО), так и от основных факторов, определяющих эту обстановку — политических, экономических, дипломатических и пр.

Это означает, что уровень и качество развития невоенных областей МО во многом влияют на военные области. И наоборот: военные области могут оказывать позитивное влияние на другие области развития МО. Например, ВТС безусловно укрепляет доверие;

- в-третьих, анализ и прогноз ВПО носит сугубо конкретный (временной, военно-технический, экономический и финансовый) характер и не может быть универсальным. Это означает, что нет какого-либо абстрактного сценария развития ВПО, применимого и к 2015, и к 2030 или 2050 годам, или характеризующего не только каждую страну, но сразу несколько стран или объединений;
- в-четвертых, экстраполяция существующего сценария развития ВПО на долгосрочную перспективу может быть очень ограничена в силу огромного числа факторов влияния вообще и переменных их величин, в частности. Тем не менее, вывод о возможности и необходимости анализа, существующих и прогноза будущих сценариев и вариантов развития ВПО не просто подтверждается, но и усиливает свое значение в условиях качественных перемен, происходящих в ВПО в мире и отдельных регионах во втором десятилетии XXI века. Очевидное усиление негативных тенденций в сценариях развития ВПО требует не только адекватной военно-технической реакции со стороны России, что совершенно понятно, естественно и необходимо, но и новых попыток размыть политический фундамент усиления конфронтации. Любые усилия в этом направлении (даже если они дают незначительный видимый результат) представляются не просто желательными, но и обязательными.

Основу таких усилий может составить поиск общецивилизационных интересов (потребностей) народов Евразии вообще и Европы, в частности. На базе таких общих интересов возможно и необходимо создание новых и активизация существующих

механизмов обеспечения безопасности при понимании того, что США и ряд их союзников вполне удовлетворены имеющимся механизмом НАТО². Надо отчетливо понимать, что негативные сценарии развития ВПО набирают силу. Учитывая особое значение политических и международных факторов МО на формирование ВПО, важно избегать недооценки политических, экономических, гуманитарных и иных аспектов собственно военных факторов. Так, если вернуться к опыту оказавшейся в условиях холодной войны послевоенной Европы, можно признать, что:

- в 1975 году, когда состоялось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, вопросы безопасности и политики были «уравновешены» вопросами экономического и гуманитарного сотрудничества. Фактически произошел обмен: Запад признал принцип нерушимости границ, а СССР — необходимость руководствоваться «гуманитарной корзиной» с ее «сердцевиной» в виде формулы о правах человека;
- в эти же годы был выдвинут комплекс «общечеловеческих» (гуманитарных, экологических, биологических и пр.) проблем, которые стали общей основой для политической и общественной дискуссии. В XXI веке таких проблем стало гораздо больше и разнообразия в их понимании — не меньше;
- в эти же годы стал актуальным тезис о пространственном измерении Европы «от Лиссабона до Владивостока». Надо понимать, что раздел Европы на «Европу» и «Россию» не выгоден России ни как государству, ни как нации, но этот раздел очень выгоден США и Великобритании. Поэтому в XXI веке целесообразно расширить понимание пространства Европы до пространства Евразии, что само по

² Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО, 2013.

себе в известном смысле способно уравнивать позиции США и стран ЕС участием быстро набирающих силу стран Азии.

При этом расширение «пространства безопасности» на другие регионы Евразии и мира отнюдь не должны ограничиваться указанным проектом. В XXI веке отчетливо просматривается тенденция распространения пространственных характеристик ВПО на Арктику, океанские акватории, космическое пространство. Очевидно, что уже к 2030 году любой сценарий развития ВПО будет предполагать глобальный пространственный охват. Наконец, очень важно понимать, что любой сценарий развития ВПО предполагает многовариантность и возможность реализации. Это положение можно продемонстрировать упрощенно на следующем рисунке.

Рис. 18.1

Иными словами, в 2014 году мы не можем прогнозировать даже на краткосрочную перспективу один–два сценария развития ВПО. Можно говорить о наиболее вероятных сценариях развития ВПО и их вариантах, которые должны конкретизироваться в зависимости от точного числа участников, времени, политической обстановки и других, в том числе субъективных факторов (отношений лидеров, готовности идти на риск и т. п.). В этой связи особое значение приобретает анализ и прогноз

ответных действий, реакции на будущие внешние и внутренние угрозы, прежде всего, с точки зрения минимизации рисков.

Это означает, что мы должны быть готовы к ответной и несимметричной реакции на максимально большое число сценариев развития ВПО и их вариантов, разрабатывая наиболее адекватные универсальные средства и способы, так как национальных ресурсов для ответа на все варианты всех сценариев ВПО не хватит. Так, невозможно для России участвовать в войне на отдаленных ТВД или готовиться к войне со всеми странами НАТО в одиночку, полагаясь только на обычные вооружения. Таким образом, общие условия и принципы анализа и долгосрочного прогноза развития сценариев ВПО должны включать достаточно значимые ограничения, включая ресурсные, быть «привязаны» максимально к конкретным социально-политическим, научно-техническим, экономическим и геополитическим реалиям, которые минимизировали бы их абстрактность до прикладного практического уровня.

18.1. Взаимосвязь сценариев развития международной и военно-политической обстановки

Проблема взаимосвязи развития сценариев МО и ВПО поднималась и описывалась уже не раз в этой и предыдущих работах ЦВПИ МГИМО достаточно подробно³. В данном разделе рассматриваемые конкретные сценарии развития ВПО и их варианты основываются (теоретически и методологически) на этой взаимосвязи и непосредственно вытекают друг из друга. Это означает, что существующие и будущие конкретные сценарии и их варианты развития ВПО являются логическим следствием развития соответствующих конкретных сценариев

³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО, 2014.

МО, их естественной, составной частью, а также следствием развития одного из сценариев человеческой цивилизации.

Это означает, что анализ существующих сценариев развития ВПО в мире и их прогноз на период до 2030 и 2050 годов предполагает изначально попытку систематизации таких сценариев (по аналогии с систематизацией по группам и подгруппам сценариев МО), в силу их огромного количества и выделения из их числа наиболее вероятных вариантов. Без такой систематизации и логической привязки количество сценариев и их вариантов становится неограниченным, а значит бессмысленным с точки зрения анализа и прогноза. Кроме того, как уже говорилось выше, необходимо выделить условия и принципы, в соответствии с которыми выдвигаются эти сценарии, делающие их более конкретными и практическими, то есть более вероятными.

Подобные анализ и прогноз логично предполагают увязку существующих сценариев развития ВПО с уже существующими и прогнозными сценариями развития международной обстановки (МО) и человеческой цивилизации (ЧЦ).

Ибо и развитие сценариев ВПО, и варианты стратегической обстановки (СО), и вся военная политика государства формируются под прямым непосредственным и сильным влиянием конкретных сценариев МО. Последние формируют такие же конкретные внешние политические, военные, экономические и иные условия существования государств и еще более конкретные внешние и военные угрозы⁴.

Так, например, развитие ВПО на Украине и в Европе зависит от многих политических, финансовых, экономических и иных факторов, которые необходимо учитывать при формировании собственно военной политики. В частности, сложившейся в 80-е и 90-е годы XX века продовольственной зависимости России

⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО. 2014.

от Запада. «Обмен санкциями» как политический инструмент в данном случае должен учитывать эти реалии, хорошо отоб-
раженные на инфографике РБК⁵.

Рис. 18.2

И наоборот, конкретные военные и военно-политические условия формирования сценария ВПО могут и часто оказывают обратное влияние на развитие сценария МО в ту или иную сторону. Так, безусловные военные успехи ополченцев на Украине весной–летом 2014 года вынудили Киев и его союзников пойти на переговоры с представителями Новороссии, заключить перемирие и смягчить набирающую темпы опасную эскалацию развития сценария МО в кризисном направлении. При этом надо понимать, что влияние происходящих в развитии сценариев

⁵ Инфографика: Виктория Сункина, Олеся Волкова. Данные International Trade Centre. Расчеты РБК // РБК. 2014. 13 августа.

ЧЦ и МО процессов более глубокое и фундаментальное и более сильно сказывается, чем в сценариях развития ВПО и СО.

Случаи, когда изменения в сценариях развития ВПО радикально влияли на сценарии МО, в истории есть, но они немногочисленны. Так, Карл XII быстрым нападением и разгромом датчан вывел Данию из военно-политической коалиции России, Польши и Дании против Швеции. Такую же попытку попытался осуществить А. Гитлер, освободив из заключения Муссолини. Но, надо признать, что имеющиеся немногочисленные примеры, в конечном счете, все равно подтверждают общее правило: развитие сценариев ВПО следует из развития сценариев МО, а тех — из сценариев развития ЧЦ.

Надо признать, что специфические события и тенденции в развитии того или иного сценария ВПО оказывают частные, иногда значимые воздействия на события и тенденции в сценариях развития МО. В частности, война на Украине стала поводом для введения санкций против России на разработку месторождений нефти и газа в Арктике⁶, ограничений в добыче сланцевой нефти и газа, а в перспективе — на ее политику в Антарктике и в других регионах. Это влияние иногда не очень заметно (как в отношениях с Японией), иногда только символично (как в отношениях с Индией), а иногда неожиданно сильно (как в отношениях с Австралией). Поэтому такой «военно-политический реверс» должен внимательно отслеживаться. Особенно в тех случаях, когда он может привести к неприятным последствиям.

Конкретные сценарии развития ВПО, вытекающие даже из одного сценария развития МО, неизбежно будут отличаться друг от друга: даже если события развиваются в одно и то же время, в одном и том же месте, конкретные военно-политические условия могут (и будут) разными. Прежде всего, зависящими от множества субъективных факторов, часть из которых

⁶ Башкатова А., Сергеев М. Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября. С. 1–2.

была неизвестна и не учитывалась, а часть — только что появилась⁷. Поэтому нельзя просто экстраполировать сценарий развития МО на сценарий ВПО. Они могут отличаться, в том числе и серьезно, в ту или иную сторону.

В качестве примера можно использовать сценарий развития ВПО, сложившийся в Новороссии в сентябре 2014 года после инициатив В. Путина и П. Порошенко о прекращении огня. Дальнейшее развитие событий после этого могло развиваться, как минимум, по трем сценариям⁸:

- сценарий №1, который привел в целом к прекращению огня, мог «заморозить» конфликт на неопределенную перспективу;
- сценарий №2 — привести к устойчивому миру;
- сценарий №3 как превращение со временем сценария №1 в сценарий войны.

Все эти потенциально возможные и даже вероятные сценарии ВПО существуют в рамках одного сценария развития МО, который был описан выше как «сценарий войны чужими руками». Его реализация, судя по всему, была в сентябре 2014 г. (конкретное время) скорректирована событиями в Сирии и Ираке (конкретными событиями в конкретном месте), а именно: бомбардировками США исламских радикалов.

Таким образом, развитие конкретных вариантов конкретных сценариев ВПО происходит под влиянием самых разных внешних и внутренних факторов внутри одного сценария развития МО или даже одного из вариантов такого сценария. Это означает, что прогнозировать точно развитие того или иного сценария ВПО невозможно даже в рамках одного из сценариев развития МО, что требует достаточно универсальных средств,

⁷ Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО, 2014.

⁸ Эта логика была описана И. Поповым и М. Хамзатовым не раз в их работах, которые использовали авторы. См., например: Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М. МГИМО, 2014. С. 28.

для ответной реакции. По сути дела, украинские сценарии и их варианты развития ВПО в августе–сентябре подтверждают этот вывод. Как средства, так и способы ведения вооруженной борьбы при всех сценариях оставались одни и те же: преимущественно артиллерийские системы, стрелковое оружие и бронетехника. Действия авиации, флота, по понятным причинам, фактически отсутствовали.

Таким образом, предполагается, что сценарии развития ВПО, которые являются производными от сценариев развития МО, могут иметь самые различные варианты в силу конкретных, в том числе субъективных условий, опасностей и угроз.

Реакция на эти внешние и военные угрозы со стороны России, выражаемая в том числе в развитии военной организации страны, ее ВС и ВиВТ, должна быть адекватной, то есть в данном случае универсальной. В случае их переоценки, такая неадекватная реакция ведёт к излишним тратам национальных ресурсов, а иногда и экономическому изматыванию и внутриполитической дестабилизации. В случае недооценки внешних

и внутренних угроз, вытекающих из анализа и прогноза развития сценариев МО и ВПО, — неизбежно ведет к потере способности защищать свой суверенитет и проводить эффективную внешнюю и внутреннюю политику.

Наконец, такой анализ и прогноз развития сценариев ВПО должны строиться не только на творческой фантазии, но, прежде всего, на научных методах анализа сценариев развития МО и ВПО, среди которых можно выделить несколько обязательных и взаимодополняющих:

- метод анализа национальных и групповых интересов (потребностей) и формируемых на их основе целей;
- метод анализа соотношения сил;
- метод анализа последовательной и полной цепочки событий (ивент-анализа);
- метод моделирования и количественного анализа;
- метод контент-анализа и ряд других.

Думается, что достаточно широкий набор таких методов и методик позволит точнее сформулировать сценарии и варианты развития МО и ВПО, что является принципиально важным для подготовки долгосрочных ответных мер. Так, если основные выводы, тенденции и факты совпадают по нескольким методикам (а еще лучше, — десяткам методик), то можно говорить о возможности построения долгосрочного прогноза развития того или иного вероятного сценария ВПО, вытекающего из сценария МО.

18.2. Проблема оценки развития военно-политической обстановки

Проблема адекватности оценки и прогноза того или иного сценария развития ВПО имеет исключительно важное значение в силу того, что субъективные факторы (предыдущий опыт, знания, материальная и иная заинтересованность и т. д.), всегда играющие важную роль в общественных, в том числе между-

народных отношениях, абсолютизируются при рассмотрении их военно-политических аспектов.

Представляется, что даже возможности количественных оценок (количества ВиВТ, затрат, длительности и др.) нередко не оказывают влияния на процесс принятия решений, когда субъективно осознанный интерес становится главной движущей силой, мотивом и основным «аргументом». Не секрет, что многие политические, экономические и военно-технические решения в СССР и России принимались именно при определяющем влиянии субъективных факторов. Одним из таких факторов может, например, быть зависимость части управляющего слоя государства от интересов, находящихся за пределами страны. Нижеследующая диаграмма дает представление о некоторых таких интересах⁹.

В каких странах у российских чиновников есть недвижимость и земля

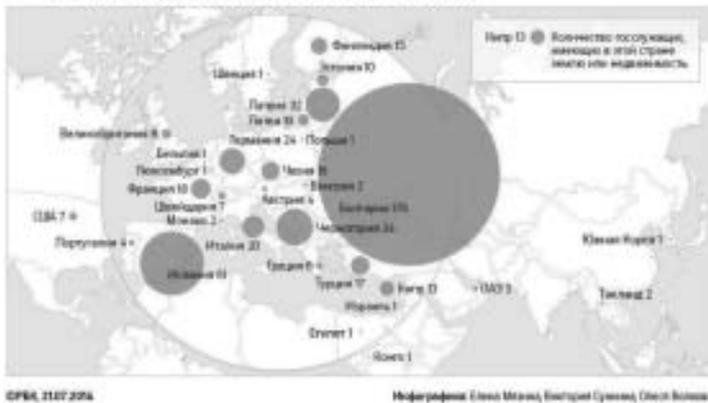

Рис. 18.3

Можно сделать исключительно точные анализы и прогнозы, очень тщательные предложения в военно-политической области,

⁹ Инфографика: Елена Мязина, Виктория Сункина, Олеся Волкова // РБК. 2014. 21 июля.

которые будут перечеркнуты одним-двумя субъективными политическими решениями. Именно в этом заключается главная трудность и опасность анализа и стратегического прогноза — не попасть под влияние субъективизма при подготовке и быть учтенным при принятии решений.

В 2013–2014 годах в России активизировалась дискуссия и политическая активность в военно-политической области, которые сопровождались целой серией важных, хотя порой и запоздалых, ключевых военно-политических и организационных решений. Вообще, надо сказать, запоздалость реакции лиц, принимающих решения в СССР и России — старая болезнь правящей элиты, свойственная, наверное, историческому архетипу русского человека. «Медленно запрягает, да быстро едет», — эта пословица точно отражает его характер. Однако эта черта, которую силовым образом преодолевали Иван Грозный, Петр I и Иосиф Сталин, абсолютно недопустима в XXI веке при принятии решений в военно-политической области, где требуется немедленная реакция, измеряемая днями.

Например, в ходе одного из совещаний бывший секретарь Совета безопасности и первый заместитель министра обороны РФ А. Кокошин заметил, что совершенствование систем управления, связи и разведки в этом десятилетии будет основным направлением военного строительства в мире. На это А. И. Подберезкин, также присутствовавший на совещании, заметил, что еще в 1988 г. его книгу, посвященную данной теме, специальным решением запретили к публикации, а защиту докторской диссертации переносили несколько раз. Диссертация была защищена в 1989 году и называлась «Значение развития систем боевого управления, связи и разведки (С³1) в военной доктрине США»¹⁰.

¹⁰ Подберезкин А. И. Значение развития систем боевого управления, связи и разведки (С³1) в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. ДА МИД СССР. 1989. / <http://viperson.ru/wind.php?ID=42208wpg=1400#blist>

Но сегодняшняя запоздавшая реакция высшего эшелона правящей элиты была вызвана двумя новыми принципиальными причинами, имеющими вполне объективный характер:

- во-первых, обострением ВПО в мире, очевидным и неожиданным для многих усилением антироссийской направленности во внешней политике США и целого ряда государств, представляющих западную локальную цивилизацию. Войны и военные конфликты XXI века — от войны в Югославии и Ираке до войны в Сирии и на Украине — стали яркими примерами готовности Запада не только игнорировать нормы международного права (которые он пытался многие годы «объявлять незывлемыми»), но и откровенно использовать военную силу по своему усмотрению. Цепь революций в Грузии, Киргизии, на Украине и на Ближнем Востоке, показала готовность Запада к резкому обострению ситуации и дестабилизации как средству «переформатирования» человеческой цивилизации под свою систему ценностей;
- во-вторых, объективным процессом можно признать дальнейшее избавление правящей российской элиты от иллюзий протестантского идеологического либерализма, лежавших в основе внешней и военной политики России со времен М. Горбачева. Этот процесс начался еще в первом десятилетии XXI века, но именно во втором десятилетии — по мере усиления агрессивности внешней политики США и ЕС — он перешел в качественно иную плоскость — отказа президента В. Путина от тех навязанных Западом норм и правил, которые выполнялись в предыдущие десятилетия. Собственно, последующая политика эскалации санкций США и их союзников во время украинского кризиса и была политикой «силового принуждения» России к соблюдению именно этих западных норм и правил.

«Возвращение адекватности» в российской элите происходит медленно и болезненно. Она начинает понимать, что ей уже

не нужно и даже вредно и опасно, но она еще не понимает ясно, что нужно, каковы приоритеты и как этого добиться потому, что эти вопросы и ответы на них лежат в русле политической идеологии. От коммунистической отказались, от либеральной начали отказываться, но новой еще нет.

Этот процесс осознания отнюдь не закончится в 2015 году. Переоценка интересов, приоритетов, даже ценностей, начатая по инициативе В. Путина, ведет неизбежно, не только к более глубокому политико-идеологическому отходу от примитивного либерализма, но и к формальному закреплению нового курса в политических, юридических и нормативных документах и кадрово-организационных решениях. Его заявление о подготовке новой редакции Военной доктрины России, принятие в июне 2014 г. ФЗ-172 «О стратегическом планировании», совещания о реорганизации ВПК, в том числе те, где были утверждены основные направления развития вооружений и военной техники до 2030 года, попытки «просчитать» потенциальные угрозы военной безопасности и другие шаги, и действия, свидетельствуют о том, что процесс переосмысления основных положений внешней и военной политики России отнюдь не закончился.

Нужно констатировать, что и во втором десятилетии XXI века оценка сценария развития ВПО отнюдь не всегда может и бывает объективно адекватной, основанной на реальных данных и соответствующей национальным интересам. Нередко складывается ситуация, когда правящая элита неадекватно оценивает объективные реалии и не делает вывода даже из качественного анализа и прогноза развития ВПО. Другими словами, даже полная и качественная информация, анализ и достоверный прогноз отнюдь не гарантируют адекватную — своевременную и обдуманную ответную реакцию правящей элиты, имея в виду принимаемые ею решения. Прежде всего — из-за мировоззренческой или идеологической позиции того или иного представителя (группы, слоя) правящей элиты.

Так, с точки зрения реальной политики и трагических последствий для России ультралиберального внешнеполитического курса М. Горбачева (Э. Шеварднадзе, А. Яковлева) — Б. Ельцина (А. Козырева, Е. Гайдара) очевиден провал односторонней ориентации на Запад и курса необоснованных уступок. Трагизм, ошибочность и провалы (даже преступления) подобной внешней политики признает отнюдь не вся отечественная элита. Совсем наоборот — многие ее представители не только не осуждают и не признают ошибочности и преступности этого курса, но и настойчиво предлагают его продолжения.

Яркий пример — выступление В. Иноземцева, где он в очередной раз повторяет, по сути, идею сырьевого придатка (и постепенной десуверенизации?) Сибири: «На мой взгляд, идеальное геополитическое позиционирование России — двухполюсная модель. Один полюс — западные рубежи, к которым доставляется сырьё с Урала и Западной Сибири, а также промышленные центры вокруг Москвы, Санкт-Петербурга и Поволжья, где концентрируется высокотехнологичное производство, использующее местную рабочую силу. Другим полюсом может стать Дальний Восток, куда должно доставляться сырьё с месторождений Восточной Сибири и арктических регионов, чтобы перерабатываться в продукцию среднего уровня передела с участием иностранного капитала и (на первых порах) иностранной рабочей силы»¹¹.

Примечательно, что в это же самое время А. Кокошин пишет: «Все больше важных акторов системы мировой политики — государств — деятельно борются за увеличение своей субъектности, за наращивание потенциала реального суверенитета. Идеи универсальной и масштабной десуверенизации, продвигавшиеся и продвигаемые многими деятелями западных стран, в целом не отвечают современным реальностям.

¹¹ Иноземцев В. Не потерять во времени // Литературная газета. 2014. №36 (648). С. 9.

В значительной мере эти идеи ориентированы на то, чтобы служить определенным политическим инструментом для американской политической и предпринимательской элиты и элит ряда западноевропейских стран — американских союзников по НАТО»¹².

Выбор, стоящий перед правящими элитами государств и принимаемые ими решения имеют очень широкий разброс как по политическим и дипломатическим последствиям, так и экономическим затратам. Так, в конце 30-х годов XX века в СССР был сделан в целом адекватный анализ внешних угроз, вытекающий из последствий развития военного сценария МО и ВПО, который привел к целой серии политических и военных шагов по укреплению безопасности страны (от активных действий на Дальнем Востоке и против Финляндии до дипломатических шагов по выходу из политической изоляции). А также по подготовке всей военной организации страны к войне. Это выразилось, в том числе, и в фактической мобилизации промышленности, когда доля военных расходов по некоторым оценкам превысила 30% ВВП.

Примером неадекватности в анализе МО и ВПО может служить переоценка внешней угрозы в 1970-е годы. Это привело к излишним военным расходам, превышавшим, по оценке в то время западных экспертов, 8% ВВП страны, что свидетельствовало о ее милитаризации и влияло на усиление отставания в социально-экономическом и научно-техническом развитии. В конечном счете, это привело к созданию разрыва в уровне развития человеческого капитала и институтов его реализации в СССР и ведущих странах Запада. Со всеми вытекающими из этого отставания экономическими, социальными и политическими последствиями¹³.

¹² Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования, 2014. № 4. С. 39.

¹³ Подберезкин А. И. Идеология опережающего развития человеческого потенциала. Т. I. М.: Европа, 2007.

Другой пример неадекватности в анализе и прогнозе развития ЧЦ, МО и ВПО, и недооценки внешних и внутренних военных угроз: это политика М. Горбачева и Б. Ельцина, которая привела не только к развалу коалиций (ОВД, СЭВ и системы двусторонних связей), но и самого государства, его военной организации и промышленности.

В XXI веке проблема адекватности оценки ВПО во многом зависит от адекватности правящей элиты, когда субъективные факторы и интересы могут серьезно влиять на восприятия угроз. Ведь в нынешнем столетии граница между силовыми военными и невоенными средствами политики фактически исчезла, либо стала настолько размытой, что в большей степени зависит не от реального положения вещей, а от политической или медийной трактовки. Так, если прежде начало войны ассоциировалось с ее объявлением (что требовалось по международному праву), либо фактическим участием вооруженных сил, то сегодня военные действия ведутся без первого (объявления войны) и второго (формального участия вооруженных формирований).

Это, так или иначе, признают и российские эксперты. «Для анализа своевременной и достоверной оценки риска эскалации угроз военной безопасности важен мониторинг точек „бифуркации“, т. е. момента перехода возникших противоречий из менее опасного состояния в другое — крайне опасное. Момент перехода может быть оценен по совокупности трех критериев:

- наличия комплекса противоречий и их характера (возможность их разрешения невоенными мерами — потенциальная степень военной опасности), характеристики военно-политической обстановки — стабильная;
- остро антагонистического характера противоречий (при наличии сопоставимой военной силы и высокой вероятности ее использования) — военно-политической обстановки — конфликтная ситуация, реальная военная опасность;
- наличия военной силы, высокой вероятности ее использования для разрешения противоречий вследствие политической

воли и решимости военного руководства — прогноз военно-политической обстановки — массовые конфликтные ситуации, непосредственная военная опасность»¹⁴.

Рис. 18.4

Именно поэтому важны приоритетность и последовательность, а также личностная адекватность в определении характера и будущего сценария развития ВПО, которые вытекают из более высоких по порядку и приоритетности сценариев развития ЧЦ и МО.

18.3. Выделение конкретных вариантов из сценариев развития военно-политической обстановки

Важной проблемой стратегического прогнозирования является многовариантность сценариев развития МО и ВПО. По поводу анализа состояния сценариев уже говорилось выше,

¹⁴ Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / Проблемы анализа риска, 2013. Т. 10. №6.

но проблема оказывается еще сложнее, когда речь идет о долгосрочном прогнозе этих сценариев и вариантов их развития. И если существуют большие объективные и субъективные трудности при анализе сценариев ВПО и вариантов их развития, то эти трудности в прогнозе многократно увеличиваются. Если для анализа существующего сценария или его варианта ВПО требуется анализ тысяч факторов — субъектов ВПО, основных трендов и, наконец, отношений между ними, — то для долгосрочного прогноза эти факторы превращаются в переменные величины, а, кроме того, к ним добавляются качественно новые, пока что не существующие, переменные факторы (например, новые технологии).

Поэтому, чтобы как-то систематизировать и упростить этот сверхсложный процесс, необходимо предложить некую модель, в которой рассматривается один из упрощенных вариантов сценария, а не весь сценарий. Необходимый анализ и стратегический прогноз развития сценариев ВПО до 2030 и 2050 годов изначально и в обязательном порядке предполагает создание:

- некой системы, позволяющей систематизировать многочисленные и часто противоречивые сценарии ВПО;
- «встроить» эти сценарии в сценарии развития ЧЦ и МО, которые имеют приоритетный по отношению к сценариям ВПО характер;
- выделить основные факторы, влияющие на формирование ВПО;
- определить временные различия между современными (существующими) сценариями МО и ВПО и возможными будущими — в 2030 и 2050 годах;
- выделить из максимального числа возможных сценариев ВПО наиболее вероятные, требующие более внимательного изучения;
- наконец, выделить из всех сценариев ВПО их варианты.

Для того, чтобы предложить прогноз развития того или иного сценария ВПО на 2035 или 2050 год, необходимо не-

только проанализировать существующий сценарий развития ВПО в конкретное время и в конкретном месте, но и сделать попытку его экстраполяции. Важно понимать, что он может и, как правило, существенно будет отличаться в важных деталях, даже если речь идет о временном промежутке в 1–2 месяца и региональной привязке. Тем более, если речь идет о десятилетиях и разных регионах.

Так, например, ВПО на Украине и вокруг нее в декабре 2013 года и в феврале 2014 года существенно отличались, а в августе 2014 года радикально характеризовались по-другому. С учетом решений НАТО, принятых в сентябре 2014 года, ВПО не только в мире, но и в отдельных регионах, например Арктике и на Среднем Востоке, уже радикально отличалась от ВПО годичной давности и т. д. Поэтому, очень важно прогнозировать развитие ВПО в будущем, исходя из развития наиболее устойчивых тенденций и базовых сценариев:

- развития ЧЦ и локальных цивилизаций и отношений между ними;
- развития сценариев МО, вытекающих из сценариев развития локальных цивилизаций, и вариантов (как минимум, трех) сценариев МО;
- развития сценариев ВПО, вытекающих из конкретных вариантов сценариев развития МО (т. е., как минимум, три варианта сценария ВПО из одного варианта сценария МО).

Это можно показать на логической схеме (рис. 18.5), следующим образом развивающей предыдущую схему.

Как видно из этой схемы, существует отчетливо выраженная приоритетность, последовательность и системность развития сценариев ВПО и их места как в сценариях ЧЦ и МО, так и их роль для последующих мероприятий в области военной политики. При этом важно отметить, даже подчеркнуть и повторить, что существующие или будущие сценарии развития ВПО имеют свои варианты, которые конкретизируют и детализируют базовый вариант в зависимости от конкретных исторических

Рис. 18.5

и иных условий. Без деления на отдельные варианты сценариев развития ВПО прогноз теряет смысл, приобретает слишком абстрактный характер.

Последнее замечание важно иметь в виду, потому что любой сценарий ВПО — существующий, а тем более будущий, не только изначально субъективен, отражает чью-то точку зрения или позицию, но и очень конкретен с точки зрения международной, исторической, социальной и т. д. Наличие вариантов такого сценария существенно уточняет его анализ особенно, если речь идет о сценариях будущего развития ВПО. Поэтому, описывая те или иные сценарии развития ВПО, необходимо уточнять по возможности варианты развития этих сценариев в будущем. В частности, некоторые западные исследователи предлагают выделить, как минимум, три варианта таких сценариев, отражающих возможность развития сценария по трем направлениям:

- зона предполагаемых ожиданий;
- зона растущего разочарования;
- зона растущих ожиданий.

Такой подход, безусловно, уточняет вероятность тех или иных сценариев развития в будущем, прежде всего с точки зрения реализации той или иной стратегии, которая может быть реалистичной, провальной или очень успешной.

18.4. Системность анализа и прогноза сценариев развития военно-политической обстановки

Утверждены основные направления развития вооружений и военной техники до 2030 года, сформирован перечень образцов..., но нужно достоверно и полноценно просчитать потенциальные угрозы военной безопасности¹⁵

*В. Путин,
Президент России*

Приведенная выше, в эпиграфе цитата В. В. Путина, сделанная на заседании ВПК в сентябре 2014 г., отражает главную проблему в обеспечении безопасности России и суть существующего противоречия: с одной стороны, до 2030 г. уже утверждены «основные направления развития» ВиВТ, но, с другой, еще только требуется «просчитать военные угрозы». Это противоречие — принципиальное для анализа и прогноза ВПО. Различные сценарии и варианты развития МО и ВПО требуют различных политических, экономических и военно-технических решений, ибо возникающие в результате развития этих сценариев военные угрозы абсолютно конкретны, как с точки зрения необходимых ВиВТ, так и военного искусства.

Более того, если пытаться прогнозировать развитие сценариев МО и ВПО на долгосрочную перспективу, то неизбежно будешь сталкиваться с еще более крупной проблемой — взаимоотношениями между цивилизациями и локальными цивилизациями, которые предопределяют во многом развитие будущих сценариев МО и ВПО. Только системность подхода в оценке

¹⁵ Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2

Рис. 18.6

сценария ВПО может дать точный ответ. Так, с точки зрения китайской и индийской цивилизаций, Первая и Вторая мировые войны были гражданскими войнами внутри одной христианско-европейской цивилизации. «Холодная война» в этой связи может рассматриваться как война между локальными христианскими цивилизациями во главе с их центрами — СССР и США. В этом смысле становится более понятным и современное состояние ВПО, которое можно охарактеризовать как продолжение «холодной войны». Просто вместо СССР центром цивилизации в Евразии стала Россия.

С этой точки зрения становится ясным и суть конфликта на Украине, а, главное, стратегическая цель США по отношению к России, которую можно сформулировать следующим образом: дезинтегрировать Российскую Федерацию на несколько самостоятельных государств по примеру СССР, ослабив российскую нацию и разделив контроль над природными ресурсами и транспортными коридорами. Системность в подходе позволяет и четче определить истинную приоритетность той или иной проблемы. Так, о геополитических приоритетах США во втором десятилетии XXI века свидетельствует, например, интенсивность телефонных переговоров с лидерами различных

государств, показанная на карте-схеме (рис. 18.6)¹⁶. Из нее отчетливо видно, что Евразия и АТР являются ключевым регионом.

Подобная системность в подходе требует безусловной оценки не только таких невоенных факторов формирования ВПО, как состояние финансовой и торговой системы, но и цивилизационно-культурной традиции, идеологических и ментальных воззрений на потенциальных участников возможного военного противостояния, соответствующей подготовки общественного мнения и политической ориентации элит. Так, по проведенным «Левадой-центром» соцопросам, в 2014 году в настроениях общественности по отношению к России в зарубежных странах складывается следующая ситуация, которая позволяет сделать предварительный вывод о возможности враждебной политики¹⁷.

Рис. 18.7

Как видно из этого опроса (рис. 18.7), только в США большинство в обществе враждебно относится к России и гото-

¹⁶ Телефонные разговоры Барака Обамы с лидерами других стран в 2014 году / <http://marinmap.ru/archives/2664>

¹⁷ Кто друзья, а кто враги России? Опрос «Левада-центра» 1600 россиян в 2014 году / <http://marinmap.ru/archives/2531>

вы к проведению аналогичной политики (что не равнозначно прямым военным действиям). В большинстве же западных государств порядка 20% граждан могут являться основой для формирования такой политики.

Системность прогноза развития различных сценариев ВПО в общественно-политической области одновременно говорит в пользу того, что в комплексе мер по защите России требуется уделить особое внимание формированию позитивного облика России за рубежом и созданию в этих странах групп общественно-политической поддержки, способных оказать реальное влияние на внешнюю политику таких стран.

К сожалению, развитие сценариев ВПО рассматривается в основном в двух плоскостях — развитии ВС и ВиВТ, во-первых, и возможных изменениях в военном искусстве и управлении войсками, во-вторых. Приоритетность в развитии ВиВТ и ВС, безусловно, имеет огромное политическое и экономическое значение, но отнюдь не она является решающим фактором формирования будущей человеческой цивилизации и сценариев ее развития. Создание ВиВТ, также не является решающим фактором и для будущей МО, которая будет определяться, прежде всего, политическими, экономическими и научно-техническими реалиями.

К сожалению, отсутствие системного подхода для процесса принятия военно-политических решений в России неизбежно ведет к существенному отставанию в адекватности и качестве анализа и прогноза, а на низших уровнях к очевидной неразвитости и неисполнительности (характерной для всей системы реализации принятых решений в России, когда даже по оценкам Администрации Президента РФ выполняются не более 25% решений).

Речь идет, прежде всего, об отсутствии единой национальной стратегии, объединяющей все общественно-политические, экономические, научные, образовательные и прочие стратегии и доктрины, которые сегодня существуют «сами по себе»,

очень слабо связаны между собой. «Ритуальное» упоминание в таких стратегиях и доктринах Конституции РФ, Концепции социально-экономического развития, Стратегии национальной безопасности мало что дает, потому что на практике все эти документы и действия крайне слабо связаны между собой.

Существование национальной стратегии (как бы она ни называлась — «доктрина», «идея», «программа» и т. п.) необходимо для современного анализа и прогноза будущего сценария развития ВПО, как минимум, для того, чтобы давать теоретическую и политическую «точку отсчета», оценку происходящих процессов и предполагать возможные действия России. Так, если в Национальной стратегии признается право США навязывать РФ свою систему ценностей и нормы поведения (что признавалось правильным частью правящей элиты России и все еще признается таковым, но уже меньшей ее частью в виде «либеральной оппозиции»), то реакция РФ на будущие внешние вызовы и угрозы будет очевидно спокойной, ограничится поддержкой политики США.

Другое дело, если национальная стратегия будет действительно национальной. В этом случае и ответная реакция, в том числе военно-политическая и военно-техническая, будет иной. Но в еще большей степени такая разница будет ощущаться в долгосрочной перспективе, когда расхождение векторов в политике окажется огромным.

Отсутствие единой национальной стратегии сказывается, прежде всего, на эффективности управления в государстве и, как следствие, в Вооруженных Силах, ОПК и, соответственно, на анализе и стратегическом прогнозе. В военных структурах и структурах безопасности Запада происходит все наоборот: на всех уровнях идет очень быстрое совершенствование и растет эффективность управления. Происходит настоящая революция в системе управления ВС, ВиВТ. На эти цели выделены огромные ресурсы, масштаб которых абсолютно несопоставим с российским.

Так, по оценке главного редактора «НГ» К. Ремчукова, «... происходит, как называют ученые, вторая индустриальная революция, фактически, изменяются технологические основы производства: машинная индустрия окончательно уходит в историю, на ее место выходят информационные технологии и все, что связано с компьютерной техникой с управлением производственными процессами через iCloud и аналогичными системами». Причем стоимость компаний, которые осуществляют менеджмент производственного управления iCloudproduction составляет от 18 до 32 млрд долларов¹⁸.

Как показали последние войны и конфликты, в особенности на Украине, системы обнаружения, наведения, связи и разведка стали решающим инструментом для ведения эффективной вооруженной борьбы. Как и способы управления войсками. Их роль в будущих сценариях развития ВПО стремительно усиливается и превращается в решающий фактор, который в полной мере до сих пор недооценивается. Особенно, если речь идет о взаимосвязи с такими социальными факторами, как контакты с гражданским населением, использованием возможностей гражданской экономики и т. д. В США, например, во всех подразделениях Корпуса морской пехоты, размещенных за границей (даже в небольших), выделяются специальные люди и ресурсы в целях создания «благоприятной внешней среды».

Эта глубокая системность — от эшелонов самого высокого уровня до отдельного военнослужащего — становится важнейшим фактором формирования любого сценария ВПО или его варианта. В качестве иллюстрации можно привести одну из многочисленных логических схем, в которой рассматривается последовательный и системный (политический, правовой, социальный, экономический, научно-технический) подход

¹⁸ Ремчуков К. Минобороны России бросило вызов США // Независимая газета. 2014 21 июля. С. 1.

к политике в области безопасности. Как видно из этого рисунка описывающего первый этап реформ в области безопасности, руководству России необходимо, чтобы на комплексной и системной основе не только постоянно анализировались, обновлялись и прогнозировались самые различные сценарии и варианты развития ЧЦ, МО и ВПО, но и принимались соответствующие системные решения. От президентского уровня вплоть до нижнего уровня информационно-аналитической работы соответствующих министерств, ведомств и институтов. Только в этом случае возможен адекватный системный и полный анализ существующей ВПО и возможного сценария ее дальнейшего развития.

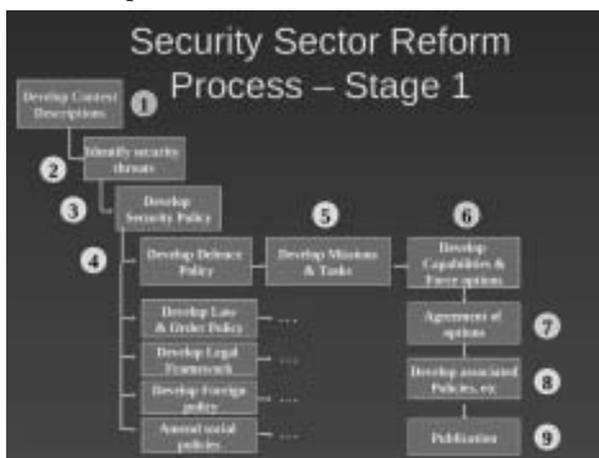

Рис. 18.8

Это невозможно сделать силами только одного ведомства — Совбеза, МО РФ или Генштаба, РАН или МИД России. Требуется достаточно разносторонний и крупный коллектив исследователей, способный системно проанализировать и спрогнозировать перспективы развития сценариев ВПО и вытекающие из этого угрозы. Видимо при кураторстве, даже под руководством Совета Безопасности, который должен быть в состоянии ин-

тегрировать оценки дипломатов, разведчиков, экономистов, общественных и политических деятелей, различных ученых, экспертов, журналистов. Масштаб этой работы — огромен, но от его качества зависит не только эффективность использования значительной части национальных ресурсов, выделяемых на национальную безопасность и оборону, но и сама возможность существования нации и государства в XXI веке.

При этом изначально важно правильно построить модель такого анализа и прогноза, понимая, что очень трудно (если вообще возможно) учесть все факторы, влияющие на формирование ВПО и, тем более, на все многообразие сценариев и вариантов развития таких сценариев ВПО в будущем. Неизбежно приходишь к выводу о необходимости создания, как минимум, упрощенной модели варианта сценария развития ВПО, которая включала бы в себя основные существующие и возможные будущие факторы влияния. Другими словами, главной задачей такой модели было бы описание системы факторов развития сценария ВПО или одного из вариантов такого сценария.

Естественно, такая системная модель сценария ВПО будет представлять собой заведомо упрощенное представление о действительной ВПО, а тем более — еще более упрощенное представление о будущей ВПО¹⁹. При этом мы исходим из того, что при прогнозе вариантов сценариев развития ВПО нам даже теоретически не избежать этого метода исследования (то есть модельной системы сценария ВПО). Такая модель может стать одним из первых этапов анализа и прогноза, предполагающего формализацию и математическое выражение процессов, формирующих ВПО в будущем. Такой прототип модели системы сценария развития ВПО может, например, иметь в перспективе следующий вид (рис. 18.9).

¹⁹ См., например: Сунгуров А. Моделирование в политической науке. М.: МГУ. 2005.

Рис. 18.9

Дальнейшая формализация и детализация этой модели возможна до бесконечности. Важнейшими ее условиями, однако, являются: системность, учет всех факторов, формирующих не только ВПО, но и МО и ЧЦ; последовательность развития сценариев; иерархичность сценариев.

18.5. Систематизация современных сценариев развития военно-политической обстановки (на примере России и США)

Систематизация основных сценариев развития ВПО в мире XXI века крайне важна потому, что сегодня существует широчайший (по сути неограниченный) круг таких сценариев, среди которых нередко искусственно выделяют по неизвестным критериям наиболее вероятные. Определение места сценариев

развития ВПО имеет важное значение, прежде всего с точки зрения адекватной оценки политического и военного значения роли военной силы в современных международных отношениях, что было предметом острых политических и научных споров в последние полтора десятилетия XX века²⁰, когда возникла иллюзия того, что военная сила «потеряла свое значение».

К сожалению, эта политическая иллюзия сохраняет часть своего влияния до сих пор, что негативно воздействует на адекватность восприятия действительности российской правящей элитой. Эта субъективность, безусловно, заметна, когда рассматриваешь существующие многочисленные прогнозы развития сценариев ВПО в XXI веке. Так, в работе «Стратегический глобальный прогноз 2030» академик А. Дынкин пишет: «Военная мощь остается инструментом политики, но ее роль, в прогнозный период будет относительно уменьшаться»²¹. Западные политики, военные и эксперты также исходят из этой последовательности²², хотя искренность данных оценок вызывает определенные сомнения. Нельзя исключать, что они делаются для воздействия на общественное мнение других стран.

Приступая к систематизации стратегического прогноза, целесообразно изначально выделить возможные и вероятные сценарии развития ВПО из соответствующих сценариев развития ЧЦ и МО, о которых говорилось выше, объединив их в соответствующие группы и подгруппы по аналогии с соответствующими группами сценариев развития МО. Для того чтобы избежать чрезмерной детализации и сохранить логику исследования предлагается (также, как и в случае с анализом сценариев МО) рассмотреть их на примере сценария развития

²⁰ Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение Духовное наследие. РАУ-корпорация. М. 1996.

²¹ Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А. А. Дынкина. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 28.

²² Col. Dr. Catalin-Marius Tarnacop. Arrangements and procedures to assess security risks and national defense requirements / NATO Studies Centre

отношений двух основных субъектов ВПО — России и США. При этом важно не недооценивать последствий для сценариев ВПО развития некоторых сценариев МО.

Можно выделить, как минимум, две глобальные тенденции, дестабилизирующие будущее состояние МО: внешняя задолженность США, которая может привести к обвалу промышленного производства, и реакции в других странах — производителях промышленной продукции, которая, как показал кризис 2008–2010 годов, неизбежно последует. Российские исследователи отмечают, эти две фундаментальные тенденции имеют долгосрочное значение: «Америка уже давно живет в долг и, производя 20% мирового ВВП, потребляет 40% всего производимого в мире. Совокупный долг США превышает 53 трлн долл. (из них государственный долг 18 трлн долл.), что в четыре раза больше годового ВВП США.

Финансовый кризис и снижение возможностей для кредитования американского рынка неизбежно приведет к падению массового спроса и сокращению потребления в США. Все это, в свою очередь, вызовет сокращение производства и уменьшение мирового энергопотребления, а, следовательно, сокращение спроса на главный энергоноситель — нефть. Это приведет к обвалному падению мировых цен на нефть, если, конечно, страны — экспортеры нефти (в том числе и Россия) не объединятся и не начнут одновременное резкое снижение объемов торговли нефтью, чтобы удержать цены на нее на приемлемом для себя уровне»²³.

Сокращение промышленного производства и экономический кризис в США — угроза для всей МО, имеющая долгосрочное значение, которое, надо подчеркнуть, следует отнести к конкретным условиям развития МО. Эта угроза может проявиться и обостриться неожиданно, как это случилось в 2008 году, даже

²³ Тупчиенко В.А. Государственная экономическая политика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 624.

Таблица 18.1. Основные группы и подгруппы сценариев развития ВПО, вытекающие из соответствующих сценариев развития МО (на примере России и США), вероятность их реализации по состоянию на 2014 год

Субъек- ты сценари- ев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки					
	Группы и подгруппы сценариев МО	Группы и подгруппы сценариев развития ВПО	насто- ящее вре- мя	прогноз до 2035 г.	прогноз до 2050 г.	
Российская Федерация Следствие конфронтационного сценария развития отношений локальных цивилизаций Запада и Востока	Группа позитивных сценариев развития МО (УПСР МО)	союзнические отношения	Сценарий формирования военно-политического союза Сценарий создания политических коалиций			
	Группа нейтральных сценариев развития МО (ГНСР МО)	союзнические отношения	Сценарий военно-политического сотрудничества в мире в отдельных регионах	+1	+1	+1
		враждебные сценарии	Сценарий формирования враждебной коалиции Сценарий геополитической, экономической и военной изоляции и инфраструктур	+3	+5	+5
		отделенно-конфронтационные	Сценарий создания «облачного противника в СНГ» Сценарий военной провокации в СНГ	+4	+5	+5
	Группа негативных сценариев развития МО (ГНСР МО)	подгруппа сценариев с ин-тервенцией	Сценарий фактической военно-политической изоляции		+3	+4
		подгруппа сценариев с изоляцией	Сценарий противодействия любой активности РФ в ВТС и военно-политической области		+4	

↙ область вероятных сценариев развития МО

на фоне вполне благополучных прогнозируемых тенденций в экономике США на 2014–2016 годы, когда рост ВВП может превысить 3%.

Это означает, что в случае неожиданного кризиса в США резко ухудшится не только экономическая ситуация в мире, но, прежде всего у ведущих партнеров США по ТАП: стран Евросоюза и по ТТП: Японии, Южной Кореи, Австралии. «С другой стороны, падение спроса в США в результате финансового кризиса неизбежно приведет к существенному снижению производства в Европе, Китае, Японии, Индии и других азиатских странах, которые во время повышательной волны пятого К-цикла превратились в мировую фабрику по производству потребительских товаров и IT-технологий для США»²⁴. Это приведет к резкому сужению мирового рынка, росту протекционизма и усилению торговых противоречий между США, ЕС, Китаем, Японией, Индией, т. е. обострению МО.

Также как и в прежней матрице, в которой рассматривался сценарий развития МО, попытаемся количественно оценить вероятность развития таких возможных сценариев ВПО от 0 до + 5, где 0 будет означать абсолютную невозможность, а + 5 — сильную вероятность того или иного сценария. При этом в матрице предлагаются только отдельные группы и подгруппы сценариев МО и ВПО, а не сами сценарии, которые должны быть абсолютно конкретными — политически, исторически, а также с собственно военной точки зрения. Более того, развитие тех или иных конкретных сценариев в перспективе 2035 года или 2050 годов предполагает их неизбежную эволюцию, в том числе и усиление, и ослабление, а в ряде случаев, — исчезновение.

Объединение сценариев в группы и подгруппы, существующих и будущих сценариев развития МО и ВПО необходимо, прежде всего, для выделения наиболее вероятных (важных с практической точки зрения) сценариев из всех теоретически возможных сценариев развития ВПО, количество которых теоретически может быть неограниченным.

²⁴ Тупчиенко В.А. Государственная экономическая политика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 624.

Как видно из расположения существующих и будущих сценариев развития ВПО (табл. 18.1), они являются следствием и производными от группы негативных сценариев развития МО. В свою очередь, эта группа является следствием развития конфронтационного сценария взаимоотношений локальных цивилизаций Запада и Востока. Это обстоятельство важно не забывать потому, что в нем скрываются фундаментальные и системные противоречия (ценностные, интересы цивилизаций, наций и государств, социально-культурные, геополитические и др.), которые формируют общие контуры всех вероятных сценариев развития МО и, как следствие, ВПО.

18.6. Военно-техническое развитие как противодействие негативным сценариям развития ВПО

Симметричные сокращения ядерных сил США и России больше не влияют симметрично на безопасность двух стран²⁵.

Т. Бордачев, К. Дарден

Типичное заблуждение авторов цитируемого доклада заключается в том, что безопасность может быть обеспечена международными договорами в т. ч. по ограничению и сокращению вооружений. Этого не было и никогда не будет. Правда, никто всерьез на это и не рассчитывал. Во второй половине XX века и в начале XXI века, похоже, утвердилось единственное средство, гарантирующее обеспечение безопасности государства, — технологическое и военно-техническое равенство, то есть способность создавать такие виды и системы ВВТ, которые делают

²⁵ Бордачев Т., Дарден К. Щит и меч. Доклад по будущему российско-американских отношений. Выпуск №4. 2014. Май. С. 19.

невозможным либо очень рискованным применение военной силы в качестве политического инструмента.

Международные и региональные системы безопасности могут быть эффективными средствами обеспечения национальной безопасности только в ряде случаев, то есть они отнюдь не универсальны. Тем более что их эффективность в значительной степени зависит от политики ряда великих держав, которые в последние десятилетия сознательно разрушают международно-правовую основу безопасности. Ни для Югославии, ни для Ирака, ни для Ливии, Сирии или Украины международная система безопасности не стала гарантией.

Таким образом, на фоне усиления негативных тенденций в развитии сценариев ВПО и их неутешительного долгосрочного прогноза остро возникает вопрос о реанимации традиционных и о поиске новых средств обеспечения национальной безопасности. Имея в виду множество нравственных, политических и религиозных, а также научных заблуждений относительно эффективности таких средств, практическая определенность имеет огромное, даже решающее значение. В итоге приходится признать, что противопоставить обостряющимся цивилизационным противоречиям интересы сотрудничества, изменив тем самым, общий негативный вектор развития сценариев ВПО, можно всего лишь в четырех случаях:

- во-первых, когда цивилизационные риски и общие интересы всей глобальной цивилизации (экономические, природные и т. д.) будут, очевидно, сильнее аналогичных рисков конфликта локальных цивилизаций: «метеоритная угроза», катаклизмы, эпидемии и др. проявления опасности для всей цивилизации должны быть не только теоретическими, но и реальными, актуальными угрозами;
- во-вторых, когда возникнут более серьезные угрозы со стороны других локальных цивилизаций (например, исламской), или внутри самой локальной цивилизации между

- отдельными нациями (Первая мировая война между Германией и Великобританией, например);
- в-третьих, когда внутренние угрозы (в т. ч. национальные, социальные и др.) окажутся значительно сильнее внешних угроз, либо когда природные и иные катаклизмы создадут угрозу существования локальной цивилизации. Революции, перевороты, приход к власти новых элит или социальных групп может делать внешнюю политику (далеко не всегда) менее важной, чем ход внутренних событий;
 - в-четвертых, когда военно-техническое соперничество между локальными цивилизациями станет невыгодным и даже опасным, как это имело место, например, на рубеже 70-х годов XX века. Именно к концу 1960-х годов неконтролируемое наращивание ядерных сил СССР и США остро поставило вопрос о практической целесообразности и военно-политической опасности такой политики, что стало, в конечном счете, главным мотивом ослабления напряженности и смены сценария «подготовка войны» на сценарий «разрядки».

Как видно в первых трех случаях изменение негативно-го вектора развития сценариев ВПО практически не зависит от политической воли руководителей государств: глобальные угрозы не рассматриваются как конкретные, а внутривнутриполитические катаклизмы не прогнозируются, а, значит, не занимают достойное место в стратегическом планировании. Другое дело последнее, четвертое условие, которое не только имело прецедент в мировой истории, но и последствия которого до сих пор положительно сказываются на предотвращении угрозы глобальной войны.

Причем характер этого условия в принципе не изменился: в настоящее время конкретным мотивом предотвращения развития негативного сценария может, как и прежде, стать провал политики США, ориентированной на технологическое и военно-техническое превосходство в основных направлениях

НТП, а именно тех, которые будут определять место государства в соревновании на шестом технологическом этапе. Это — вполне конкретное соревнование на совершенно конкретных технологических направлениях. Также как и в 40-е и 50-е годы XX века, в двух других комплексах технологий — в ядерной области и ракетостроении, — это соревнование будет определять условия для развития различных сценариев ВПО.

Победа в научно-техническом и технологическом соперничестве между ведущими странами-лидерами локальных цивилизаций может быть либо главным средством, обеспечивающим военную и политическую победу (как это является сегодня официально признанным в США), либо средством сдерживания, предотвращения опасной эскалации в негативном развитии сценариев ВПО. К сожалению, это средство в последние десятилетия было фактически единственным реальным средством обеспечения национальной безопасности и предотвращения ряда крупных военных конфликтов.

Признание этого значения может быть и от обратного: то государство, которое уступило с военно-технической точки зрения своим оппонентам, неизбежно было вынуждено участвовать в навязанном ему конфликте или войне с заранее известным результатом. Югославия, не занимавшая своим оборонным потенциалом, Ирак, уделявший ему мало внимания, Ливия, игнорировавшая эти правила, и другие государства-жертвы агрессии стали яркими примерами ошибочности расчетов на политические средства предотвращения конфликта.

Признание Россией значения качества технологического и военно-технического развития происходило в XXI веке по мере роста понимания необходимости отстаивания цивилизационной системы ценностей и национальных интересов. После разрушительных последствий экономических и военных реформ конца 1980-х — начала 2000-х годов, это признание означало, в конечном счете, признание необходимости успешного научно-технического и технологического соперничества с Западом по

всем основным направлениям. Причем, если для Запада, особенно для США, этот приоритет, всегда был важнейшим с 40-х годов XX века и является важнейшим и в настоящее время, то для России в разные периоды времени (на рубеже 1980-х годов, в 1990-х годах, в начале 2000-х годов) этот приоритет таковым не являлся. Это означало, что, как минимум, по ряду причин такое соперничество России и США с каждым годом затруднялось:

- во-первых, по причине непоследовательности такой политики. Если для США все последние 60–70 лет ставка на научно-техническое превосходство являлась высшим приоритетом, то для СССР/России периодически появлялись годы, когда этот приоритет игнорировался. Последовательность в его соблюдении в истории СССР можно, наверно, отнести только к 30–70-м годам XX века;
- во-вторых, огромная разница между начальными научными, экономическими и промышленными потенциалами, которые в 1930-е годы можно было оценить в сотни раз, а в 1960-е — в десятки. Особенно разительно такой разрыв существовал в качестве НЧК, однако, его преодоление к 1980-м годам означало по сути достижения военного равновесия²⁶;
- в-третьих, развал потенциалов СЭВ и СССР, с одной стороны, и интеграция Запада, с другой, сделала условия такого соревнования крайне неблагоприятными, практически невозможными для России, особенно когда часть ее элиты продолжает игнорировать значение этого приоритета;
- в-четвертых, переход человечества к шестому технологическому укладу свидетельствует и о том, что только в ряде отраслей ОПК такое соревнование успешно вести невозможно. Именно приоритетность в развитии всех новейших направлений НТП, определяющих характер шестого технологического уклада, становится решающим для военно-технического

²⁶ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: Европа. 2007.

соревнования. Эта взаимосвязь очень просто и достаточно логично может быть показана на следующем рисунке.

Рис. 18.10

Как видно из данной логической схемы, достижение научно-технического и технологического пика, обеспечивающего военное превосходство, фактически лишает возможности другие локальные цивилизации участвовать в развитии мирных (оптимистичных) сценариев МО и ВПО. Именно поэтому результаты анализа технологического положения России, и ее будущего во многом равносильны выбору между мирными и военными сценариями ВПО.

При таком анализе и прогнозе очень важна динамика изменений в области сопоставления уровней развития, что является вполне субъективным и управляемым в принципе процессом. В США после Второй мировой войны существовала практика, когда важнейшие документы обеспечения национальной безопасности базировались на сравнении и сопоставлении научно-технических и технологических потенциа-

лов США и СССР по важнейшим 19–21 направлениям НТП. Приоритетные направления НТП России показаны на этой схеме (рис. 18.11)²⁷.

Рис. 18.11

Надо признать, что идея технологического лидерства никогда не ставилась в зависимость от политических или иных соображений. Комплекс программ по СОИ начала 80-х годов XX века и широкомасштабная система ПРО — яркие иллюстрации этой идеи. В настоящее время в США определенно и четко увязывают «стратегический контекст» с потребностями в ВиВТ, что хорошо видно из следующей таблицы (табл. 18.2)²⁸.

Это также хорошо видно на примере развития возможностей средств навигации, показанном на следующем рисунке (рис. 18.12)²⁹.

²⁷ Мониторинг и анализ технологического развития России и мира / ЦМАКП. 2014. №6. 2 кв. С. 13.

²⁸ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030.

²⁹ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030. Introduction. November. 2013. P. 20.

Таблица 18.2

2030 Strategic Contexts	Desired Strategic Capabilities
— Homeland protection	— The capability to defend space assets or to be able to operate without existing space capabilities
— Peer or near-peer military competitors at the nation-state level	— Inherently self-defensible systems from cyber attack
— Regional adversaries	— The capability to field smaller, lethal, survivable forces for sea, air, and land
— Security partners and alliances	
— Failed or failing states	— World-wide, multidomain situational awareness
— Stateless threats	
— Transnational organized crime	— Rapid adaptation and generation of cheaper capabilities
— Transnational corporations	— Robust tracking and defense of weapons of mass destruction
— Favorable access to the commons	— Capable, autonomous systems
— Individual actors	— Enhanced human adaptability performance
— Humanitarian assistance and disaster relief	— Advanced manufacturing

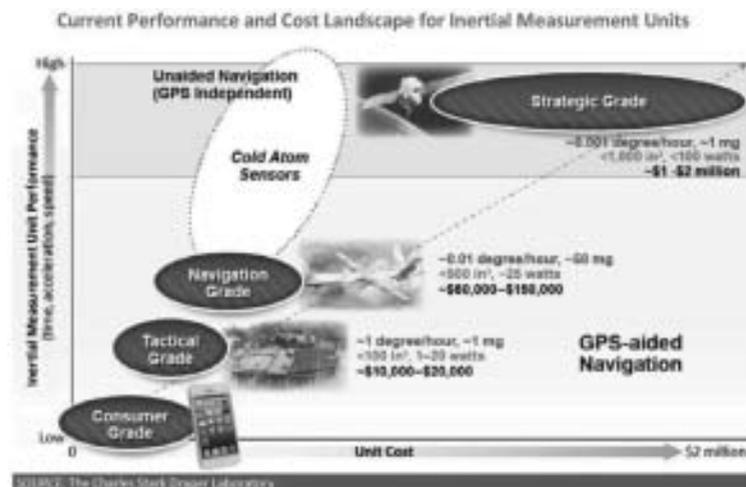

Рис. 18.12

Суть вопроса такова: с начала 1980-х годов было известно, что нарастает научно-техническое и технологическое отстава-

ние СССР от развитых стран и необходимо принимать экстренные меры. В 1982–1984 годы была подготовлена огромная программа (под кураторством ЦК КПСС и ГКНТ), которая предусматривала опережающие темпы развития ряда отраслей, определяющих НТП. Кстати, перечень этих отраслей удивительным образом совпал с теми программами «инноваций», которые были разработаны через... 30 лет. Но в 1985 году известный Пленум ЦК КПСС по НТП не состоялся. Вместо него состоялся Пленум, избравший М. Горбачева Генеральным секретарем и определивший на десятилетия другие приоритеты. Очевидная проблема вновь «всплыла» в начале нулевых, когда у России появились ресурсы и была достигнута внутренняя стабилизация, но решить эту проблему (хотя она и была поставлена) с того времени так и не удается³⁰.

Правящая элита современной России, в отличие от прежних советских и российских элит, понимает критическое значение ликвидации технологического разрыва, опасность которого стала заметной уже до событий на Украине. Характеристику и сопоставление места России в мире дал в марте 2014 года. Д. Рогозин публично, опубликовав свою программную статью в «Российской газете», где, в частности, отмечалось: «Весь мир, и наша страна в том числе, вступают в эпоху шестого технологического уклада. Именно он по прогнозам специалистов через 25–30 лет станет доминирующим в экономике развитых стран. Технологический уклад — это определенный уровень развития производительных сил, совокупность сопряженных производств, имеющих единый технологический уровень и развивающихся во многом синхронно. Это важнейший термин теории научно-технического прогресса. Напомню, что сегодня основная часть производственных мощностей России находится на стадии четвертого технологического уклада, битву за

³⁰ Подберезкин А. И., Булатов Ю. А., Мунтян М. А. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М.: 2005.

который СССР в свое время успешно выиграл. И если в США уже около 60% производств действуют в рамках пятого уклада, то у нас эта цифра ограничивается пока всего 10%. Вот, почему именно качественный прорыв сразу в шестой ТУ, минуя технологии пятого поколения, является для нас стратегически важным вызовом»³¹.

Как видно из матрицы, группы и подгруппы сценариев ВПО отличаются определенными особенностями: в сценариях ВПО минимизирована доля сотрудничества и ее роль в отношениях между государствами. И наоборот, более четко и выпукло представлены варианты реализма и противоборства, хотя, если речь идет о некоторых областях сотрудничества (назовем их «избранными»), то эти области могут существовать параллельно с развитием конфронтационных сценариев.

Так, находясь фактически в состоянии конфронтации с НАТО, Россия продолжает сохранять и элементы сотрудничества. Такая «совместимость» — не удивительна. Достаточно вспомнить, что накануне Великой Отечественной войны, буквально за день до ее начала, не прекращались взаимные поставки сырья и техники Германии и СССР. Более того, элементы сотрудничества США и Германии существовали в течении всего периода Второй мировой войны.

Как видно из матрицы, формализующей основные группы и подгруппы развития сценариев ВПО, область таких сценариев сосредоточена между «минимальными партнерскими отношениями» (+1) и «максимально враждебными» сценариями в 2014 году (+3) с устойчивой тенденцией к ухудшению (+ 5). Из матрицы, например, видно, что в 2014 году параллельно сосуществуют и реализуются три сценария ВПО с главными участниками в лице США и России, однако вероятность и реалистичность, безусловно, остается за подгруппой враждебных

³¹ Rogozin D. O. Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта. С. 17.

сценариев (+ 3 и + 4) с явной тенденцией к их усилению. Все это может быть расценено и как первый, но скрытый переходный этап от завершающей стадии подготовки войны до ее фактического начала. По существу, военный конфликт на Украине — первая стадия фактической войны США против России, которая реализуется:— чужими ВС, ВиВТ, без объявления войны и сопровождается всем невоенно-силовым набором действий, характерных для войны.

Как и в случае с группами и подгруппами сценариев развития МО, вероятные сценарии достаточно определенно выделяются из числа возможных сценариев в отдельную область, границы которой вполне обозначены по времени и по характеру военно-политических отношений (на рисунке матрицы — очерченной линией). При этом важно определить динамику развивающихся процессов и их направленность в будущем. В нашем случае она очевидно негативна. Если говорить коротко, то для существующего сценария характерно:

- сохранение минимальной возможности сотрудничества в некоторых областях, где остается пока что взаимный интерес, который, однако, достаточно быстро сокращается, а именно в таких областях, как:
 - а) региональные конфликты;
 - б) ограничения ОМУ;
 - в) сокращения ЯО;
 - г) международный терроризм;
- одновременно быстро расширяется пространство конфликтности и соперничества. Эта тенденция, вероятно, будет определять военно-политические отношения РФ и США в ближайшие годы и в более отдаленной перспективе. Ситуация может измениться после 2030 годов, когда реальностью станет неизбежно растущее противоборство новых центров силы с монополией на власть США. Под таким углом зрения можно рассмотреть некоторые конкретные вероятные сценарии развития ВПО, выделив их из великого

множества потенциально возможных сценариев развития ВПО, которые будут рассмотрены ниже.

Наконец, необходимо помнить и то, что развитие стратегической обстановки (СО) также имеет определенное влияние на выбор и развитие сценариев ВПО. В военной истории бывали примеры того, как неожиданная и быстрая военная победа коренным образом меняла военно-политическую обстановку. Тем более это влияние будет заметнее в будущем, когда будут использоваться качественно новые ВиВТ и способы их применения. Иными словами, развитие военного искусства, средств ведения войны, оказывает и будет оказывать серьезное влияние на развитие ВПО и МО, а в ряде случаев даже и на сценарии развития ЧЦ.

Так, изобретение и испытания ядерного оружия, а затем и создание стратегических наступательных вооружений, радикально повлияло на развитие сценариев ВПО и даже МО после Второй мировой войны. «Берлинский», «Суэцкий», «Кубинский» кризисы, Корейская и Вьетнамские войны и другие события находились, безусловно, под влиянием этого фактора.

В еще большей степени это влияние технологий и лидерства в области НТП будет ощущаться в XXI веке, когда именно уровень развития военных технологий (а не собственно систем и видов ВиВТ) будет определять боевую эффективность ВС государства. В широком контексте это относится, прежде всего, к качеству национального человеческого капитала, а в более узком — к науке, знаниям вообще. Они, по оценке Д. Рогозина, «... сами по себе становятся оружием зачастую не менее значимым, чем привычные виды вооружений»³².

Кроме того, речь может идти, например, об использовании сил природы, в частности, климата. Эти способы пока что рассматривались только как гипотетические, однако по мере

³² Рогозин Д. О. Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта. С. 17.

развития и обострения ВПО в мире к ней неизбежно будут обращаться вновь. В частности, авторы одной из работ следующим образом видят эту картину (рис. 18.13)³³

Рис. 18.13

³³ Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 75.

Таким образом, последовательное развитие ВПО, вытекающее из закономерностей развития ЧЦ, МО, а также изменения в возможных сценариях СО, позволяют в целом создать некоторые логические модели групп, подгрупп и отдельных сценариев будущей ВПО и СО, которые можно использовать в целях стратегического прогноза и планирования в военно-политической области. Частные военно-политические и иные сценарии могут в определенной степени иллюстрировать логику и закономерности формирования будущих ВПО и СО, что уже само по себе немало, так как дает некоторые ориентиры для будущей военной политики. Поэтому целесообразно рассмотреть некоторые из возможных и вероятных сценариев развития ВПО в мире.

Глава XIX.
Позитивные и негативные
сценарии развития
военно-политической
обстановки

Чтобы покончить с идейной тяжеловестностью,
нужна идейная гимнастика¹.
*А. Свечин,
русский военный теоретик*

Существующие и будущие сценарии развития ВПО являются логическим следствием развития сценариев МО и в этом контексте нуждаются в четкой логической привязке к соответствующим сценариям МО. Для такой привязки надо отчетливо понимать, что не только развитие сценариев ВПО и СО, но и во многом вся военная политика государства формируется под прямым влиянием МО (и развитием конкретных сценариев МО), которые формируют конкретные внешние условия существования государств и конкретные внешние и военные угрозы².

Таким образом, последовательное развитие ВПО, вытекающее из закономерностей развития ЧЦ, МО, а также изменения в возможных сценариях СО позволяют в целом создать некоторые логические модели сценариев будущей ВПО и СО, которые можно использовать в целях стратегического прогноза и планирования в военно-политической области. Частные военно-политические и иные сценарии могут в определенной степени иллюстрировать логику и закономерности формирования

¹ Свечин А. Методы стратегического мышления / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков / Ред. совет серии С.В. Степашин и др. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 27.

² См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО. 2014.

будущих ВПО и СО. Что уже само по себе не мало, так как дает некоторые ориентиры для будущей военной политики.

19.1. Теоретическая возможность развития позитивных сценариев ВПО до 2050 года

Развитие сценариев ВПО в будущем зависит от множества объективных факторов, и как таковое не обязательно должно иметь негативную направленность. Теоретически существуют варианты сценариев относительно мирного развития ВПО, реализация которых на практике возможна, однако, в исключительных случаях в течение короткого периода времени и только под угрозой силового противодействия. Иными словами иллюзии, периодически появляющиеся у некоторых представителей человечества о мирном развитии цивилизаций и государств опасны, если они становятся руководством к действию для политиков. Как показывают примеры Николая II и М. Горбачева, такие ошибки заканчиваются трагически.

Идеи В. И. Вернадского относительно создания «сферы разума» («ноосферы»), выдвинутые им в начале 1940-х годов³, а также другие похожие идеи, говорят о том, что появляется теоретическая основа для мирного развития отношений между локальными цивилизациями, то есть возможность развития позитивных сценариев МО и, как следствие, развития неконфликтных сценариев ВПО.

Теоретически, позитивные сценарии развития ВПО возможны в нескольких, достаточно редких вариантах, когда развитие военных конфликтов и войн сдерживается угрозой применения таких сил (государств, коалиций, организаций) и средств (вооружений и военной техники) противодействия,

³ Подберезкин А. И. Ответственность «впередсмотрящих» // Техника молодежи. 1983. №6.

которые делают риск применения военной силы чрезвычайно высоким, не соответствующим политическим и экономическим целям войны или конфликта. Другими словами в условиях нормального развития локальных человеческих цивилизаций (без очевидного резкого обострения кризиса) позитивные сценарии развития ВПО могут развиваться по нескольким вариантам, которые можно объединить в две подгруппы позитивных сценариев (рис. 19.1).

Рис. 19.1

Из этой схемы следует, что не существует в принципе «несиловых» сценариев обеспечения безопасности и мирной эволюции ВПО, на которые рассчитывают некоторые эксперты и даже политики. Ошибка думать иначе, как показал пример М. Горбачева, дорого обходится нации и ее союзникам. Надо отчетливо понимать, что господствующая в западной локальной цивилизации либеральная идеология формирует для внешнего потребления политическую иллюзию, в соответствии с которой глобализация и либерализация неизбежно ведут к укреплению институтов по правам человека и, в конечном счете, к безопасности и миру, если, конечно же, следовать нормам

и руководствоваться ценностями и интересами западной локальной цивилизации.

Проблема заключается в том, чтобы другие локальные цивилизации, нации и страны сделали выбор в пользу такого способа существования. По сути дела, конфликт на Украине в 2014 году стал лишь поводом к проведению такой политики западной локальной цивилизацией, которая требует от России принятия норм, правил, ценностей, формулируемых Западом.

Поэтому возникает проблема, суть которой можно сформулировать следующим образом: невоенное развитие МО и ВПО возможно либо в случае безусловного принятия норм и правил поведения другой локальной цивилизации, либо силового (но не военного) активного противодействия такой политике, что, в конечном счете, сводится к идеологической, информационной и социо-культурной борьбе. Итог этой борьбы зависит от того, какая из локальных цивилизаций сможет стать идеологическим и культурным лидером в мире.

19.1.1. Сценарий «общецивилизационного благополучия»

Конфликт западной и восточной локальных цивилизаций в области международных отношений не обязательно ведет к кризису, а тем более военному конфликту и войне. Одним из возможных, но наименее вероятных сценариев развития МО, в том числе отражающих реалии и перспективы отношений России и США, является следствием развития гипотетического сценария человеческой цивилизации (ЧЦ), который можно условно назвать сценарием «общецивилизационного благополучия».

Согласно этому сценарию, отношения между государствами строятся на основе строгого следования нормам международного права и принципам политической, экономической и гуманитарной справедливости, либо, как минимум, на декла-

рациях этого при отсутствии конфликтов. Соответственно, ни одна из стран (или локальных цивилизаций) не претендует:

- на неравноправное, силовое распределение мировых ресурсов;
- на необходимый для этого контроль над глобальной МО и ВПО;
- на навязывание своей системы ценностей.

Сценарий «общецивилизационного благополучия» полностью исключать из расчетов нельзя, так как неожиданные события и повороты в развитии ЧЦ могут привести к резкой смене парадигм. Так, во второй половине 40-х годов XX века достаточно неожиданно для всех была создана новая система международных отношений в области безопасности, которая основывалась на договоренностях держав победителей и учрежденной в этих целях ООН. До этого такие попытки предпринимались накануне Первой Мировой войны и при создании Лиги наций, которые, также как и впоследствии ООН, не смогли исключить использование военной силы.

Этот сценарий развития ВПО, кроме того, предполагает, что:

- США откажутся от претензий на мировое лидерство и абсолютную справедливость своих действий (что противоречит, например, выступлению Б. Обамы в мае 2014г. в Вест-Поинте);
- США согласятся на принципы равной безопасности и уважения суверенитета;
- США согласятся на равное отношение к разным системам ценностей и идеологии;
- США откажутся от формирования наступательных военно-политических коалиций и т. д.

Очевидно, что подобных действий США, никогда не примут и от них этого, по большому счету, никто и не ждет. Более того, американская политическая элита особенно и не скрывает своей готовности идти на самые радикальные, даже военные ме-

тоды, для сохранения своего контроля над развитием МО в мире. Так, в августе 2014 года в Конгрессе США был даже внесен проект билля 2277 под названием «Акт о предотвращении агрессии со стороны России», который официально закрепляет за Россией статус врага Америки и направлен на политическое, экономическое и силовое удушение нашей страны. «Билль 2277 — еще не объявление войны, но уже подготовка к ней?» — так озаглавил С. Миронов новую запись на своей странице в Фейсбуке.

Предлогом для возможного принятия «Акта» объявлена «защита» Украины и «других суверенных государств в Европе и Евразии», которым якобы угрожает Россия. Билль (закон) 2277 должен в ближайшее время пройти заключительное, третье чтение в Конгрессе. «Но по существу от принятия этого документа уже мало что зависит, — пишет С. Миронов, — потому что США и без его официального утверждения делают все то, что расписано в 309 пунктах билля 2277 — активизируют свои военные базы, прессингуют ЕС, давят на международные институты, вводят санкции. Руководство НАТО открыто призывает членов Североатлантического альянса готовиться к войне с Россией»⁴.

Таким образом, этот гипотетический сценарий развития ВПО может остаться в качестве теоретически возможного сценария до тех пор, пока у США будут сохраняться планы на глобальный контроль, и даже стать со временем вероятным сценарием в том случае, когда правящие круги страны воспримут как данность изменение МО в мире. Сразу оговоримся: США и их союзники в последние годы делают все для того, чтобы этот сценарий не реализовался, и ведут настойчивую и планомерную работу по развалу сложившейся системы международной безопасности и международного права. В настоящее время созданная ими система глобального управления вполне справляется с задачами глобального контроля США над миром.

⁴ Миронов С. М. Антироссийский билль США / Пресс-релиз. 2014. 22 августа.

Эту ситуацию А. Айвазов справедливо оценил следующим образом: «До начала кризиса ядро американской миросистемы составляли страны G-7, к которому (на приставной стульчик) в 1996 году пригласили Россию, учитывая ее ядерный потенциал, но мир продолжал быть однополярным, миром по-американски. В 2007 году на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности выступил Президент России Владимир Путин и сказал: «Что же такое однополярный мир? Как бы не украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это, конечно, ничего общего не имеет с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства»⁵.

По сути дела, в 2007 году в Мюнхене В. Путин поставил под сомнение существующую в мире МО и, как следствие, ВПО, во главе которой стоят США. И последующее ухудшение отношений России и США в 2008–2014 годы в своей основе имело именно непризнание В. Путиным и Россией права США на мировое доминирование, отрицание правомерности попыток универсализации системы ценностей западной локальной цивилизации.

Такая позиция вместе с тем не отрицала существования «поля компромиссов» как объективных реалий в отношениях между локальными цивилизациями. И их достаточно много, хотя, как правило, они не являются приоритетными среди других интересов государств. Тем не менее, важно, что они существуют и, видимо, их становится все больше и что они (по степени

⁵ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru>

приоритетности) стоят даже выше национальных и государственных интересов и могут быть названы «общецивилизационными» или «биологическими». Можно даже предложить такую матрицу, где эти интересы относительно систематизированы и выстроены в приоритетном порядке (табл. 19.1)⁶.

Таблица 19.1

Интересы и ценности	краткосрочные	среднесрочные	долгосрочные
I. «Общезивилизационные» («биологические») интересы и ценности			
— биологическое выживание на планете;	+	+	+
— экология;		—	+
— ресурсы и др.	—	—	+
II. Национальные интересы и ценности			
— политические;	+	+	
— экономические;	+	+	
— военные и т.д.	+	+	
III. Социальные (классовые) интересы и ценности			
— экономические;	+		
— финансовые и т.д.	+		
IV. Групповые интересы и ценности			
— финансовые;	+		
— культурные	+		

Как видно из этой упрощенной матрицы, главное противоречие между общезивилизационными и остальными интересами — временное. Первые, являясь, по сути, более важными, далеко не всеми элитами воспринимаются как таковые. Так, опасность распространения ядерного оружия не является ближнесрочной, а поэтому (отдавая дань ее значению) решение этой проблемы не будет ставиться в более приоритетном порядке, чем, например, разрешение текущей ситуации на Украине.

Фактически Россия стоит перед цивилизационным выбором, который будет иметь непосредственные последствия для МО и ВПО:

⁶ Деловая газета «Взгляд» / <http://vz.ru/infographics/2009/10/27/342471.html>

если правящая элита страны возьмет соответствующий политический курс.

В классическом понимании этот курс будет искажением реальных объективных ценностей и интересов локальной цивилизации, нации и государства, которое не может быть долгим. Субъективные ошибки правящей элиты неизбежно исправляются. На рисунке логика такого политического процесса может быть выражена следующим образом (рис. 19.2).

Рис. 19.2

- «а» — вектор, ориентированный на внешние, глобальные реалии и факторы, искажающий реальные интересы;
- «б» — вектор, отражающий адекватно объективные интересы и ценности;
- «в» — вектор, ориентированный на национальные интересы, не учитывающий международные реалии.

Как видно из рисунка, в тот или иной конкретный период времени (а ВПО отражает конкретную ситуацию в конкретный период времени) правящая элита может по-разному интер-

претировать, прогнозировать и планировать свою политику. Теоретически она может реализовывать в своей политике вектор «а» (абсолютный примат внешних ценностей в ущерб национальным) и «в» (абсолютный примат внутренней системы ценностей), однако практически это поведение самоубийственно.

Позитивный сценарий развития ВПО очень близок к вектору «а», который в значительной степени ориентирован на учёт внешних реалий, сформированных в последнее столетие под влиянием США и их союзников. Такие периоды могут быть, как уже говорилось, кратковременными, а, кроме того, достаточно острыми, провокационными в развитии ВПО. Как показал один из сибирских ученых, они могут выглядеть, как отражено на следующей диаграмме (рис. 19.3)⁷.

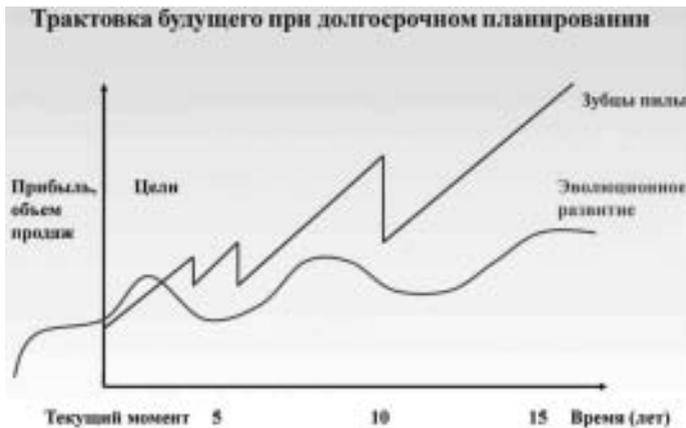

Рис. 19.3

«А на следующий год разразился мировой экономический кризис, решать проблемы которого уже невозможно было в рамках однополярного мира и старого ядра Pax Americana. Поэтому сразу после начала мирового кризиса в ноябре 2008 года был

⁷ Петухов О.Н. Сайт Томского политехнического университета / http://portal.tpu.ru/SHARED/o/ONPETUKHOV/Study/Strategic-planning/Tab/Lectures_on_the_discipline_of_Strategic_Planning_outcome.pdf. С. 36.

созван Антикризисный саммит „большой двадцатки“ (G-20) в Вашингтоне. Но и в G-20 страны периферии оказались в меньшинстве, в то время, как США и страны ядра американского цикла продолжали навязывать свою волю и тормозить переход к новой парадигме мирового развития. Тот же аналитик банка „Голдман Сакс“ Джим О’Нил к десятилетнему юбилею аббревиатуры БРИК выпустил свой новый прогноз, в котором показал, что мировое потребление должно переместиться из стран G-7 в страны БРИКС, доля которых к 2020 году вырастет с 23% до 62% мирового потребления, а „средний класс“ мира к 2030 году составит 5,2 млрд человек, из которых в БРИКС будет 52%, а в G-7 — только 15%»⁸.

19.1.2. Усиление многополярности как позитивный сценарий развития ВПО

Объективный, но достаточно эклектичный процесс преобразования изменений в соотношении сил между локальными цивилизациями в новую геополитическую реальность и международно-политические структуры приобрел во втором десятилетии XXI века определенный динамизм. Фактически, западная локальная цивилизация начала процесс стремительного формирования новой геополитической реальности — расширения НАТО и создание ТГП и ТАП, в которых безусловным политическим и военным лидером выступают США.

С другой стороны, в те же годы резко усилился процесс консолидации других центров силы, во главе которых стояли КНР, Россия, Бразилия и Индия. Процесс формирования новой, альтернативной НАТО военно-политической коалиции стал свершающимся фактом. Он проявлялся в саммитах БРИКС и ШОС, решениях о дальнейшей интеграции, озвученном в сен-

⁸ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>

тябре 2014 г. мнения о возможном расширении ШОС за счет приема Пакистана и Ирана, создании новых интеграционных проектов и структур (газопроводов, банков БРИКС и ШОС, фондов и т. д.). Фактически это означает, что в противовес западному центру силы возникает другой, не менее мощный (хотя организационно, политически и технологически отстающий от первого центра в своем развитии) центр силы, имеющий целый ряд стратегических преимуществ:

- значительно больший демографический и человеческий потенциал;
- больше природных ресурсов;
- больше геополитических преимуществ.

Причем именно человеческий и социальный потенциал, преимущество в которых у стран БРИК-ШОС перед Западом очевидно, в XXI веке становится, не только, решающим фактором развития, но и фактором, определяющим государственную и военную мощь нации или цивилизации⁹.

«В условиях американского цикла накопления капитала этого достичь будет невозможно, так как неэквивалентная торговля и финансовая гегемония стран ядра перераспределяет мировые финансовые потоки в интересах стран G-7. Поэтому те же США, создавая менее 20% мирового валового продукта, потребляют более 35%, в то время как страны периферии недопотребляют. В мировой экономике возникла тупиковая ситуация: финансовый капитал, благодаря неэквивалентному обмену между странами ядра и периферии, сконцентрировал в странах G-7 огромные финансовые ресурсы, надувающие финансовые пузыри на западных биржах, которые скоро лопнут, обесценивая этот капитал. В то же время в странах периферии Pax Americana сконцентрирован огромный потребительский спрос, который не удовлетворен из-за низкой платежеспособности населения.

⁹ Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО. 2011. №2. С. 7–8.

В результате возникает, с одной стороны, мировой кризис перепроизводства, а с другой — кризис спроса»¹⁰.

Поэтому страны БРИКС уже в 2011 году договорились об экономическом взаимодействии с использованием национальных валют. В 2012 г. в Нью-Дели обсуждалась идея создания нового всемирного банка развития, что означает, прежде всего, постепенный отказ от евро и доллара в расчетах между странами и предусматривает процесс укрепления национальных валют. А уже в 2014 году в Бразилии было подписано «Соглашение об учреждении Нового банка развития» и «Договор о Резервном фонде БРИКС», который будет иметь функции, схожие с МВФ. Таким образом, можно говорить о рождении новой международной финансовой системы, сравнимой с той, что была создана в Бреттон-Вудсе.

«В 2013 году в ЮАР лидеры БРИКС встретились с главами африканских государств под лозунгом „Партнёрство в целях развития, интеграции и индустриализации“. В 2014 году в Бразилии страны БРИКС организовали саммит совместно с лидерами стран Южной Америки с теми же целями, а в 2015 году в России очередной саммит БРИКС будет проведен с теми же целями совместно со странами ШОС. Таким образом, страны БРИКС, выступая ядром азиатского цикла накопления капитала, концентрируют вокруг себя будущую периферию. Насущным требованием времени является переход от однополярного к многополярному мироустройству. Глобализированный по-американски мир распадется на несколько валютных зон. И, судя по всему, страны БРИКС вполне могут стать лидерами этих валютных зон, а страны периферии — выбирать, в какую из валютных зон им выгоднее будет войти»¹¹.

Это видно на примере политики последних лет. Так, политика санкций Запада по отношению к России привела к уско-

¹⁰ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>

¹¹ Там же.

рению процесса развития её отношений со странами БРИКС, ШОС и КНР, появлению особенно крупных экономических проектов. Так, договоренность о строительстве газопровода «Сила Сибири» означает не только появление самого крупного экономического международного проекта, но и безусловный толчок в развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока России и к дальнейшему переносу «центра экономической тяжести» из Европы в АТР. Маршрут прохождения этого уникального газопровода показан на нижеследующем рисунке¹².

Рис. 19.4

«В настоящее время мир находится в такой же фазе своего развития, что и 100 лет тому назад, но теперь уже США, как лидер американского системного цикла накопления капитала пытается сохранить свое господство и мир по-американски, как это пыталась сделать 100 лет тому назад Британия. Создание ФРС США де-юре означала создание союза G-2 крупнейших экономик мира, а формирование Антанты означало присоединение к G-2 еще двух крупнейших экономик мира, которые обладали к тому же и мощным военным потенциалом. Противостояли им мощная в экономическом и военном плане Германская империя в союзе со слабыми в экономическом и военно-техническом

¹² Газпром. Сила Сибири / <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/ykv/>

плане Австро-Венгерской и Османской империями. Таким образом, фактически на стороне Антанты было подавляющее преимущество, как финансово-экономическое, так и военно-политическое, и у Германии с ее союзниками не было ни малейшего шанса победить в той войне»¹³.

«Но если 100 лет тому назад эти военно-политические „разборки“ велись, внутри „ядра“ британского цикла накопления капитала, за лидерство и у Антанты с союзниками было подавляющее преимущество по всем направлениям, то сейчас противостояние происходит между „ядром“ (G-7) и „периферией“ (БРИКС) за отказ от неэквивалентного обмена и право присваивать прибавочную стоимость там, где она создается. Сейчас возник примерный паритет сил между G-7 и БРИКС: первые имеют финансово-экономическое и военно-техническое превосходство, но у последних есть существенное преимущество, так как они находятся на подъеме, в то время, как страны G-7 переживают самый серьезный кризис своего развития со времен Великой депрессии»¹⁴.

Есть и еще один «уравнитель шансов» — доступ развивающихся стран к новым технологиям, видам и системам ВИТ, который невозможно ограничить в эпоху глобализации. Так, несмотря на все запреты, КНДР проводит запуски баллистических ракет, а Иран испытал аналог российской системы ПВО С-300. Еще большие перспективы для этого открывают новые виды и системы оружия, в частности, информационное. По данным конгресса США, в настоящее время более 120 стран занимаются разработками информационного оружия¹⁵. Это стало не столько ответом на неспособность поддерживать баланс сил

¹³ Айвазов А. Pax Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Крутских А.В., Сафронова И.Л. Международное сотрудничество в области информационной безопасности / URL: <http://www.cryptography.ru/db/msg.htmr2mid=1169389>

Таблица 19.2

Традиционное оружие	Информационное оружие
— основано на использовании силы (кинети- ческой, электромагнитной и ядерной), биологичес- ких и химических реакций;	— основано на использовании логики и ин- формации;
— непосредственная цель — физическая;	— цель — информация или контроль;
— ресурсы специально разработаны для воору- женного конфликта;	— ресурсы, как правило, имеют гражданское назначение;
— доступ к наиболее опасным строго ограничен;	— дешевизна (низкий порог доступности, продолжает понижаться);
— базовые недорогие, наиболее продвинутое — крайне дорогое	— может быть относительно недорогим.
Примеры традиционного оружия, улучшаемого за счет возможностей ИКТ: ПТС, сетевые подразделения и т.д., средства удаленного контроля и др.	Примеры: червь, вирусы, удаленный контроль, кража паролей и др.

* Rasmussen K, Kozlowski A. Working towards rules for governing cyber conflict. *Rendering Geneva and Hague conventions in cyberspace* // East-West Institute, 2011. URL: <http://www.eui.int/working-towards-rules-governing-cyber-conflict>

в области обычных вооружений и, в особенности, оружия мас-
сового поражения, сколько обычным для военных стремлением
использовать технологическое превосходство. В XXI веке уже
в большинстве стран разрабатываются оригинальные концеп-
ции ведения информационных войн.

Как убедительно показал в своей работе Мартин Либи-
ки, один из признанных классиков теории информационной
войны, традиционные меры сдерживания в информационном
пространстве малоэффективны, вследствие дешевизны и до-
ступности для террористических и преступных группировок
информационного оружия, а также сложности выявления ис-
точника угрозы¹⁶. Поэтому создаются не только качественно
новые информационные ВиВТ, но и стремительно разрабатыва-
ются новые способы их применения. При этом важно отметить,
что процесс создания информационных ВиВТ идет параллельно
с другими ВиВТ. Традиционные вооружения в современном
мире сосуществуют с информационными, — пишет Е. Зино-

¹⁶ См.: Libicki M. *Cyberdeterrence and Cyberwar*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009 / URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG877>

вьева¹⁷. Переход к новым, информационным методам ведения войны не происходит в одночасье. В таблице 19.2 приведены черты традиционных и информационных форм оружия¹⁸.

Таким образом, процесс распространения информационного оружия находится вне контроля. Это означает, что информатизация порождает новые угрозы и для стран-лидеров, усиливая асимметричную составляющую современных конфликтов, в результате чего уязвимыми оказываются развитые в технологическом плане государства¹⁹.

19.1.3. Сценарий создания системы региональной безопасности на основе «российского ядра» в Евразии

Формирование новых центров силы в мире изначально предполагает, что в них будут сосуществовать как центробежные, так и центростремительные тенденции. Для России очевидно выгодно, чтобы центростремительные тенденции в рамках широкой коалиции ТС–ШОС–БРИКС набирали силу и быстрее превращали этот аморфный союз в реальную военно-политическую коалицию, способную противостоять Западу.

Прогнозируя развитие ВПО в мире на долгую перспективу, необходимо исходить изначально из набора возможных средств, имеющихся у государства вообще и у России, в частности, для укрепления и, в конечном счете, обеспечения своей национальной безопасности. Этот набор возможных средств достаточно ограничен. Еще более ограничен набор для тех вероятных средств, которые входят в этот теоретически возможный набор. Логически этот набор можно изобразить следующим образом (рис. 19.5).

¹⁷ Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность. М.: МГИМО, 2013. С. 60–61.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая. С. 8.

Рис. 19.5

Принципиально важно отметить, что такой выбор стоял перед государствами практически всегда в истории человечества. В ранние периоды количество вариантов сводилось к двум — подчиниться или бороться. Позже их спектр расширился, но остался достаточно ограниченным. В XXI веке России предстоит принять такой принципиальный выбор, который еще не сделан. При М. Горбачеве и Б. Ельцине фактически выбор был сделан в пользу варианта II-1. Позже В. Путин обозначил выбор сценария № 1, но на каком из вариантов этого сценария остановился, остается неясно.

Один из реалистических сценариев развития ВПО является сценарий создания евразийской системы военно-политической безопасности на основе формирования мощной политико-экономической и военно-политической коалиции в Евразии. Любая система безопасности — мировая, региональная, национальная, — имеет, прежде всего, пространственно-геополитическое измерение. Даже расширение воздушно-космического пространства до глобального ТВД не отменяет этой характеристики потому, что конечные объекты безопасности и субъекты ВПО расположены на поверхности земли и воды.

Оценивая демографические ресурсы (а также мобилизационные ресурсы планеты во втором десятилетии XXI века и через 30 лет), мы видим, где к 2040 году они будут составлять большинство населения мира и, соответственно, позволят формировать самые массовые вооруженные силы.

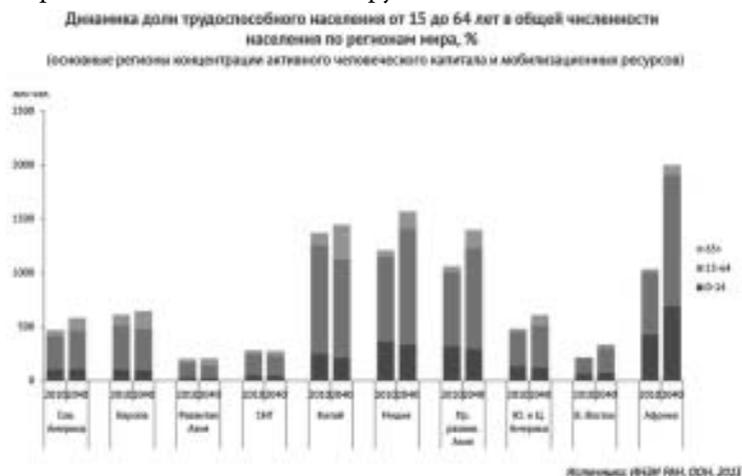

Рис. 19.6²⁰

Геополитика, география и внешняя торговля, которая по темпам развития будет опережать темпы роста ВВП, неизбежно будут предопределять и развитие международных военно-политических отношений. Эту закономерность не отменяет даже то обстоятельство, что имели место мировые (глобальные) войны, а в послевоенный период некоторые государства и блоки пытались заявить о своей «глобальной ответственности». И в случае мировых войн, и в процессе строительства военных организаций всегда сохранялся главный, основной потенциал

²⁰ Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. С. 9.

ный ТВД, от результатов военных действий на котором зависел исход войны и военное планирование. В ходе Первой и Второй мировых войн таким ТВД была западная часть Евразии — Европа, хотя военные действия шли и на Тихоокеанском ТВД, и в Африке, и в Азии.

Более того, есть основания полагать, что численность погибших во время Второй мировой войны в Азии могла быть сопоставима с военными потерями в Европе, но это отнюдь не отменяет вывода о решающем значении ТВД в Европе. В настоящее время, а тем более в долгосрочной перспективе 30–50 лет есть все основания полагать, что главным и решающим ТВД станет Евразия, причем, как и во времена Крымской войны, Первой и Второй мировых войн военные действия охватят все части Евразии и прилегающих акваторий, включая Арктику. В этой связи любой стратегический прогноз и планирование должны начинаться с геополитического анализа и перспектив развития ВПО в Евразии.

Стратегический военный прогноз и стратегическое военное планирование в России должны исходить из очевидного факта: будущая военно-политическая обстановка (ВПО) будет лишь частью международной обстановки (МО), а также следствием сложившейся к тому времени системы международной и региональной безопасности. При этом надо исходить из того, что сегодня:

- не существует системы европейской и евразийской безопасности, для всех, а реально существующая система — Североатлантическая — направлена на обеспечение интересов только части государств;
- маловероятно, учитывая позицию Запада, что удастся сложить единую и справедливую систему безопасности в Евразии «от Лиссабона до Владивостока»;
- существует возможность создания системы безопасности в Азии либо с участием КНР и России, либо отдельных систем безопасности. В мае 2014 года тенденции были таковы,

что потенциальная возможность создания системы безопасности в Азии, в основе которой лежали бы отношения КНР и России, выглядели вполне реальными.

В Азии необходимо создать новую архитектуру безопасности при участии России, заявил председатель КНР Си Цзиньпин на пленарном заседании Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии СВМДА, который проходил во время визита и при участии президента РФ Владимира Путина. В своем выступлении лидер КНР, в частности, обратил внимание на необходимость совместной борьбы против «трех зол» и констатировал, что, «несмотря на растущие угрозы и вызовы, Азия остается перспективным и динамичным регионом». Си Цзиньпин подчеркнул, что «безопасность должна быть универсальной», и пояснил, что безопасность одних стран не может обеспечиваться за счет безопасности других. «Споры нужно решать только мирными средствами, исключая возможность применения силы или угрозы ее применения», — подчеркнул председатель КНР. Он добавил, что Совещание заинтересовано также в развитии отношений в сфере экономики и экологии. «Народы Азии испытывают сильное чаяние к международному миру и стабильности», — подытожил Си Цзиньпин²¹.

Ко второму десятилетию XXI века в мире сложилась единственная реальная военная система безопасности, основанная на системе ценностей, общих и национальных интересах и военной мощи западных государств. В ее основе лежит система военно-политических союзов, коалиций и договоренностей с США. Это — простая констатация факта, признание того, что ни нарождающиеся новые центры силы — Китай, Индия, Россия, Бразилия, — ни существующие системы международной

²¹ Китай призвал Россию и других соседей создать новую архитектуру безопасности в Азии и вместе бороться против «трех зол» / Эл. ресурс: «NEWSru.com: В мире» 21 мая 2014 г. / <http://www.newsru.com/world/21may2014/colldefense.html>

и региональной без опасности не могут пока стать реальными альтернативами сложившейся системе обеспечения безопасности под эгидой США. Как, необходимо признать и то, что США и большинство их союзников такая ситуация абсолютно устраивает и они не планируют изменение парадигмы безопасности, основанной в XX веке на этой системе.

Именно этим объясняется нежелание США и их союзников развивать прежние международные институты (ООН, ОБСЕ и др.) и создавать новые институты международной и региональной безопасности, которые могут стать альтернативой уже существующей под эгидой США системе. И, наоборот, отчетливо прослеживается стремление США не только укрепить контролируруемую систему безопасности, но и расширить ее возможности за счет увеличения ее функций, вовлечения новых членов и укрепления обязательств.

Отчетливо стал заметен тренд «геополитической поляризации», обозначенный еще в XX веке З. Бжезинским. Если во времена «холодной войны» расхождения между государствами и коалициями трактовались как идеологические и ценностные, то в XXI веке, когда идеологические и ценностные противоречия отошли на второй план, отчетливо проявилась другая, подлинная сущность — геополитическая, когда идеологические, ценностные и даже экономические противоречия становятся лишь аргументами, «отблесками» более глубоких, геополитических противоречий господства и контроля. По этому поводу директор Института региональных проблем Н. Миронов справедливо заметил: «„Черно-белая“ шахматная (по Бжезинскому) картина мира ничего общего не имеет с идеологией либерализма и его базовыми принципами правового государства, представительной демократии, политического плюрализма, конституционного устройства власти на основе диалоговых, парламентских форм выработки решений. Защита свободы и конституции в устах апологетов украинских и критиков российских реформ — это всего лишь

ширма, прикрытия и обоснование конъюнктурных политических интересов»²².

Следует признать (и события 2008 года в Южной Осетии и 2014 года на Украине это подтвердили), что во втором десятилетии XXI века в мире существовала единственная полноценная система обеспечения безопасности для определенного круга государств во главе с США. Они объединены единой системой геополитических интересов господства, маскируемых защитой либеральных ценностей, совпадением экономических и иных интересов. Эта система безопасности объективно не заинтересована в появлении новой всеобъемлющей системы безопасности, которая могла бы стать альтернативной. Более того, эта система препятствует малейшему движению в этом направлении.

Известно, что важнейшим условием, определяющим стратегическое военное планирование на долгосрочную перспективу, является прогноз будущей военно-политической обстановки (ВПО) в мире, вытекающий из прогноза геополитической обстановки. В этом смысле можно констатировать, что в начале XXI века начался процесс геополитической поляризации, который характеризуется не только появлением и усилением новых центров силы в мире, но и нарастанием геополитических противоречий между ними. В таких условиях преобладающими становятся тенденции консолидации вокруг этих центров силы других государств и организаций, формирование новых и развитие существующих коалиций.

Естественно, что эти тенденции вступают в откровенное противоречие с усилиями по созданию всеобщей или региональной системы безопасности, изначально (как это было с инициативой России по созданию европейской системы безопасности), обесценивают все такие усилия. Такой военно-политической контекст современной международной и военно-

²² Миронов В. Тирания меньшинства // Независимая газета. 2014. 14 мая. С. 2.

политической обстановки (МО и ВПО) дополняется радикальными изменениями в ВиВТ, а также способах их использования (военном искусстве).

Прежде всего, речь идет о том, что резкое усиление военно-политического значения систем ПРО и ПВО в конце XX века привело к тому, что само представление о безопасности и мерах ее обеспечения в мире, регионах и отдельных странах стало стремительно меняться. Так, глобализация привела к тому, что 60–70 процентов торгового оборота (поставок сырья, промежуточных продуктов переработки, средств производства, транспорта, реализации и т. д.) формируются за счет глобальных промышленных цепочек²³.

В некоторых отраслях России, например, фармацевтике, эта доля достигает 80% и изменить ее быстро невозможно. Возникает ситуация импортной зависимости и взаимозависимости, которая в политическом и военном плане выгодна тем странам-лидерам, которые создают эти «производственно-транспортные цепочки» и в наименьшей степени от них зависят. Очевидный и яркий пример в ходе политического конфликта на Украине — поведение банковских систем «VISA» и «Master Card», где доля российских клиентов не достигала 5%.

В растущем геополитическом противостоянии безопасность государств уже не может быть обеспечена только традиционными средствами обеспечения военной безопасности. Логика такова: наряду со средствами вооруженной борьбы (которые будут продолжать модернизироваться) и созданием качественно новых видов и систем ВиВТ, появляются силовые (но не военные) средства противодействия. Речь идет, прежде всего, о том, что сами средства обеспечения безопасности в XXI веке стремительно меняются, во-первых, и появляются новые, во-вторых. Происходит очевидный процесс выделения невоенных

²³ Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО. 2012. №6(27). С. 8.

средств ведения силовых действий — информационно-пропагандистских, гуманитарных, культурно-образовательных, сетевых, организационных, политико-дипломатических, экономических, финансовых и т. д., — которые становятся главными инструментами обеспечения или дезинтеграции национальной безопасности.

В это же время происходит дальнейшая диверсификация традиционных и новых средств вооруженной борьбы, среди которых выделяются в качестве ведущих такие, как силы для специальных операций, «частные армии», гражданские вооруженные формирования и т. д. Отдельно следует сказать о появлении и стремительно растущем значении высокоточного оружия и средств воздушно-космической обороны (ВТО и ВКО), которые должны обеспечить «силовой фон» для применения силовых и вооруженных невоенных акций. Без гарантированного «прикрытия» с воздуха применение любых силовых средств — как вооруженных, так и гражданских, — бессмысленно. Эти же средства нападения и обороны способны гарантировать достижение политических целей конфликта на стадиях, когда они еще не переходят в масштабные вооруженные операции.

Таким образом, в XXI веке способность обеспечения национальной безопасности и суверенитета государства зависит от

Рис. 19.7

двух основных силовых групп: невоенных и собственно военных, среди которых выделяются отдельные способы и средства, которые можно изобразить на следующей логической схеме (рис. 19.7).

Если говорить коротко, то суть этих изменений свелась к возникновению во многом тождественности между понятием «безопасность» (которое в XX веке несло преимущественно политическую нагрузку) и способностью гарантировать, например, эффективную ВКО. Такое же тождество, по сути, возникло и между понятием «суверенитет государства» и «эффективная ВКО». События в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии продемонстрировали наглядно, что политические цели войны достигались преимущественно при помощи применения высокоточных систем оружия, которые поражали в приоритетном порядке:

- цели политического руководства и административного управления;
- средства ПВО и военного управления;
- средства, обеспечивающие коммуникацию, связь и распространение информации, включая СМИ;
- собственно военные цели и объекты промышленности.

Таким образом, возникла тесная взаимосвязь между способностью обеспечить военную безопасность от воздушно-космического нападения с понятием «национальный суверенитет» и региональной и международной безопасностью. Система международной или региональной безопасности, которая не гарантирует защиты от воздушно-космического нападения (то есть высокой степени военно-политической интеграции ВС и военно-политического руководства), стала в XXI веке простой фикцией. Это наглядно проявилось в ходе воздушно-космических операций против Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии: они входили в систему международной безопасности под эгидой ООН, Лигой арабских государств и других организаций.

19.2. Конфронтационные сценарии развития ВПО

События последних двух десятилетий и задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности²⁴.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО*

Очевидно, что в XXI веке в мировой военно-политической обстановке произойдут радикальные изменения. Они могут свершаться даже скорее, чем идущее развитие и производство ВиВТ. Новые угрозы, в том числе и качественно, принципиально новые, могут потребовать как новых средств ведения войны, так и разработку иных способов их использования, в то время как производство современных ВиВТ рассчитано, по крайней мере, на предстоящие 15–20 лет. И это не может не вызывать опасений. Если сегодня, например, мы начинаем масштабную и долгосрочную программу строительства авианосных ударных группировок (включая инфраструктуру, корабли сопровождения, авиацию, подготовку летчиков, создание баз и т. д.), результаты которой в полной мере будут получены через 20–30 и даже 40 лет, то важно понимать, для чего это делается, какие задачи — политические и военные — будут решаться и каким угрозам все это будет противостоять.

Новые военно-политические угрозы становятся важнейшим фактором влияния на формирование ВПО в мире и отдельных регионах, требующих внимательного анализа и долгосрочного прогноза. Обострение прежних и возникновение новых угроз в XXI веке требует своего объяснения, которое не может быть

²⁴ Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО. 2012. № 6(27). С. 8.

вызвано тактическими, краткосрочными причинами, некими случайностями или отдельными трендами мирового развития. К сожалению, в основе этих негативных глобальных причин находится классический конфликт локальных цивилизаций в борьбе за контроль над территориями (природными ресурсами, транспортными коридорами, рынками) и за возможность влиять на формирование системы ценностей и норм поведения в мире. Одна цивилизация стремится навязать свое понимание мира другим, а другие — защитить свои ценности и интересы. Рассмотрим коротко три этапа развития российской локальной цивилизации под этим углом зрения в качестве гипотезы для основных сценариев развития ВПО в мире в XXI веке. Эта рабочая гипотеза имеет большое теоретическое и методологическое значение для построения всех будущих сценариев развития ВПО.

Изначально следует оговориться, что в целях упрощения модели не рассматриваются предыдущие этапы развития российской локальной цивилизации за все предыдущие тысячелетия, так как это потребует много времени и места и не имеет сегодня решающего значения. И так, к началу первого, „имперского“ периода, „российское ядро“ цивилизации успешно продвинулось на восток, закрепилось на юге и было значительно „выдавлено“ с запада (напомню, что в первом тысячелетии н. э. славяне на западе были расселены на восток от линии нынешней Словении и Берлина).

В любом случае, в XIX веке Россия представляла собой мощное ядро российской цивилизации, успешно развивающееся и продвигавшееся на юг в направлении Средиземного моря и Афганистана и на восток, в направлении нынешнего АТР, что хорошо видно на нижеследующей карте» (рис. 19.8)²⁵. «Выдавливание» России из Афганистана и Крыма Западом активно началось во второй половине XIX века, в результате чего была «продана» Аляска и проиграна война западной коалиции в Крыму.

²⁵ Территория Российской Империи и ее протекторатов в 1800–1917 годах /<http://mapinmap.ru/archives/3041>

Рис. 19.8

В последующие годы США и Великобритания активно продолжали эту политику, которая, казалось, достигла успеха в 20-е годы XX века. Фашистская Германия развязала, однако, гражданскую войну против Англии и Франции в рамках одной локальной цивилизации, что было бы совершенно непонятно (на какие средства, почему, как и т. д.), если бы не признание прежнего стремления западной локальной цивилизации уничтожить «российское ядро» восточной цивилизации. Также как в свое время это было сделано с Константинополем и Византийской империей.

После короткого периода борьбы за сохранение контроля в рамках западной локальной цивилизации в 1940–1945 гг., западная локальная цивилизация вновь вернулась к политике «выдавливания» России из Евразии и ее дезинтегрирования, которая на этот раз получила название «холодной войны». В результате такой политики Западу удалось консолидировать свои силы, прежде всего в Европе, создав для этого мощный инструмент — военно-политический блок НАТО. Однако политику выдавливания Западу пришлось проводить уже при заведомо худших стартовых условиях, так как в итоге Второй мировой войны России удалось создать буфер безопасности в Восточной Европе под

эгидой Организации Варшавского договора (ОВД). Схематично это состояние ВПО показано на следующем рисунке (рис. 19.9)²⁶.

Рис. 19.9

Победа Запада в «холодной войне» в 90-е годы XX века означала лишь победу на ее трех этапах — дезинтеграции ОВД и взятии под контроль восточноевропейских стран, отделении Прибалтики и отделении Белоруссии, Украины и среднеазиатских государств. Наступил заключительный, четвертый этап «холодной войны», который неизбежно приобретет уже немирные внешние формы внешних и внутренних войн, — дезинтеграции и раздела России.

В этих целях Западу необходимо:

- во-первых, создать по периметру границ России максимально враждебное окружение, продвинуть инфраструктуру НАТО и ЕС вплотную к границам РФ;

²⁶ Цит. по: Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

- во-вторых, создать проблемы и кризисы внутри России, прежде всего, в ее правящей элите и обществе.

За последние годы в этой долгосрочной стратегии, реализуемой с начала 1980-х годов, проявились явные признаки, характерные для перехода относительно мирной фазы «холодной войны» в ее горячую, вооруженную стадию. По-сути дела, происходит трансформация военно-политической конфронтации в военное противоборство. Эти опасения были отражены в выступлении В. В. Путина на заседании Военно-промышленной комиссии 10 сентября 2014 года.

В выступлении отмечалось, что утверждены основные направления развития вооружений и военной техники до 2030 года, сформирован даже перечень конкретных образцов, определяющих облик перспективных систем вооружения. Но также признавалось, что нужно достоверно и полноценно просчитать потенциальные угрозы военной безопасности, добавив, «что новых угроз очень много». «На каждую из них должен быть найден достаточный адекватный ответ», — отметил президент, напомнив, в качестве примера, что несколько лет назад США вышли из договора по противоракетной обороне и сейчас вовсю идет создание системы ПРО у наших границ — и в Европе, и на Аляске. Другой пример, который привел Путин, — разработка теории «так называемого глобального обезоруживающего удара». Также он упомянул, решение НАТО о наращивании сил в Восточной Европе²⁷.

Ниже приводится схематичное изображение уже имеющегося размещения баз и воинских контингентов НАТО у границ России (рис. 19.10)²⁸.

Процессы дедполяризации мира, концентрации силы в новых мировых центрах, а значит появление и новых центров

²⁷ Цит. по: Лагухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

²⁸ Карта присутствия НАТО в Европе. (Без Албании и Хорватии вст. В 2009 г.) / apinmap.ru/archives/3151

Рис. 19.10

принятия политических решений, которые сопровождаются неуклонным перемещением вектора мирового развития с Запада на Восток, неизбежно встречают резкое и негативное отношение со стороны правящей элиты США. Это негативное отношение, иногда являющееся следствием национального менталитета (а, значит, устойчивым), будет провоцировать в стратегическом плане различные формы противодействия со стороны США, включая и военно-силовые. Объективный процесс набирающей силы поляризации, таким образом, будет встречать негативную и не всегда адекватную реакцию США, которая уже реализуется в военно-политическом курсе страны.

В статье в американском журнале «Foreign Policy», например, утверждается, что «Подъем Китая» стал возможным благодаря бездействию США. У Китая была стратегия, у Америки ее не было²⁹. Более того, пытаюсь обосновать необходимость

²⁹ Цит. по: Рогов С. М., Шариков П. А. и др. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая.

противодействия процессу деполяризации, ведущие политики США (Г. Киссинджер, З. Бжезинский и др.) обосновывают сохранение США «на вершине» центра мирового развития бесконечно долго, может быть, вечно.

Логика, вытекающая из подобной политической философии, неизбежна: несмотря на все объективные процессы в изменении соотношения сил в мире, США должны найти способы предотвратить такое развитие событий. Как справедливо отметил С. Лавров, «демократическое устройство мира не вписывается в политику нынешнего Запада... международная система находится в движении, основы зашатались, их раскачивают, и весьма активно...»³⁰. И далее: «Мир меняется, становится полицентричным, доля США и Европы в глобальном ВВП сокращается, появились новые центры экономического роста и финансовой мощи, куда приходит и политическое влияние. Тенденцию не остановить. Можно ей сопротивляться, что, увы, и пробуют делать, но против течения грести трудно. Из-за этого и происходят многие кризисы»³¹.

Как видно из короткого, но очень точного анализа С. В. Лаврова, США пытаются остановить развитие объективных тенденций, что неизбежно вызывает кризисы. Эти кризисы — политические, экономические, гуманитарные и другие ведут к обострениям ВПО в мире и отдельных регионах, которые только очень узкой гранью отделяются от военных конфликтов и войн. Собственно говоря, многочисленные примеры обострения МО и ВПО, которые привели к кризисам и войнам, стали характерным явлением для конца XX и начала XXI века. Эти взаимосвязи отчетливо проявились в следующих случаях:

1. Стремление сохранить влияние в Европе и на Балканах привело к кризису в Югославии и военному конфликту;

³⁰ Лавров С. В.: поставлена цель любой ценой вывести Россию из равновесия // ИТАР-ТАСС. 2014. 11 сентября / <http://itartass.com/>

³¹ Там же.

2. Попытка взять под контроль развитие ситуации на Среднем Востоке — к войне против Ирака;
3. Стремление закрепиться в Центральной Азии — к войне в Афганистане;
4. Политика усиления слабеющего влияния на Севере Африки и Ближнем Востоке — к вооруженным конфликтам на Севере Африки и Ближнем Востоке;
5. Ставка на Украину, как противовес России — к войне на Украине.

Эти и множество других примеров свидетельствуют только об одном — усилении вероятности развития сценариев геополитической конфронтации, прежде всего, между локальными цивилизациями или их видами — суннитами и шиитами в исламской локальной цивилизации; протестантами и православными в христианско-европейской цивилизации.

Вариантов таких сценариев развития глобальной конфронтации существует достаточно много уже в настоящее время, но особенно опасен один из них — искусственное сдерживание западной локальной цивилизацией меняющегося соотношения сил и влияния в мире не в ее пользу. Такое силовое (а другого и не может быть в принципе) сдерживание неизбежно ведет к расширению спектра использования военной силы в качестве инструмента политики в международных отношениях, а, следовательно, к искусственному обострению ВПО.

В этой связи предлагается рассмотреть некоторые возможные сценарии ВПО, развитие которых в долгосрочной перспективе существенно повлияет на будущую ВПО в мире.

19.2.1. Сценарий геополитической военно-политической поляризации

Дестабилизация целых регионов планеты может быть не следствием политики Запада, как иногда считается, а стратегической целью. Создание хаоса резко усиливает возможности для внешнего влияния. В этом смысле стратегия сценария

геополитической поляризации может стать для Запада вполне прагматичным (хотя и циничным) сценарием развития МО в XXI веке. Такой сценарий развития военно-политической обстановки (ВПО) как геополитическая поляризация является следствием негативного развития международной обстановки (МО) и сценариев противоборства локальных цивилизаций.

Этот сценарий ВПО, таким образом, является вполне логичным продолжением политики Запада силового навязывания другим локальным цивилизациям, нациям и странам своей системы ценностей и глобальных приоритетов. Насильственно продвигать системы ценностей, как известно, можно только в условиях конфронтации. Лучше всего глобальной. Этот сценарий предусматривает, что, несмотря на постепенное изменение соотношения сил в мире не в пользу Запада, западной локальной цивилизации удастся сохранить лидирующую роль и контроль над развитием основных процессов и ситуацией в ключевых регионах. Даже если эта цель предполагает создание ситуации хаоса в отдельных странах и целых регионах. Ибо такой хаос предоставляет внешним силам уникальную возможность создания системы влияния и его контролирования. Так, до уничтожения ливийского лидера Муаммара Каддафи этот регион достаточно успешно развивался и обеспечивал быстрый рост ВВП и высокие социальные стандарты для населения. В Тунисе, например, среднегодовые темпы роста ВВП составляли 4,4%, которые упали до 1,6% после войны в Ливии³².

Главным инструментом в будущей военно-политической борьбе будут средства информационного воздействия, превосходство в которых будет опираться на сохранение технологического превосходства США и ЕС, а также гуманитарно-информационных технологий ведения психологической борьбы и войны. Такой подход вполне естественен. Сценарий

³² Situation brief: the Libyan conflict and its impact on Egypt and Tunisia / United Nation, N.-Y. 2014. 12 August. P. 2.

глобальной военно-политической поляризации в конечном итоге предполагает борьбу западной локальной цивилизации против всех других локальных цивилизаций, которая не может вестись всегда в военно-силовой форме.

С разными локальными цивилизациями в разное время противостояние может даже переходить в стадии сотрудничества, но информационно-идеологическое противоборство не исчезает, более того, оно может в эти периоды даже усиливаться, приобретая все признаки вооруженной борьбы. Логическая последовательность данного сценария ВПО показана на следующем рисунке (рис. 19.11).

Рис. 19.11

Как видно из этого рисунка, сценарий ВПО, предполагающий геополитическую поляризацию, основывается на формировании общего военно-политического союза западной цивилизации и противостоянии и препятствии созданию коалиций и союзов другими локальными цивилизациями. Примечателен в этой связи пример с Грузией, которую держат под контролем Запада, с одной стороны, и не включают в состав западных структур, — с другой. Как пишут ученые МГИМО, «Запад

не готов прилагать больших усилий к тому, чтобы удерживать Грузию в зоне своего влияния. Ни США, ни НАТО не готовы взять на себя юридически обязывающие гарантии безопасности Грузии. Ей самой предлагают изобрести, каким образом исключить Абхазию и Южную Осетию из таких гарантий, если Грузия все же станет членом НАТО. Грузия перестала получать и масштабную финансовую помощь. Украинский кризис пока не внес существенных корректив в эту стратегию Запада. Соответственно, разочарование в результатах многолетнего сотрудничества с США и НАТО может нарастать»³³.

С другой стороны, ЕНД и близкие к нему силы сохраняют потенциал реванша, особенно если на такой реванш будет запрос со стороны США. Разумеется, возвращение Грузии к конфронтационной модели отношений с Россией будет губительным для этой страны, но нельзя исключать, что при углублении разногласий между Москвой и Вашингтоном такой сценарий станет желательным для США. Поэтому российско-грузинская нормализация и активная политика по трансформации подходов грузинского общества к российско-грузинским отношениям должны оставаться одним из приоритетов России, отмечают исследователи МГИМО³⁴.

В конечном счете, сценарий развития ВПО «Геополитическая поляризация» предполагает, что соотношение сил между западной локальной цивилизацией и другими локальными цивилизациями будет складываться в пользу Запада. Более того, само такое превосходство должно, во-первых, политически влиять на отношения с другими странами и, во-вторых, препятствовать созданию объединенной антизападной коалиции.

В этом контексте вопрос о правильном подсчете (количественном и качественном) соотношения военных сил приобретает особое значение. Очевидно, что любое соотношение должно

³³ О перспективах развития грузино-российских отношений. Аналитический материал. М.: МГИМО, 204. Август. С. 6–7.

³⁴ Там же.

быть, как минимум, сопоставимым, то есть отличаться друг от друга величины могут на десятки процентов и, как максимум, в разы. Это можно проиллюстрировать при помощи схемы и таблицы из работы «Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран»³⁵.

Табл. 19.3. Значение показателя статуса государства по параметру «Наука и образование»

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика
Сверхдержава	8–10	Государство (страна) является лидером в передовых научных разработках по широкому спектру, имеет развитую систему образования, всемирно известных ученых
Великая держава	5–7	Государство проводит выходящие мировую уroveň, в отдельных областях его наука и образование оказывают заметное воздействие на мировое развитие
Региональная держава	2–4	Государство восприимчиво к внедрению передовых научных разработок, имеет научно-образовательные центры в отдельных направлениях знания
Малое государство	1	Наука строится преимущественно на внешних заказах, образовательные услуги импортируются

Примечание. Исторический пример: Италия посылает стратегическую ценность династического и качественного образования в достижении стратегических целей в области обороны, экономики и политики. Долгие и качественные университеты, созданные в процессе наполеоновских войн, завоевали репутацию лучших в Европе, заложив основу для качественного скачка германской промышленности и технологического доминирования, сохранившегося до обограненного дня.

³⁵ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран / Доклад 2012 к обсуждению. 3-е издание, перераб. и допол. М., 2012. С. 40–43.

Для экспертной оценки фактора «Наука и образование» в рамках общего подхода разработана шкала, представленная в таблице. В качестве дополнительных показателей развития науки, технологии и образования выделены следующие:

- уровень развития в стране критических технологий в сопоставлении с ведущими странами мира;
- комплексность научно-технического развития страны (полнота спектра современных производств, наличие космической и авиационной промышленности);
- степень развития информационных технологий;
- соответствие национальных образовательных стандартов мировому уровню;
- процент грамотности населения;
- обязательность среднего образования;
- количество обучающихся в высших учебных заведениях на 1 тыс. человек населения страны в сопоставлении с ведущими постиндустриальными странами;
- уровень образования в стране, проверяемый по результатам стандартных тестов.

Для определения совокупных возможностей Вооруженных Сил 100 ведущих стран мира в соответствии с общей методологией стратегической матрицы была сформирована система показателей, имеющих статистическую основу и учитывающих экспертные оценки. В рамках третьего поколения «Глобального рейтинга ИПМ» выявлению позиций государств в мировом балансе военной силы было уделено особое внимание на фоне снижения порога использования военной силы.

Уровень развития вооруженных сил на современном этапе можно определить исходя из оценки параметров, представленных на следующем рисунке (рис. 19.12).

Эта задача решалась путем разработки специальных критериев, определяющих уровень развития государства в диапазонах «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство». Уровень развития силовой

Рис. 19.12

компоненты государства, соответствующий, например, понятию «сверхдержава», можно определить такими характеристиками, как:

- собственное производство подавляющего большинства систем вооружения и военной техники;
- наличие ядерного оружия, межконтинентальных баллистических ракет, при общем количестве ядерных боезарядов не менее 1000–1500 единиц;
- численность вооруженных сил более 1 млн человек;
- наличие возможностей массированного использования систем высокоточного оружия;
- оснащенность передовыми системами управления и связи.

Табл. 19.4. Значение показателя статуса государства по параметру «Вооруженные силы»

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика
Сверхдержава	8–10	Вооруженные силы страны оказывают определяющее воздействие на формирование мирового баланса сил
Великая держава	5–7	Армия страны значима в мировом балансе сил и оказывает существенное влияние на военный баланс своего континента
Региональная держава	2–4	Государство оказывает значительное влияние на баланс сил в одном регионе
Малое государство	1	Государство уступает по силе своим соседям по региону

В полной мере уровню военной сверхдержавы в настоящее время соответствуют только США. Пока близка к этому уровню Россия, но по таким показателям, как производство вооружений во всем спектре современных систем, численность вооруженных сил и оснащенность высокоточным оружием, передовыми системами управления и связи, она существенно отстает от США.

Для великой военной державы характерно меньшее число стоящих на вооружении ядерных боезарядов (порядка 100–500 единиц), отставание от сверхдержавы в развитии систем управления и связи, ограниченные способности применения высокоточного оружия. В таких странах может быть не налажено национальное производство некоторых критически важных систем оружия (например, стратегических бомбардировщиков, самолетов ДРЛО и управления, современных авианосцев, подводных лодок с атомной силовой установкой, боевых кораблей других основных классов и т. п.).

Военная региональная держава, как правило, не имеет ядерного оружия (хотя может иметь средства его доставки), существенно отстает в развитии систем управления и связи, большая часть вооружения импортируется. Для наглядности представления результатов оценки военного потенциала все показатели развития вооруженных сил (ВС) были сведены в три большие группы. Первая группа — общие показатели развития вооруженных сил, в которую вошли данные по военным расходам, численности ВС и мобилизационным ресурсам (табл. 19.5).

Вторая группа показателей характеризует уровень развития сил общего назначения ВС исследуемых государств. Эта группа делится на две подгруппы, отражающие уровень развития сухопутных (табл. 19.6) и военно-морских сил государства (табл. 19.7), и два отдельных показателя, один из которых отражает уровень развития военно-воздушных сил (табл. 19.8). Другой показатель выступает своеобразным поправочным коэффициентом, позволяющим на базе экспертных оценок учесть степень

Табл. 19.5. Значение показателей, характеризующих общее развитие ВС

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика		
		Военные расходы, млн долларов	Численность ВС, тыс. человек	Оценочная численность резервистов и военизированных формирований, тыс. человек
Сверхдержава	8–10	Свыше 60 000 (макс. значение — 552 568)	Свыше 3000 (макс. значение — 2185)	Свыше 500 (макс. значение — 20 449)
Великая держава	5–7	10 000–60 000	300–1000	100–500
Региональная держава	2–4	500–10 000	50–300	50–100
Малое государство	1	Менее 500	Менее 50	Менее 50

Табл. 19.6. Значение показателей, характеризующих общее развитие сухопутных войск

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика			
		Основные боевые танки (ОБТ)	Легкие танки и боевые бронированные машины (ББМ), включая боевые машины пехоты (БМП), бронетранспортеры (БТР), боевые разведывательные машины (БРДМ) и др.	Орудия полевой артиллерия (ПА), самоходные артиллерийские установки (САУ), реактивные системы залпового огня (РСЗО)	Ударные и многоцелевые вертолеты
Сверхдержава	8–10	Свыше 3000 (макс. значение — 23 000)	Свыше 4000 (макс. значение — 38 763)	Свыше 10 000 (макс. значение — 26 254)	Свыше 1000 (макс. значение — 1321)
Великая держава	5–7	1000–3000	1000–4000	2000–10 000	300–1000
Региональная держава	2–4	300–1000	300–1000	1000–2000	100–300
Малое государство	1	менее 300	менее 300	менее 1000	менее 100

новизны вооружения и военной техники (ВВТ), уровень боевой подготовки и боевой готовности для сил общего назначения в целом. Ядерный потенциал оценивается показателем,

Табл. 19.7. Значение показателей, характеризующих общее развитие ВМС

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика			
		Подводные лодки	Авианосцы	Боевые корабли основных классов (за исключением авианосцев)	Боевые самолеты ВМС, в том числе самолеты палубной авиации
Сверхдержава	8–10	Свыше 50 (макс. значение — 71)	Свыше 5 (макс. значение — 11)	Свыше 50 (макс. значение — 96)	Свыше 500 (макс. значение — 1138)
Большая держава	5–7	10–50	2–5	20–50	200–500
Региональная держава	2–4	5–10	1–2	10–20	100–200
Малое государство	1	Менее 5	0	Менее 10	Менее 100

Табл. 19.8. Значение показателей, характеризующих общее развитие ВВС

Статус государства	Оценка, баллов	Характеристика (Боевые самолеты)
Сверхдержава	8–10	Свыше 1500 (макс. значение — 3063)
Большая держава	5–7	700–1500
Региональная держава	2–4	150–700
Малое государство	1	Менее 150

отражающим количество имеющихся на вооружении ядерных боеголовок, и группой показателей, характеризующих средства доставки ЯО.

Полученные результаты (табл. 19.5–19.8) свидетельствуют, что благодаря беспрецедентным военным расходам, превышающим расходы всех остальных стран мира, США существенно опережают другие страны мира по общим показателям развития ВС. На втором месте по этому показателю стоит Европейское сообщество. Его совокупные военные расходы в 9 раз превосходят российские, а общая численность ВС превышает 2 млн человек. Третью строчку военного рейтинга занимает Китай, превосходящий все страны по численности ВС. Россия занимает 4-е место. Далее первая десятка по общим показателям развития ВС выглядит следующим образом: на 5-м месте рас-

положилась Индия, на 6-м (достаточно неожиданно) — Южная Корея, 7-е место — у Франции, 8-е — у Великобритании, 9-е занимает Италия, 10-е — Турция.

Мировой рейтинг сухопутных войск (табл. 19.6) демонстрирует ожидаемое лидерство США. Поскольку показатель боеготовности вынесен нами отдельно в оценку общего потенциала сил общего назначения, то по общей численности приписываемых России вооружений она идет на 2-м месте. На 3-м — ЕС, на 4-м — Китай. 5-е место достаточно неожиданно у Украины, 6-е — у Израиля. Далее следуют Египет (7-е место), Турция (8-е место), Сирия (9-е место) и КНДР (10-е место).

В рейтинге военно-морских сил (табл. 19.7) первую десятку среди 100 ведущих стран составили: США, ЕС, Россия, Китай, Великобритания, Франция, КНДР (с феноменальным количеством подводных лодок — 43 без учета 20 специального назначения, используемых для разведывательных целей), Индия, Япония, Южная Корея.

Преобразование «своей» системы ценностей и интересов «своей» локальной цивилизации в глобальную систему ценностей и глобальные интересы (так, как это произошло с либеральными идеями, мировой валютой, нормами международного права и т. д.) возможно, только захватив монополию на интерпретацию системы ценностей и интересов. Это, собственно говоря, и объясняет такую негативную реакцию США и ЕС в вопросе о конфликте на Украине по отношению к России, которая поставила под сомнения правоту этого монопольного толкования.

Монопольное право на толкование ценностей предполагает такое же монопольное право на толкование интересов (потребностей) и норм поведения в мире, в том числе и международно-правовых норм. Это отчетливо было видно в 2014 году в ходе конфликта на Украине, где содержательная сторона той или иной проблемы не имела значения — важна была трактовка, пусть самая дикая, того или иного факта.

Табл. 19.9. Военные расходы, численность ВС, мобилизационные ресурсы

№ п/п	Страна	Военные расходы		Численность ВС		Одноразовая численность резервов и альтернативных формирований		ОФ-ный балл			
		млн долл.	балл	тыс. чел.	балл	тыс. чел.	балл				
Коэффициент важности		0,5	0,4			0,1					
ОФ											
1	Россия	32215	5,8	1027	7,6	20600	449	20449	10,0	6,9	4
2	Беларусь	572	1,5	75	1,8	290	110	400	6,8	2,1	52
3	Молдова	19	1,0	6	1,1	66	2	68	2,6	1,2	95
4	Украина	1802	1,9	130	2,5	1002	85	1085	7,6	2,7	39
5	Азербайджан	926	1,6	67	1,7	300	15	315	6,1	2,1	55
6	Армения	266	1,3	42	1,4	0	0	0	1,0	1,3	88
7	Узбекистан	94	1,1	67	1,7	0	20	20	1,2	1,3	86
8	Казахстан	1164	1,7	46	1,5	0	32	32	1,3	1,6	72
9	Киргизия	39	1,0	11	1,1	0	10	10	1,1	1,1	99
10	Таджикистан	87	1,1	9	1,1	0	8	8	1,1	1,1	98
11	Турция	209	1,2	22	1,2	0	0	0	1,0	1,2	94
Базис без СНГ											
12	ЕС	28825	8,7	2025	9,7	2702,2	401,962	3169,162	7,8	9,0	2
13	Австралия	3603	2,5	35	1,3	195	0	195	5,2	2,3	45
14	Албания	196	1,2	14	1,1	0	0,5	0,5	1,0	1,1	96

Создание монопольного права на «смыслы» и их трактовка, нормы поведения и правила отношений необходимы главенствующей локальной цивилизации для вполне корыстных экономических выгод — создания финансового механизма, контролирующего использование человеческих ресурсов с безусловной выгодой для себя. Один из экономистов России, профессор Ю. Алексеев показал эффективность таких механизмов на следующем графике (рис. 19.13)³⁶.

Рис. 19.13

Очевидно, что, даже переоценивая роль финансового капитала, автор иллюстрирует невольную мысль о том, что контроль над мировыми финансами многократно увеличивает мощь того, кто их контролирует в ущерб контролируемым. Такие же правила действуют и в политике, где «контрольный пакет» означает, что владелец получает все. Гуманистические законы справедливости в международных отношениях не работают. Тем более они бессмысленны в военно-политических отношениях,

³⁶ Алексеев Ю. Достойный труд для каждого — необходимое условие развитие человеческого потенциала / Специальный выпуск «Оптимум проект». 2014. 21 января. С. 3.

когда нормы поведения могут рассматриваться в лучшем случае в качестве информационного повода.

С военно-политической точки зрения геополитическая поляризация будет означать приоритетное развитие средств и способов ведения информационной войны, которую российские эксперты представляют следующим образом³⁷.

Рис. 19.14

Таким образом, в рамках сценария геополитической поляризации главным инструментом военно-политической борьбы будет идеологическая война, в которой будут использоваться

³⁷ Прокофьев В. Ф. К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / Генеральный штаб вооруженных сил Российской Федерации Центр военно-стратегических исследований. М. 2004. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей / под ред. ген. полковника Балуевского Ю. Н. / <http://www.csef.ru/files/csef/articles/719/719.pdf>. С. 388.

информационные, психологические, и даже кибернетические методы воздействия на противника. Причем значение этих методов стремительно возрастает. Так, основными объектами противоборства на Украине были теле- и радиовышки, редакции и прочие объекты коммуникаций. И это отнюдь не случайно. Еще во время войны в Югославии, Ливии и Сирии эти объекты становились приоритетными целями. Не случайно, что в ходе вооруженной борьбы на Украине в 2014 году активно использовались социальные сети, дезинформация, целенаправленное распространение слухов, кибернетическое оружие, даже попытки вывести из строя спутники связи.

19.2.2. Сценарий военно-политической консолидации США с ЕС и союзниками в АТР

Стремление США сохранить контроль над ситуацией в мире и развитием ВПО в условиях объективно развивающихся противодействующих тенденций неизбежно требует от них использования коалиционной стратегии, то есть создания максимально широкой военно-политической коалиции во главе с США. Такая стратегия позволяет США:

- консолидировать экономические, политические и военные ресурсы большого числа государств, прежде всего НАТО и ЕС, в своих интересах;
- противопоставить растущему не в их пользу изменению в соотношении сил «совокупную» контролируруемую мощь Запада, которую можно использовать в политических, экономических и иных целях. Фактически все войны США в XX и XXI веке (за редким исключением) были коалиционными;
- сильнее привязать к себе партнеров и союзников политико-дипломатически с тем, чтобы помешать созданию любой другой коалиции или союза.

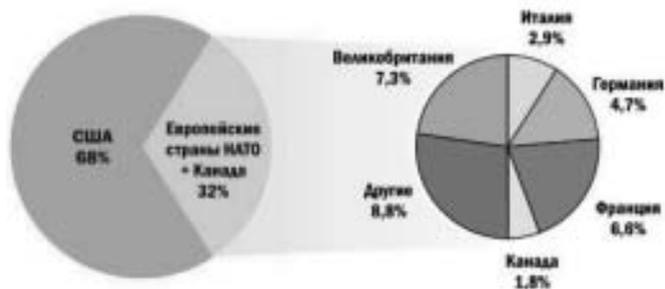
Сценарий военно-политических поляризованных явлений является составной частью, вариантом развития негативного

геополитического сценария, предусматривающего в то же время консолидацию ресурсов союзников и партнеров США в глобальном масштабе, но прежде всего в рамках Трансатлантического (ТАП) и Транстихоокеанского (ТТП) партнерств.

Если говорить о Европе, то этот процесс объясняется относительным игнорированием со стороны некоторых стран-членов НАТО общих потребностей блока в последние годы. Это хорошо видно на примере изменения относительной доли ведущих стран НАТО в общих объемах военных расходов, как показано на диаграмме³⁸.

Диспропорции расходов на оборону стран-членов НАТО

2007

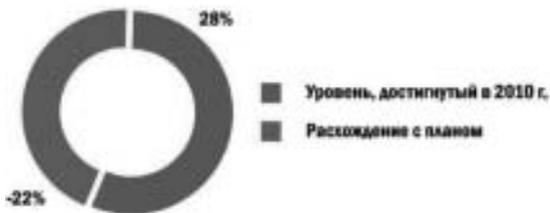
2012

³⁸ Аспекты безопасности. 1/2013. С. 9 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>

Эта тенденция увеличения доли США в военных расходах НАТО объективно противоречит двум другим трендам — падению доли ВВП США в мире и относительному сокращению их военных расходов в последние 2–3 года (которые последовали после сверхбыстрого, почти на 100% роста военного бюджета США в начале XXI века). Соответственно, эта динамика не может не сказаться на росте боевой эффективности НАТО, которому в США придают огромное значение. По существу, происходит отставание от выполнения «плановых» показателей, что хорошо видно на следующей диаграмме.

**Достижение планового показателя
50% развертывания сухопутных сил**

Сценарий усиления военно-политической консолидации США и их союзников является одним из вариантов сценария геополитической поляризации. В начале XXI века он становится одним из доминирующих сценариев развития ВПО в мире. Этот сценарий, в частности, предполагает, что:

- роль международных организаций и авторитет международного права существенно слабеют;
- возрастает значение военно-политических и иных коалиций и союзов, включая региональные ассоциации и объединения, а также их согласованных действий в разных областях;
- происходит постепенная кристаллизация участников МО вокруг определенных центров силы, представляющих противоборствующие тенденции;

- постепенно ослабевает тенденция односторонних военных и военно-политических действий отдельных акторов — государств, организаций, — уступающих постепенно место согласованным действиям групп государств.

Так, вооруженный конфликт на Украине в первой половине 2014 года в полной мере продемонстрировал наличие следующих тенденций:

- ослабление роли ООН, ОБСЕ и других организаций (ИКАО, ЮНЕСКО и т. д.);
- возрастание роли НАТО, ЕС и двусторонних отношений с США, в том числе в информационной, экономической и другой деятельности;
- консолидация позиций западных стран вокруг позиции США;
- снижение активности односторонних действий.

Более того, если судить о характере военной активности участников ВПО в начале XXI века, то эти тенденции полностью подтверждаются. В частности, если в 2002 году численность односторонних акций существенно (на 40%) превышала численность международных конфликтов, то в 2012 году, наоборот, увеличилось и количество акций, предпринимаемых негосударственными акторами (как правило, по инициативе враждебных государств). Это хорошо видно из статистики на графике, подготовленном СИПРИ (рис. 19.15)³⁹.

Эти существенные изменения коренным образом повлияли на состояние и перспективы международной и региональной безопасности — важнейшей характеристике состояния и перспектив ВПО в мире. Характеризуя современное состояние ВПО, следует признать очевидное: создание системы евразийской безопасности «от Лиссабона до Владивостока», которое долгое время декларировалось в качестве главной цели, остается и будет в будущем не более чем политическим лозунгом, о котором

³⁹ A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 10 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>

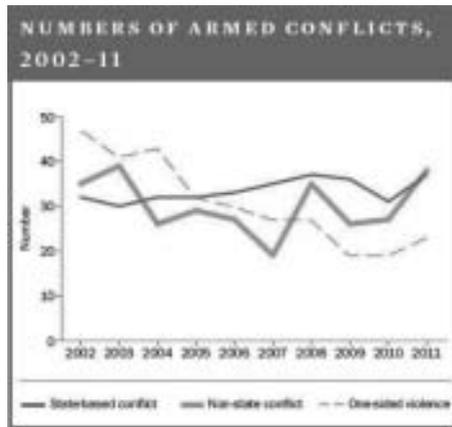

Рис. 19.15

вспоминают каждый раз по соответствующему случаю, но который в обозримой перспективе не станет реальной политикой в Европе и Евразии.

На деле США консолидируют Запад, формируя исключительно «для себя» систему безопасности, основанную на НАТО, которая в XXI веке расширяется уже не только в Европе, но и в Центральной и Юго-Восточной Азии. Эта система безопасности, созданная США после Второй мировой войны, надо признать, вполне эффективно защищала американско-британские интересы в мире в последние 60 лет, и ни у США, ни у Великобритании нет оснований ее менять в угоду созданию какой-либо иной системы.

Более того, существующая мировая финансово-экономическая система очевидно наиболее выгодна двум крупнейшим мировым финансовым центрам — Нью-Йорку и Лондону, — которые извлекают максимальную выгоду, управляя мировыми финансами и контролируя основные международные финансовые институты. Так, например, основной внешний государственный долг сохраняется за США и Великобританией, которые «позволили» участвовать в этом процессе Германии и Франции на более скромных условиях.

Как видно из приведенных данных (табл. 19.10)⁴⁰, англо-американский финансовый контроль в мире позволяет США и Великобритании кредитоваться за счет мировой экономики.

Табл. 19.10. Валовый внешний долг, млн долл. США, 2012

МРР	Страна	Значение
1	Соединенные Штаты Америки	15,680,472
2	Соединенное Королевство	9,471,208
3	Германия	5,718,982
4	Франция	5,370,709
5	Люксембург	2,711,909
6	Италия	2,499,602
7	Нидерланды	2,493,906
8	Испания	2,278,705
9	Ирландия	2,163,912
10	Швейцария	1,563,179
11	Бельгия	1,423,730
12	Канада	1,331,262
13	Швеция	1,039,336
14	Австрия	808,140
15	Норвегия	723,066
16	Российская Федерация	631,784

Очевидно, что подобная ситуация не может устраивать другие страны, прежде всего те, масштабы и темпы роста экономики которых позволяют им претендовать на свою роль в мировых финансово-экономических процессах. Речь идет, прежде всего, о странах БРИКС, которые начали играть все более активную не только экономическую, но и политическую

⁴⁰ База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unece.org/pdxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=17&lang=14

роль. Причем в разных регионах фиксируется разное напряжение между старыми и новыми центрами силы — от наиболее сильного противоречия, назревшего в АТР, до, относительно скрытого напряжения в Африке.

Отсутствие эффективных политических механизмов обеспечения безопасности в XXI веке означает, что в действительности для ряда стран такие механизмы созданы и действуют (НАТО–ЕС), а для некоторых — еще только находятся в стадии формирования (ШОС–БРИКС). Так, в «АТР фактически отсутствуют эффективные механизмы обеспечения безопасности на фоне сохраняющегося исторического соперничества между странами региона. Здесь существует не менее десяти застарелых территориальных споров, сохраняются тенденции отхода от режима нераспространения и ядерная проблема на Корейском полуострове.

Беспокойство вызывают и односторонние планы создания системы ПРО в Северо-Восточной Азии (СВА)» — справедливо фиксирует ситуацию известный специалист М. Титаренко. И далее он продолжает: «Несмотря на обилие международных, региональных и субрегиональных организаций, перед восточноазиатскими странами остро стоит проблема институализации региона. Создание структурированного сообщества сдерживают серьезные разногласия в регионе. Главный вопрос заключается в том, кто будет определять правила игры в этой динамично развивающейся зоне АТР и какими должны быть эти правила»⁴¹.

Такие механизмы и правила, могут быть, в частности, разработаны в рамках «двадцатки», чье значение постепенно становится больше, чем «восьмерки». Как пишет Н. Яковенко, «...при этом аналитики обращают внимание и на то, что если в рамках „восьмерки“ Россия вела партию, по сути дела в одиночку, то

⁴¹ Внешняя политика России: 2000–2020. Научное издание в 3 томах / РСМД. М.: Аспект Пресс. Т. 1. С. 180.

в „двадцатке“ совершенно очевидна активная и солидарная линия стран единомышленников, партнеров, наконец, союзников. Более того, действиям стран Запада в попытке изолировать Россию и не допускать на саммит „двадцатки“ в Австралии, партнеры по БРИКС дали жесткий отпор и осудили практику санкций против России и неприемлемость попыток решать, кто вправе участвовать в саммитах „двадцатки“, а кто нет. На эту ситуацию эксперты отреагировали однозначно: ожидаемый сюрприз для Западной группы стран. Более того, наблюдатели выражают удивление относительно того, что Западные политики не просчитывают такой очевидной реакции со стороны членов БРИКС»⁴².

По мере изменения соотношения экономических, а теперь уже и политических сил не в пользу Запада, все большее значение приобретает сохранение за США мирового лидерства в области наукоемких технологий и военной мощи, а также тех военно-политических союзов и двусторонних отношений, которые позволяют США говорить о руководстве ими глобальной военно-политической коалицией. Иными словами, сохранение рычагов управления мировыми финансами, торговлей и экономикой во многом зависит от способности обеспечить такой контроль военно-силовой поддержкой, существованием такой системы безопасности для стран-лидеров, которая обеспечила бы сохранение геополитического и военно-политического статус-кво в мире.

Угрозу, даже гипотетическую, такому геополитическому статус-кво западные страны рассматривают в качестве прямой и непосредственной угрозы контролируемой ими системы безопасности в мире и способности управлять мировыми финансами, торговлей и экономикой. Кризис на Украине отчетливо показал, как этот механизм действует на практике: достаточно

⁴² Яковенко Н. БРИКС: Новый расклад в мире / «ИноСМИ». 2014. 30 апреля / <http://www.inosmi.ru/world/20140430>

было поставить под сомнение готовность Украины стать на крайне невыгодных условиях частью этого пространства, как были «включены» все механизмы — политические, военные, финансовые для того, чтобы «исправить» эту ситуацию. «Исправление» этой ситуации предполагается в рамках развития сценария военно-политической консолидации, когда на разных уровнях и в разной степени зависимости от США создается система военно-политических отношений, подконтрольная именно Вашингтону. Одним из таких примеров может стать политика субрегионального военного сотрудничества в Европе⁴³.

⁴³ Аспекты безопасности. 1/2013. С. 11/<http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>

Соответственно, надо признать, что без политической и военной интеграции евразийских государств (не вошедших в НАТО или систему военных союзов, создаваемых США), обеспеченной сознательной информационной и культурно-образовательной (идеологической) политикой, обеспечение безопасности в Евразии и проект евразийской интеграции превратится в простое соглашение о торговле. Тем более что масштабы экономической интеграции в Евразии не являются такими уж впечатляющими. Они, очевидно, не смогут предопределить геополитическое будущее Евразии сами по себе. Тем более, не они смогут автоматически превратить Россию в центр евразийской интеграции — «российское ядро» всего интеграционного процесса, что хорошо видно из данных на следующем рисунке⁴⁴.

Рис. 19.16

⁴⁴ Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая. С. 8.

Между тем, именно создание геополитического центра силы на базе «российского ядра», как было показано в предыдущем разделе, является одним из благоприятных сценариев развития ВПО, способного обеспечить мир и стабильность на евразийском континенте.

19.2.3. Сценарий «борьба за контроль над Евразией»

Сценарий ВПО «борьба за Евразию» является одним из основных вариантов сценария геополитической поляризации, который отличается от других вариантов этой группы следующими признаками:

- во-первых, этот сценарий является наиболее острым с военно-политической точки зрения вариантом, фактически исключающим знаковые компромиссы. Так, усиление глобального противостояния отнюдь не означает, что во всех регионах и всегда эти процессы будут доминировать в XXI веке, однако применительно к Евразии и всему обозримому периоду это утверждение будет верным;
- во-вторых, этот сценарий имеет более долгосрочный, стратегический характер. Причем не только с геополитической, но и с исторической точки зрения. Это означает, что в отличие от других сценариев геополитической поляризации, сценарий «Борьбы за Евразию» имеет глубокие исторические и нравственно-ценностные корни, уходящие в историю борьбы локальных цивилизаций Запада и Руси еще первого тысячелетия;
- в-третьих, сценарий «борьба за Евразию» предполагает противоборство по всему пространству Евразии, включая прилегающие морские акватории, Арктику, транспортные коридоры. Его цель — контроль над этими пространствами и транспортными коридорами;
- в-четвертых, этот сценарий, «догоняющей» политики, исключенных представлений, господствовавших в последние

годы в СССР и в 1990-е годы в России о роли Евразии и восточных регионов страны, усиления значения АТР в мире. Это исправление в политике правящей элиты России наиболее остро затрагивает формирование ВПО во всей Евразии, когда искусственно преувеличенное значение Западной Европы привело к откровенному игнорированию интересов восточных регионов страны, Азии, АТР, да и собственно всех бывших советских республик.

Некритическое отношение к прежней политике отражает существовавшую долгие годы инерцию мышления, в которой западной цивилизации и вопросам безопасности, в том числе в области ВПО, уделялось гипертрофированное значение. В качестве примера можно привести цитату одного из авторов, которые дают следующую неадекватную оценку прежней политике:

«Оценка центрально-азиатского региона в источниках по внешней политике России. С момента образования СНГ развитие отношений со странами-участницами данного объединения, в том числе республиками Центральной Азии, неизменно провозглашалось приоритетной задачей российской дипломатии. Еще до принятия основополагающих документов в данной сфере МИД России действовал на основании провозглашенной А. Козыревым „концепции трех концентрических кругов во внешней политике России“, согласно которой СНГ входило в ближайший круг внешнеполитических интересов Москвы»⁴⁵.

«Аналогичный подход прослеживался и в Концепции внешней политики Российской Федерации 1993 г., в которой отмечалось, что СНГ является главным направлением внешнеполитической деятельности Москвы. Связи России с данной группой стран предполагалось вывести на уровень полномасштабных межгосударственных отношений, обеспечивающих их равноправное сотрудничество во всех областях на основе взаимности.

⁴⁵ Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития. СПб.: Скифия принт, 2012. С. 5.

При этом Россия изначально допускала возможность развития разно-скоростной интеграции в регионе, уделяя приоритетное внимание взаимодействию с Беларуссией, Украиной и одним из государств Центральной Азии — Казахстаном»⁴⁶. И далее: наиболее подробная за всю историю оценка целей и принципов внешней политики Москвы на постсоветском пространстве была представлена в утвержденном Б. Н. Ельциным в 1995 г. «Стратегическом курсе России в отношении с государствами-участниками СНГ» и т. д.

Естественно, что влияние на военно-политическую обстановку при реализации этого сценария будут оказывать те же

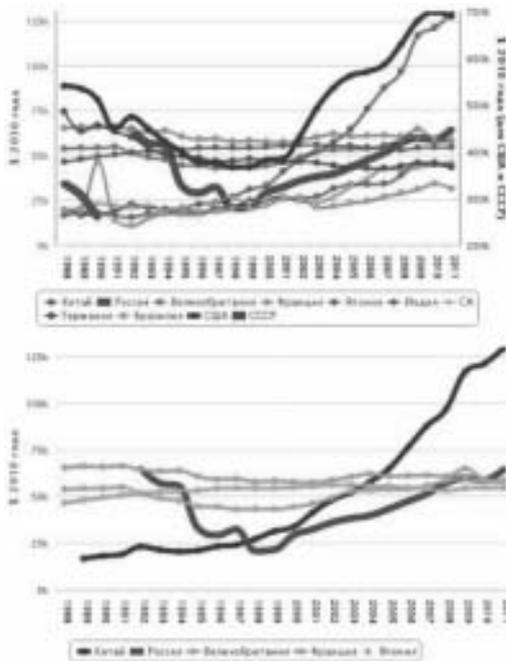

Рис. 19.17

⁴⁶ Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития. СПб.: Скифия принт, 2012. С. 5.

три группы факторов ВПО, а также взаимосвязь и взаимозависимость между этими группами факторов⁴⁷. При этом очень важное значение будет иметь специфика развития субъектов ВПО в Евразии и отношения, которые формировались между ними в последние десятилетия, включая значение таких новых субъектов МО, как ШОС, БРИКС и ТТП⁴⁸. Основные тренды и тенденции, формирующие современную ВПО в Евразии, были описаны прежде достаточно подробно (рис. 19.17)⁴⁹.

Влияние этих глобальных трендов на сценарии ВПО «борьба за Евразию» может проиллюстрировать нарастающая в общем спектре конфликтных проблем борьбы за природные ресурсы проблема дефицита пресной воды, как это показано на нижеследующей диаграмме⁵⁰. Ожидается, что уже в 20-е годы XXI века эта борьба будет более острой в Евразии, чем борьба за энергетические ресурсы (рис. 19.18).

В силу разного рода объективных и субъективных причин — и это хорошо показали события на Украине 2013–2014 гг. — вопросы безопасности в Евразии станут в ближайшие годы наиболее приоритетной проблемой, которую можно решить исключительно с помощью евразийской интеграции. И не только экономической и торговой — о чем много говорится, — но и военно-политической. Прежде всего, в области ПВО, а в перспективе — ВКО. Альтернативы этому процессу, с точки зрения обеспечения безопасности государств Евразии, просто нет, хотя пока что он и не находится в системе политических приоритетов. Если согласиться с утверждением, что существо-

⁴⁷ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО. 2014. С. 119–161.

⁴⁸ Подберезкин А. И., Боришполец К. П. Евразия и Россия. М.: МГИМО, 2013.

⁴⁹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО. 2014. С. 137.

⁵⁰ Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>. С. 36.

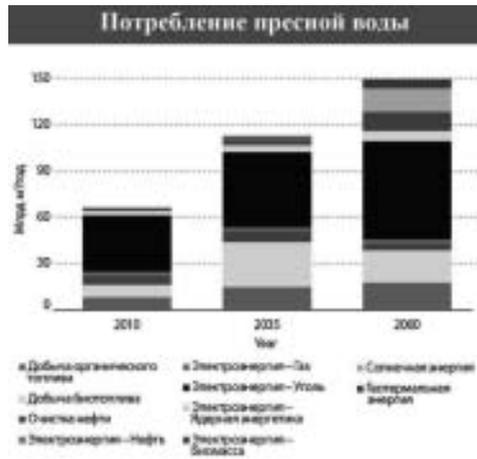

Рис. 19.18

вание эффективной ВКО равнозначно наличию суверенитета, то нужно признать, что без ВКО понятие «безопасность» теряет всякий смысл.

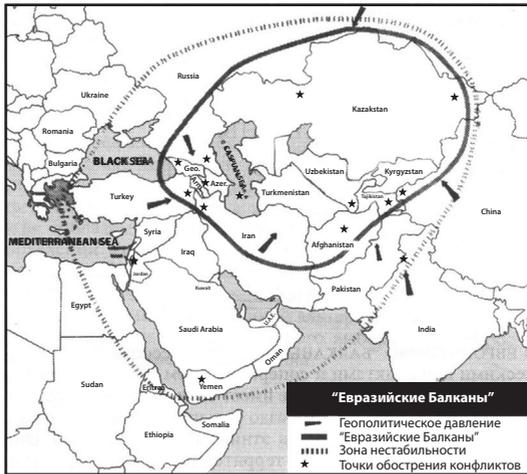
Таких важнейших причин несколько. И связаны они с изменением в соотношении мировых сил, новой ролью Евразии, развитием ВВТ и новейших технологий, радикальными изменениями основных грузопотоков и мировой торговли. Но главной причиной остается геополитическая ситуация в мире, где роль Евразии вообще и региона, который З. Бжезинский назвал «Европейскими Балканами», стремительно возрастает. Можно по-разному относиться к З. Бжезинскому, в том числе полагая, что его взгляды устарели и не отражают современного понимания американской элитой международных реалий, но представляется, что именно он лучше других показал роль этого региона в современном мире, откровенно и ясно изложив существующую, а не декларативную американскую стратегию в Евразии.

В частности, в своей известной книге, название которой политологи часто приводят не полностью, — «Великая шахматная

доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» — он откровенно писал: ... «„Евразийские Балканы“ гораздо больше по своим размерам, еще более густо населены и этнически неоднородны. Они расположены на огромной территории, которая разграничивает центральную зону глобальной нестабильности, ... и включает районы Юго-Восточной Европы, Средней Азии и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока. „Евразийские Балканы“ составляют внутреннее ядро огромной территории, имеющей удлинненную форму (см. карту) и весьма серьезное отличие от внешней окружающей зоны: они представляют собой силовой вакуум. Хотя в большинстве государств, расположенных в районе Персидского залива и Ближнего Востока, отсутствует стабильность, последним арбитром в этом регионе является американская сила. Нестабильный регион внешней зоны является, таким образом, районом гегемонии единственной силы и сдерживается этой гегемонией... „Евразийские Балканы“, расположенные по обе стороны, неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, также имеют важное значение с геополитической точки зрения.

Более того, „Евразийские Балканы“ имеют серьезное значение с точки зрения исторических амбиций и вопросов безопасности, по крайней мере, трех самых непосредственных и наиболее мощных соседей, а именно России, Турции и Ирана. Китай также дает знать о своем возрастающем политическом интересе к региону. Однако „Евразийские Балканы“ гораздо более важны как потенциальный экономический выигрыш: в регионе, помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа и нефти»⁵¹.

⁵¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 149–150.

Примечательно, что к «зоне нестабильности» З. Бжезинский относит не только страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, но и часть европейских районов России (Поволжье) и восточные области Украины. Эпицентром же этого турбулентного региона он справедливо выделяет Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. Другая причина, объективно способствующая заинтересованности евразийских государств в создании ВКО, — изменение удельного веса в экономике, торговле и политике стран Евразии и АТР. В том числе и для России. В. Никонов считает, например, что «...в ближайшие пять–десять лет доля рынков стран АТР в России будет, как минимум, сопоставима с европейской, на которую сейчас приходится половина нашей внешней торговли»⁵².

Подобные радикальные сдвиги не могут не отразиться на всем комплексе военно-политических отношений в Евразии. Её отдельные регионы уже объявлены приоритетными для

⁵² Никонов В. А. Стена больше не нужна // Российская газета. 2012. 14 ноября. С. 9.

национальной безопасности России, США и других государств. Не случайно именно в этом контексте можно рассматривать идею ЕвроПРО. Как пишет академик А. Арбатов, «...очевидно, что ЕвроПРО НАТО, запланированная без участия России и вопреки ее возражениям, не является базой для сотрудничества... А российская ВКО ... будет плохо совмещаться с общей (или сопряженной) системой ЕвроПРО России — НАТО»⁵³.

Эти процессы происходят на фоне активизации военной политики практически всех евразийских государств. В более широком контексте это относится и к странам АТР, где военные расходы за последнее десятилетие выросли на 100%. Стремительно меняются ВВТ и концепции их использования, растут риски и стратегические неопределенности, усиливается конфликтность практически на всем континенте — от Центральной до Юго-Восточной Азии.

Объективно процесс евразийской интеграции противостоит двум влиятельным существующим в мире военно-политическим реалиям. Во-первых, очевидному военно-технологическому превосходству США в XXI веке, которое правящие круги этой страны рассматривают как условие существования этого государства в мире. «Сегодня у Соединенных Штатов нет равных в военной мощи...», — заявил в «Стратегии национальной безопасности США» в 2002 году Дж. Буш⁵⁴. Надо сказать, что сохранение технологического и военного превосходства США в мире никем не ставится под сомнение в правящей элите страны. Ни демократами, ни республиканцами. Споры идут о том, каким образом развить это превосходство, на каких направлениях, и с какой эффективностью. И в этом суть научно-технической политики страны, где приоритеты НИОКР и технологий уже многие десятилетия остаются главными приоритетами.

⁵³ Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 22.

⁵⁴ National Security Council. The National Security Strategy of the United State of America. Wash, DC.: USGPO, 2002, September, P. 1.

Во-вторых, США осуществили формирование военно-политической коалиции в Евразии с участием широкого круга государств, обеспечили стремительный рост поставок ВВТ в эти страны, создание объединенной системы ПРО от Австралии до Аляски. США стремятся вовлечь в свою политику (естественно, на своих условиях) многие государства — от Японии и Филиппин до Вьетнама и Монголии, создавая благоприятные условия для проекции своей военной силы на континенте. В частности, как отмечает профессор С. Небренчин, «...переход к постиндустриальной экономике знаний знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80% войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство»⁵⁵.

Этот процесс развивается стремительно, а его последствия (в том числе военно-политические) проявляются достаточно быстро. Динамика изменений измеряется годами, а не десятилетиями. Так, по оценке китайских экспертов, например, «в 2012 году политико-экономическая ситуация в АТР претерпела глубокие изменения, что существенно сказалось на глобальной политической, экономической, дипломатической обстановке и в сфере безопасности. Судя по ситуации в этом регионе, мир, процветание и сотрудничество остаются главной тенденцией развития, но во внутренней и внешней политике ряда стран внутри и вне региона произошли некоторые изменения, в результате чего обстановка в регионе стала усложняться, а неопределенности — увеличиваться»⁵⁶.

⁵⁵ Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 111

⁵⁶ Взгляд из Китая: глубокие изменения в политико-экономической обстановке АТР в 2012 году // «Жэньшинь Жибао», 2012. 28 декабря / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>

Похоже, что стремительное развитие событий в Евразии и АТР намного опережает прежние оценки, подход к которым формировался в предыдущие десятилетия. Возможно, что правящие элиты евразийских государств, просто не успевают осознавать то, что происходит в мире, оставаясь в плену инерции мышления. К сожалению, это относится не только к экономическому аспекту отношений, но и к военно-политическому. Известный китайский эксперт Ли Шэньмин по этому поводу написал в конце 2012 года: «США в слепой самоуверенности направили острие атаки против двух держав — России и Китая. Однако в ближайшие годы Америка как государство-империя будет слабеть, и для замедления этого процесса ей придется все больше опираться на Европу, Японию и другие страны. Пока сложно предсказать, каким окажется через 20–30 лет результат сотрудничества, конкуренции, игр и борьбы между крупнейшими государствами и группировками мира. Однако уже сейчас ясно одно: с момента начала мирового финансового кризиса и до 20–30-х годов нынешнего века, а возможно и до его середины, мировая архитектура будет находиться в состоянии сильной турбулентности и даже потрясений»⁵⁷.

Средства воздушно-космического нападения в новых геополитических условиях становятся главным инструментом военной политики, а концепции их использования — новыми направлениями в развитии военного искусства. Это — характерная черта, ставшая реальностью еще при ведении военных действий в Югославии и Ираке, но она особенно отчетливо проявилась в войне против Ливии, где основными средствами поражения стали авианалеты и крылатые ракеты морского базирования.

В силу этого средства ПРО и ПВО стали основой потенциалов обороняющихся держав, от качества которых зависело, сможет ли тот или иной режим защитить себя и суверенитет

⁵⁷ Китайский аналитик Ли Шэньмин: о глобальной роли США в обозримой перспективе 2012. 20 сентября / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>

страны. Наличие или отсутствие таких средств изначально рассматривается в качестве главного условия обеспечения безопасности государства. Сильная ПВО Сирии, в отличие от слабой ПВО Ливии, позволила ей сопротивляться внешнему давлению не несколько недель, а более двух лет. Сильная ПРО Израиля позволила ему нейтрализовать потенциал ХАМАСа в течение нескольких дней, фактически сведя на нет политические расчеты на террористические пуски.

Эта же тенденция превращает средства ВКО в политический инструмент и предмет переговоров. Причем в политический инструмент евразийской интеграции. Так же, как в свое время в Европе ядерное оружие и базы США стали главным политическим инструментом при создании НАТО. Учитывая, что удельный вес воздушно-космических средств нападения и обороны в общих военных потенциалах замещает в ряде случаев традиционные средства, можно сделать вывод: они неизбежно станут предметом обсуждения не только на экспертном, но и на самом высоком политическом и военном уровнях. Речь, конечно, идет не только о проблематике ЕвроПРО, но и в целом о ВКО, как в евразийском, так и двусторонних аспектах.

Причем не только в традиционном понимании — ограничение ВВТ, — но и в широком контексте, а именно: создание системы региональной безопасности, военно-политического и военно-технического сотрудничества, возможного формирования новых коалиций и союзов, например, в области создания объединенных или даже единых систем ПВО и ПРО. Наравне с набирающими силу в Евразии интеграционными процессами, военно-политическая интеграция в области ВКО может стать главным интеграционным стимулом, оттеснив на второй план даже соображения экономической выгоды.

Возможные переговоры по проблематике ВКО можно условно разделить на:

- функциональные, посвященные отдельным видам наступательных и оборонительных вооружений, например,

- стратегическим неядерным крылатым ракетами (СКР) или гиперзвуковым летательным аппаратам, а также роли ядерного оружия вообще, в частности, нестратегического;
- двусторонние, посвященные развитию или ограничению ВТС с отдельными государствами Евразии. Классический пример — отказ России от поставок в Иран ЗРК С-300, закупка систем ПВО Сирией, Вьетнамом и другими странами. Это уже признается на Западе.

Как отмечает Федерация американских ученых в своем докладе, посвященном обзору позиции «НАТО в области сдерживания и обороны (DDPR)», нестратегические ядерные силы не являются ни причиной, ни решением вопроса европейской безопасности, однако недостаток политического руководства ведет к тому, что эти системы обладают легитимностью, которой они не должны обладать⁵⁸.

«Недостаток политического руководства» выражается в том, что отсутствует сам предмет переговоров — ограничение неядерных стратегических вооружений. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к тому, что другие страны начинают (или усиливают) собственное производство таких систем. Так, в течение ряда лет в России фактически не велись работы по ГЗЛА и ударным БПЛА, однако, учитывая действия США, руководство страны было вынуждено принять решение о создании холдинга, который будет заниматься разработками гиперзвуковых технологий, в том числе и в сотрудничестве с Индией»⁵⁹.

Эти тенденции практически иллюстрируются тем, что сегодня в США реализуется проект создания высокоточных неядерных систем вооружений, при помощи которых можно поражать любую точку земного шара в течение одного часа (Prompt Global Strike) после получения приказа. Понятно, что

⁵⁸ Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. №3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>

⁵⁹ Развитие отечественного гиперзвука — реальность / Эл. ресурс «Военное обозрение 2012. 7 ноября / <http://topwar.ru>

создать ВКО всей территории страны (стран) или континента для защиты от десятков тысяч высокоточных КР и ЛА будет малореально, и Россия будет вынуждена отвечать своими СНВ, что, собственно, и было отражено в новой редакции Военной доктрины страны 2012 года.

Важно подчеркнуть, что растущая активность США в военной области вообще, и в области ВКО в Евразии, в частности, являются частью их общей евразийской стратегии дестабилизации и дезинтеграции стран Евразии, которая прикрывается рассуждениями о внедрении в этих странах американской системы ценностей. Так, в докладе помощника госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р. Блейка-младшего говорится: «Расширение нашего взаимодействия с правительствами стран Центральной Азии направлено не только на безопасность и экономические вопросы, но неизменно включает в себя откровенные и открытые дискуссии о необходимости политической либерализации, предоставления большей свободы гражданскому обществу, а также о необходимости уважать общепризнанные права человека»⁶⁰.

Процесс евразийской интеграции в узком понимании — как торгово-экономическая интеграция трех стран (плюс, возможно, Киргизии и Таджикистана) — пока что обходит вниманием проблему создания единой системы воздушно-космической обороны (ВКО) на всей территории Евразии (ограничиваясь на данном этапе созданием объединенной системы ПВО СНГ), либо, хотя бы, на первом этапе, — на территории постсоветских государств.

Между тем, реалии таковы, что с экономической точки зрения адекватные военные усилия каждого из евразийских государств по отдельности невозможны, так как их потенциалы несопоставимы с возможностями США и их союзников. Это

⁶⁰ Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>

хорошо иллюстрирует сравнение военных расходов США и других стран в 2011 году, показанного в ежегоднике SIPRI⁶¹. Из него видно, что в абсолютных величинах военно-экономические возможности России сопоставимы с возможностями Франции, Великобритании или Японии (71,9 млрд долл. — Россия; 62,5 млрд долл. — Франция; 62,7 млрд долл. — Великобритания и 59,3 млрд долл. — Япония), при том, что относительно ВВП расходы этих государств ниже, чем российские.

SIPRI Yearbook 2011 - World's top 15 military spenders

Rank	Country	Spending (\$ Bn.) ¹	% of GDP ²	World Share (%)	Spending (\$ Bn. PPP) ³
—	World Total	1,638	2,6	100	1562,3
1	United States	711,0	4,7	41	711
2	China ⁴	143,0	2,0	8,2	228
3	Russia ⁵	71,9	3,9	4,1	93,7
4	United Kingdom	62,7	2,6	3,6	57,5
5	France	62,5	2,3	3,6	59,1
6	Japan	59,3	1,0	3,4	44,7
7	Saudi Arabia ⁶	49,2	8,7	2,8	58,8
8	India	46,8	2,5	2,7	112
9	Germany ⁷	46,7	1,3	2,7	49,4
10	Brazil	35,4	1,5	2,0	33,8
11	Italy ⁸	34,5	1,6	2,0	28,5
12	South Korea	30,8	2,7	1,8	42,1
13	Australia	26,7	1,8	1,5	95,6
14	Canada ⁹	24,7	1,4	1,4	19,9
15	Turkey ¹⁰	17,9	2,3	1,0	25,2

Таким образом, безусловными мировыми лидерами по военным расходам являются США (711 млрд долл.) и Китай (143,0 млрд долл.), чьи доли в мире составляют 41% и 8,2% соответственно. Если же учесть военные расходы других союзников США — Германии, Саудовской Аравии, Италии, Южной Кореи, Канады и Турции, — то становится ясно, что военные возможности России (даже с учетом расходов КНР) никогда не будут в ближайшие годы даже сопоставимы с расходами ведущих развитых государств.

⁶¹ U. S. Military Expenditures US. Other Countries / <http://images.yandex.ru>

Пытаться соревноваться, имея соотношение в экономических и военных силах 10:1, в принципе бессмысленно. Безопасность будет необходимо обеспечивать асимметричными мерами по наиболее приоритетным направлениям. Таковым направлением, безусловно, является создание ВКО, способное нейтрализовать как ядерный, так и неядерный стратегический наступательный потенциал противника. Ну, а доля расходов на ВКО в общих расходах на оборону может составлять 15–20%.

19.2.4. Усиление роли геополитики как синтеза интересов и ценностей локальной цивилизации

В XXI веке стремительно развивается процесс синтеза интересов и систем ценностей отдельных локальных цивилизаций — западной, исламской, китайской, российской, индийской. Это означает: к вероятности конфликта между странами добавляются противоречия геополитических интересов и ценностей локальных цивилизаций. Как известно, в основе современной системы международной безопасности лежат геополитические интересы и расчеты, в первую очередь учитываемые при развитии любых сценариев ВПО и конкретных стратегий отдельных стран и других акторов МО, а также защита и продвижение систем ценностей локальных цивилизаций и отдельных наций.

По большому счету, геополитические интересы совпадают с системами ценностей локальных цивилизаций и наций, выступают «в комплексе», неразрывно, как единое целое. Причем эта взаимосвязь геополитических интересов и систем ценностей развивается, становится все более тесной, формируя, в конечном счете, общую политико-идеологическую основу стратегии и конкретной внешней политики. Войны и военные конфликты последних десятилетий отчетливо показали, что такая взаимосвязь геополитики (интересов) и систем ценностей стала фактом и решающим фактором формирования политического курса стран, входящих в локальные цивилизации в XXI веке.

Яркий пример такого синтеза — военный конфликт на Украине, который, прежде всего, является:

- цивилизационным конфликтом выбора вектора развития — «европейской» или «российской» локальных цивилизаций и их систем ценностей, что отчетливо проявилось в социальных и политических отношениях элит не только на Украине, но и в России, Евросоюзе, США и других странах;
- геополитическим конфликтом в борьбе за Евразию, где Украина, в силу географического, исторического и политического значения играет ключевую роль. С этой точки зрения Украина рассматривается в США уже более 25 лет, как самый главный приоритет восточно-европейской политики.

Соотношение военно-политических сил в мире, позиции ведущих государств оказывали решающее влияние на политику тех или иных стран еще до формирования Вестфальской системы. По мере развития человеческой цивилизации роль геополитических факторов возрастала вплоть до приобретения ею доминирующего значения во Второй мировой войне, а в последствии — для доминирующих моделей безопасности⁶².

Нарастающее влияние глобальных факторов и трендов мирового развития объективно ведет к усилению геополитических расчетов. Так, по мнению директора Московского центра Карнеги Д. Тренина, «ситуация в Арктике — нагляднейший пример того, как изменение климата влияет на геополитику. Весь этот гигантский регион, прежде постоянно скованный льдами, теперь открывается для коммерческого судоходства и разработки энергоресурсов. У международного сообщества появляется ряд новых возможностей, но оно сталкивается и с проблемами, ждущими решения. Вопрос сейчас звучит так:

⁶² Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО. 2014. С. 161–166.

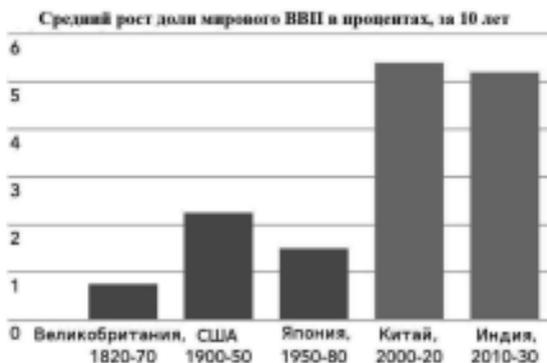
приведут ли эти вызовы к сотрудничеству мирового сообщества или обернутся опасным соперничеством в Арктике? Ключевые игроки в регионе — пять литоральных государств (Дания, Канада, Норвегия, Россия и США) и прилегающие к нему страны (Исландия, Швеция и Финляндия) — пытаются воспользоваться новыми возможностями в Арктике»⁶³.

С появлением ядерного оружия и стратегических средств его доставки, геополитика стала не только фундаментом, но и частью внутренней политики даже небольших государств, которые были вынуждены учитывать ее в принятии политических решений. Война в Корее, Вьетнаме, революции на Кубе и в Никарагуа, конфликт из-за Мальвинских островов, на Гренаде и в других районах мира являются яркими иллюстрациями этой тенденции. Таким образом, в XXI веке глобализация и интересы локальной цивилизации привели к гегемонии геополитики, когда любые, даже незначительные события в политике, в экономике и социальной областях, рассматриваются под углом зрения синтеза геополитических интересов и ценностей локальной цивилизации.

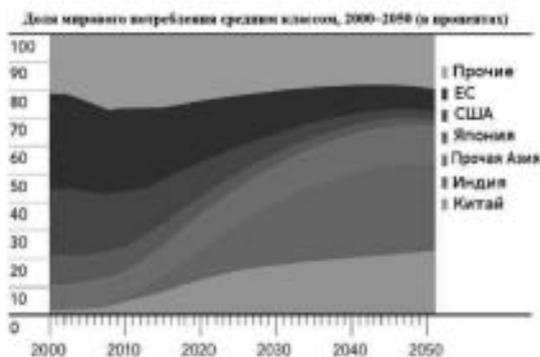
Есть все основания полагать, что по мере усиления новых центров силы проявится и их геополитическое значение в мире и качественно новая роль в формировании мировой и региональной ВПО. Это видно из данных глобального прогноза, представленных Национальным Советом разведки США в декабре 2013 года, где отчетливо видны глобальные последствия развития ЧЦ. На схеме ниже показано, что Великобритании понадобилось 155 лет, чтобы удвоить свой подушевой ВВП при населении приблизительно 9 миллионов человек в 1870 году. США и Германия потратили на это от 30 до 60 лет при населении в несколько десятков миллионов человек. Индия и Китай подходят к этому уровню темпами, каких никогда не наблюдалось:

⁶³ Тренин Д. Пять насущных проблем в Арктике / Московский Центр Карнеги. 2014. 1 марта.

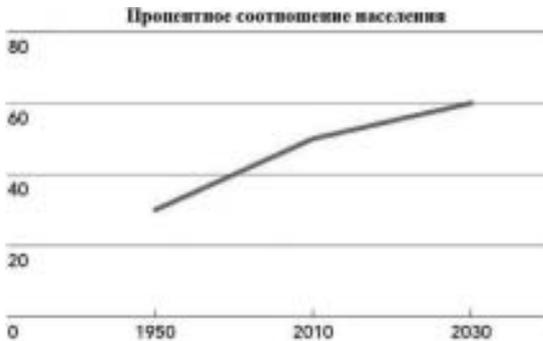
в 100 раз больше жителей, чем в Великобритании и в десять раз меньше времени.

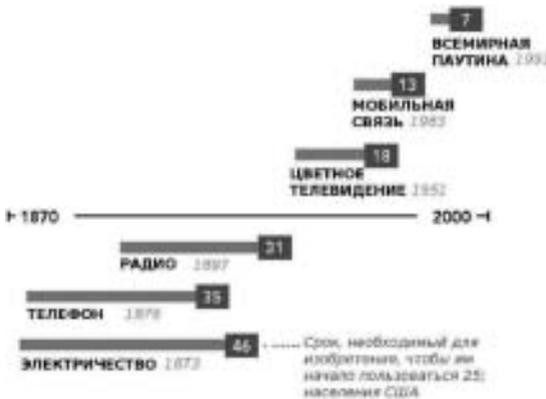
К 2030 г. Азия при таких темпах развития может стать мировым центром влияния, как это уже было до 1500 года. ... Но это не совсем «назад в будущее». Мир изменится по-разному. К 2030 году большинством во многих странах станет средний класс, а не бедные, которые в течение всей истории человечества составляли основную массу населения.

Глобальное население в городских зонах быстро увеличивается. Ежегодно к городскому населению добавляется 65 миллионов человек, что эквивалентно семи городам, равным Чикаго, или пяти городам размером с Лондон.

Темпы технологических изменений ускорятся. Освоение новых технологий американцами будет происходить еще быстрее. Скорость освоения в развивающихся странах также увеличится, позволяя этим государствам перепрыгивать через этапы развития, которые в свое время пришлось пройти развитым странам⁶⁴.

Уже во втором десятилетии XXI века, например, военные расходы в отдельных регионах становятся все более сопоставимыми с расходами прежних лидеров — США и стран Западной Европы, что хорошо видно из оценок СИПРИ (Табл. 19.11).

⁶⁴ Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры / Национальный совет по разведке США. Wash.: 2013. Декабрь. С. 2.

Табл. 19.11. World Military Spending, 2012

Region	Spending (\$b.)	Change (%)
Africa	39,2	1,2
North Africa	16,4	7,8
Sub-Saharan Africa	22,7	-3,2
Americas	782	-4,7
Central America and the Caribbean	6,6	8,1
North America	708	-5,5
South America	65,9	3,8
Asia and Oceania	390	3,3
Central and South Asia	59,8	-1,6
East Asia	268	5,0
Oceania	28,2	-5,7
South East Asia	33,7	6,0
Europe	407	2,0
Eastern Europe	100	15
Western and Central	307	-1,6
Middle East	138	6,3
World total	1756	-0,4

Эти изменения свидетельствуют о том, что в перспективе 20–30 лет военные расходы Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и даже Африки станут сравнимыми с военными расходами США и стран Евросоюза. Более того, к 2020 годам, то есть уже фактически в среднесрочной перспективе, ядерные потенциалы некоторых стран будут политически сопоставимы с ядерными потенциалами США, Великобритании и Франции. А возможные технологические прорывы могут привести к тому, что военные потенциалы целого ряда государств окажутся к 2020 г. вполне сопоставимыми с американскими, английскими и французскими.

Таким образом, к 2020 годам будет складываться качественно новая ситуация в мировой и региональных ВПО, которая станет неизбежным следствием развития сценария дальнейшего усиления роли геополитики для других государств. Если вернуться к известному рисунку, описывающему логическую модель политического процесса формирования МО, то можно констатировать:

- резкое усиление влияния внешних факторов на формирование политических целей и задач и, косвенно, на стратегию акторов и распределение ресурсов (группа факторов «А» и группа факторов «Б»);
- усиление влияния группы факторов «А» на группу «В», то есть на национальные интересы и базовые ценности.

Во втором десятилетии XXI века мы уже стали свидетелями начала этого процесса. Так, в событиях 2014 года на Украине именно геополитические интересы США оказали решающее (по сравнению с другими факторами) влияние на политические цели украинской элиты (окончательная смена политического курса и прежней элиты) и смену национальных интересов и системы ценностей («евромайдан» вместо русофильства). Собственно говоря, это усиление роли геополитики, превращения ее в решающий фактор и сформировало новый сценарий развития ВПО на Украине и в Восточной Европе.

И в этом смысле Евразия и Россия являются не просто подтверждением этой мысли, но и яркой иллюстрацией, которая наглядно показывает реальность такого подхода в области

Табл. 19.12. World Nuclear Forces, 2013

Country	Deployed warheads	Other warheads	Total inventory
USA	2150	5550	~7700
Russia	1800	6700	8500
UK	160	65	225
France	~290	~10	~300
China	—	~250	~250
India	—	90-110	90-110
Pakistan	—	100-120	100-120
Israel	—	~80	~80
North Korea	—	—	6-8?
Total	~4400	~12 865	~17 270

All estimates are approximate and are as of January 2013.

безопасности. В том числе и на множество конкретных примеров, наиболее ярким и последним из которых стали события на Украине 2014 года. Более того, растущее влияние геополитики оказывается наиболее устойчивым фактором, влияющим на формирование ВПО в мире и основные тенденции в развитии ВиВТ и в военном искусстве, а также оказывает реальное и сильное воздействие на стратегическое военное планирование.

Достаточно привести лишь некоторые примеры. Так, Франция, например, в середине 2014 года решила направить свои войска в пять бывших африканских колоний. Она же, также «задержится» с выводом своих войск из ЦАР и Мали⁶⁵. Это поведение определенно свидетельствует в пользу изменений французской внешней и военной политики, которая во все большей степени ориентируется на геополитическую борьбу за Африку, чье значение стремительно возрастет уже к середине XXI века.

Другой пример — создание в РФ отдельного вида ВС — Воздушно-космических войск к 1 января 2016 года, фиксирует

⁶⁵ Франция направит войска в пять своих бывших африканских колоний / Цит. по: Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 июля / <http://eurasian-defence.ru/>

фактическое появление единого глобального ТВД (Воздушно-космического пространства), о чем подробнее будет сказано ниже. Очевидно, однако, уже сейчас, что ВКВ станут конкретным инструментом геополитики в глобальном масштабе, когда сфера ответственности этого вида войск распространится не только на территорию РФ и ее союзников, но и на всю планету, все государства.

С геополитической точки зрения очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность от США, а также создание новых систем воздушно-космического нападения, этот потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространстве. Этот потенциал — главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские силы в такой стратегии малоэффективны, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только, в концептуальных наработках ученых и экспертов типа З. Бжезинского, но и в официальных документах.

Как отмечают эксперты, «... идея „Шёлкового пути“ не только существовала, но и была оформлена в проект закона ещё в 1997 г. — задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла „Закон о стратегии Шёлкового пути“, и сенат включил его в бюджетный «Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанными с этим программами» на 2000 финансовый год. (FY 2000 Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»⁶⁶.

⁶⁶ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 133–134.

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, где военные возможности различаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должна быть избрана такая военная доктрина и военная стратегия, которые исходили бы из этих реалий. Соответственно, из такой военной доктрины должны исходить и планы военного строительства, которых, по признанию авторитетных экспертов, сегодня нет⁶⁷. В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного строительства — создание эффективной системы ВКО территории страны (и союзников) и развития СЯС. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные силы, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами объединенной ВКО и СЯС.

19.2.5. Геополитическое противостояние в Евразии

Усиление военно-политического давления западной локальной цивилизации на Россию в 2014 году приняло беспрецедентные масштабы, что поставило вопрос о конечной цели такой политики. Если попытаться абстрагироваться от деталей, пусть даже важных, и существенных оговорок, то, в конечном счете, эту цель можно сформулировать как развал России, ее территориальный раздел и устранение ее влияния в мире. Но, прежде всего, предотвратить возможности России по консолидации разных государств вокруг «российского ядра» в Евразии.

Соответственно, всю политику США и ЕС следует рассматривать под углом зрения достижения этой главной цели, подразумевающей, естественно, решение конкретных задач, от

⁶⁷ Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>

которых зависит общий результат. В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США, которая наглядно просматривается в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны — Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства, Россия (вместе с постсоветскими государствами Средней Азии) представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток). Как видно из этой карты, Восточная и Центральная, а тем более Западная Европа «отрезаны» от России и даже не рассматриваются в качестве предмета возможной озабоченности⁶⁸.

Сохраняется некоторое беспокойство относительно энергетической зависимости стран ЕС от России, которую США пытаются любыми способами уменьшить. Остановка строительства

⁶⁸ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» / <http://www.cia.gov/library/>

«Южного потока», кампания в пользу американского сланцевого газа и прочие мероприятия направлены, в конечном итоге, на одну и ту же цель — максимально изолировать Россию в Европе и снизить ее влияние. События на Украине в 2014 году показали, что это США практически удалось. Та карта ЦРУ, на которой изображена Россия как, оказалось, отражает не только географические, но и политические и экономические реалии. Это хорошо видно на следующей карте (рис. 19.19)⁶⁹.

Рис. 19.19

Параллельно с изоляцией России в Европе, США стремятся максимально изолировать Россию на юге и юго-востоке, со-

⁶⁹ Инфографика: Андрей Лемешко, Дмитрий Иванов, Олеся Волкова. Данные Fitch. Еврокомиссия // РБК. 2014. 27 августа.

здав там очаги антироссийской напряженности. В этом случае Россия окажется отрезанной по Уральскому хребту от Сибири и АТР, в том числе от КНР, превратится в Московское княжество XVI века, о чем откровенно говорят на Западе.

Такое представление о месте России в Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного геополитического внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую часть (у З. Бжезинского — Поволжья). При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под непосредственной угрозой. «Транспортные коридоры» — как идея транзита из Европы в страны АТР — также окажутся под фактическим контролем, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов⁷⁰.

Это геополитическое соображение имеет огромное значение не только (а, может быть, не столько) по отношению к России, но и главному конкуренту США в XXI веке — КНР.

Пока что дружба с Россией обеспечивает КНР следующие преимущества:

- благоприятную границу с севера и северо-запада, фактически закрывающую всю сухопутную границу Китая и его воздушное пространство с этих направлений;
- поставки сырья и источников энергии, гарантирующие развитие экономики КНР и существование транспортных коридоров;
- наконец, возможность концентрации на тех районах, где проживает большая часть (94%) китайского населения и находятся соответственно основные интересы безопасности.

⁷⁰ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» / <http://www.cia.gov/library/>

Как хорошо видно на карте, «зона ответственности» России не затрагивает основные интересы КНР⁷¹.

Значение транспортных коридоров России в мире и в Евразии огромно и не вполне по достоинству оценено. Так, основу транспортных грузопотоков и пассажиропотоков в мире и в Евразии составляет российская ж/д сеть, на которую приходится более половины перевозок в Европе и в Евразии, а с учетом Украины и Казахстана — почти половина мировых грузопотоков по железным дорогам. Это хорошо видно на следующих рисунке (рис. 19.20) и таблице (табл. 19.13)⁷².

Отсюда колоссальная роль российских транспортных коридоров с запада на восток и с востока на запад, а так же стремительно растущее значение Северного морского пути (СМП) из Европы в Азию и обратно. Собственно экономическое значение ЦА не велико. В том числе и для России. И не стоит его переоценивать с точки зрения евразийской интеграции. Как отмечают исследователи МГИМО, «пять Центрально-Азиатс-

⁷¹ Где живет 94% населения Китая? / <http://mapinmap.ru/archives/1684>

⁷² База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unesco.org/pxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=53&lang=14

Рис. 19.20

Табл. 19.13. Общий объем железнодорожных грузоперевозок (млн тонн-км.) за вычетом пустых частных вагонов, 2011 год

РГРР	Страна	Значение	
1	Соединенные Штаты Америки	2,534,292	=====
2	Российской Федерации	2,127,835	=====
3	Украина	243,866	====
4	Казахстан	223,626	====
5	Германия	113,317	==
6	Польша	53,746	=
7	Франция	34,200	=
8	Швеция	22,864	=
9	Япония	21,410	=
10	Австралия	20,345	=
11	Литва	15,088	=
12	Румыния	14,719	=

ких государств создают всего около 11,1% от общего ВВП СНГ. В каждом из них насчитывается не менее трети убыточных предприятий, и каждое обременено международными долговыми обязательствами. В целом, фактически только российское сотрудничество с Казахстаном обеспечено по-настоящему

рентабельными проектами, а в других случаях рентабельность взаимодействия носит условный характер»⁷³.

В представлении западных геополитиков Европа и ее безопасность ограничиваются безопасностью государств Западной, Центральной и частью Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турцией. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжье, страны ЦА и Сибирь.

Возвращаясь к ВКО, точнее, к ее политическим аспектам, во главе угла которых находится формирование коалиции в Евразии, обнаруживаешь, что в настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:

- Великобритания — производит системы радиоразведки и РЭБ, поставляет компоненты для ПРО США (а также не исключает возможное размещение ПРО США на ее территории);
- Ирландия — поставляет компоненты для ПРО США (поддерживает развёртывание ПРО США в Европе и Японии);
- Германия и Франция — поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США (также не исключают возможное размещение ПРО США на своей территории);
- Польша — ПРО США уже строится;
- Эстония, Литва, Чехия — ведутся переговоры по размещению ПРО США;
- Дания — поставляет компоненты для ПРО США (Дания также не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
- Финляндия и Швеция — поставляют компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении РЛС);
- Южная Корея — поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США (Корея также не исключает, что ПРО США появится и на Корейском полуострове);

⁷³ Боришполец К.П. Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО. 2012. Ноябрь. С. 8.

- Сингапур и Малайзия — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- Канада — ведёт переговоры с США по размещению ПРО США и интегрированию ПРО Канады в систему ПРО США;
- Япония — поставляет самые сложные компоненты для ПРО США, размещает РЛС, производит ракеты (также скоро будут размещены ПРО США с ядерными установками на острове Хоккайдо);
- Мексика — ведутся переговоры о вступлении Мексики в систему ПРО США;
- Монголия — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- Азербайджан — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- Румыния — поставляет компоненты для ПРО США (также ожидается размещение ПРО США в Румынии в 2015 г.);
- Грузия — ведутся переговоры о размещении ПРО США в Грузии;
- Австралия — строится РЛС США с интегрированной системой «ПРО США — Новая Зеландия — Сингапур — Япония»;
- Словакия — ведутся переговоры о строительстве ПРО США;
- Италия — поставляет ОС для ПРО США (также не исключает возможность строительства ПРО США в Италии);
- Норвегия — поставляет детали и ОС для ПРО США;
- Вьетнам — планируются переговоры по размещению ПРО США⁷⁴.

Это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая (пока что) не имеет, ни четких целей, ни участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии, точнее, странам АТР и Евразии, а в узком контексте — России и Китаю.

⁷⁴ Противоракетная оборона США / <http://ru.wikipedia.org/>

Возвращаясь к законодательному обеспечению геополитической стратегии США, эксперты отмечают: «Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа „открытых демократических систем“ и „открытых рыночных экономик“. „Открытый“, в терминологии США, значит доступный для американского проникновения. Белому дому было предписано „активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы“. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»⁷⁵.

При этом особое значение придается дестабилизации режимов в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии, но, прежде всего, все-таки Казахстана, который (как видно из карты ЦРУ) занимает ключевое место в американской геополитике. Не трудно заметить, судя по этой карте, что важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (то есть по сути индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близости от Казахстана, а транспортные коридоры — «запад–восток» и «север–юг» — проходят через его территорию. В этой связи понятна и адекватная реакция правительства Казахстана, которое осенью 2012 года закрыло восемь газет, телеканал «К+» и 23 интернет-ресурса за разжигание экстремизма⁷⁶.

⁷⁵ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.

⁷⁶ Прокуратура Алма-Аты подала иски в суд в отношении ряда казахстанских и зарубежных СМИ / Эл. ресурс «Казахинформ. 12 ноября 2012 г. // <http://www.inform.ru/>

В мае 2006 г. с учётом военных реалий «Закон о стратегии Шёлкового пути» был основательно обновлён и дополнен. В частности, США взяли на себя обязательство по «развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ» государств «Шёлкового пути»⁷⁷. Как объясняют исследователи из вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), «Современный Шёлковый путь» является «частью противоповстанческой стратегии США в регионе». Как и Северная сеть доставки (NDN) — пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую в Вашингтоне считают первым шагом к реализации «Шёлкового пути»⁷⁸.

⁷⁷ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый Шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.

⁷⁸ Там же.

Таким образом, «Новый Шёлковый путь» продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно:

1. освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных геологической службой США в один триллион долларов;
2. получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек — почти четверть населения планеты;
3. строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся на феодальной стадии развития;
4. получение предложения для расширения военного присутствия и размещения военных баз — «для защиты трубопроводов»;
5. перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан;
6. наконец, создание региональной организации «государств Шёлкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Россия незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится цель «предотвращения установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которая бы ограничила доступ США к энергоресурсам»⁷⁹. Другими словами, США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся, в том числе и частью территории России.

19.2.6. Государственный терроризм как вариант сценария развития ВПО

В сентябре 2014 года Президент Польши и министр иностранных дел Франции предложили ограничить право России на использование вето в ООН. Эта инициатива вполне совмещается, по сути, и времени с односторонним решением США

⁷⁹ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый Шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.

и Франции бомбардировать исламистов в Сирии и Ираке. Таким образом, очевидна тенденция: с одной стороны односторонние силовые действия, игнорирующие Устав ООН и нормы международного права США и их союзников, а, с другой, — попытка лишить другие страны законной возможности ограничить такие односторонние действия. Логическая схема такой стратегии Запада вполне укладывается в сценарий борьбы западной локальной цивилизации в XXI веке с другими локальными цивилизациями, в основе которого лежат две осознанно культивируемые политические концепции.

Первая концепция заключается в том, чтобы трансформировать международную систему безопасности и связанные с ней нормы международного права в откровенно удобную для политики Запада форму. Такая новая форма предполагает:

- а) устранение тех элементов системы международной безопасности, сложившихся после Второй мировой войны и основанных на вынужденном признании военно-политического равенства, которые мешают одностороннему использованию Западом военной силы;
- б) и, наоборот, сознательное стимулирование развития таких элементов системы международной безопасности и права, которые облегчают возможность политического и военного использования силы в интересах Запада.

Вторая концепция предполагает ускоренное развитие военно-силовых возможностей, западной локальной цивилизации, поиск новых форм применения военной силы, средств (ВиВТ) и расширение спектра вооруженного насилия на гражданские области.

Вторая концепция связана с резким усилением значения качества человеческого капитала и, его институтов в политической, экономической и военной области. Это явление иногда рассматривается слишком узко — только как увеличение значения «мягкой силы» во внешней политике развитых стран, что далеко не раскрывает его подлинного содержания.

Применительно к развитию сценариев ВПО в XXI веке эта тенденция означает, что резко расширяется спектр силовых форм противоборства как за счет милитаризации гражданских, так и за счет создания новых форм. Так, налицо быстрая трансформация общественных (спортивных, культурных и пр.), институтов гражданского общества в полувоенные и при необходимости военные организации, а также создание внешне гражданских, а в действительности военных вооруженных формирований. Эти процессы можно проиллюстрировать на следующем рисунке (рис. 19.21).

Рис. 19.21

Наконец, исподволь создается новая система международной безопасности и права, альтернативная прежней. Она является важным элементом такой стратегии, где коалиционная политика, создание «общего знаменателя» для всех стран, консолидированных с западной локальной цивилизацией, не только на случай военных действий, но и в широком спектре политико-экономического сотрудничества. Типичным примером

этому является единая политика Запада в ООН и по отношению к режиму санкций против России.

Эти антизаконные, антиправовые средства, по сути, представляют собой инструменты государственного терроризма, которые внедряются в общественное сознание в противоречии с нормами международного права. Так, США в последние 6 лет 7 раз использовали военную силу против независимых государств без санкций ООН и без объявления войны. Другой пример: постоянное применение ударных беспилотников в Пакистане, Ираке и Афганистане. Но, главное — системная поддержка (в т. ч. вооружениями) антиправительственных сил в любой стране мира.

В силовом противоборстве локальных цивилизаций и отдельных государств, в XXI веке, стремительно усиливается сегмент средств асимметричного противоборства, когда вместо традиционных армий и спецподразделений выступают незаконные вооруженные формирования, а фактически полувоенные общественные организации и корпорации, которые иногда становятся полноправными субъектами МО и ВПО. Так, исламисты на Большом Ближнем Востоке фактически создали свое государство. В Донецкой и Луганской областях оппозиция также создала свое государственно образование.

В этих условиях Запад открыто придерживается политики государственного терроризма, — как политики и идеологии, когда государство (группа государств) по отношению к другому государству (группе государств) или локальной цивилизации, становится основой для формирования одного из вариантов сценариев развития ВПО в XXI веке. Эта политика не раз апробировалась США в XX веке, ведь с 1942 года США ни разу не объявляли официально войны, участвуя постоянно в боевых действиях против многих государств.

Подобное обстоятельство и практика в принципе не являются новым явлением в истории человечества. Нашествия Чингисхана, например, можно рассматривать как террор

в отношении других государств, не требовавший ни оккупации, ни постоянного присутствия. Террор какого-либо государства или какого-то покровительства другим государством — достаточно эффективная политика. Ему необходимо лишь обеспечить политическое прикрытие и независимость от норм международного права. Как показали события на Украине последних лет, террор в отношении части граждан позволил создать благоприятную политико-идеологическую атмосферу для проведения откровенно антироссийской политики. Особенно в тех городах и регионах, где были сильны пророссийские настроения.

Противодействовать развитию такого варианта сценария глобального противоборства крайне трудно: до конца не ясен ни противник, ни масштаб, ни средства, ни направления ударов. Можно только догадываться, но практически невозможно ничего доказать.

Размышления о противодействии терроризму, к сожалению, достаточно критичны. Борьба с терроризмом развернувшаяся в России, до статочно бессистемна и хаотична, и, как следствие, малоэффективна. Главная причина — недооценка терроризма как политики, политической практики и идеологии. Идеологии, может быть, прежде всего. Хотя именно государственный терроризм на Кавказе больше всего угрожал России.

Противодействовать идеологии (в том числе государственной) терроризма, и экстремизма должна, прежде всего, также идеология, а не «набор мероприятий», издание брошюр и т. п., т. е. как минимум должна быть альтернативная, конкурентоспособная, позитивная национальная идеология. Аналогичная политическая идеология противодействию государственному терроризму должна продвигаться и в мировом общественном мнении, стать постоянным предметом внимания в сотнях международных институтов и организаций. Это означает, что, во-первых, Россия должна создать такую идеологию противодействия государственному терроризму хотя бы на уровне нескольких тезисов, а, во-вторых, постараться привлечь к ней

максимальное внимание СМИ, международных и общественных институтов и организаций.

Учитывая, что большинство из них находятся под сильным влиянием Запада, либо под его прямым контролем, эта работа является не просто трудной, но и требующей постоянного политического внимания и ресурсов. Причем эта концепция не должна сводиться, только к критике государственного терроризма, но и предлагать свои позитивные варианты взаимоотношений и решения проблем.

Такая позитивная идеология представляет собой систему доминирующих в международном сообществе и в обществе взглядов на национальные цели развития, средства их достижения, систему национальных ценностей и интересов. В этом случае терроризм выступает удивительно точно против главной цели в противоборстве современных локальных цивилизаций и наций — систем ценностей, национальных приоритетов и интересов. Все это объединено в единую систему, называемую идеологией.

Есть ли такая идеология сегодня в мире и в т. ч. у нашей нации? Вряд ли можно признать, что такая идеология действительно есть. Более того, в России до сих пор очень сильна точка зрения вообще, отрицающая эту необходимость. За рубежом, по понятным причинам, у Запада позиция близка к нашим отечественным либералам, которые апеллируют к разным аргументам. В том числе ссылаясь на Конституцию РФ, прямо запрещающую, по их мнению, монополию на государственную идеологию (но отнюдь не на идеологию).

Может быть, поэтому и результаты борьбы с терроризмом достаточно скромны. Трезвая, адекватная оценка позволяет сделать вывод: пока что удалось ограничить масштаб и численность террористических акций, но не сам терроризм как явление, прежде всего, идеологическое. Не осмыслены до конца и возможные меры противодействия терроризму в случае нарастания глобального цивилизационного противоборства,

которое становится практической реальностью, как показал кризис на Украине.

Такая национальная идеология должна четко сформулировать главные приоритеты нации и ее систему ценностей, прежде всего, показать «образ желаемого будущего»: какой мы хотим увидеть нацию в будущем, каким критериям она должна соответствовать, какова главная цель ее развития и что должно делаться для этого государство. И эта цель должна быть достаточно понятна и конкретна, укладываться в набор простых идеологем. Без этого не удастся консолидировать ни элиту, ни общество в условиях нарастающего кризиса.

Такой главной политико-идеологической целью и высшим приоритетом в противодействии информационному противоборству должен стать человек, развитие и реализация человеческого потенциала⁸⁰. Такая высшая национальная (общественная, государственная, социально-экономическая и пр.) цель предполагает, например, достижение высших показателей в самых различных, но хорошо известных критериях, характеризующих человеческий потенциал — продолжительности жизни, душевом национальном доходе, качестве здоровья и образования, измеряемыми с 1990 года ООН на вполне объективной основе. Пока что по этим показателям Россия занимает 30–60 место в мире. И эта главная слабость — политическая, экономическая и идеологическая — России⁸¹.

Другая сторона этого вопроса — возможность реализации человеческого потенциала России, что, собственно говоря, и является главной задачей государства и его институтов. При чем понятия «потенциал» и его «реализация» предполагают не, только создание максимально благоприятных материальных, но и интеллектуальных и духовных условий. В последние десятилетия особенное значение приобретает содействие развитию

⁸⁰ См. Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-Корпорация. М. 1996.

⁸¹ Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М. 2005. С. 79–91.

и реализации творческих возможностей личностей, которые являются в XXI веке главным средством экономического и социального развития и главным ресурсом развития нации.

Эта же проблема является ключевой при оценке эффективности использования «мягкой силы» в противоборстве локальных цивилизаций. Та цивилизация, нация или государства, которые могут эффективно и лучше других использовать свой национальный человеческий потенциал, его творческие и организационные возможности, та страна окажется безусловным победителем.

В современной вооруженной борьбе и войне роль творческих личностей — интеллигенции, журналистов, писателей, ученых, спортсменов — оказывается ключевой. Именно они формируют ту или иную общественно-политическую атмосферу в стране, которая может быть пессимистической, настроенной на поражение, либо наоборот. Опыт вооруженного конфликта на Украине показал, что именно пропагандистская и долговременная подготовка идеологической почвы на Украине, направленная в течение 25 лет на формирование специфической украинской «нации», зараженной русофобством, позволила сформировать «сначала политические, а затем и военные очаги» противостояния.

По сути дела военная конфронтация 2014 года продемонстрировала, где эти «очаги» гражданского противостояния смогли превратиться в «массив» военно-политической конфронтации с Россией, а где они остались «очагами». Карта военных действий на юго-востоке достаточно иллюстративна и, на наш взгляд, во многом совпадает с картой идеологического противостояния на Украине. С той разницей, что в значительном числе регионов Украины к осени 2014 года идеологическое противостояние не переросло в военное. В частности, даже по украинским источникам видно, что военные «очаги» — общее правило идеологического противостояния⁸².

⁸² Террористическая война РФ против Украины. Сводка по итогам 12 сентября 2014 г. / <http://newsme.com.ua/ukraine/2635292/>

Реализация идеологией творческих и долгосрочных целей во многом предопределяет позицию творческого класса и пассионарной части общества, от которой в конечном счете зависит не только позиция правящей элиты, но и исход противоборства. Соответственно эти творческие, национальные цели не совместимы, прямо противоречат, таким враждебным, антинациональным политико-идеологическим целям, как:

- экстремизм, терроризм, любой радикализм, включая национальный, политический и социальный;
- универсализм, бесконтрольная глобализация в политико-культурной и ценностной областях;
- антинациональная и антигосударственная идеология, используемая в качестве «мягкой силы» против России;
- идеология приоритета интересов определенных социальных слоев и групп («классовая идеология») по отношению к нации и государству.

Таким образом, национальная идеология — сильнейшее оружие в противоборстве. Она определенно позиционирует себя, так или иначе, по отношению к важнейшим идеологическим мировым течениям и косвенно по отношению к системам ценностей локальных цивилизаций, религий, мировоззрений. Поэтому в рамках этой идеологии формируется своя и только ей присущая система взглядов на ключевые проблемы, с одной стороны. С другой стороны, эта система взглядов идеологически (т. е. бескомпромиссно) противостоит другим системам взглядов, в т. ч. основным мировоззренческим школам: социальным — либеральной, консервативной, коммунистической и др., которые, так или иначе, выступают на стороне противника в нарастающем противоборстве.

Соотношение сил в намечающемся противоборстве во все большей степени будет определяться уже не только материальными факторами — ВиВТ, ВС и т. д., но, прежде всего, идеологическим превосходством, которое так или иначе трансформируется в моральное или духовно-нравственное. Отдельно необходимо сказать о средствах идеологии, играющих исключительно важную роль в развитии нации. Прежде всего:

- идеология как средство управления правящей элитой, обществом, институтами государства и общества. Это средство резко сокращает время доведения до объекта информации, позволяет расширить пространственный охват практически до абсолютных показателей, дать простор для творческого развития и т. д.;
- идеология как главный инструмент влияния на когнитивное поведение человека;
- как средство повышения эффективности в работе СМИ;
- как средство в развитии ЧП и его институтов⁸³.

⁸³ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I. М.: МГИМО, 2012 г

Иными словами наиболее эффективными средствами противодействия политике государственного терроризма со стороны западной локальной цивилизации является, направленная на международном уровне на сохранение и развитие системы международной безопасности и норм международного права, а на национальном уровне — на развитие НЧП и повышением эффективности его институтов.

Глава XX.
Сценарий евразийской
военно-политической
интеграции

Долгосрочные тренды мирового социально-политического развития человеческой цивилизации зачастую не учитываются в военно-политическом прогнозировании¹.

*Я. Новиков, Генеральный директор
ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей»*

В XXI веке особенно важное значение приобретает группа вариантов сценария ВПО, связанная с военно-политической интеграцией в Евразии. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, всей западной локальной цивилизации не требуется участвовать, а тем более создавать ни международную, ни евразийскую, ни европейские системы безопасности, ни механизмы ее обеспечения — коалиции, союзы и блоки. Ко второму десятилетию XXI века можно признать, что ему удалось в полной мере реализовать идею безопасности и механизм в том виде, как хотелось. Соответственно новых систем безопасностей и союзов Западу не требуется. Более того, он категорически будет против любых инициатив в этой области. Что подтверждает провал всех предложений по созданию систем безопасности в Европе, Евразии, роспуску блоков и т. п.

Во-вторых, учитывая это обстоятельство, Россия заинтересована и должна приложить максимальные усилия в создании альтернативной системы безопасности, включая военно-

¹ Новиков Я. В. Вступительное слово / Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО, 2014. С. 5.

политические механизмы ее обеспечения — союзы, коалиции, договоренности (особенно в области ВКО, борьбе с терроризмом и т. д.) в т. ч. в политической, научной и экономической областях.

В-третьих, безопасность России и возможность сохранения национальной идентичности и суверенитета в XXI веке прямо зависит от результата усилий по созданию антизападной военно-политической коалиции.

Развитие возможных сценариев ВПО и их вариантов в мире во многом предопределяется развитием ВПО в Евразии. Именно на этом континенте в наибольшей степени концентрируются противоречия между всеми основными локальными цивилизациями. На этом же континенте сосредоточены основные мировые ресурсы, включая военные. На этом континенте военно-политическое противостояние в прошлом привело к двум мировым войнам и «холодной войне». Наконец, контроль над этим континентом, безусловно, предопределяет возможность контролировать ВПО в мире, учитывая геополитическое положение основных участников возможного противоборства.

Упрочение этого контроля в Евразии предполагает, что нарождающийся новый мировой центр силы окажется под силовым воздействием со стороны Запада, которое не позволит ему стать альтернативой западному центру силы и западной локальной цивилизации. При этом спектр способов применения военной силы будет постоянно расширяться, однако в условиях опасности глобального применения ОМУ, эти способы будут во все большей степени ориентированы на специальные военные операции. В специальном пособии по этому поводу демонстрируется следующая «лестница эскалации» (рис. 20.1)².

В настоящее время в Евразии существует единственный масштабный пример военно-политической интеграции стран

² Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. №18–01. ТС 18–01. 2010. 30 ноября. С. 25.

Рис. 20.1

представителей западной локальной цивилизации. Это Североатлантический союз, который давно уже превратился из регионального блока в глобальную военно-политическую коалицию, фактически сделавшую заявку на то, чтобы взять под свою ответственность весь континент. Учитывая планы США

по созданию ТТП и ТАП, которые могут значительно усилить политически и экономически фланги НАТО, такая геополитическая конфигурация свидетельствует о том, что позиция западной локальной цивилизации по отношению к странам, не участвующим в их системе безопасности (России, КНР, Индии, ряду других), стремительно усиливается.

Этот же вектор развития Запада свидетельствует и о том, что он не заинтересован в создании каких-либо универсальных систем безопасности, включающих эти страны, более того, будет всячески препятствовать этому. Любые союзы (ТС, ШОС, БРИКС и др.) будут рассматриваться изначально как потенциально враждебные.

Несмотря на это существует не только теоретическая, но и практическая возможность широкой военно-политической интеграции в Евразии, более того, создания коалиции как противодействия усилению геополитического влияния США и НАТО. Не смотря на конфронтационное развитие процессов в области международных отношений (а, может быть, и поэтому), сохраняются некоторые возможности создания следующих систем международной безопасности в Евразии:

- с участием всех локальных цивилизаций — «от Лиссабона до Владивостока», своего рода «ОБСЕ в Евразии», включающей все субъекты МО и ВПО на континенте;
- с участием нескольких локальных цивилизаций (НАТО — ТС; КНР — ТС; Россия — Индия; и т. д.);
- с участием нескольких противостоящих локальных цивилизаций друг другу (Индия — ЕС против КНР и исламских государств, например);
- создания военно-политического союза на базе евразийской локальной цивилизации, вокруг «российского ядра»;
- наконец, формирования глобальной евразийской коалиции на базе НАТО, как продолжение развития существующей тенденции обеспечения безопасности, в основе которой лежит безусловное доминирование США.

Если эти и другие возможные варианты сценариев евразийской военно-политической интеграции носят теоретический характер, то последний вариант — расширение НАТО до глобального блока, контролирующего ситуацию в Евразии, — вполне вероятен, конкретен, может быть, даже единственно реалистичен. А потому и особенно опасен, ибо обрекает на неудачу любой иной сценарий евразийской военно-политической интеграции.

20.1. Евразийская общность как основа для сценариев военно-политической интеграции

Разрешение прежних идентичностей локальных цивилизаций Евразии и появление новых может привести к тому, что развитие сценариев ВПО приобретет неожиданный для современных наблюдателей характер «интеграции локальных цивилизаций» Евразии. Этому могут способствовать два серьезных обстоятельства.

Во-первых, понимание того, что в разных локальных цивилизациях могут сосуществовать и менять свое влияние разные идентичности, которые могут оказаться ближе к идентичности других локальных цивилизаций и даже составить с ними некое общее целое. Это феномен XXI века, не существовавший массово в традиционных цивилизациях и обществах прежде, но все чаще встречающийся в настоящее время.

Во-вторых, общность интересов и совместимость систем ценностей некоторых локальных цивилизаций лежит в основе многих современных процессов, в т. ч. региональной интеграции. Как справедливо отмечает авторитетный знаток Азии, посол и эксперт МГИМО В. Воробьев, «Интересы шести стран — основателей (ШОС) сошлись благодаря пониманию острой необходимости соединения усилий как в противодействии

транснациональным вызовам и угрозам... так и в обеспечении условий ... стабильности для развития Центральной Азии³.

Иными словами мы видим, что в основе возможного сценария военно-политической интеграции нескольких локальных цивилизаций Евразии лежат фундаментальные причины — общность интересов и совместимость систем ценностей. Быстрое развитие отношений между странами-цивилизациями в XXI веке в рамках БРИКС и ШОС не случайно. Оно фактически оформляет политически эту общность, причем в самых деликатных ее сферах — вопросах безопасности.

Говоря о долгосрочных перспективах развития такого сотрудничества в военно-политической области во втором десятилетии XXI века, надо иметь ввиду именно этот фундаментальный характер общности, который может дать неожиданно быстрые и динамичные результаты. Эти результаты, как ожидается, могут прогнозироваться при совместимости основных составляющих в модели политического процесса.

Проблема единой системы ценностей как основы евразийской интеграции сегодня очевидно пока недооценивается. Прежде всего, в военно-политической области. Забывается, что в основе успешного примера европейской интеграции лежит фундамент общеевропейской системы ценностей, сложившийся в античную эпоху и христианский период развития, а также общие представления о европейской безопасности. Торгово-экономические аспекты и финансовая выгода — вторичны в этом процессе, что отнюдь не является сегодня общепринятой точкой зрения. Может быть, этим и объясняются некоторые проблемы евразийской интеграции.

Можно констатировать, что в течение многих столетий на огромном евразийском пространстве — от Центральной Европы до Сибири и Казахстана — такая общая система цен-

³ Воробьев В. Я. Сумма сходящихся интересов // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. №6. С. 157.

ностей и безопасности формировалась. Прежде всего, потому, что большинство населявших эту территорию народов были некогда частью таких государственных формирований как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз.

Культурно-историческая общность совпадает с геополитическим единым пространством Евразии, интересами безопасности проживавших и проживающих сегодня на этой территории народов. К сожалению, этот фактор сегодня также в полной мере недооценивается, когда говорят о евразийской интеграции. Если в основе современной европейской интеграции находится идея формирования общей системы ценностей, которая отодвигает на второй план даже национальные интересы стран Евросоюза, то общность ценностной системы и геополитического пространства Евразии пока что не стала приоритетом интеграционного процесса в Евразии. Хотя вполне могла бы и даже постепенно становиться.

Модель политического процесса с точки зрения совместимости основных элементов стран Евразии

Геополитическая общность — фундаментальная основа для единой системы безопасности. Необходимо признать, что два интеграционных процесса, идущих в Евразии, — в Евросоюзе и на постсоветском пространстве — принципиально не

отличаются друг от друга и вполне совместимы. Они не должны противопоставляться друг другу и могут быть при желании объединены в единый процесс, в котором участвуют все евразийские государства от Лиссабона до Владивостока. Проблема в разнице политических подходов, а не в системах ценностей, которые пока что искусственно противопоставляются друг-другу, разнице в способах обеспечения безопасности в отдельных регионах Евразии.

Эта разница в политических подходах очень существенна. Суть ее в том, что интересы и ценности одной, западной локальной цивилизации навязываются, в т. ч. силой, другим цивилизациям и нациям, а откровенно преследуемая выгода лежит в основе всей политики. Соответственно сценарий развития ВПО с точки зрения западной локальной цивилизации предполагает активное использование силы против других локальных цивилизаций.

Для развития евразийской военно-политической интеграции на постсоветском пространстве ключевое значение имеют опережающие темпы развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры. Регион АТР превратился в новый мировой центр силы, в котором всё больше концентрируется мощь мировой экономики и торговли. Доступ к странам этого региона для стран Евросоюза, Белоруссии и Казахстана будет во многом определяться степенью развития транспортной инфраструктуры России. И здесь так же огромное значение имеет общность исторических и культурных корней постсоветских государств: не только отсутствие языковых барьеров, общие традиции образования и воспитания, опыт освоения восточных регионов и строительство железных дорог, портов, аэродромов, но и создание в течение столетий интеграционных и кооперационных связей в промышленности, — всё это говорит о фундаментальной культурно-исторической общей интеграционной основе. Достаточно напомнить о сверхтяжелых карьерных самосвалах, производящихся в Белоруссии.

Сегодня, очевидно, что в мире форсированными темпами идут два интеграционных процесса по созданию Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерства (ТАП и ТТП), из которых исключены постсоветские страны и многие государства Евразии. По сути дела речь идет не столько об экономической интеграции части стран Евразии и АТР, под эгидой США, сколько о борьбе за политический контроль над Евразией. Просто сожалеть о распаде ОВД и СССР — бессмысленно. Нужно формировать геополитику будущего, понимая, что этот процесс будет встречать яростное противодействие, ибо речь идет о контроле над Евразией и, в конечном счете, о контроле над миром.

Такой контроль подразумевает, прежде всего, продвижение своей ценностной системы, в том числе и с помощью военной силы, навязывания другим странам норм и стандартов поведения, которые относятся к ценностям иной цивилизации. Политическая борьба за Евразию всё больше приобретает формы культурно-ценностного, цивилизационного противоборства. Победа в такой борьбе будет означать потерю не только суверенитета и контроля над территорией и природными ресурсами (что сегодня вполне осознается), но и, главное, потерю национальной идентичности, разрушение системы национальных ценностей, т. е. уничтожение нации.

В этой борьбе за уничтожение системы евразийских ценностей западной цивилизацией используется все расширяющийся спектр способов применения военной силы — от усиления угрозы потенциального ядерного конфликта и массированного применения неядерных стратегических средств и другого ВТО, до специальных операций по дестабилизации и свержению правящих режимов. Примечательно, что еще в 2010 году в учебном пособии «Нетрадиционные военные действия сил специального назначения» прямо признавалось: «Ведение совместных операций разведчиками из ЦРУ и армейским спецназом в США восходит к Вьетнамской войне и к знаменитому объединению

MACV SOG. Военнослужащие сил специального назначения армии Соединенных Штатов специализируются в изучении региональных языков и культур определенных частей мира. В то время как такие элитные части американской армии, как рейнджеры предназначены в основном для выполнения открытых акций прямого действия — армейский спецназ может проводить такие диверсии скрытно»⁴.

В частности, предполагалось, что специальные силы будут участвовать в эскалации напряженности и перерастанию ее в открытый военный конфликт. Одной из задач специальных сил является изменение внутривнутриполитической обстановки в стране и соотношения сил, поддерживающих режим и его противников. В этих условиях «альтернативная» евразийская военно-политическая интеграция означает не больше и не

⁴ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 4.

меньше как политику сохранения суверенитета и национальной идентичности. Неверный политический выбор неизбежно приведет к размыванию национальной системы ценностей и самоидентификации. Что в целом понимает большинство правящих элит Евразии.

В этой связи для России принципиально важно определиться со стратегией евразийской интеграции, в основе которой должна лежать не только торгово-экономическая выгода, но прежде всего сохранение общей системы ценностей и культурно-исторического наследия народов Евразии, обеспечение безопасности и суверенитета этих государств. Причем проблема обеспечения безопасности (как в свое время в Евросоюзе и в Европе) должна занять главное место.

Собственно военная, гуманитарная, информационная и образовательная составляющие интеграционного процесса в странах Евразии (на которые обращают большое внимание в странах Евросоюза) должны стать государственным и общественным приоритетом, в т. ч. и для ШОС, БРИКС и других международных организаций.

Как показали события на Украине общие интересы безопасности исторические и культурные корни, общие ценности

должны сознательно культивироваться на постсоветском пространстве, а не уничтожаться. Не секрет, что нередко мы наблюдаем сознательно направляемые процессы по «переписыванию истории», искажению современной политики союзных государств. Мы должны иметь не только общую историю, но и общее будущее, в т. ч. в области обеспечения безопасности, общие цели и общие ценности, которые базируются на общих корнях и наследии. Мы должны предложить общую систему безопасности, основанную на общей цивилизационной, экономической и социальной модели развития, которая была бы привлекательна и конкурентоспособна по сравнению с американской и западноевропейской моделями — НАТО, ЕС, ТТП и ТАП. Другими словами, мы должны предложить, прежде всего, привлекательную систему взглядов, т. е. идеологию евразийской, политической и военной интеграции, которая стала бы основой интеграционной политики — внешней, военной, экономической, социальной.

Следует откровенно признать, что «российское ядро» должно стать основой евразийской политики безопасности цивилизации и интеграции. Прежде всего, потому, что сформированная в России система ценностей, история Евразии демонстрировали на протяжении столетий не только свою устойчивость и универсальность, но и способность учитывать и бережно относиться к национальным системам ценностей, а так же противостоять чужим ценностным системам. Это принципиально важно в эпоху, когда цивилизационно-ценностные противоречия становятся основными в отношениях между государствами, вытесняя нередко даже экономические и военные.

Российская цивилизация кроме того обладает уникальной способностью ненасильственного распространения и проникновения по всем азимутам, что очень важно в условиях резко возросшей роли стран АТР и Центральной Азии. Следует напомнить в этой связи, что «евразийская центрифуга» тысячами «выталкивала» народы с востока на запад евразийского

континента. И только русский народ двигался с запада на восток и юго-восток. Всей своей историей он доказал способность к развитию и бережному отношению к чужому национальному наследию и системе ценностей.

20.2. Сценарий евразийской военно-политической интеграции

Рассматривая сегодня возможность или даже вероятность появления и развития любого сценария военно-политической обстановки (ВПО) в мире можно констатировать некие общие условия, характерные в последние столетия для Евразии, которые могут сохраниться и для прогноза будущих сценариев ВПО:

- Евразия была и становилась эпицентром столкновения как локальных цивилизаций, так и различных вариантов этих локальных цивилизаций. Есть основания полагать, что и будущие войны и сценарии развития ВПО сохранят эту особенность;
- контроль над Евразией оказывался равноценным геополитическому контролю в мире, что сохранится, как минимум, в среднесрочной перспективе;
- никогда и никакой анализ не прогнозировал точно и не предсказывал ни масштабов войн и конфликтов в Евразии, ни состав их участников, ни средства ведения войны, ни способы и формы ведения военных действий, т. е. ни один сценарий ВПО не был заранее описан сколько-нибудь точно;
- последние столетия любая война являлась в той или иной мере коалиционной войной даже, несмотря на то, что в каждой из коалиций находились свои безусловные лидеры. В еще большей степени коалиции будут реалиями будущих войн и военных конфликтов;
- политические и экономические результаты войн и конфликтов в Евразии для России и православной локальной

цивилизации всегда были крайне тяжелыми и объективно ослабляли все страны, входившие в эту цивилизацию. И наоборот — наибольшую экономическую и политическую выгоды получала западная локальная цивилизация. Изменить эту «традицию» и инерцию развития сценариев ВПО последних столетий может только евразийская военно-политическая интеграция во главе с «российским ядром». Таким образом теоретически возможной и практически реальной альтернативой сценариям противоборства локальных цивилизаций в Евразии может быть возможный сценарий широкой евразийской военно-политической интеграции (в мягкой форме — системы коллективной безопасности в Евразии), предполагающий участие в такой системе большинства государств — европейских, ближневосточных, дальневосточных и пр. «от Лиссабона до Владивостока».

Во многом этот процесс актуализирован в связи с тем, что происходит перераспределение центра силы с Запада на Восток, а также новой ролью стран АТР и восточных регионов России. Это делает задачу военно-политической интеграции в Евразии объективно востребованной. Даже ориентированные долгие годы на Запад либеральные российские политики и политологи вынуждены признать объективность процесса смещения приоритетов России с Запада на Восток, приоритетов, которые долгие годы вынуждали страну искусственно встраиваться в систему ценностей, нормы права и поведения, навязываемые извне.

Подобная переориентация, по словам С. В. Лаврова, означает, что акценты в политике меняются «от взамен» на «в дополнение», т. е. не свертывая достигнутых на Западе результатов сотрудничества, акцент делается на развитии восточного вектора в политике. Эту же мысль классический российский западник С. А. Караганов сформулировал следующим образом: «... параллельно с попытками договориться на Западе нужно удесятить усилия по новому освоению Сибири, по выстраиванию новой азиатской экономической и политической дипломатии, по акти-

визации ШОС, интеграции его с ЕврАзЭС, ОДКБ, с китайской идеей „нового шелкового пути“ (к чему Пекин вроде бы склоняется), с южнокорейской идеей „евразийского сообщества“, со сближением с будущим лидером Средней и Центральной Азии — Ираном. Такой поворот будет нелегким для российской европоцентричной элиты. Но попытка интеграции с Западом пока не удалась. Отказываться от Европы, от своих европейских корней опасно для русской идентичности, для развития России. Но не использовать образующиеся на Востоке возможности бесхозяиственно и опасно»⁵.

Таким образом, евразийская военно-политическая интеграция может стать реальной и нетрадиционной альтернативой

Рис. 20.2

⁵ Караганов С. А. Долгая конфронтация // Известия. 2014. 4 сентября. С. 5.

всем существовавшим сценариям развития ВПО в XIV–XX веках. И только в конце XX и начале XXI века сложились для этого некоторые объективные условия и возможности, которые могут привести к практической реализации сценария военно-политической евразийской интеграции. Логическую схему такого развития можно представить, как показано на следующем рисунке (рис. 20.2).

Как видно из рисунка, евразийская безопасность может быть обеспечена, как минимум, тремя вариантами:

- вариант «а», предполагающий создание системы безопасности в Евразии и высокой степени военно-политического сотрудничества на базе двусторонних или многосторонних соглашений, в т. ч. между ОДКБ и НАТО;
- вариант «б», предполагающий продолжение противоборства локальных цивилизаций и стран не только в различных невоенных областях, но и в военной области. Этот традиционный сценарий в XXI веке фактически предполагает «вытеснение» России из Европы и постоянную уступку политических и экономических позиций;
- вариант «в», эволюция невоенного противоборства в военное противостояние коалиций государств, во главе которых стоят локальные цивилизации, укрепление НАТО, его расширение, и создание новых коалиций и блоков.

В отсутствии системы евразийской безопасности и отчетливым нежеланием создавать таковую, перед странами Евразии, которые не являются членами НАТО, возникает трудный выбор. Либо фактически положиться на гарантии США и НАТО, либо создавать универсальную систему евразийской безопасности, опирающуюся на соответствующий военный потенциал коалиции. Пока что прообраз такой системы может рассматриваться в виде ОБСЕ, которая с 1975 года существовала в качестве региональной организации по обеспечению безопасности в Европе. Но эта возможность — очень теоретическая. После саммита 2010 года в Астане, когда была сделана безуспешная попытка

создания «евразийского пространства безопасности», стало, однако ясно, что констатация «стратегической неопределенности внутри ОБСЕ, проявившаяся в расхождениях между государствами-участниками, усилилась в последнее десятилетие»⁶.

В то же самое время можно констатировать, что в настоящее время в Евразии формально действует множество международных региональных организаций, которые условно можно разделить на следующие группы и категории⁷. Прежде всего это европейские военно-политические блоки и институты обеспечения европейской безопасности. Таких институтов к 2014 году создано достаточно много не только в Европе, но и в Азии.

Важнейшими военно-политическими блоками и институтами обеспечения европейской безопасности, например, являются НАТО и примыкающие к ней организации (Парламентская ассамблея НАТО, Совет евроатлантического партнерства (СЕАП), ассоциация Атлантического договора и др.), Западноевропейский союз, Евросоюз, Организация договора коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств (СНГ), Совет Европы (СЕ) и Организация безопасности и сотрудничества в Европе, а также различные субрегиональные организации (Союзное государство России и Белоруссии, Европейско-азиатское экономическое сотрудничество (ЕврАзЭС), Совет государств Балтийского моря, Вышеградская группа, Вильнюсская группа, «Сотрудничество центрально-европейских государств» (СЕНКООП), Организация за демократию и экономическое развитие (ОДЭР– ГУАМ)) и т. д. и т. п.

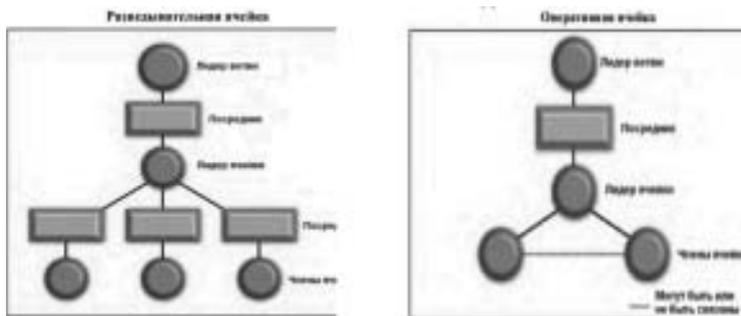
Не трудно заметить, что в разной мере, но все эти организации, так или иначе, зависят и контролируются США, что позволяет сделать вывод о том, что западной локальной цивилизации во главе с США удалось создать реальную систему

⁶ Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community / Drafting Group. 2011. P. 6.

⁷ См., например, Гордиенко Д. Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>

обеспечения их интересов и продвижения системы ценностей. Эта система не только очень эффективна, но и обладает монополией, фактически абсолютным правом на обеспечение безопасности в Евразии.

Более того, эта система активно разрабатывает новые способы применения военной силы в условиях отсутствия глобального военного конфликта, прежде всего с помощью сил и средств, для проведения специальных операций для дестабилизации ситуации внутри страны и эскалации внутреннего военного конфликта во внешний военный конфликт. Так, в специальном пособии США даются рекомендации по подготовке разведывательных и оперативных ячеек, которые будут в состоянии реализовать эти планы внутри тех или иных государств. Как видно на рисунке, на первом этапе готовится разведывательная ячейка, предназначенная для создания условий для работы внутренней оппозиции, а на втором этапе — сами боевые группы⁸.

В настоящее время этой широкой коалиции в Евразии могут теоретически противостоять четыре локальные цивилизации, объединяющие большинство стран, которые не входят в западный альянс, но не способные эффективно защищать

⁸ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 31.

свои системы ценностей и интересы в силу слабой интегрированности и соотношения военных сил. В случае (как планируется) расширения НАТО, интеграции ТТП и ТАП, эти обстоятельства еще больше усилятся и будут не в пользу не западных локальных цивилизаций, что объективно толкает их на формирование собственных военно-политических коалиций. Однако если рассуждать с практической точки зрения, то даже в среднесрочной перспективе, ни КНР (в силу имперскости), ни ислам, ни индийская цивилизация не могут создать коалиций. Это может сделать только российская цивилизация.

Таким образом, для евразийских стран сформирована альтернатива. Первый вариант — смириться с созданием единственного инструмента безопасности в виде НАТО под руководством США, что предполагает расширение блока и др. мероприятия. Как отмечают некоторые исследователи, характеризуя усилия Североатлантического союза по обеспечению европейской безопасности, его военно-политическое руководство основные усилия сосредоточивает на реализации планов трансформации блока в политической сфере, продолжении процесса расширения организации, вовлечении в сферу своей деятельности других государств и международных структур, повышении коалиционного военного потенциала, а также на развитии отношений с Россией в выгодном для Запада направлении⁹. Другой вариант — попытаться создать свой собственный механизм обеспечения безопасности, который в реальности может быть создан только на основе евразийской интеграции вокруг «российского ядра».

Это выбор отчетливо проявился в своего рода «стресс-тесте» отношений России и НАТО в ходе конфликта на Украине в 2014 году. Именно в 2014 году на Украине, ЕС и НАТО под руководством США продемонстрировали каким образом

⁹ См., например, Гордиенко Д. Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>

будет реализован план контроля над Европой. Как заявил 18 мая 2014 года, бывший генеральный секретарь альянса Андерс Фог Расмуссен в интервью одной из ведущих газет Германии *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, «Мы готовы к любым вариантам развития событий, у нас имеются соответствующие планы обороны. Вы были бы удивлены, если бы увидели, насколько быстро мы можем действовать».

Альянс уже активизировал деятельность на Востоке. Напомним, что после проведения референдума в Крыму НАТО начал патрулирование самолетами радиолокационной разведки системы АВАКС воздушного пространства над странами Балтии. Руководство НАТО также предоставило Киеву обширную невоенную помощь. «С одной стороны, мы приостановили все практическое сотрудничество с Россией, с другой — решили оставить открытым канал для политического и дипломатического диалога в рамках совета Россия — НАТО. У нас было заседание совета Россия — НАТО 5 марта, после начала кризиса. Мы предложили провести новое заседание в рамках совета. Мы открыты к политическому диалогу», — заявил генсек¹⁰.

Таким образом, в Евразии существует единственный дееспособный механизм обеспечения безопасности во главе с США, который объективно не заинтересован:

- в создании общеевразийского механизма и системы безопасности ни на базе ОБСЕ, ни в форме сотрудничества НАТО–ОДКБ ни в какой-либо иной форме;
- в создании ни одной локальной цивилизацией никаких самостоятельных систем и механизмов безопасности;
- в развитии каких-либо сценариев сотрудничества в военно-политической области;
- в развитии позитивных сценариев ВПО, смягчающих нарастание противоречий.

¹⁰ Тэвдой-Бурмули А. «Красная линия» НАТО / Эл. ресурс: «Портал МГИМО(У)». 2014. 21 мая / <http://www.mgimo.ru/>

20.3. Евразийские институты обеспечения безопасности

Понимание роста внешней военной угрозы и того обстоятельства, что созданная США система безопасности ориентирована исключительно на защиту их интересов, а институты — объективно игнорируют проблемы безопасности других стран, — превратилось в мощный импульс для военно-политической интеграции Евразии, которая, однако, пока что находится только в зародыше. Есть основания полагать, что по мере усиления политики США и их союзников по дестабилизации режимов в странах Евразии и попыток взять их под свой контроль, будет происходить и активизация военно-силовой политики по отношению к этим странам. И не только на Большом Ближнем Востоке и в Центральной Азии, но и в других регионах континента, включая Европу, особенно бывшую территорию СССР.

В этой связи обращает на себе внимание этапность военного вмешательства США, которая отчетливо проявилась на Украине в 2013–2014 годах. Как видно на рисунке из Учебного пособия сил специального назначения США (рис. 20.3), эта этапность соблюдалась очень точно вплоть до 6-й фазы — ввода регулярных войск США и НАТО на Украину¹¹.

В то же время в Евразии существуют «неевропейские» организации и институты обеспечения безопасности, которые (по мере усиления центра силы в АТР) играют все более важную роль. Это военно-политические блоки и институты обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такими важнейшими военно-политическими блоками и институтами обеспечения безопасности являются: ОДКБ, Шанхайская организация со-

¹¹ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 19.

Рис. 20.3

трудничества, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организация Исламская конференция, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), а также различные коллективные органы безопасности и двухсторонние военно-политические союзы с участием США, Китая, Ирана, Японии, Республики Корея и Индии.

Страны, входящие в ту или иную организацию или участвующие в ее работе, ставят перед собой, прежде всего, задачу повысить уровень своей защищенности от проявлений всех видов экстремизма. Однако становится все более очевидным, что обеспечение региональной безопасности и стабильности возможно лишь при условии, что контртеррористическая де-

тельность будет сочетаться с работой по искоренению социально-экономических корней экстремизма и терроризма.

Основой для объединения различных стран в Лигу арабских государств (ЛАГ) является их национально-этническая и конфессиональная общность. С этих позиций осуществляется деятельность этой организации по обеспечению безопасности на Ближнем Востоке, которая касается, прежде всего, политических и экономических аспектов.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) также призван обеспечить безопасность государств — членов организации на Аравийском полуострове. Изначально возникнув, как региональная политическая и экономическая организация, ССАГПЗ все больше смещает приоритеты своей деятельности в сферу военно-политической интеграции участников организации. При этом значительное внимание Совета уделяется сотрудничеству с НАТО.

Организация Исламская конференция (ОИК) имеет целью укрепить исламскую солидарность, обеспечить развитие разносторонних связей между исламскими государствами, а также поддержание мира и международной безопасности.

Страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) стремятся проводить внешнюю политику региональной безопасности, которая не слишком бы связывала их с тем или иным центром силы в Азии. С учетом данного фактора большинство из этих стран поддерживают выгодные для себя политические и экономические связи с США, Японией, Китаем и Россией.

Государствами-участниками АСЕАН признается, что наиболее эффективным способом обеспечения стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не противоречащим политическим и экономическим интересам различных стран, является создание международных многосторонних диалоговых механизмов. В этой связи членами АСЕАН предпринимаются определенные шаги по формированию основ таких коллективных органов безопасности.

Большое значение для обеспечения региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет многостороннее сотрудничество в форматах «АСЕАН плюс один» (АСЕАН плюс Россия), «АСЕАН плюс три» (АСЕАН плюс Япония, Китай и Республика Корея), а также Восточно-Азиатского сообщества (АСЕАН+3, Индия, Австралия, Новая Зеландия). Его эффективность обусловлена высокой степенью взаимопонимания между соседними азиатскими государствами и исторически сложившимися между ними связями.

Определенное место в обеспечении региональной безопасности в Южной Азии также принадлежит Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК).

Для большинства ведущих военно-политических союзов, коллективных органов и институтов обеспечения безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Шанхайская организация сотрудничества, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Организация Исламская конференция, АСЕАН, Форум АТЭС, СААРК) характерно усиление значения экономической составляющей.

Это соответствует общей тенденции формирования в этих регионах мира экономических сообществ государств, безопасность которых будет обеспечиваться не только военными средствами, но и заинтересованностью каждой страны в благополучии своих экономических партнеров и стабильной экономической ситуации.

Значительное место в обеспечении евразийской безопасности занимает участие России в военно-политических блоках и международных региональных политических организациях. Сотрудничество России с НАТО происходит в рамках нескольких организаций и программ. При этом главным инструментом здесь до кризиса на Украине выступал Совет Россия — НАТО (СРН). В Римской декларации (2002г.) были определены девять приоритетов сотрудничества сторон.

Первый — борьба против терроризма. Основа для сотрудничества в этой области является План действий СРН по терроризму.

Второй — урегулирование кризисов. В рамках этого приоритета ключевую роль играет императив оперативной совместимости. В июне 2005 года на встрече министров обороны стран СРН приняты «Военно-политические руководящие указания по укреплению оперативной совместимости между силами России и государств НАТО». Их цель — обеспечить способность к эффективным совместным действиям на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Третий — борьба с распространением ОМУ.

Четвертый — контроль над вооружениями и меры по укреплению доверия.

Пятый — ПРО на ТВД. В этой области уже проведено несколько совместных учений; действует специальная рабочая группа СРН.

Шестой — поиск и спасение на море.

Седьмой — сотрудничество в сфере военных реформ. С 2002 года развивается совместный проект в области переподготовки и трудоустройства российских военнослужащих увольняющихся с военной службы.

Восьмой — совместные действия в случае гражданских чрезвычайных ситуаций.

Девятый приоритет — научно-техническое сотрудничество и сотрудничество в управлении воздушным движением¹².

Россия активно выступает за реформирование ОБСЕ в направлении придания этой организации статуса более эффективного механизма обеспечения безопасности в Европе. Сотрудничество России с этой организацией заключается, прежде всего, в участии российских делегаций в работе и обеспечении иммунитета миссий и наблюдателей ОБСЕ.

¹² См., например, Гордиенко Д. Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>

Россия является главным инициатором и последовательным сторонником реализации процесса укрепления ОДКБ. Создание Российско-Белорусской и Российско-Армянской группировок войск (сил), Коллективных сил быстрого развертывания в регионах коллективной безопасности является важным фактором обеспечения стабильности в Европейском, Кавказском и Центрально-Азиатском регионах.

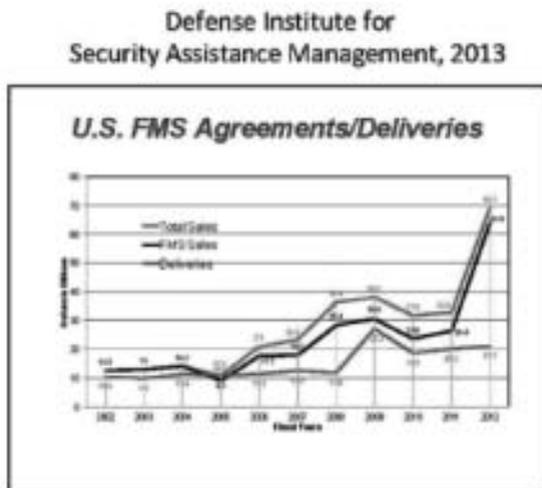
Необходимость формирования новой системы безопасности Евразии обуславливается рядом факторов, главными из которых являются:

- обострение военно-политической обстановки в ряде регионов Европы и Азии, сопровождающееся вооруженными конфликтами различной степени интенсивности, которые в свою очередь продемонстрировали ущербность существующей системы евразийской безопасности;
- стремление США затвердить свое глобальное доминирование в политике и экономике, возродить фантомы Советского Союза и «железного занавеса», играть роль мегарегулятора мировой экономики;
- усиление геополитического соперничества на постсоветском пространстве и окончательное превращение его из «ближнего зарубежья» РФ в арену международной конкуренции в политике и экономике.

Политические и экономические кризисы последнего времени свидетельствуют, что существующий миропорядок обуславливает необходимость его серьезной модернизации. Становится все более и более очевидно, в том числе и на Западе, что нарастает противоречие между глобальным характером современных вызовов и угроз (международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, распространение ОМУ и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, нелегальная миграция, изменение климата и др.), которые требуют ответа солидарными усилиями всего мирового сообщества, и существованием однополярной

(а другими словами, неоимперской) международной системы, предполагающей одностороннее реагирование по всему широкому спектру международных проблем.

В последние два десятилетия мы наблюдаем, как минимум, два опасных процесса в Евразии. Во-первых, страны региона стремительно наращивают свои военные расходы, а их темпы роста значительно опережают мировые. Во-вторых, в начале века не только стремительно росли расходы на оборону США (вплоть до 2013 г.), но и экспорт оружия, военной техники и разного рода услуг. Эту тенденцию можно наблюдать на следующей диаграмме¹³.

Очевидное нарастание конфликтности и готовности ведущих мировых держав использовать военную силу в Евразии сопровождалось последнее десятилетие стремительным ростом военных потенциалов. Это было видно из фактически удвоения

¹³ America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-ofsovereignty.pdf. С. 2.

военных расходов за 10 лет, которое произошло практически во всех странах АТР, но, прежде всего, в США, чья доля в мировых расходах на военные цели превысила 40%. Значительная часть этих средств шла на развитие возможностей использования военной силы в Евразии. Так, из запрошенных Б. Обамой на 2013 год финансовых средств (более 650 млрд долл.) почти 80 млрд специально выделялось на обеспечение действий в Афганистане.

Такие процессы милитаризации экономики неизбежно ведут к нарастанию противостояния между локальными цивилизациями сами по себе, независимо даже от политических установок. Но, взятая вместе с ними, эта тенденция означает нарастание вероятности реализации сценария военного противостояния, более того, делает его реализацию уже в среднесрочной перспективе неизбежным.

Противодействие такому развитию сценариев противостояния в виде осознанного стимулирования развития сценария создания широкой военно-политической коалиции в Евразии — единственная, пожалуй, эффективная стратегия для России и ее потенциальных союзников. Эта стратегия должна быть, прежде всего, публично политически и популярно озвучена и стать реальной общественно-политической альтернативой сценарию военно-политической интеграции западной локальной цивилизации.

20.4. Воздушно-космическая оборона как эффективный практический инструмент евразийской интеграции

Превращение средств воздушно-космического нападения в глобальное средство ведения войны придало средствам ПВО и ПРО качество главного гаранта суверенитета государств, их способности защитить свои национальные интересы, систему

ценностей своей цивилизации и своих союзников. Хронологически этот процесс состоялся в конце XX века: бомбардировки Югославии, Ирака, (в XXI веке) — Афганистана, Ливии и Сирии показали, что только страна, обладающая средствами воздушно-космического нападения (ВКН) и защиты (ВКО), может называться вполне суверенным и независимым государством в военном и политическом отношении.

Учитывая, что эти современные виды и системы ВиВТ производятся в ограниченном числе государств (кроме США и России, способных создавать все виды и системы, некоторыми возможностями могут обладать Франция, Великобритания, Китай, Израиль, Индия и ряд других государств), обеспечение безопасности в области ВКО становится жестко политически ориентировано. Так, отказ России от поставок Ирану С-300 заставил их создать и производить собственную аналогичную систему, но это, безусловно, не означает, что Иран смог обеспечить свою воздушно-космическую безопасность. Для того чтобы лучше представить себе масштаб задач, стоящих перед ВКО страны, можно обратиться к приводимым ниже материалам Концерна ПВО «Алмаз-Антей» (рис. 20.4–20.8). Они показывают разработку, создание, развертывание и эксплуатацию основных подсистем ВКО, включая чрезвычайно сложную подсистему единого информационного пространства ВКО¹⁴.

Таким образом, в XXI веке наиболее актуальной угрозой в Евразии стала угроза воздушно-космического нападения, возможные сценарии которой были уже апробированы США в Ираке и Ливии. Наземные операции в Афганистане, Ираке, других странах, показали свою неэффективность, даже вредность. Понятно, что единственным реальным средством противодействия воздушно-космическому нападению становятся средства ВКО. Они же, будучи оформлены в адекватную

¹⁴ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 9–19.

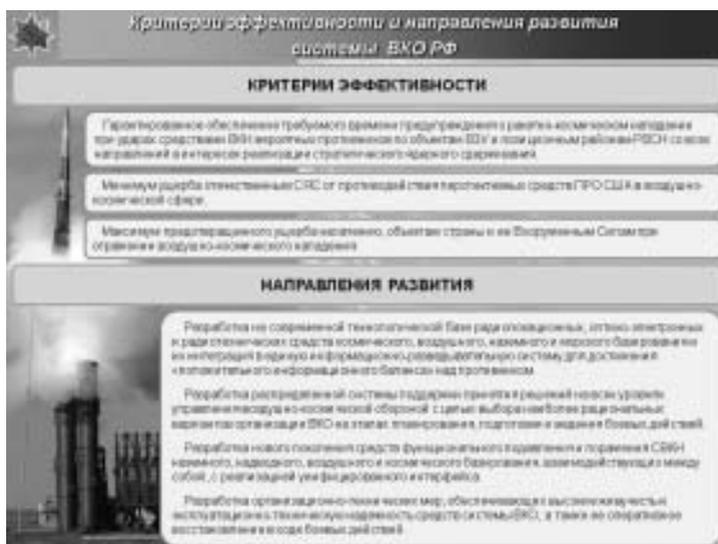

Рис. 20.4

Рис. 20.5

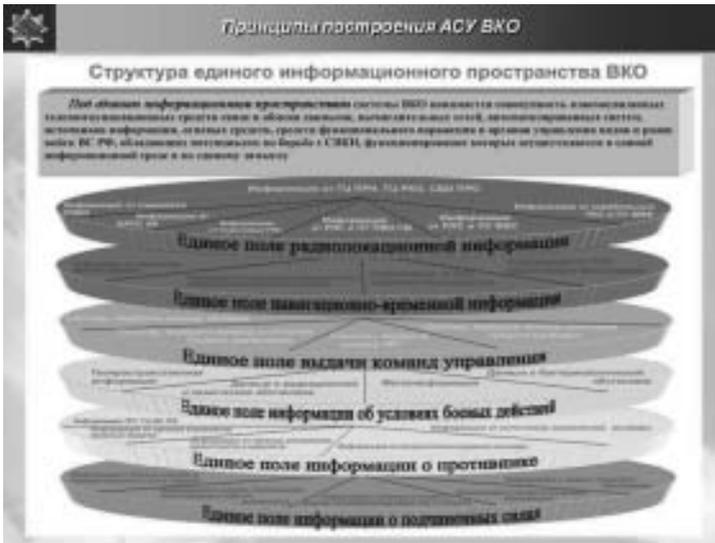

Рис. 20.6

Рис. 20.7

Рис. 20.8

военную доктрину, могут стать и главным инструментом военно-политической интеграции в Евразии, т. е. помочь реализовать сценарий военно-политической интеграции в регионе. Это может быть тот редкий случай, когда чисто военно-технические решения становились бы влиятельными средствами политики.

В этой связи необходимо рассмотреть аргументы в пользу этой идеи. Они — следующие. Во-первых, ни одна из стран любого союза, включая СНГ, в силу финансовых, научно-технических, технологических и иных проблем, не способна обеспечить создание ВКО своей национальной территории самостоятельно, без сотрудничества с Россией и другими государствами СНГ и Евразии. Вместе с тем, уровень такого сотрудничества определяется, прежде всего, уровнем военно-политического и научного сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в конкурентной борьбе на международной арене.

Простой пример. За последнее десятилетие XXI века военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность до 80 млрд долл., что составляет половину мировых расходов¹⁵. Соответственно противопоставить аналогичные научно-технические программы, будет стоить, как минимум, столько же. Другие союзники США — Япония, Великобритания, Франция, Германия — тратят на военные цели примерно столько же, сколько Россия, а Канада, Саудовская Аравия, Южная Корея — несколько меньше. В целом же военные расходы США и их союзников примерно в 20 раз превышают российские, что делает военное соревнование по всем направлениям военного строительства бессмысленным.

России неизбежно придется выбирать и концентрироваться на одном-двух направлениях. Вероятнее всего, на ВКО и СЯС, которые во все большей степени превращаются в единый стратегический комплекс. Вместе с тем евразийская кооперация может позволить странам не только создать национальные системы ПВО и ПРО, но и объединенную систему ВКО Евразии. Другими словами, потенциально у Евразии есть организационная и промышленная структура, способная при определенных условиях решить задачу евразийской ВКО.

Во-вторых, последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, активно использовавшаяся США и их союзниками против Югославии, Ирака, Ливии и других стран, представляет собой, прежде всего, способность к нанесению высокоточных ударов авиацией и крылатыми ракетами (КР), а ее нейтрализация зависит от развитой системы ВКО. В последние годы этот потенциал пополняется новыми типами ВТО, чья скорость и дальность существенно увеличены. Эти новые типы и системы оружия, разрабатываемые в рамках концепции «Быстрого глобального удара»,

¹⁵ Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>

например, гиперзвуковые аппараты и КРМБ, позволяют наносить неядерные высокоточные удары по любой точке планеты в течение часа¹⁶.

Важно отметить, что эти программы развиваются достаточно быстрыми темпами. Аргументы о том, что эти системы направлены против Ирана, не выдерживают критики. По признанию представителей Пентагона, ракетные потенциалы Тегерана надежно нейтрализованы 24 батареями системы ПВО/ПРО «Пэтриот», размещенными в шести государствах Персидского залива (это от 96 до 384 ракет в зависимости от их типа); базой РЛС в Турции, а также корабельными ракетами-перехватчиками ВМС США «Иджис» (боекомплект до 300 ракет, поскольку в Аравийском море постоянно находятся несколько таких кораблей). К этому следует добавить достаточно эффективную систему ПРО Израиля. «Возражай, не возражай против такой мощной противоракетной инфраструктуры — она все равно уже развернута», — считает В. Козин¹⁷.

Можно также упомянуть две батареи противоракетной системы ТНААД (в общей сложности 96 ракет-перехватчиков с двумя РЛС), которые США решили в конце декабря 2011 года поставить ОАЭ на сумму 3,48 млрд долл. В 2011 году Вашингтон дал добро на продажу Кувейту 209 ракет «Пэтриот» повышенной точности GEM-T-104E, а также на замену ракет «Пэтриот» РАС-2 на РАС-3 в Саудовской Аравии. О потенциальных возможностях Пентагона по сдерживанию «иранской ракетной угрозы» говорит также тот факт, что в период войны против Ирака в 2003 году Соединенные Штаты сконцентрировали в зоне конфликта в общей сложности 1015 ракет-перехватчиков ЗРК «Пэтриот» РАС-2 и 54 ракеты РАС-3.¹⁸

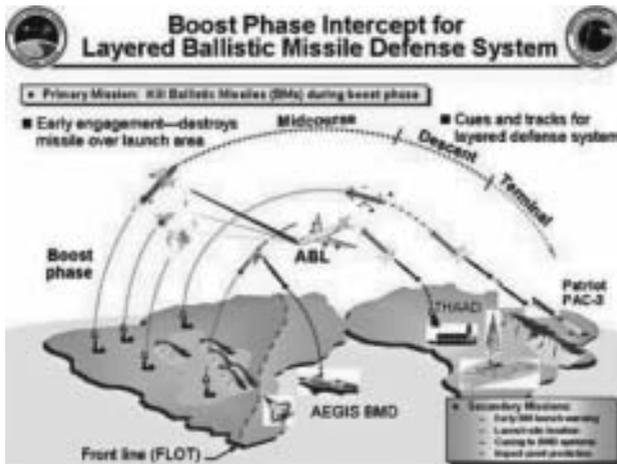
¹⁶ Пентагон испытал гиперзвуковую бомбу ANW. 2011. 18 ноября / <http://www.infox.ru>

¹⁷ Козин В. П. ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января. С. 3.

¹⁸ Там же.

Особенно дестабилизирующими станут новые типы противоракет SM-3 IIB, которые будут предназначены для перехвата баллистических ракет. Как показали слушания в Конгрессе США в феврале 2013 года, эти ракеты «будут обладать значительно большими возможностями, чем предыдущие типы SM-3»¹⁹. Обращает на себя внимание и то, что в ходе доклада отмечается, что наиболее эффективной дислокацией этих ракет признается размещение на судах ВМС США в Северном море, что абсолютно дезавуирует идею «иранской угрозы» с юга.

Собственно в создании интегрированного — наступательного и оборонительного потенциала в Евразии и по периметру ее границ — аккумулируются сегодня основные усилия США. Причем этот потенциал переходит в плоскость возможности его практического использования. Осенние учения 2012 года успешно продемонстрировали возможности США по отражению ракетной угрозы, состоящей одновременно из пяти целей и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются во второй раунд создания глобальной системы

¹⁹ Standard Missile-3 Block IIB Analysis of Alternatives / GAO report, February 11, 2013.

ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться сначала в Европе и Юго-Восточной Азии. Так как система имеет значительную мобильность, то возможности ее использования не ограничиваются только этими регионами, и она может быть развернута практически в любой точке мира. Практически это означает, что по периметру Евразии формируется глобальная система ВКО США.

В ближайшие 3–5 лет у США и их союзников может появиться военно-техническая возможность использования военной силы в Евразии в любой точке по своему усмотрению в любое время и против любого противника. Иран, КНДР или Афганистан, конечно, не являются главными целями такой политики. Уже имеющихся у США в настоящее время средств, вполне достаточно, чтобы решить эти задачи. Главной целью являются Россия и Китай, точнее, их возможность контролировать ситуацию в Евразии и АТР.

Единственным практическим средством нейтрализации угрозы воздушно-космического нападения становится создание объединенной системы ВКО евразийских государств, если, конечно, исходить из того, что эти страны хотят сохранить свой суверенитет во внутренней и внешней политике.

В-третьих, в последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают единую систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 году может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал первого, «разоружающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать.

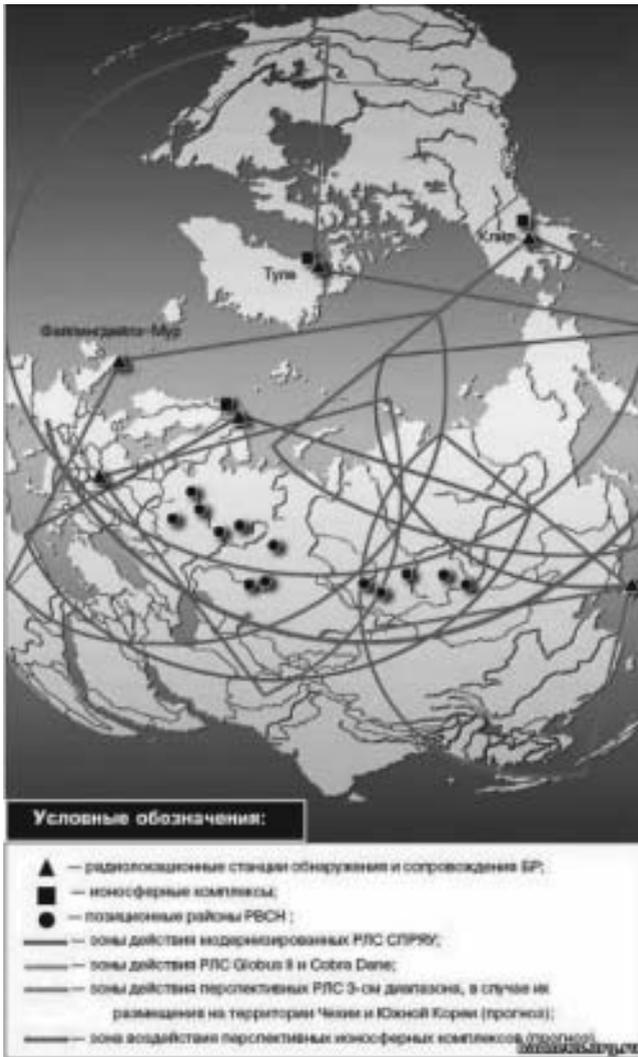
Вместе с тем, ряд экспертов, например, академик А. Арбапов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств

преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны... , чем запланированная к 2020 году система США/НАТО»²⁰. Думается, что эти оценки излишне оптимистичны. Проблема в том, что они не учитывают важнейшей характеристики средств ПРО: буферности системы. Предположим, что оценка верна, и вероятность поражения баллистической цели одной ракетой действительно стала на порядок хуже, то есть 0,09 вместо 0,9. Таким образом, для доведения вероятности поражения до приемлемой величины потребуется на порядок больше ракет. В США прекрасно осознают эту потребность, и количество противоракет уже сегодня превышает количество перехватываемых целей более чем в 3 раза. При сложившемся темпе наращивания численности перехватчиков одновременно с ростом их потенциала декларируемое «превосходство на порядок» будет сведено к нулю через 10–12 лет по самым песимистичным оценкам.

А с учетом слабой вариативности траекторий боевых блоков и повышенного потенциала перехватчиков класса GBV,

²⁰ Арбатов А.Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 20.

В-четвертых, сегодня наблюдается системное и достаточно быстрое, заранее спланированное наступление на стратегическую стабильность. Так, за 2011 год модернизированы:

- система обнаружения и слежения (UEWR) различных видов ракет, которая направлена на околоземное пространство, РЛС раннего предупреждения ракетного пуска;
- три комплекса наземных пусковых установок в Форт Грейли;
- установлено улучшенное программное обеспечение по управлению системы перехватчиков (GMD Fire Control) и новый узел контроля управления системой слежения и выявления целей FGA;
- закончено строительство основных конструкций Missile Field-2.

К началу 2012 года ВКО США состояла из:

- 30 наземных комплексов (GBI) ПРО от Аляски до Калифорнии;
- 23 комплексов морского базирования (BMD), рассчитанных на противодействие ракетам малой и средней дальности и для выполнения операций по наблюдению и слежению за ракетами дальнего радиуса действия (LRS&T);
- 87 комплексов ракет перехватчиков SM-3 и 72 комплекса SM-2 морского базирования;
- двух систем THAAD;
- шести радаров типа AN/TPY-2;
- 903 ракет типа PATRIOT (PAC)-3 новой модификации;
- 56 узлов огневой поддержки типа PAC-3²¹.

В-пятых, рост конфликтности в Евразии — очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Все это говорит о том, что проблема создания эффектив-

²¹ Цит. по: Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

ной ВКО — это отнюдь не только российская, а евразийская проблема, в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету все государства континента. Но и для России, следует подчеркнуть, необходимо решительнее выходить за рамки идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализованной только ресурсами нашего государства. Тем более, такая система ВКО не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную».

Как справедливо заметил академик А. Торкунов: «При рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»²².

В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных отношениях военная сила остается (порой, решающим) инструментом внешней политики, несмотря на рост влияния «мягкой силы» и экономических средств воздействия, несмотря на все процессы глобализации и «гуманизации». При этом важно понимать, что военная сила по-прежнему, как и в XX веке, реализуется в двух формах — политико-психологической (давление, шантаж) и прямой, военной. Для того чтобы политико-психологическая (в т. ч. «эмоциональная») форма была эффективна, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной. Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities»).

²² Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО. 2012. № 5(26). С. 46.

20.5. Сценарий возможной евразийской военно-политической интеграции во главе с «российским ядром»

На возможный сценарий долгосрочного военного планирования России должны влиять две группы факторов: формирование ВПО в мире с учетом вероятности складывания враждебной военно-политической коалиции, во-первых, и развитие военных программ государств, объединенных в такую враждебную Россию коалицию, в Евразии, во-вторых. И первая, и вторая группа факторов не просто возможны, их вероятность очень высока, если не неизбежна. Вся политика США и их союзников второго десятилетия XXI века свидетельствует о том, что на Западе сознательно формируют военно-политическую коалицию как главное условие будущего развития различных сценариев МО и ВПО.

Не менее актуальна и вторая группа факторов — продолжение ставки США на военно-техническое превосходство, которое неоднократно подтверждалось в последние годы в т. ч. и Б. Обамой. Это стремление сопровождается консолидацией экономических и финансовых усилий под эгидой США, которая стала особенно заметна во втором десятилетии XXI века. В результате, несмотря на некоторое абсолютное сокращение военных расходов США в 2012–2014 годах, общая тенденция роста военных расходов Запада сохраняется, более того, она уже превысила показатели последних лет «холодной войны». Это наглядно видно на представленной диаграмме (рис. 20.9)²³.

Данную тенденцию можно рассмотреть и на примере динамики развития ВВС в различных регионах мира, которая, так или иначе, отражает специфику отдельных регионов. Так, несмотря на значительное сокращение оборонных расходов многих стран

²³ Trends in world military expenditure. 2012. P. 1. Sam Perlo-Freeman, Elisabeth Skons, Carina Solmirano and Helen Wilandh /Sipri Fact Sheet / <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf>

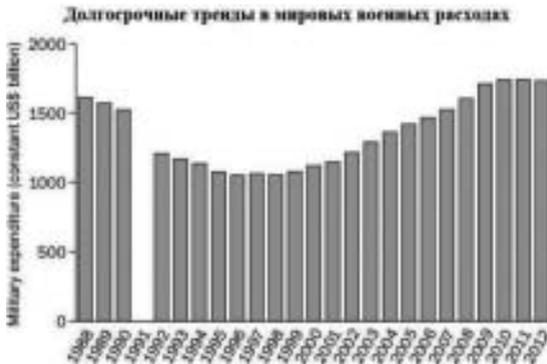

Рис. 20.9

мира, из состава всех национальных ВВС было выведено относительно небольшое количество авиатехники — всего около 75 единиц. По данным справочника World Air Forces 2014 компании «FlightGlobal», всего на данный момент в строю находится более 63 тысяч машин различного назначения. Из них 50,7 тысячи составляют боевые и специальные самолеты, заправщики и транспортники, боевые вертолеты и учебно-тренировочные самолеты (УТС). Около 5300 единиц включены в состав оплаченных контрактов и будут переданы в ВВС, в ближайшее время. Ожидается приобретение еще примерно 6800 машин²⁴.

Рост количества авиатехники по сравнению с 2013 годом наблюдался, таким образом, в Северной Америке, АТР, Латинской Америке, России и странах Содружества Независимых Государств. Напротив, сокращение парка произошло в Европе, Африке, странах Ближнего Востока. Например, ВВС Германии вывели из своего состава самолеты F-4 «Фантом» производства «Макдоннелл Дуглас» (McDonnell Douglas). Франция распрощалась с истребителями «Мираж-F1» (Mirage F1), выпускавшимися авиакомпанией «Дассо» (Dassault). Великобритания сократила

²⁴ Военно-воздушные силы стран мира / Рынки вооружений. ИТАР ТАСС. 2014. Май. С. 3.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

ВВС стран Северной Америки

Боевые самолеты, всего	2804
Специальные самолеты	897
Самолеты-заправщики	601
ВТС	1162
Боевые вертолеты	5810
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	2881
Изменения в количестве	+2%

ВВС стран Европы

Боевые самолеты	2320
Специальные самолеты	237
Самолеты-заправщики	51
ВТС	690
Боевые вертолеты	3432
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	2016
Изменения в количестве	-3%

ВВС стран Ближнего Востока

Боевые самолеты	1250
Специальные самолеты	77
Самолеты-заправщики	37
ВТС	281
Боевые вертолеты	1247
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	904
Изменения в количестве	-7%

ВВС стран Ближнего Востока

Боевые самолеты	1250
Специальные самолеты	77
Самолеты-заправщики	37
ВТС	281
Боевые вертолеты	1247
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	904
Изменения в количестве	-7%

ВВС стран Латинской Америки

Боевые самолеты	629
Специальные самолеты	145
Самолеты-заправщики	9
ВТС	480
Боевые вертолеты	1210
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	721
Изменения в количестве	+3%

ВВС стран Африки

Боевые самолеты	1002
Специальные самолеты	46
Самолеты-заправщики	7
ВТС	393
Боевые вертолеты	1335
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	936
Изменения в количестве	-2%

ВВС России и стран СНГ

Боевые самолеты	1852
Специальные самолеты	80
Самолеты-заправщики	23
ВТС	357
Боевые вертолеты	1216
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	368
Изменения в количестве	+1%

ВВС стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Боевые самолеты	4931
Специальные самолеты	425
Самолеты-заправщики	35
ВТС	894
Боевые вертолеты	4576
Учебно-тренировочная авиация (УТА)	2435
Изменения в количестве	+5%

Источник: World Air Forces 2014, FlightGlobal

парк ВТС за счет C-130K компании «Локхид Мартин» (Lockheed Martin) и VC10 производства «Виккерс» (Vickers)²⁵.

²⁵ Военно-воздушные силы стран мира / Рынки вооружений. ИТАР ТАСС. 2014. Май. С. 3.

Поэтому, когда мы рассуждаем об изменении соотношения военных сил и неприемлемом ущербе использования военной силы, необходимо иметь в виду, что стремление ведущих государств обеспечить себе силовые позиции неизбежно должны быть обеспечены материальными возможностями — соответствующими вооружениями, военной техникой, вооруженными силами и концепциями их использования. Сегодня речь идет, прежде всего, о высокотехнологических и высокоточных системах наступательных и оборонительных вооружений, которые (вкуче с информационными и коммуникационными) средствами составляют единый наступательно-оборонительный комплекс. Эти средства, как видно из рисунка, стремительно развивались в последние 20 лет, что отражает тенденцию создания все более совершенных средств ведения войны. Прежде всего — в области ВТО, ВКО и систем боевого управления ими.

Ложные рассуждения о «недопустимости войны», ее «невозможности», «аморальности» и «бесчеловечности» не имеют ничего общего с реальной политикой. Политические декларации имеют некоторый смысл лишь до определенной степени. В действительности мы наблюдаем стремительное и бесконтрольное развитие ВВТ по всем направлениям, которые достаточно четко определяются военно-политическим руководством

ведущих государств. Что видно из простого подсчета появления новых систем оружия, проведенного экспертами²⁶.

Главной целью в Евразии в среднесрочной перспективе становятся Казахстан, Киргизия и Таджикистан, против которых ведется системная и последовательная политика, направленная на дестабилизацию. Центром военной активности США в Средней Азии, помимо Киргизии, стал Таджикистан, отмечается в пресс-релизе армии США. В Таджикистане Центральное командование ежегодно проводит от 50 до 60 программ и мероприятий в сфере безопасности (в 2011 г. — более 70). В частности, закончено строительство Национального центра боевой подготовки, создаются системы межведомственной связи для правительства Таджикистана, построен мост через реку Пяндж с пограничным и таможенным постами на таджикско-афганской границе — комплекс, который «способствует увеличению коммерческого обмена, укрепляющего связи Таджикистана с его южным соседом».

Проникновение США в Евразию идет по всем направлениям. Так, институт иностранных языков Министерства обороны США провел два 16-недельных курса английского языка для таджиков, закончена реконструкция Академии МВД Таджикистана, оказывается содействие в обучении кадров. Построены пограничные заставы в Шурабаде и Яхчи-пуне, на открытие которых в июне 2011 г. приезжал сам Браунфилд — там даже установлены «полы с обогревом»²⁷. Военный партнер Таджикистана — Национальная гвардия штата Вирджиния — также расширяет военное сотрудничество: проведение боевой подготовки и обмен информацией в 2011 г. дополнены фор-

²⁶ Вооруженные силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития /под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 27.

²⁷ Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>.

мированием «миротворческого подразделения», подготовкой «ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» и военно-гражданской медицинской готовности — отмечает российский эксперт Г. Бородин²⁸.

Отчасти именно эти тенденции ведут к росту «привлекательности» ядерного оружия, которое стремительно распространяется по Евразии. Думается, что полагаться в очередной раз на «асимметричный ответ», развивая СЯС России, уже нельзя. Реальность такова, как она описывается серьезными исследователями в области ядерной стратегии. Как отмечают эксперты, в 1998 году из 6 тыс. ЯБЗ российских СЯС гарантированно достигли бы США не более 600 (т. е. 10%). Но на самом деле ситуация выглядит еще сложнее. Как отмечают эксперты, «Выполнение планов ядерной войны обеспечивается поддержанием

²⁸ НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИС-СИН, 2012. С. 157.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

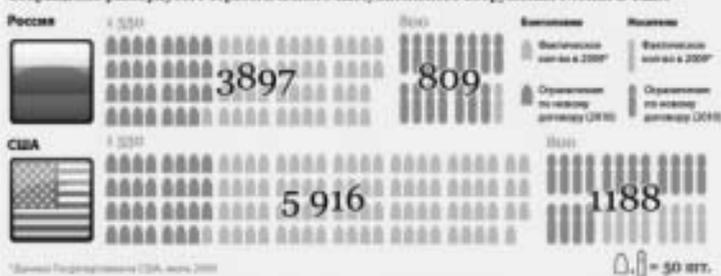
в ВС США боезапаса около 5000 ядерных боезарядов (ЯБЗ), а во Франции, Великобритании и Китае ядерного боезапаса по 200–300 ЯБЗ у каждой страны.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ РОССИИ И США			
	РОССИЯ (США)	РОССИЯ (США)	США
	1357 боезарядов	612 боезарядов	856 ядерных боезарядов
<p>РГСССР СРСР 2825 Ядерных боезарядов</p>	<p>68 Инерционные боезаряды Боевые ракеты с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p> <p>72 Инерционные боезаряды Боевые ракеты с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p> <p>180 Боезаряды с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p> <p>50 Боезаряды Точность 10 км (РС-20)</p> <p>15 Мобильные боезаряды Точность 10 км (РС-20)</p>	<p>13 Инерционные боезаряды Боевые ракеты с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p> <p>70 тыс. 292 боезарядов Точность 10 км (РС-20)</p> <p>4 Боезаряды с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p> <p>4 Боезаряды с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p>	<p>14 Инерционные боезаряды Точность 10 км (РС-20)</p> <p>63 Инерционные боезаряды Точность 10 км (РС-20)</p> <p>4 Инерционные боезаряды Точность 10 км (РС-20)</p>
<p>США 5900 Боезарядов</p>	<p>50 Инерционные боезаряды Боевые ракеты с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p>	<p>18 Инерционные боезаряды Боевые ракеты с дальностью полета 10-15 тыс. км (РС-20)</p> <p>144 Боезаряды Точность 10 км (РС-20)</p> <p>288 Боезаряды Точность 10 км (РС-20)</p>	<p>Точность боезарядов:</p> <p>81^м</p> <p>20^м</p> <p>142^м</p>

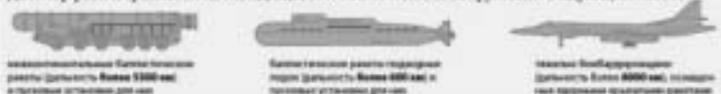
Договор по СНВ: третий заход

Новый договор предусматривает значительное сокращение стратегического ядерного оружия

Сокращение развернутого стратегического наступательного вооружения России и США

Договор распространяется на находящиеся в боеготовности вооружения следующих типов:

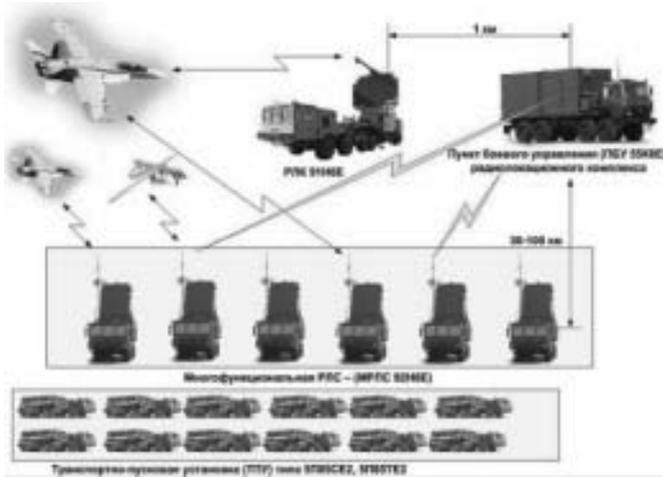
Не случайно, США категорически отказываются вести переговоры об ограничении неядерных стратегических вооружений. Так, «при обсуждении п. 2 ст. V ДСНВ американская сторона заявила, что новые виды неядерных вооружений, обладающие стратегической дальностью, не будут ею рассматриваться в качестве «новых видов СНВ», подлежащих ограничениям нового договора. Тем самым она дала понять, что программы, развиваемые в рамках концепции БГУ, не будут ограничиваться новым Договором.

К настоящему времени США находятся на этапе НИОКР по программам БГУ, решения о том, какие именно системы будут развернуты, пока окончательно не принято. Вместе с тем, можно предположить, что новый Договор СНВ не будет создавать каких-либо препятствий для развития или ограничений на развертывание в отношении следующих перспективных типов стратегических неядерных вооружений:

- тяжелых бомбардировщиков (ТБ), переоборудованных в носители неядерных вооружений, включая неядерные баллистические ракеты «воздух — земля» (БРВЗ) и неядерные КРВБ большой дальности. В частности, Договор не будет запрещать развертывание неядерных КРВБ большой дальности на ТБ В-1В;
- новых ТБ, оснащенных для неядерных вооружений, включая неядерные БРВЗ и неядерные КРВБ большой дальности;
- боевых самолетов, не являющихся ТБ (дальность менее 8000 км), но вооруженных неядерными КРВБ большой дальности;
- крылатых ракет наземного и морского базирования с дальностью более 5500 км в неядерном оснащении³⁰.

Понятно, что в России анализируют ситуацию и предпринимают действия по ее нейтрализации. В том числе в области

³⁰ Мясников Е. О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом Договоре СНВ. 2010. 16 июля /<http://www.armscontrol.ru>

ВКО. Конкретно речь идет о программе воздушно-космической обороны (ВКО), являющейся приоритетом Государственной программы вооружения до 2020 года (ГПВ-2020). Но вопрос заключается в том, насколько быстро и эффективно эта программа может быть реализована.

Другая проблема — создание объединенной ВКО ОДКБ или СНГ. В 2011 году на базе Космических войск был сформирован новый род войск — войска ВКО. В ГПВ-2020 на программу выделено порядка 20% всех средств — около четырех триллионов рублей (примерно 130 млрд долл.), что в принципе сопоставимо с затратами США на глобальную ПРО. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), планируются массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» и С-500, модернизация Московской системы ПРО (А-135), а также главное — создание интегрированной информационно-управляющей системы ВКО³¹. Предусматривается, что система

³¹ Арбатов А.Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 21.

управления создается в рамках ряда ОКР, система уничтожения МБР, КР и ВТО — С-500.

Вместе с тем остаются без ответа два главных вопроса: создание единого командования и системы управления всеми силами и средствами ВКО России, а в перспективе — ОДКБ и других государств, а также создание системы, способной уничтожать ВТО, неядерные стратегические вооружения, МБР, БРПЛ стратегических сил возможных агрессоров. Решение этих задач представляется неизбежным и будет необходимым еще до 2020 года. На доктринальном, политическом и военно-техническом уровне эти задачи должны решаться уже сегодня, ибо от того, как они будут решены, зависит реализация всей идеи ВКО и обеспечение безопасности Евразии.

Глава XXI.
Военное сдерживание как
сценарий развития ВПО
в XXI веке

Попытки воздействовать на кризисные ситуации путем односторонних мер, выходящих за рамки решений Совета Безопасности, противоречат нормам и принципам международного права¹.

*С. Лавров,
министр иностранных дел России*

Констатация С. В. Лавровым попыток Запада действовать с помощью односторонних мер, нарушающих нормы международного права, требует своего логического продолжения, а именно: если международное право перестало регулировать в каких-то аспектах международные отношения, то такое регулирование неизбежно переходит в разряд ответной реакции — групповой или односторонней — государств. Применительно к прогнозу развития сценариев ВКО это означает, что:

- нарушение норм международного права вероятнее всего будет наблюдаться все чаще, как и односторонние действия, игнорирующие границы, которые регулировались прежде (с разной степенью эффективности) Советом Безопасности ООН и другими международными органами и организациями;
- из первого тезиса неизбежно логически следует, что односторонние действия предполагают расширение их спектра как с точки зрения их силового содержания, так и вооруженного насилия. Когда государство предпочитает силовые

¹ Лавров С. В. Интервью / El Pais. 2014. 19 Sept / www.ig.ru/art/1021447

инструменты экономическим, информационным, финансовым и т. д. это неизбежно влечет за собой постепенное использование военной силы и вооруженного насилия. Как минимум, для того, чтобы такие силовые методы получили политическую поддержку;

- значительно расширяется спектр собственно вооруженных средств (вооружений и военной техники) и способов применения насилия — от глобального использования ВС до подготовки полувоенных вооруженных формирований. Так, особенно опасны разработки воздушно-космических средств нападения потому, что они стремительно приобретают глобальный характер, охватывая все высоты и любые дальности. По оценке Генерального конструктора Концерна ПВО «Алмаз-Антей» А. Созинова, к 2025–2030 годам ситуация в этой области будет выглядеть, как показано на рисунке (рис. 21.1)².

Существует и другая точка зрения, благополучно пережившая все события, которые казалось бы, должны были ее полностью дезавуировать. Ее в очередной раз озвучил В. Иноземцев следующим образом: «Мир XXI века — совершенно новый мир. Действуют законы, не похожие на те, которым политики следовали в XIX и XX столетиях. Это мир, в котором военная сила уже не позволяет эффективно контролировать страны и народы (что доказано во Вьетнаме и Афганистане, Сомали и Ираке, а сейчас на Украине).

Это мир, в котором природные ресурсы куда проще купить (практически по любой цене), чем захватить территории, где они добываются. Это мир, в котором транзит по суше оказывается намного менее эффективным, чем перемещение товаров по морю или воздуху. В общем, это мир, в котором большие пространства прекращают быть ценностью и становятся (в случае

² Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 1.

Наконец, еще сомнительнее, опаснее и вреднее тезис о том, что «большие пространства прекращают быть ценностью». Никто пока что из развитых стран не отказывался добровольно от своих территорий. Наоборот XXI век стал временем обострения территориальных споров.

Ядерное сдерживание обеспечило отсутствие большой войны между локальными цивилизациями всю вторую половину XX века и начало XXI века. Его отсутствие не могло предотвратить ни Первой, ни Второй мировых войн. Но существование ядерного сдерживания в XXI веке ставится под сомнение настойчивыми усилиями США по созданию потенциала его нейтрализации.

США во втором десятилетии XXI века встали перед проблемой возможной потери своего военно-технологического лидерства. Причем не только в ядерной, но и других военных областях. Впервые после Второй Мировой войны эта угроза стала рассматриваться в США как глобальная, самая приоритетная угроза безопасности. Если военно-техническое соревнование с СССР рассматривалось как, в конечном счете, частное соревнование в ракетно-ядерной области (даже еще ограниченнее — в области СНВ), то в XXI веке США предстоит соревноваться со всеми новыми центрами силы в мире во всех технологических областях. И это в Вашингтоне отчетливо понимают, говоря о четырех наиболее опасных последствиях изменений в мире в контексте «последствий для обороны до 2030 года»⁴:

- возможной потере США технологического лидерства;
- угрозе, вытекающей из переноса обрабатывающей промышленности за пределы США;
- возможному приобретению противниками способности уничтожения не только военной, но и гражданской инфраструктуры;
- угрозе качеству личного состава ВС.

⁴ Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 / Report of the Defense Science Board. Wash. DC 20301–3140, 2013. Oct. P. VI.

Возможная потеря технологического лидерства США и необходимость избавления от ядерного сдерживания требует особого внимания как к сохранению и даже увеличению военно-технического превосходства, так и поиску новых средств и способов его компенсировать. Налицо разработка целых новых направлений, смысл которых заключается в девальвации и ликвидации ядерного сдерживания. Как минимум, можно выделить следующие основные пути в развитии политики и военных технологий, направленных на поиск средств, способных обеспечить технологическое превосходство и заменить ОМУ:

- создание целой серии сценариев «внутренних» военных конфликтов, которые формально не могут относиться к внешним войнам или вооруженным конфликтам:
 - «гражданское» вооруженное противостояние и силовое противоборство с властью;
 - партизанская война;
 - «национально-освободительное» вооруженное сопротивление и т. д.;
- если говорить о средствах, то речь идет о разработке широкого спектра ВиВТ применения обычного оружия в локальных войнах и конфликтах, причем на разных, как правило, низких уровнях конфликтов, не предполагающих ответа в масштабе всех ВС и ОМУ;
- наконец, речь также идет о разработке стратегических наступательных и оборонительных неядерных вооружений, которые могут использоваться как на различных ТВД, так и на глобальном уровне.

Взяты вместе, эти три направления в военной политике США полностью меняют представления о войне и границах применения вооруженного насилия, которые условно можно представить в следующей матрице (табл. 21.1).

Таким образом, характер сдерживания в XXI веке стремительно меняется в пользу реального применения вооруженного насилия в его традиционных и новых формах. Сдерживание

Табл. 21.1. Матрица эволюции конфронтации в военный конфликт и войну XX и XXI веках

Средства и способы насилия	Конфронтация		Военный конфликт, война	
	XX век	XXI век	XX век	XXI век
Политические способы (санкции и давление)	Скрытые и явные угрозы	Реальные враждебные политические, дипломатические и иные действия под прикрытием угрозы	Использование неядерных ВВТ в ограниченных масштабах	Использование все более активно неядерных вооружений
Экономические и финансовые способы (санкции и давление)	Давление на торговлю, экономику и финансовые системы	Разрушение инфраструктуры экономики и финансов	Подорв финансовой системы и экономики, борьба за контроль над ними	Физическое уничтожение экономической, промышленной и финансовой инфраструктуры
Военные способы	— угроза использованная военной силой — ограничение войны	— использование непосредственно ВС союзников — использование ВВС, ВТО	Применение военной силы в ограниченных по масштабам и регионам войнах	Использование самого широкого спектра вооруженных действий и войны

превратилось из политики недопущения «большой войны» в механизм контроля за эскалацией применения военной силы с тем, чтобы не допустить применение противником средств и способов войны, которые были бы невыгодны США.

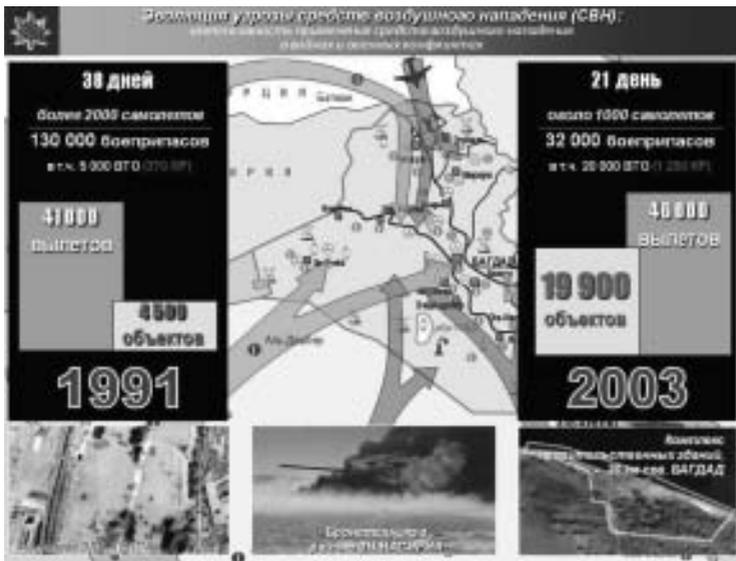
Так, например, на Украине налицо очевидная силовая эскалация, которая началась реализовываться осенью 2013 года. При этом США постепенно и контролируемо повышают ступени этой военной эскалации от уровня гражданского конфликта до уровня гражданской войны, не допуская, чтобы вмешательство России остановило развитие этого процесса.

21.1. Сценарий сохранения «ядерного сдерживания» в Евразии

То, что на протяжении десятилетий предотвращало глобальную войну, — «ядерное сдерживание» или возможность взаимного гарантированного уничтожения (MAD), — похоже,

в начале XXI века уже перестает существовать. Это произошло в период нарастания политической нестабильности в мире и стремительного роста военно-политического противостояния. «Остатки» сдерживания уже не гарантируют от начала войны в период резкого обострения. Новые реалии XXI века, в особенности мировой системный кризис 2008–2012 годов, показали, что мир стоит на пороге радикальных изменений в экономической и социально-политических областях, которые не могут не отразиться на военно-политической области и, прежде всего, на сценариях развития ВПО и СО.

Таким образом, мы наблюдаем классический последовательный переход неблагоприятного сценария развития МО в еще более неблагоприятный сценарий развития ВПО. Это подтверждается следующим примером: если в 1991 г. в войне против Ирака за 38 дней было использовано более 2000 самолетов и 130 000 боеприпасов (41 тыс. самолето-вылетов) против 4500 объектов, то через 12 лет, в 2003 году, за 21 день

1000 самолетов истратили 32 000 боеприпасов, уничтожив 19 900 объектов. Т.е. при том же числе самолето-вылетов было уничтожено в 4 раза больше объектов за время на 30% меньше и численностью самолетов в 2 раза меньше. А количество боеприпасов вообще было истратено в 4,5 раза меньше⁵.

Этот сценарий в наибольшей степени ориентирован на Евразию по следующим причинам:

1. Взаимное гарантированное уничтожение с политической точки зрения не является больше средством, противодействующим эскалации конфликтов в Евразии. Основные центры силы и противоборства — сосредоточены в Евразии и противоречия между ними развиваются по нарастающей.
2. Одновременно наблюдается стремительный рост военной мощи государств Евразии и США, который сопровождается резким увеличением военных расходов, количества и качества ЛС и ВиВТ.
3. Создаются новые ВиВТ, прежде всего ВТО, способные выполнять стратегические задачи, которые ранее решались с помощью ЯО, в частности, уничтожение важнейших политических, военных и экономических объектов. Так, приоритетность таких объектов (в том виде как ее видят российские исследователи) выглядит следующим образом (табл. 21.2).
4. Создание глобальной системы ПРО предполагает резко возросшую в будущем возможность защиты от уцелевших после нападения стратегических сил в ответном ударе. Причем первый удар по СНВ может быть массированным применением ВТО, что позволит сохранить нападающей стороне в качестве дополнительной угрозы стратегические наступательные силы.

Таким образом, мы наблюдаем два, прямо противополож-

⁵ Созинов П. А. Генеральный конструктор «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“». Эволюция угроз СВН. Доклад М. 2014. С. 4.

Табл. 21.1. Приоритеты поражения объектов тыла страны по взглядам командования армии США

Уровни приоритетов	Последовательность	Поражаемые объекты
I	1 2 3 4 5 6 7 8	1. Пункты управления.
		2. Узлы связи, радиосвязательные станции и телецентры.
		3. Узлы железных дорог.
		4. Железнодорожные мосты основных направлений.
		5. Автодорожные мосты федеральных дорог.
		6. Морские и речные порты, аэропорты, базы.
		7. Насосные станции трубопроводов.
		8. Склады резервов.
II	1 2 3 4 5	1. Атомные электростанции.
		2. Гидроэлектростанции.
		3. Тепловые электростанции.
		4. Подстанции ЛЭП.
		5. Склады ГСМ, нефтебазы.
III	1 2 3 4 5	1. Нефтепереработка и химические производства.
		2. Предприятия оборонного комплекса.
		3. Предприятия цветной и черной металлургии.
		4. Предприятия машиностроения.
		5. Предприятия по производству электрооборудования.

ных сценария развития возможного военного конфликта в Евразии в условиях, когда политические и иные противоречия делают все более неизбежным применение военной силы.

Сценарий №1 «ядерного сдерживания» в Евразии. Этот сценарий предполагает, что военное столкновение можно предотвратить, если государство Евразии (или союз, блок, коалиция) обладают потенциалом «ядерного сдерживания». В разной степени это сценарий разделяют не только руководство России, Китая, Индии и Пакистана, но и Японии и других стран Евразии. В соответствии с таким сценарием необходимо для всех стран на континенте в той или иной степени придерживаться следующих общих принципов:

- сохранения возможности при любых обстоятельствах для нанесения ответного ядерного удара. Этот принцип пред-

- полагает модернизацию и наращивание ЯО, систем боевого управления и др. мероприятий;
- сохранения возможности на разных этапах неядерного конфликта эффективно вести боевые действия, не прибегая к ядерному оружию;
 - не участвовать в мероприятиях по ограничению и сокращению ЯО;
 - обеспечивать себе постоянный рост политико-экономической и военной мощи в регионе.

Сценарий №2 «ядерного сдерживания» в Евразии.

Этот сценарий, как представляется, становится главным будущим сценарием США. Он развивается в соответствии со следующими принципами:

- создание стратегического наступательного потенциала ВТО, способного поразить все важнейшие объекты в Евразии;
- создание стратегического оборонительного потенциала США, способного обеспечить защиту от ответного удара;
- проведение мероприятий по:
 - ограничению и сокращению ЯО в мире и в Евразии, включая его запрет в неядерных государствах;
 - недопущению ограничения и сокращения ВТО и других видов и систем ВиВТ, необходимых для уничтожения ЯО;
 - международным ограничениям по распространению ЯО и новых технологий.

Иногда может сложиться впечатление, что в мире хаотично и бесконтрольно нарастает протест против ЯО и «вдруг» активизируются мероприятия по его сокращению и уничтожению. Однако процесс «самоуничтожения» ядерного сдерживания происходит отнюдь не случайно и не хаотично, без влияния со стороны. С самого начала установления ядерного равновесия в конце 60-х годов, которое стало первопричиной «разрядки» и положило начало контролю над вооружениями,

США стремились избавиться от «неудобства» такого равновесия. Оно серьезно ограничивало их возможности использовать военную силу в мире, а, главное, не позволяло им форматировать международные отношения под американское единоличное лидерство.

Сегодня это «неудобство» превратилось в серьезное препятствие для США потому, что новые центры силы вполне сознательно создают свои военные инструменты, включая ЯО. При этом речь идет не только о КНР, Индии, Пакистане, но и о новых потенциальных владельцах ядерного потенциала — растущих гигантах. Даже в 90-е годы XX века, когда были уничтожены ОВД и СССР, а Россия во многом перестала быть суверенной державой, стремительно теряя последние атрибуты ядерной мощи, существование самой возможности ядерного удара со стороны России воспринималось как единственный реальный сдерживающий фактор и атрибут великой державы, которые явно и скрыто влияли на амбиции и активность американской внешней политики.

Поэтому в XXI веке для США «ядерное сдерживание» превратилось уже не только в преграду для использования военной силы по отношению к СССР/России, но и в глобальное препятствие для сохранения американского мирового лидерства. Борьба за контроль над геополитическим пространством, транспортными коридорами и ресурсами, которая усиливается в XXI веке, неизбежно повлечет за собой дальнейшую активизацию американской силовой политики. Эта тенденция усилилась в последние два десятилетия (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Украина и др.), но она при этом объективно сдерживалась отсутствием монополии США на применение ОМУ. Данные конфликты, есть все основания так полагать, развивались бы совершенно по-иному, если бы не было «ядерного сдерживания». Для Сирии, Ирака, Югославии применялись бы совершенно иные сценарии ведения вооруженной борьбы.

Собственно это «неудобство» для США объясняет очень многое в их внешней и военной политике, в частности, например, стремление быстро сократить и даже уничтожить СЯС, да и все виды ОМУ, но, главное, создать стратегический неядерный потенциал, способный вернуть военной силе США способность быть «используемым» инструментом политики. И это «неудобство» становится неприемлемым для США в XXI веке в период обострения мировых противоречий.

Это же «неудобство», в конечном счете, объясняет и фанатичную приверженность США к созданию глобальной системы ПРО, размещению ее компонентов по периметру границ России, в Европе и АТР. Создание глобальной ПРО — обязательное условие и предпосылка отказа от политики «ядерного сдерживания», которая стала абсолютно неприемлемой для США. По сути дела отказ от ПРО означал бы для США отказ от идеи ликвидации «ядерного сдерживания» и сохранения определенного внешнего влияния и даже контроля над использованием военной силы.

Это же «неудобство» лежит в основе решений о развитии крупных программ БЛА, КР всех типов базирования, роботизирования ВС, ВМФ и авиации. Надо отчетливо понимать, что решения о разработке крупных программ ЯО будут находиться под прямым воздействием успеха или неудачи в политике «ядерного сдерживания». Очевидная «потеря интереса» США к ядерному оружию (в т. ч. переоснащение его носителей на неядерные боеприпасы) вызвана, прежде всего, надеждами на ликвидацию «ядерного сдерживания».

Сегодня влияние «ядерного сдерживания», в том числе и на интеграционные процессы в Евразии, недооценивается, хотя, по сути, успех, например, европейской интеграции объясняется не столько экономическими мотивами, сколько интересами безопасности и военно-политического сотрудничества в Европе. В этой связи ключевым вопросом является вопрос о том, насколько лет еще хватит «остатков» «ядерного

сдерживания». Ясно, что речь идет не о десятилетиях, а о годах, но... все-таки.

В этом контексте сценарий укрепления «ядерного сдерживания» по самым различным направлениям евразийского и даже более широкого — международного — сотрудничества, представляется вполне перспективным. Концепция «ядерного сдерживания» в свое время оказалась эффективной во время Карибского кризиса 1962 г. В дальнейшем она также использовалась в менее ясной форме. Поэтому есть все основания полагать, что ее потенциал может быть реанимирован не только применительно к России и ее ближайшим союзникам, но и превращен в концепцию «расширенного» ядерного сдерживания, предполагающую участие других государств.

Рис. 21.2⁶

⁶ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 13.

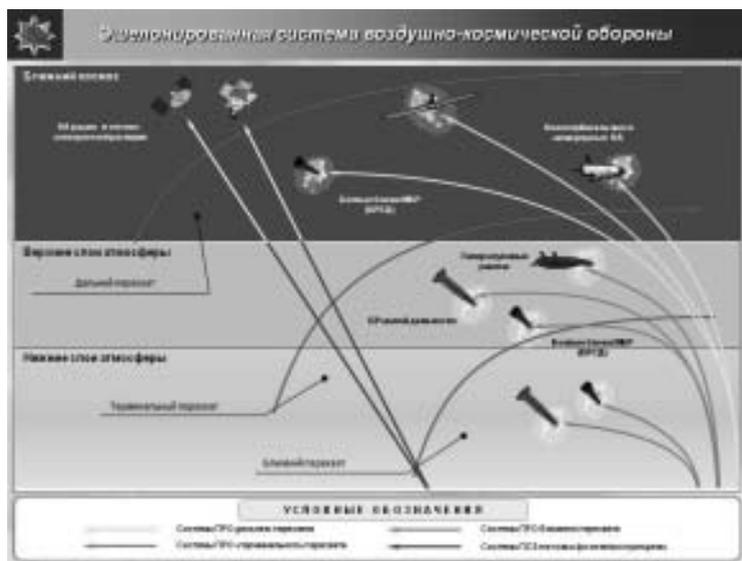

Рис. 21.3⁷

В то же время практическая реализация данной концепции представляет массу трудностей политического, экономического и военно-технического порядка. В частности, укрепление стратегического сдерживания предполагает создание мощной системы ВКО России и ее союзников, имеющей глубокий эшелонированный характер.

Это, в свою очередь, требует самого высокого уровня сотрудничества между союзниками. Как показал опыт создания объединенной ВКО России и Белоруссии, России — Белоруссии — Казахстана, и принятое решение о ВКО ОДКБ, — такое решение на политическом и военном уровне возможно, однако оно неизбежно потребует крупных военно-технических решений.

⁷ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 14.

21.2. Сценарий развития стратегического неядерного оружия как главной угрозы «ядерному сдерживанию»

Между реализацией концепции ядерного сдерживания и военно-политической интеграции в Евразии существует тесная взаимосвязь. Продолжающаяся недооценка этой связи несет в себе определенные опасности не только военного, но и политического свойства. Девальвация «ядерного сдерживания» разрушает и саму идею евразийской интеграции, а с ней и ведущую роль России в мире и в Евразии. Это противоречие с неизбежностью ставит вопрос о формировании нового внешнеполитического и военно-политического курса евразийских держав.

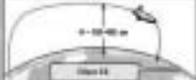
По этому поводу ректор МГИМО А. Торкунов справедливо заметил: «Россия — „срединный континент“» (между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом» — Европой), «сухопутный океан, пространство российской цивилизации...», называемой Евразией, оказалась перед необходимостью выработки нового внешнеполитического курса...»⁸.

Концепция «ЕвразВКО» определенно исходит не только из необходимости укрепления режима ядерного сдерживания и недопущения понижения порога использования ядерного оружия и распространения ядерного сдерживания за пределы традиционно ядерных государств — США, России, КНР, Великобритании и Франции, а также включения в понятие «ядерное сдерживание» стратегического неядерного компонента и ВКО.

Представление о ядерном сдерживании в XXI веке должно формироваться с учетом ускоренного создания и массового распространения неядерных стратегических вооружений и,

⁸ Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО. 2012. № 5 (26). С. 48.

видимо, неизбежном массовом распространении систем ВКО не только в ядерных государствах, но и повсеместно в других странах. Представление об этом процессе дает следующий рисунок, представленный в мае 2014 года Генеральным конструктором Концерна ПВО «Алмаз-Антей» П. А. Созиновым⁹.

Средства ВКО	Статус	Основные ТТХ	Траектория полета	
 Воздушно-крейсерская ракета Проектирование 2012 г.	РАЗРАБОТКА	Дальность до цели — Скорость полета — Высота полета — Массовый вынос — Габаритные размеры — Возможности — Классификация —	1. Высота — М — 0,5 — 150 — 300 км — 200 км — Высота — 100 км — Скорость — 300 км/ч — Срок жизни — 1,5 часа —	 Полет на 100 км
 Секретный видовой эскиз ракетной системы З. 370	ПЕРВЫЙ ОПЫТНЫЙ ПОЛЕТ - 2010 г. (СЗЗ сулея)	Дальность до цели — Скорость полета — Высота полета — Массовый вынос — Габаритные размеры — Возможности — Классификация —	1. Высота — М — 0,5 — Высота — 100 км — 200 км — Скорость — 300 км/ч — Срок жизни — 1,5 часа —	 Полет на 100 км
 Полетные испытания (СЗЗ сулея)	ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ (С 2010 г.) ЗАВЕРШЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ - 2010-10 гг.	Дальность до цели — Скорость полета — Высота полета — Массовый вынос — Габаритные размеры — Возможности — Классификация —	1. Высота — М — 0,5 — 20 — 100 км — 200 км — Высота — 100 км — Скорость — 300 км/ч — Срок жизни — 1,5 часа —	 Полет на 100 км Полет на 100 км Полет на 100 км Полет на 100 км
 Полетные испытания ракет З. 351 (Шмель)	ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ (С 2008 г.) ЗАВЕРШЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ - 2010-07 гг.	Дальность до цели — Скорость полета — Высота полета — Массовый вынос — Габаритные размеры — Возможности — Классификация —	1. Высота — М — 0,5 — 20 — 100 км — 200 км — Высота — 100 км — Скорость — 300 км/ч — Срок жизни — 1,5 часа —	 Полет на 100 км

Еще в 2003 году, описывая возможные сценарии будущей войны, И. Капитанец писал: «В основе замысла вероятного начала агрессии заложена идея о возможности одновременного уничтожения Стратегических ядерных сил (СЯС) РФ обычными боезарядами крылатых ракет (КР) в первом „обезоруживающем ударе“. Цель первого удара достигается применением высокоточных крылатых ракет большой дальности преимущественно морского базирования. Этим оружием в первом, массированном, одновременном, „обезоруживающем“ ударе подавляются:

⁹ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 3.

командные пункты (КП) и грунтовые пусковые установки (ГПУ) РВСН, объекты ПВО, аэродромы, командные пункты армии, системы управления и связи, выводятся из строя важнейшие военные объекты и информационные центры.

По мнению американских аналитиков, первый удар США может считаться достаточным и эффективным только в случае, если будут гарантированно уничтожены более 85% сил СЯС РФ (от численности ЯБЗ РФ в 2010 г. по договору СНВ-3 2003 г.)¹⁰. Несложно посчитать, что в этом случае потенциал ответного удара в рамках договоренностей по развернутым боевым блокам СНВ-3 составит не более 230 боеголовок, запускаемых с использованием порядка 50 МБР. Согласно стратегическим оценкам экспертов, для уверенного уничтожения военно-промышленного потенциала США требуется от 700 боевых частей. Таким образом, даже если игнорировать фактор ПРО, ответный удар окажется заведомо недостаточным для гарантированного возмездия. В этом случае США удастся избежать невосполнимого ущерба для своей территории, так как американская ПРО будет в состоянии уничтожить все баллистические ракеты РФ (или большую их часть), запущенные в ответном ударе¹¹.

После выхода США из договора по ограничению ПРО в 2002 г. противоракетная оборона США непрерывно развивается и совершенствуется. В случае успешности работ по совершенствованию ПРО США к 2020 г. процент допустимо не уничтоженных сил СЯС РФ может повыситься до 25–30%. Носителями высокоточных крылатых ракет с обычными боезарядами являются крейсера УРО, эсминцы УРО, подводные лодки и стратегические бомбардировщики и грунтовые ракетные установки большой дальности (ГПУ КР)»¹².

¹⁰ Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.

¹¹ Буферность системы ПРО США оценивается не менее чем в 500 боевых блоков (без уточнения их типа).

¹² Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.

Соответственно, по мере увеличения дальности КР и появления ГЗЛА, районы, из которых потенциально могут наноситься удары, значительно расширяются. Что и происходит сегодня. Это хорошо видно на карте (рис. 21.4), которую представил весной 2014 года Генеральный конструктор ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей» П. Созинов¹³.

Рис. 21.4

Важен и другой аспект: реализация планов возможного использования неядерного ВТО в стратегических целях возможна только в том случае, если будет развернута глобальная система ПРО, гарантирующая защиту от уцелевших СЯС ответного удара со стороны России. И, наоборот, — невозможность нанесения «разрушающего» удара может быть обеспечена только посредством создания эффективной системы ВКО стра-

¹³ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 7.

ны (или значительного числа важных объектов), либо путем нанесения упреждающего удара по ПУ КР и местам сосредоточения ВМФ США и ПЛА. Выбор — политический и заведомо невыигрышный для России, если она будет делать ставку на упреждающий удар.

Но, с другой стороны, она уже поставлена перед фактом возможного «разрушающего» удара со стороны США с помощью КР разных типов базирования. В этом ударе СЯС США играют второстепенную роль, а создающаяся система ПРО — основную. И чем глубже будут сокращения потенциалов СНВ России и США, тем сильнее будет проявляться эта тенденция. Тем более что развитие и модернизация СНВ России вряд ли можно назвать достаточным. Как заметил С. Топалов, описывая эту сложную взаимосвязь: «Почему-то они никогда не задумывались над тем, сколько из стоящих на дежурстве межконтинентальных баллистических ракет (МБР) не сможет стартовать из шахт по причине технической неисправности, а из стартовавших, сколько по той же причине не преодолеет и полпути до территории противника, сколько боевых блоков будет уничтожено противоракетной обороной (ПРО) противника, сколько из прорвавшихся сквозь ПРО боеголовок упадет слишком далеко от объекта поражения или сработает не на полную мощность. Но, главное, при рассмотрении вопросов ядерного противостояния большинство авторов заикливаются на сценариях классической ядерной войны, когда агрессор поражает стратегические объекты противника исключительно ядерными средствами. Для них до сих пор остается незамеченной провозглашенная Америкой еще в 1980-х годах теория глобальной неядерной войны»¹⁴.

Между тем ситуацию заведомо осложняют программы массированного развертывания ВТО в неядерном, а также

¹⁴ Топалов С. Шаткая концепция эшелонирования стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.

в ядерном («чистом») варианте сверхмалой мощности¹⁵. По разным оценкам, к 2015 году предполагалось, что США будут иметь до 100 тыс. единиц ВТО¹⁶. Понятно также, что для массированного применения этих средств ВТО в стратегическом неядерном ударе также потребуется существенное увеличение числа соответствующих носителей такого оружия, прежде всего, военных кораблей, ядерных подлодок и стратегических бомбардировщиков. Движение в этом направлении будет сигналом о переходе США к новой стратегической доктрине.

Учитывая, что в будущем не исключается, но даже планируется массированное использование стратегического ВТО против наиболее важных политических и гражданских объектов, становится понятно, что происходит пересмотр перечня и приоритетности основных целей в войне и возможном военном конфликте. Так, расширение спектра наиболее приоритетных целей до политических и административных центров, пунктов управления, инфраструктуры и собственно гражданского населения позволяет выстроить новую иерархию в приоритетах, когда применение ядерных сил означает конечный этап военного конфликта:

¹⁵ «Чистые» ядерные боеприпасы не обязательно ограничены по мощности. Технически вполне возможно создание «чистых» зарядов мегатонного класса. В гонке «классических» ядерных вооружений во главу угла всегда ставилось достижение максимальной мощности заряда, что диктовало использование нейтронных отражателей, изготавливаемых, например, из соединений урана. Если мощность не является приоритетом, создание «чистой» бомбы может быть сведено к замене части отражателей на свинцовые поглотители. Это было продемонстрировано в испытаниях «Царь-бомбы», советского ядерного устройства АН602 проектной мощностью в 100 Мт, преднамеренно сниженной до 57 Мт установкой поглотителей вместо части отражателей. Будучи самым мощным испытанным ядерным устройством в мире, она одновременно стала и самым «чистым» из них.

¹⁶ Ягольников С., Шушков А. Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику. 2008. 10 февраля

- стратегические ядерные силы и центры боевого управления и связи;
- вооруженные силы и их инфраструктура;
- промышленные центры, объекты инфраструктуры, прежде всего транспорта;
- политическое, административное и военное руководство;
- СМИ, системы связи, объекты гражданской и политической инфраструктуры.

По сути дела, это означает, что основными целями для нападения становятся гражданские объекты, постепенное уничтожение которых означает и постепенную эскалацию военных действий, не перерастающую в ядерную войну.

События на Украине в 2014 году показали, что эскалация конфликта развивалась через множество мелких этапов:

- акции гражданского неповиновения;
- создание параллельных органов власти;
- контроль над местными органами власти и т. д.

Собственно силовой сценарий также был выделен, фактически отделен, как от этапа гражданского неповиновения, так и вооруженной борьбы и состоял из трех этапов:

- создание невооруженных блок-постов;
- изоляция противников;
- контроль над административными зданиями, СМИ, силовыми структурами.

Следующий этап — силовое, вооруженное противостояние, также развивалось по отдельным стадиям:

- вооружение блок-постов сопротивления;
- перестрелки с применением стрелкового оружия;
- использование БТРов;
- использование танков;
- применение артиллерии;
- применение авиации.

Следующий этап — массированное применение артиллерии и авиации, которое, по сути, превратилось в уничтожение

всей промышленной инфраструктуры Донецкой и Луганской областей. Можно предположить, что подобный сценарий предусматривается, например, для Китая.

Сказанное означает, что в новом алгоритме ведения военных действий, где основную роль будут играть ВТО воздушно-космического и морского базирования, возможна эскалация конфликта от уровня политического противостояния до промежуточных этапов, когда последний этап — ядерные удары — будет последней ступенью эскалации. То есть на первом этапе будут использованы угрозы, шантаж, санкции, затем — иррегулярные повстанческие формирования и диверсионные группы. В случае неуспеха этих групп, им на помощь придут удары с использованием ВТО против гражданских объектов, вооруженных сил и инфраструктуры, которые нейтрализуют, в том числе и силы ответного удара противника. Ну, и на последней стадии в ход пойдет угроза применения ядерного оружия, его демонстративное применение и, в случае отказа капитулировать, его массированное применение, которое полностью уничтожит инфраструктуру государства-противника.

21.3. Значение воздушно-космической обороны как гаранта безопасности и суверенитета государств

Значение воздушно-космической обороны (ВКО) в XXI веке уникально. Она фактически уже превратилась в синоним государственного суверенитета. Достаточно привести следующий пример: устаревшая ПВО Ливии стала главной причиной ее военного поражения, и относительно современная ПВО Сирии позволяет ей сопротивляться внешней агрессии и предотвращает воздушно-космическое нападение США несколько лет. Основные задачи (как их представляют руководители ОПК России), стоящие перед ВКО, показаны на следующем рисунке (рис. 21.5)¹⁷.

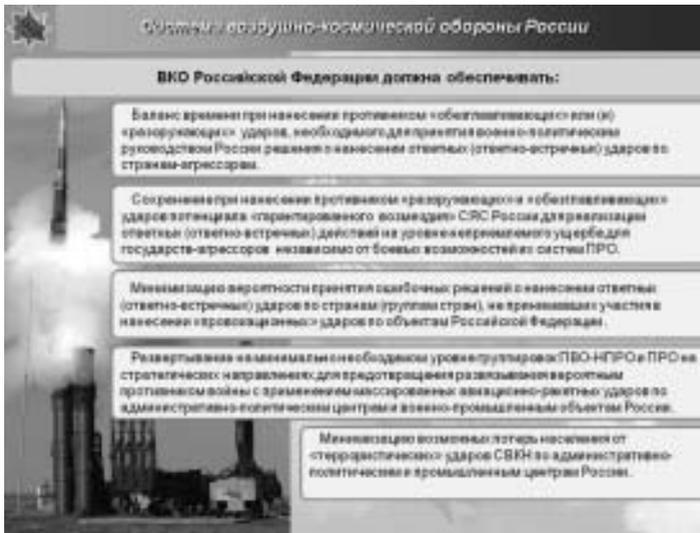

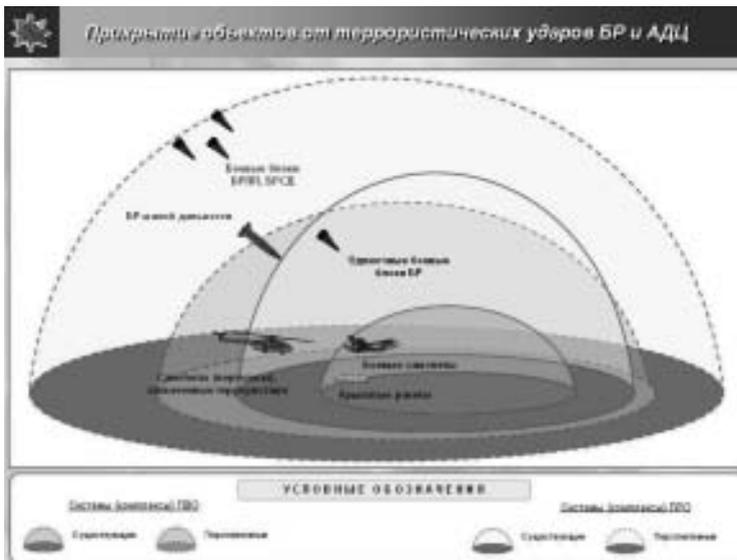
Рис. 21.5

¹⁷ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 8.

Опыт конфликтов на Ближнем Востоке весьма показателен. Так, ноябрьская война 2012 года в секторе Газа показала, что, во-первых, с помощью высокоточных средств поражения Израиль уже в первые часы не только ликвидировал часть руководства ХАМАС, но и большинство иранских ракет «Фаджр-5» и прочих ракет, способных наносить удары до 40–75 км, качественно изменив военную ситуацию в свою пользу.

Во-вторых, созданная Израилем тактическая система ПРО «Железный купол» доказала свою эффективность, обнаруживая 100% запущенных неуправляемых ракет, уничтожая (по оптимистичным оценкам) до 90% (система способна прогнозировать их попадание, не уничтожая те ракеты, которые попадут в незаселенную зону). Территория, которая эффективно прикрывается одной батареей, достигает 150 кв. км, дальность поражения 4–70 км (по некоторым сведениям — 150), а высота — 10 км. Такая эффективность позволила свести потери до минимума. За 2011 год при 229 ракетных обстрелах погибло

всего три человека. Не удивительно что по мнению российских специалистов, это направление обороны имеет безусловную перспективу, даже некоторую безальтернативность¹⁸.

Таким образом, сочетание высокоточных неядерных средств поражения и систем противоракетной обороны продемонстрировало очень высокую эффективность: фактически за несколько дней было уничтожено военно-политическое управление, средства поражения (включая подземные ПУ) при минимальных потерях гражданских лиц и полностью нейтрализован потенциал ответного удара.

Этот пример демонстрирует не только эффективную интеграцию средств нападения и обороны в современной войне, но и возможность одной небольшой страны (пусть высоко-развитой) создавать эффективный наступательно-оборонительный потенциал, а также роль высокоточных неядерных систем поражения и современные возможности ПРО и ПВО. Поэтому, когда говорят о создании региональных, а тем более глобальных систем ПРО, следует иметь в виду, что, в отличие от 70-х годов прошлого века, необходимо учитывать как принципиально новые возможности неядерных средств нападения и защиты, так и их комплексное использование.

Так, в США разрабатываются гиперзвуковые ЛА разных типов, способные летать со скоростью до 10 М, т. е. преодолеть расстояние в тысячу километров менее чем за 5 минут. Собственно этот потенциал и лег в основу концепции «Быстрого глобального удара» (Prompt Global Strike), предполагающей нанесение в течение часа обезглавливающего удара неядерными боеприпасами в любой точке мира.

Некоторые неудачи, которые постигли американцев на этом направлении, не должны обескураживать. То, что эта проблема решается технически, доказал еще опыт СССР, где

¹⁸ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 17–18.

**Экспериментальный
гиперзвуковой аппарат
Х-51, элемент системы
Prompt Global Strike**

**Гиперзвуковой модуль,
разрабатываемый в рамках
программы Prompt Global
Strike**

в 1990-х годах была создана лаборатория «Холод» на базе ракеты ЗРК С-200. «В ходе летного испытания ракета сумела развить скорость в 5,2 числа Маха (около 6 тыс. км/ч). На основе этого проекта машиностроительное КБ „Радуга“ в Дубне разработало стратегическую крылатую ракету Х-90, более известную на Западе как AS-X-21. Непритязательный с виду аппарат длиной 12 м и со складывающимися крыльями размахом 7 м, будучи запущен с борта Ту-160М, улетает со скоростью 5 М за 3 тыс. км, имея на борту две ядерные боеголовки индивидуального наведения. Х-90 была способна подниматься на высоту более 30 км и активно маневрировать в полете»¹⁹.

По оценкам военных специалистов, гиперзвуковые средства воздушного нападения характеризуются очень малой уязвимостью в современной системе ПВО. Это объясняется чрезвычайно малым временем обстрела гиперзвуковой цели. Поразить ее можно только во время захода на цель, когда ракета вынуждена сбросить скорость, чтобы обеспечить точность попадания. По характеристикам неуязвимости гиперзвуковые средства поражения превосходят системы, создаваемые с использованием стелс-технологий, где неуязвимость достигается

¹⁹ Глобальный ответ. Россия запустит гиперзвуковые ракеты / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. 7 декабря / <http://topwar.ru>

не высокой скоростью, а низкой заметностью и, соответственно, уменьшенным радиусом их обнаружения. В то же время, использование стелс-технологий в разработке гиперзвуковых средств поражения потенциально способно сделать их практически неуязвимыми для всех существующих и создаваемых систем ВКО. Такие разработки уже ведутся.

Уже сегодня для многих ясно, что создание ЕвроПРО в Европе и других регионах планеты не ограничится третьей и четвертой фазами. За ними неизбежно последуют другие, но вот, сколько их будет и какие в итоге системы ПРО будут созданы, где они будут развернуты, — остается до сих пор загадкой. Уже говорят о системе ПРО в Юго-Восточной Азии и глобальной ПРО. Как справедливо заметил Д. Рогозин, «На вопрос: „А будет ли после третьей, четвертой фазы пятая, шестая, седьмая...?“ ... нам улыбаются в ответ. Конечно, мы понимаем, что после четвертой фазы будут и пятая, и шестая, седьмая»²⁰.

Видимо, процесс развертывания систем ПРО необратим. Поэтому есть смысл говорить не терминами XX века, вспоминая о Р. Макнамаре и стратегии взаимного гарантированного уничтожения (MAD — Mutual Assured Destruction), а использовать новые категории. Нельзя исходить, например, как считают некоторые авторы, в т. ч. в России, что решению об использовании СЯС будет предшествовать кризисный период, который исключает нанесение внезапного ядерного удара или массированного использования высокоточных неядерных средств поражения. Вот почему любое движение в создании региональных ПРО предполагает изначально высокую степень риска, непредсказуемости.

«Евразийский аспект» американской системы ПРО хорошо известен, хотя о нем говорят значительно меньше, чем о европейском. Как отмечает эксперт В. Евсеев, «далеко не всегда

²⁰ Рогозин Д. О. Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. №3. С. 52.

замечается, что создаваемая американцами система ПРО носит глобальный характер, а основные ее компоненты развернуты не в зоне ответственности НАТО, а в далеком от Европы Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Этот восточный сектор противоракетной обороны планируется создать от Австралии через Филиппины, Тайвань, Республику Корею и Японию до Аляски. Ее составными частями являются американские военные объекты на Гавайских островах и в Калифорнии. Несомненно, что создаваемая система направлена против все более усиливающегося основного американского геополитического противника — Китая, хотя с формальной точки зрения она предназначена для отражения северокорейских ракетных угроз»²¹.

Не стоит забывать в этой связи о НАТО, который превратился в военно-политический союз, претендующий на глобальную ответственность. Как отмечают эксперты МГИМО, анализирующие его деятельность, «Партнерство с „восходящими державами“ — Китаем, Индией, „форматом“ БРИКС или тем более ОДКБ не относится к приоритетным задачам НАТО (несмотря на заинтересованность в кооперативной безопасности). На встрече в Чикаго подтвердился „обычный“ эгоцентрический подход НАТО, исключающий изменение курса на военно-политическое доминирование в Европе и мире, признание реального равноправия и взаимный учет интересов в области безопасности. Содействие урегулированию международных проблем и кризисных, конфликтных ситуаций рассматривается не с позиции обеспечения всеобщей безопасности, а исключительно в ключе интересов членов альянса в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора 1949 года.

В современной стратегии НАТО институирована политика новых азимутов вне атлантической зоны ответственности, „свобода рук“ в географических координатах от Японии

²¹ Евсеев В. В. Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября. С. 4.

до Австралии и Новой Зеландии. К политике „эффективного и гибкого партнерства“, своего рода „инновационной системе“ в рамках продвигаемой доктрины „кооперативной безопасности“, предполагается подключить эвентуальных партнеров по всему миру, включая Монголию»²².

Таким образом, и военно-политически, и военно-технически, США расширяют свое глобальное присутствие, которое должно быть обеспечено, прежде всего, средствами воздушно-космического нападения и защиты. И если политика «ядерного сдерживания» России еще какое-то время может работать, то ее необходимость в АТР и Евразии уже отпала. Не стоит исключать полностью из этой логики и собственно Китай, военные возможности которого стремительно увеличиваются вслед за экономическим потенциалом, а политические амбиции существенно возрастают. Смена политического руководства страны осенью 2012 года мало что проясняет. С одной стороны, новый генсек Си Цзиньпин считается близким к военной элите, а, с другой, он «психологически возлагает очень большие надежды на продолжение хороших связей с США»²³.

Неопределенность в оценке внешнеполитического курса Китая сохраняется, тогда как приобретение им потенциала СНВ и ПРО стало реальностью, не позволяя игнорировать замечания некоторых исследователей о том, что Китай может договориться с США за счет России. Таким образом, в уравнение ядерного сдерживания последних лет добавляется новый компонент — стратегические и оборонительные возможности Китая.

Стратегическая стабильность в мире на протяжении шести десятилетий обеспечивалась ядерным сдерживанием — возможностью СССР (России) и США нанести ответный удар, который свел бы к нулю вероятные политические и военные

²² Воронин Е. Р. Отношения Россия — НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь. С. 3.

²³ Скосырев В. Коррупция может победить Китай // Независимая газета. 2012. 20 ноября. С. 7.

преимущества от использования ядерного оружия. Нравится это или нет, но такая ситуация на протяжении всего периода удерживала стороны от прямого военного столкновения даже в тех случаях (в Корее, Вьетнаме, на Кубе и т. д.), когда вооруженные силы сторон вступали в непосредственное столкновение. Пока что политические и военные конфликты в мире не ставили под сомнение эту данность, но это отнюдь не означает, что так будет и впредь, что это устраивает США. А, кроме того, объективные процессы развития высокоточных средств поражения и обороны демонстрируют стремительное старение представлений о классическом ядерном сдерживании.

Сегодня есть все основания полагать, что в стратегическом прогнозе и планировании нужно учитывать, что ядерное сдерживание постепенно превращается в анахронизм, который сможет просуществовать какое-то время, если будет продолжена модернизация СЯС и прекратятся их сокращения, а сами стратегические вооружения и системы управления ими будут надежно защищены ВКО. Кроме того, эти меры должны учитывать и необходимость нейтрализации кибератак, информационного воздействия и обладать способностью уничтожать стратегические неядерные средства ВТО.

Глава XXII.

Анализ стратегической обстановки, характера войн и вооруженных конфликтов

... проблемы с исследованием содержания военного конфликта, родились не на пустом месте¹

*Ю. Балувеский, М. Хамзатов,
военные аналитики*

В зависимости от реализации того или иного стратегического прогноза и сценария развития ЧЦ, МО, ВПО и СО происходит эволюция самых различных форм войн и военных конфликтов. Надо понимать, что значение и роль военной силы, средств и способов ее применения, не только очень гибко меняется и приспособливается к политическим и иным трансформациям, но и выходит далеко за границы собственно вооруженной борьбы. Силовая политика и политика военной силы соотносятся как общее и частное понятие. Сложность заключается в том, что между ними не существует не только четких границ (хотя некоторые авторитетные эксперты в России и пытаются их обозначить), но и сами эти понятия находятся в постоянной трансформации, изменениях, которые зависят не только от изменений в средствах вооруженной борьбы (ВиВТ), но и способах ее применения (военное искусство).

Диалектика взаимосвязи силовой политики и применения военной силы может быть отображена на следующем рисунке (рис. 22.1).

¹ Балувеский Ю. Н., Хамзатов М. М. Глобализация и военное дело // Независимое военное обозрение. 2014. 12 августа.

Рис. 22.1

Это классическое восприятие в XXI веке претерпело существенные изменения в силу целого ряда причин, которые позволяют в целом сделать вывод о том, что прежние подходы к анализу различных форм войн и военных конфликтов уже не соответствуют реалиям. Прежде всего, потому, что в «чистом виде» вооруженное насилие в его самых разных формах уже не встречается — ему предшествует политико-дипломатическая, информационная, экономическая, гуманитарная и иная эскалация, которая постепенно приобретает силовые формы и даже формы вооруженного насилия (захваты зданий, редакций газет, экономические санкции, депортации, аресты журналистов, их избивание, уничтожение и т. д.).

Во многом эти перемены объясняются тем, что прямое вооруженное насилие:

- а) существенно дороже других силовых средств воздействия, например, подготовки враждебных вооруженных формирований;
- б) менее эффективно с точки зрения достижения конкретных политических целей.

Конфликты в Ливии, Сирии, Ираке и на Украине ярко иллюстрируют такой подход. Он заключается в том, что прямое и явное военное вмешательство США либо отсутствует, либо не привлекает к себе внимания. Войны и конфликты ведутся силовыми средствами, которые не относятся к классическим определениям средств и способов вооруженной борьбы. Так, в Ираке порядка 300 американских советников обеспечивают противодействие иракской армии исламистам. На Украине — примерно такое же количество военных советников, «сухпайки» и финансы обеспечивают использование украинских ВС и Национальной Гвардии.

Российские эксперты И. Попов и М. Хамзатов отмечают, что в XXI веке существенно изменилось соотношение боевой и небоевой деятельности войск (сил) на поле боя (рис. 22.2)².

Эта схема в принципе отражает существующую реальность с некоторыми поправками в пользу увеличения удельного веса невоенных средств (невооруженного применения силы). Есть основания полагать, что в XXI веке эта доля существенно превысила долю вооруженного насилия за счет расширения двух областей³:

- во-первых, собственно силовых инструментов политико-информационного, общественного, международно-политического, экономического и иного давления;
- во-вторых, за счет увеличения доли невооруженного насилия в собственно вооруженных формах воздействия.

² Попов И.М., Хамзатов М.М. Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государств / Доклад И.М. Попова на научной конференции в МГИМО(У) МИД РФ. 2014. Апрель / <http://eurasian-defence.ru>. 2014. 2 июня.

³ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М. МГИМО. 2014.

Рис. 22.2

Так, произошло, например, изменение объектов применения военной силы. Если прежде основными объектами были собственно ВС, ВиВТ, а также военно-экономический потенциал, то сегодня основным объектом воздействия стали центры политического и административного руководства и даже элементы гражданской инфраструктуры. Это особенно было видно на примере военных конфликтов в Ливии, Ираке, Сирии и на Украине, где политико-административные центры и гражданское население становились главными объектами нападения. Так, в военном конфликте на Юго-Востоке Украины основными целями было руководство, инфраструктура и система жизнеобеспечения и только в последнюю очередь ополченцы. Это удивляло наблюдателей, хотя эксперты И. Попов и М. Хамзатов говорили об этом задолго до конфликта на Украине, приводя пример так называемых «Пяти колец полковника Уордена»⁴.

⁴ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государств / Доклад И.М. Попова на научной конференции в МГИМО(У) МИД РФ. 2014. Апрель / <http://eurasian-defence.ru>. 2014. 2 июня.

Таким образом, рассматривая в XXI веке традиционно-классические подходы к ведению вооруженной борьбы — формы войн и конфликтов — необходимо вносить существенные, иногда качественные коррективы. Так, например, войны и конфликты сегодня традиционно делятся экспертами, на⁵:

- внешние войны;
- племена против племен;
- государства против государств;
- государства против племен;
- коалиционные войны;
- мировые войны;
- колониальные войны;
- революционные войны;
- религиозные войны;
- террористические войны;
- миротворческие операции;
- гуманитарные интервенции и т. д.

⁵ Война и ее виды / <http://www.warconflict.ru/>

Между тем, такое традиционное деление уже не вполне оправдано, хотя бы потому, что практически все последние войны (в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, на Украине) трудно отнести к какой-либо форме таких внешних войн. Современные внешние войны отличаются, как минимум, следующими особенностями:

- как правило воюющие государства не находятся в состоянии войны, а иногда даже сохраняют определенный уровень политических, дипломатических, экономических, гуманитарных и иных отношений. Другими словами, против государства воюет нередко неизвестный, «облачный противник»;
- как правило, не существует какого-то единого центра управления войной или конфликтом. Действительный центр, в котором принимаются решения, скрыт от наблюдателя;
- как правило, неясны источники финансирования, поставок ВиВТ, которые изначально имеют ложные адреса;
- как правило, непонятно какие вооруженные силы участвуют, где их базы и какова система подготовки. Причем это характерно, не только, для радикальных исламских формирований и т. п.

Сказанное означает, что подготовка к внешним войнам в будущем должна радикально отличаться от традиционной подготовки, когда все внимание уделяется развитию ВС, ВиВТ и тем требованиям, которые существовали в XX веке. Уже конфликты в Афганистане, Чечне и на Украине показали, что эти требования устарели.

Трудно согласиться и с традиционным делением внутренних войн, сохранившихся до настоящего времени. В частности, российские эксперты делят внутренние войны на следующие виды:

- гражданские войны;
- освободительные войны;
- крестьянские восстания;

- национально-освободительные восстания и войны;
- восстания рабов;
- мятежи и бунты;
- военные перевороты⁶.

Между тем в XXI веке мы редко встречали «в чистом виде» такие внутренние войны. Даже категория «мятежи и бунты» приобрела откровенно информационно-политическое, а не военное значение, которое определяется не характером конфликта, а отношением к нему правящей элиты или редакционной политикой того или иного СМИ. Типичный пример — Украина, — где смена власти была в определении разных стран «революцией», «мятежом» и «военным переворотом». Причем, эти определения могли меняться в зависимости от разных событий, например, результатов переговоров.

Соответственно радикально менялись и представления об эффективности ВС, ВиВТ. Так, в США и во Франции только за три года второго десятилетия XXI века были не только созданы, но и увеличена на 300–500%, численность киберкомандования, в т. ч. спешно мобилизовались гражданские IT-специалисты и даже хакеры⁷.

Наиболее универсальным и наиболее соответствующим современным реалиям остается определение «смешанные виды войн». Это определение вооруженного конфликта и войны относится практически к любой войне или конфликту второй половины XX века или начала XXI века, за исключением, пожалуй, англо-аргентинского, «фолклендского» конфликта.

Трудно поддаются классификации и войны по масштабу вооруженного конфликта. Так эксперты делят их на «иные способы классификации войн (по масштабу)»:

- локальные;
- региональные;

⁶ Война и ее виды / <http://www.warconflict.ru/>

⁷ Уриновский А. Киберармии США не хватает хакеров / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

- глобальные;
- по длительности и т. д.⁸

Между тем представляется, что в XXI веке основным типом крупной войны становится уже «воздушно-космически-информационная» война, которая охватывает всю (без исключения) планету, воздушное и морское пространство, космос и, возможно, подземные пространства.

Наконец, вряд ли возможно и традиционное деление войн и конфликтов по интенсивности или потерям. Так, традиционно эксперты делят войны по интенсивности (которую так же измеряют путем соотношения битв на единицу времени, например, месяц), по потерям и т. д.

Между тем подсчет «количества битв» теряет смысл, когда битвы (например, в кибер или информпространстве) ведутся ежеминутно, не прекращаясь. Более того, неизвестно, когда они начинаются и когда заканчиваются. Похоже, что они уже идут, причем, в том числе между союзными государствами.

Среди таких войн и конфликтов особенно актуальны стали, после Второй мировой войны, бескровные конфликты, асимметричные войны, когда одна из сторон имеет подавляющее техническое, организационное, численное и иное преимущество. Тогда другой стороне конфликта приходится прибегать к несимметричным видам войны.

Это означает, что в зависимости от сценария развития ЧЦ, МО и ВПО будут эволюционировать и различные формы войн, а также международные и внутренние военные конфликты. Так, асимметричные войны стали реальностью во второй половине XX века и общим правилом — в XXI веке. Можно сказать, что за последние 25 лет ни одна война в мире не была «симметричной».

Существенно изменились, таким образом, формы войн и конфликтов в XXI веке. Однако можно предположить, что в еще большей степени они изменятся к 2030 году, а тем более

⁸ Война и ее виды / <http://www.warconflict.ru/>

к середине 2050 годов. Если к 2020 годам парадигма войн изменится окончательно, то к 2050 годам — наступит совершенно новая парадигма войн.

22.1. Основы анализа стратегической обстановки и характера будущих войн и вооруженных конфликтов

Специфика развития сценариев СО, войн и конфликтов не означает, что их развитие принципиально отличается от развития сценариев человеческой цивилизации (ЧЦ), международной обстановки (МО) или военно-политической обстановки (ВПО). Наоборот, можно сказать, что конкретный сценарий СО, в том или ином месте или времени, является реализацией более общего сценария. И, что очень важно, не может ему противоречить. Так, формирование СО на Украине в 2014 году происходило под сильнейшим влиянием таких невоенных факторов, как социально-культурный и цивилизационный. В частности, языковой, когда «фронт» боевых действий фактически совпадал с границей преобладающего населения, говорящего на русском языке (рис. 22.3).

Война, как известно — политический инструмент. Она нужна не сама по себе, а в качестве средства для достижения вполне конкретных политических целей, которые являются, в конечном счете, осознанными интересами правящих элит. Проблема в том, что эти политические интересы могут быстро меняться, а в XXI веке можно констатировать радикальное изменение в политических целях основных держав.

Если вернуться к известному рисунку логической схемы политического процесса (рис. 22.4), то область анализа СО, характера международных и внутренних войн и военных конфликтов, можно обозначить как заштрихованную часть, включающую часть факторов группы «Д», «В» и «Г».

Рис. 22.3⁹

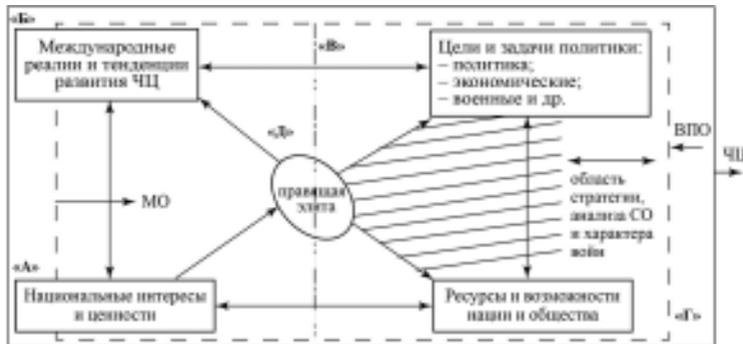

Рис. 22.4

Из этого рисунка видно также, что более общая часть — военно-политическая обстановка (ВПО), охватывает более широкую область политического процесса (обозначена на рисунке

⁹ Зеркалов Д. В. США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / <http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf>. С. 703.

пунктиром), еще более общая — международная обстановка (МО) включает дополнительно международные реалии и ведущие тренды (группа факторов «Б») и часть системы национальных ценностей и интересов. Наконец, самая общая — ЧЦ, точнее совокупность всех локальных ЧЦ.

Очень важно понимать последовательность и приоритетность различных систем для того, чтобы правильно оценить СО и характер войн и конфликтов в XXI веке. В частности и сегодня у значительной части правящей элиты и общества сохраняется миф о том, что война это такой конфликт, который сопровождается массированным использованием ядерного оружия. Другими словами, если нет ядерной войны или, по крайней мере, крупномасштабной войны, то и нет войны вообще.

Это опасное заблуждение, которое вызвано старым, инерционным мышлением при котором только массированные боевые действия означают войну. На самом деле война, причем крупномасштабная, с Россией уже идет. И дело не в том, что есть жертвы и экономические потери, а в том, что политические цели такой войны вполне реализованы и реализуются. В частности:

- развален ОВД и СЭВ, а лидеры стран-союзниц СССР уничтожены или репрессированы;
- развален СССР и разделен на государства, часть которых вошла во враждебную военно-политическую коалицию;
- развалена экономика России, а ее влияние в мире и возможность противодействовать контролю США сведено к минимуму;
- по периметру России создается союз враждебных государств и очагов напряженности;
- в Евразии создана серия постоянно существующих конфликтов и очагов нестабильности.

Можно по-разному описывать глобальную ВПО, но важно, чтобы такие оценки были реальными. Так, например, можно

согласиться с бывшим советником НГШ. И. М. Поповым, который описывает современную СО следующим образом:

Рис. 22.5¹⁰

Только понимая политическую часть СО, можно говорить о научном долгосрочном прогнозе развития различных сценариев военно-политической и стратегической обстановки. Логику такого исследования можно представить следующим образом (рис. 22.6).

Конечные характеристики войн, конфликтов и стратегической обстановки зависят во многом и даже предопределяются состоянием ВПО, а также состоянием МО и трендами в развитии ЧЦ, т. е. носят вполне объективный и закономерный характер, позволяющий делать не только адекватный анализ, но и долгосрочный прогноз.

¹⁰ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И. М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>

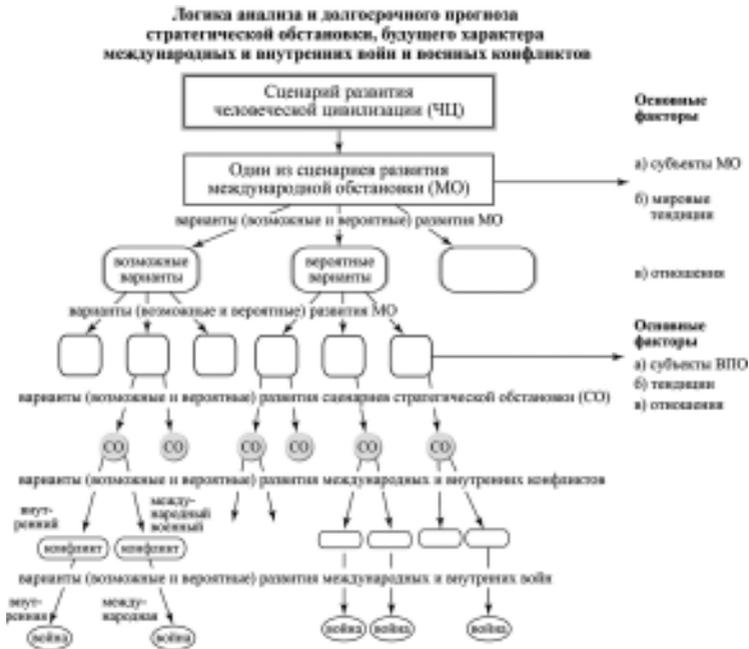

Рис. 22.6

22.2. Субъективность как основная характерная черта при анализе и прогнозе стратегической обстановки

Субъективный характер любой стратегической обстановки (СО) и соответственно такой же субъективный характер ее анализа и стратегического прогноза вытекает естественно из огромного числа субъективных и частных факторов, влияющих на ее формирование. В отличие от ВПО, которая во многом детерминирована политическими, экономическими и иными реалиями, СО является настолько динамичным явлением, где субъективные факторы играют решающую роль.

При этом важнейшим аспектом, характеризующим СО и войну, является степень, глубина вовлеченности нации и страны в вооруженную борьбу потому, что даже незначительное участие отражается на всех областях жизни общества и государства. Как справедливо отмечают российские исследователи, «Война представляет собой одно из двух состояний общества, противоположное миру. Она есть использование средств физического насилия для достижения политических целей. В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применяет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы, которая ведётся в форме согласованных и систематических военных действий. Без этого войны не бывает по определению»¹¹.

Вместе с тем характеристики СО, войн и конфликтов значительно более субъективны по целому ряду параметров, что неизбежно предполагает множество переменных и новых характеристик.

«Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России

¹¹ Бочарников М.В., Лемешев С.В. и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. С. 16.

фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона.

Таким образом, в результате распада СССР вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения. И если в предвоенные годы нашими противниками был создан кордон преимущественно по идеологическим основаниям, то в настоящее время по геополитическим основаниям, в рамках реализации концепции «геополитического гетто»¹². Функциональное предназначение его, согласно документам планирования Пентагона и Госдепартамента США, заключается в недопущении появления на постсоветском пространстве государства, аналогичному СССР в послевоенные годы¹³.

Иногда удивляешься, насколько гении могут предсказать (или спрогнозировать?) наши необходимые действия. Так, в 2014 году, очевидно, что важнейшим приоритетом национальной стратегии должно быть опережающее развитие науки, наукоемких технологий и образования. В том числе и с точки зрения обеспечения военной безопасности. Но еще 100 лет назад В. И. Вернадский писал примерно в такой же ситуации, в какой сегодня оказалась Россия, что «После войны 1914–1915 гг. мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т. е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы... Это не менее необходимо,

¹² Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997. — Internet.

¹³ См.: Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М.: МО РФ, 2002.

чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни...»¹⁴.

Таким образом, у задачи анализа и прогноза СО есть, казалось бы, непреодолимое препятствие: множество субъективных факторов и переменных. Прогноз развития сценариев стратегической обстановки (СО) и возможного характера будущих войн и военных конфликтов — наиболее трудный предмет для анализа, а тем более стратегического прогноза, из всех возможных областей долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования в силу следующих обстоятельств:

Во-первых, любая СО, военный конфликт или война (внешняя или внутренняя) являются уникальными со всех точек зрения, специфическими явлениями, которые не повторяются в точности, даже если они совпадают по месту и по времени, составу участников, применяемым ВиВТ, политической конфигурации и т. д. Эта уникальность проявляется в сугубой социальной, военной, политической и иной конкретности СО, войн и конфликтов, имеющих порой решающее значение.

Уникальность любой СО или войны (конфликта) заключается и в том, что их нельзя вырвать из общего контекста ВПО и МО. Они не просто являются их органической составной частью, но и непосредственно зависят от их развития. Нельзя «вырвать» войну и даже незначительный конфликт из всего контекста развития мировых событий — эволюционного, а тем более революционного, — хотя иногда это и пытаются делать. Именно «гибридность» является ключевым моментом в оценке войны, конфликта и СО. Не случайно ему на Западе уделяется исключительное внимание, в частности, в известной работе Г. Хоффмана, который следующим образом, представляет себе развитие конфликта. При этом отдавая отчет о нарастающей степени риска по мере роста интенсивности.

¹⁴ Вернадский В.И. Война и прогресс науки <http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type=&=book&size=1&text=pdf&ma63-76-v-i-vernads kij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf>. С. 76.

Рис. 22.7¹⁵

«Гибридные угрозы, особенно со стороны таких государств, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея, представляют наибольший операционный риск, который отражен на рисунке, в связи с более высокой интенсивностью конфликта и большей частотой возникновения. Этот пункт изображен в качестве „отправной точки“ в кривой изменения спектра конфликтов, миссии и задачи которых сходятся во времени и не выполняются в линейном порядке»¹⁶.

Во-вторых, любой, а тем более будущий сценарий развития СО, войны или конфликта — системное явление, сочетающее множество постоянных и переменных факторов: природных, географических, политических, экономических, военно-технических и пр. Учесть необходимо максимальное большинство из них, ибо игнорирование даже самых изначальных (ошибки, например, в обмундировании войск или сроках военной кампании, приводили в 1812 и 1941 годах к серьезным военным

¹⁵ Фрэнк Г. Хоффман. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. С. 58.

¹⁶ Там же.

поражениям), имеет крупные последствия, причем, не только, положительные, но и отрицательные.

Развитие СО, в долгосрочной перспективе, предполагает неизбежную «смену парадигм». Причем не только экономических, социальных и политических, но и военных. Поэтому качественный анализ, основанный на изучении глобальных тенденций развития, должен быть обязательным дополнением к количественному анализу государственной и военной мощи субъектов ВПО, который делается в настоящее время с привлечением все большего числа анализируемых факторов.

В целом же обязательность системного подхода диктуется объективной сущностью природы войны, которая, по справедливому замечанию российских исследователей, может быть рассмотрена как:

- средство, используемое политиками для достижения своих целей. В таком аспекте война обращена к политическим лидерам, правительствам, государствам;
- процесс взаимодействия, вооруженное столкновение, вооруженная борьба двух и более сопротивляющихся социальных субъектов. Этой ипостасью война обращена к вооруженным силам, к армии;
- определенное состояние общества во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и способом решения социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу в целом. Графически это можно отразить с помощью схемы (рис. 22.8)¹⁷.

Для понимания сущности войны необходимо учитывать также следующие ее признаки¹⁸:

- война есть социальное явление, самостоятельная область (сфера) общественной жизни, специальная социальная реальность;

¹⁷ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. С. 31.

¹⁸ Там же.

Рис. 22.8

- война — это макросоциальный конфликт в разобщенном обществе;
- наличие не менее 2-х субъектов, участвующих в ней;
- цели и задачи этих субъектов противоположны;
- недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;
- наличие средств вооруженного насилия с обеих сторон;
- возможность и готовность их применения для разрешения противоречивых целей и задач субъектов (государств, социальных общностей);
- массовое широкомасштабное применение средств вооруженного насилия с обеих сторон;
- активное противодействие субъектов друг другу;
- юридический акт объявления состояния войны главами государств и (или) законодательными органами власти и другие.

Конечно, подобный перечень признаков войны не является исчерпывающим и может быть дополнен. По нашему мнению, определяющим признаком войны является военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле. Это и составляет сущность войны в точном смысле этого слова.

В-третьих, анализ и стратегический прогноз СО, а также военных конфликтов и войн предполагает скрупулезный учет

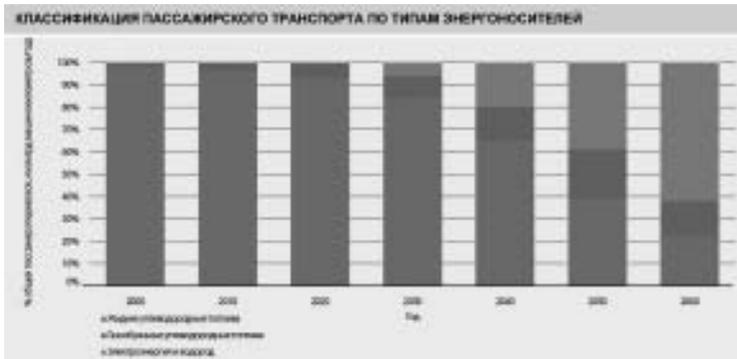
многих переменных, которые трудно поддаются количественному анализу, а тем более прогнозированию. Так, если будущий объем ВВП в долгосрочной перспективе еще можно прогнозировать, то состояние науки, технологий, образования, а тем более климата или погоды в том или ином регионе через 25–35 лет — уже невозможно, хотя это и имеет большое значение. В этой связи особое значение для ВПО и СО приобретает такой фактор влияния, как стремительно растущие творческие возможности человека, качество национального человеческого капитала и институтов его развития¹⁹. Революционное, решающее значение этого фактора должно быть проанализировано особо²⁰.

Важно, что попытки качественного анализа и прогноза в интересах СО возможны. Даже такие переменные величины как энергоемкость, мощность двигателей, или потребности в энергоносителях, могут прогнозироваться условно, хотя для современной войны, в результате ведения которой расходуются запасы топлива, нередко в недели превышающие все потребности государства за год, — задача ключевая: в ходе Второй мировой войны и событий на Украине, например, мы нередко становились свидетелями, когда небоевые потери бронетанковой техники превосходили боевые.

В качестве примера можно привести прогноз структуры потребляемых энергоносителей различным транспортом в 2000 и 2060 годах, исходя из того, что в настоящее время почти 100% техники использует жидкое углеводородное топливо. Из этого прогноза, например, видно, что бронетанковые соединения в будущем будут зависеть не от наличия углеводородов, а от других видов энергии, хотя сегодня большинство экспертов с этим выводом категорически не согласятся.

¹⁹ Подберезкин А. И. Международная безопасность как следствие идеологической парадигмы мирового развития / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГМИО, 2011. Т. II.

²⁰ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО, 2014.

Рис. 22.9²¹

Наконец, следует иметь в виду, что даже наличие нескольких сценариев и их вариантов развития СО не означает, что этим перечнем они ограничены. Более того, вполне вероятно, что каждый из перечисленных сценариев и вариантов может также развиваться по одному из теоретически возможных путей. Как минимум, «реалистическому», «пессимистическому» или «оптимистическому». На рисунке ряд зарубежных авторов показывают это следующим образом²². Это означает, что в дополнение к рисунку, описывающему логику вытекания сценариев развития СО, войн и конфликтов, необходимо добавить, как минимум еще несколько.

Надо добавить, что анализируя и прогнозируя будущие сценарии СО, войн и конфликтов, мы неизбежно сталкиваемся с влиятельным негативным фактором, имеющим объективный и субъективный характер, — инерцией военно-теоретического мышления.

²¹ Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>. С. 20.

²² Подберезкин А. И. Сценарии и прогнозы развития МО / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2014.10.09 / <http://viperson.ru/>

С одной стороны, объективность его вызвана инерцией мышления вообще, а тем более военного, «иерархичного», когда старший начальник всегда должен быть «умнее», «дальновиднее», «грамотнее» и т. д.

С другой стороны, военная теория — и это мы видим, в том числе, на примере России — отстает на десятилетия от действительности. Генералы думают, что будущие войны будут как прошлые. Особенно, если они в них участвовали.

Эти особенности иногда настолько решительно оказывают влияние на анализ и прогноз, что делают их заведомо бессмысленными. А между тем ситуация в военно-политической и военно-технической области меняется стремительно, буквально в течение 7–10 лет. Так, на военный разгром Ливии в 2011 году повлияло массовое использование крылатых ракет морского базирования, которые были развернуты в предыдущие годы. В еще большей степени ВПО и СО, изменятся для России по мере развертывания носителей КРМБ по периметру нашей страны.

Эти и другие реалии требуют уже сегодня создания новой военной доктрины и военной стратегии России, ориентированных не только на опыт прежних войн и конфликтов, но и на возможный характер СО, войн и конфликтов будущего. Причем как военная доктрина, так и военная стратегия должны начинаться с описания современных и прогноза будущих реалий, создавать новый понятийный аппарат, без которого наши представления о будущих войнах и конфликтах будут неполными.

22.3. Характеристика возможных сценариев развития стратегической обстановки до 2030 и 2050 годов

Говоря о стратегическом прогнозе возможных и вероятных сценариев развития СО, будущем характере войн и военных конфликтов до 2030 и 2050 годов, необходимо, исходить из ос-

определенно сильнее становились военные возможности США к концу XX века, относительно других государств, тем быстрее и охотнее они прибегали к военной силе. Можно увидеть, что в послевоенный период выделяются два этапа в использовании военной силы — до конца первой декады XXI века и после. Что хорошо иллюстрирует следующий рисунок (рис. 22.10)²³.

Эта «конечность», зависимость характера войн и военных конфликтов от сложившейся СО, а до этого ВПО и МО, делает потенциально возможным анализ современного положения дел и прогноз на будущее. Так, ВПО в мире в начале второго десятилетия XXI века, в самом общем виде, некоторые эксперты представляют следующим образом (рис. 22.11)²⁴.

<http://maximus67.livejournal.com/1203032.html>

Рис. 22.11

²³ РИА Новости / http://rus.ruvr.ru/images/static/infographycs/us_syria_rus.jpg

²⁴ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И. М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» от открытия Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>

Естественно, что такое упрощенное видение ВПО требует уточнения по основным группам факторов, определяющих конкретное состояние МО и ВПО, а именно:

- состояние участников ВПО (государств, коалиций, организаций), измеряемое количественными и качественными показателями;
- основные тенденции мирового развития, определяющие состояние ЧЦ и характер МО и ВПО (экономические, технологические, политические и пр.). В частности, соотношение между разными факторами МО ведет к формированию собственно уникального сценария ВПО;
- отношения между этими факторами (международные, экономические и иные) и тенденциями влияют уже не только на ВПО, но и на конкретные сценарии СО.

В зависимости от этого можно предположить различные сценарии ВПО и их варианты, а, как следствие, сценарии СО, войн и конфликтов. Это можно показать на следующем рисунке, который демонстрирует следующую логическую зависимость (рис. 22.12)²⁵.

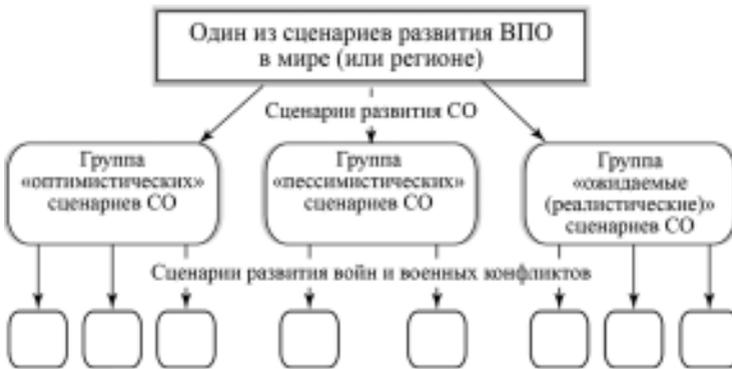

Рис. 22.12

²⁵ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО, 2014.

Как видно из рисунка, всего лишь один из сценариев развития ВПО (или даже вариантов такого сценария) ведет к потенциальной реализации нескольких групп возможных сценариев развития СО, а каждый из вариантов сценариев СО предполагает значительное число вариантов возможных войн и конфликтов. Если, допустим, один из сценариев развития ВПО ведет к появлению 3–10 сценариев развития СО, то вариантов войн и конфликтов уже может быть несколько десятков и даже сотен.

Глубокое заблуждение думать, что развитие мировой цивилизации, появление глобальных межцивилизационных интересов, общих, «универсальных» норм и ценностей, а также их международно-правовое оформление в некие незыблемые нормы, ведет к уменьшению численности и разнообразия военных конфликтов и войн²⁶. Даже в наши дни мы наблюдаем огромную и разностороннюю палитру международных и внутренних войн и конфликтов, представление о которых дают следующие данные.

Как видно из простого перечня военных конфликтов и войн (табл. 22.1), стратегическая обстановка в мире в 2013 году отличалась удивительным многообразием (В этом перечне не обозначен военный конфликт на Украине 2014 г.), но, самое главное, за последние 15–20 лет произошло радикальное и незаметное изменение в характере войн, когда правилом стало ведение необъявленных, относительно «бескровных войн».

К концу 2013 года в 30 странах мира продолжалось более полусотни конфликтов и войн (в ряде стран идет несколько войн), не менее десяти из них можно охарактеризовать как гражданские войны, еще десять войн — террористические, два десятка конфликтов идет за отделение территорий (сепаратистские). Идеологически 12 войн ведут исламисты, 7 — комму-

²⁶ Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-Корпорация. М. 1996.

нисты. По 15 конфликтов идет на Ближнем Востоке и в Африке. Число погибших в этих войнах с начала XXI века достигло 1 миллиона 200 тыс. человек²⁷.

Как видно из диаграммы (рис. 22.13), приводимой ниже, количество миротворческих акций не снижается, и вряд ли можно говорить о том, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе их будет меньше²⁸. Данные, скорее, свидетельствуют о том, что произошла некая стабилизация ежегодной численности военных конфликтов в мире в XXI веке на уровне 50 единиц, характерная для данного числа участников ВПО, ограниченного пространства, численности коалиций и др. параметров, характеризующих современную ВПО.

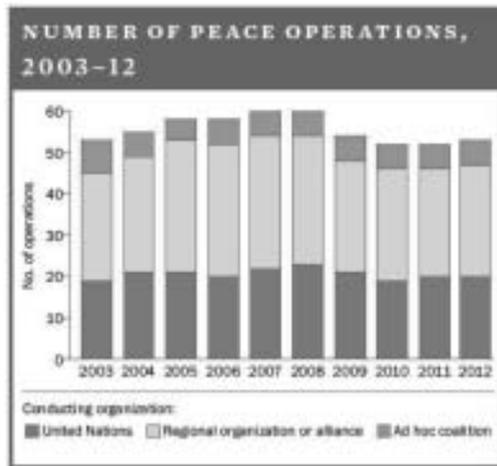

Рис. 22.13

Означает ли это, что численность, интенсивность и характер военных конфликтов изменится в будущем? Есть основания предполагать, что это может произойти в долгосрочной перспективе по мере расширения численности участников ВПО,

²⁷ <http://www.warconflict.ru/rus/nowwars/?action=shwprd&id=972>

²⁸ A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 4 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>

Таблица 22.1

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Гражданская война в Судане	2003–2013	текущая фаза войны (с 19.05.2011): война суданского правительства с сепаратистами на юге и западе Судана, столкновения между кочевыми племенами	1273	2813	4319	≥ 900	Оценки достигают 400 тыс. чел. (от голода большая часть), с 2011 года погибло около 9 тыс. чел.
Гражданская война в Ираке	2003–2013	текущая фаза войны (с 10.12.2011): террористическая война между религиозными и этническими группами Ирака и иракскими властями	4109 (только мирных жителей)	4147 (только мирных жителей)	5700 (4573 только гражданских)	5700 (4220 только гражданских)	175352 (за 2003–2011) + 14308 = 189660

Гражданская война в Сирии	15.03. 2011 – 2013	сирийское правительство против исламистов (обе стороны поддерживаются извне)	7 400	41 900 – 52 000	40 000	min 100 000	
Война с наркокартелями в Мексике	11.12. 2006 – 2013	мексиканское правительство (при поддержке США) против наркокартелей	19 546	20 000	8 000	~ 100 000	
Гражданская война в Афганистане	27.04. 1978 – 2013	текущая фаза войны (с 07.10.2001): США и их союзники, включая Исламскую республику Афганистан, против исламистов	5601 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 5 тыс. боевиков (оценка), другой итог — 6377	4667 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 5 тыс. боевиков (оценка), другой итог — 7418	5156 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 5 тыс. боевиков (оценка), другой итог — 7396 или 8398	2422 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 2,5 тыс. боевиков (оценка)	~ 90 000

Продолжение таблицы 22.1

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Гражданская война в Пакистане	16.03. 2004–2013	пакистанское правительство (при поддержке США) против исламистов	≥ 8000, другая оценка — 4787	≥ 5000, другая оценка — 2641	≥ 3000, другая оценка — 2705	≥ 2000	48123 (к началу 2013 года) — 51137 — 81425
Гражданская война в Сомали	26.01. 1991–2013	текущая фаза войны (с 31.01.2009): война частей распавшегося Сомали (при поддержке Эфиопии и других стран) против исламистов	2158	1917	2620	≥ 200 (только в терактах)	~50000 (включая 10 тыс. с 2009 года)
Гражданская война в Колумбии	1964–2013	колумбийское правительство (при поддержке США) против коммунистов	≥ 2000	≥ 2000	4692 (только партизан)	≥ 200	17483 (за 2002–2009 годы) + 9000 = 26483

Гражданская война в Ливии	2011 – 2013	текущая фаза войны (с 1.11.2011): борьба вооруженных группировок в вакууме власти	25 000	560	≥ 100	~ 26 тыс. чел.
Шиитское восстание в Йемене	18.06.2004 – 2013	шиитские повстанцы против йеменского правительства (последнее поддерживается иезвие) и радикальных исламистов	min 737	min 781	min 960	~ 25 тыс. чел.
Война в Бирме (Мьянме)	1948 – 2013	сепаратистские и коммунистические движения против бирманского правительства	157 (только в части Мьянмы)	10 000	≥ 40	~ 17 тыс. чел.
Террористическая война в Нигерии	2001 – 2013	исламисты против нигерийского правительства	min 500	812	min 150	~ 15 тыс. чел.
Террористическая война на Северном Кавказе	2001 – 2013	российское правительство против исламистов	754	700	242	≥ 10 тыс. чел.

Продолжение таблицы 22.1

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Конфликт в дельте Нигера	2004–2013	сепаратистское движение против нигерийского правительства, межэтнические столкновения	min 15	min 1	min 11	min 93	~ 10 тыс. чел.
Кашмирский конфликт	1947–2013	индо-пакистанский конфликт из-за Кашмира, на современном этапе исламские террористы, поддерживаемые Пакистаном, действуют в Индийском Кашмире	362	140	149	≥ 22	8831
Движение наксалитов в Индии	(1967) 2004–2013	партизанская война коммунистов в Индии	1200	589 (без боевиков)	367	306	8627 (с 2002 г.)

Террористическая война в Матрибе	11.04.2002–2013	исламистское подполье против правительств стран сев.-запад. Африки	min 122	min 191	min 67	~ 6 тыс. чел.
Террористическая война на юге Таиланда	28.04.2004–2013	тайландское правительство против исламистов	521	535	~ 600	~ 6 тыс. чел.
Террористическая война на северо-востоке Индии	1964–2013	сепаратистские и коммунистические партии против индийского правительства	322	246	143	5320 (за 2005–08.09.2013)
Племенные столкновения в Южном Судане	7.01.2011–2013	боевые действия между племенами с участием южносуданского правительства, а также действия повстанцев из Судана		min 4241	min 1000	min 70 5311
Война исламистов в Йемене	1992–2013	текущая фаза войны (с 14.01.2010): йеменская армия (при поддержке США) ведет бои в захваченных исламистами провинциях	160–175	654–1140	2321	≥ 4000 (только с 2010 года)

Продолжение таблицы 22.1

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Сепаратистское движение в Турции	1984–2013	борьба за создание независимого Курдистана против турецкого прав-ва, в 2013 г. начал мирный процесс	328	599	811	min 1	3779
Движение исламистов на Филиппинах	1969–2013	мусульманские сепаратисты против правительства Филиппин (последние при поддержке США)	85	163	114	≥ 56	589 только филиппинских и американских военнослужа. с 2002 г., всего 3641 (за 2001–2012 гг.), итого ≥ 3700
Израильско-палестинский конфликт	1948–2013	на современном этапе: борьба исламистов против Израиля	27	56	64	≥ 11	3523

Сепаратистское движение в Белуджистане	2004–2013	борьба за создание независимого Белуджистана против пакистанского и иранского правительств	42 (в Пакистане)	128 (в Пакистане)	2500
Движение коммунистических партизан на Филиппинах	1942–2013	Коммунистические партизаны различных группировок против филиппинского правительства	205	182	≥ 25 2408
Революция в Египте	2011–2013	свержение режима Мубарака, политическая нестабильность, военный переворот, сопротивление исламистов	846	≥ 100	> 1200 > 2000
Сепаратистское движение на юге Йемена	27.04.2009–2013	борьба за воссоздание независимого Южного Йемена против йеменского правительства	min 32	min 70	~ 2000

Продолжение таблицы 22.1

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Война в Мали	16.01.2012–2013	восстание туарегов против малийского правительства, возвышение исламистов и борьба с ними международных сил, на современном этапе — sporадические столкновения туарегов с правительственными силами			133	1200	~ 1300
Движение курдов в Иране	01.042004–2013	курды-сепаратисты против иранских властей	min 3	700	примерно 40	min 2	≥ 1000
Движение армии сопротивления Господа	1987–2013	христианские повстанцы против угандийского правительства и других соседних стран	425 (только боевиков)		min 50	min 25	≥ 900

Движение 23 марта	04.04. 2012– 2013	этническая группировка против правительства Демократической республики Конго	660	min 70	~ 730
Война в Центрально-африканской республике	10.12. 2012– 2013	группировка Селека против Центрально-африканского правительства	44	522	566
Столкновения в Ливане	17.06. 2011– 2013	бои религиозно-политических группировок в связи с войной в Сирии	min 52		325
Движение исламистов на Синайском полуострове	23.02. 2011– 2013	исламистские группировки против египетского правительства	min 22	min 74	min 204 в районе 300
Коммунистическое движение в Перу	17.05. 1980– 2013	коммунистические партизаны против перуанского правительства	28	40	5 в районе 250

Окончание таблицы 22.1

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Сепаратистское движение в Восточном Туркестане	1989–2013	движение за независимость Восточного Туркестана от Китая	min 18			56	≥ 250
Сепаратистское движение в Кабинде	1992–2013	движение за независимость области Кабинде против ангольского правительства					142 (по неполным данным)
Сепаратистское движение в Казамансе	1982–2013	движение за независимость области Казаманс против сенегальского правительства	min 7	25	min 8	min 5	min 117
Сепаратистское движение в Хузистане	2005–2013	движение за независимость арабонаселенной области Хузистан против иранского правительства					~ 100

Партизанское движение Альянса Демократических Сил	2007 – 2013	партизанская борьба против угандийского пр-ва, действует также в Демократической республике Конго	min 34	min 1	min 8	~ 100
Сепаратистское движение в Папуа	1963 – 2013	движение папуасов за независимость против индонезийского пр-ва	min 9			86
Движение Ирландской республиканской армии	1989 – 2013	движение ирландцев за отделения Сев. Ирландии от Великобритании				62
Сепаратистское движение в Западной Сахаре	1976 – 2013	движение за независимость Запад. Сахары от Марокко, на совр. этапе проходит в форме гражданских протестов и их подавления	56	min 1		58
Движение Парагвайской Народной армии	2008 – 2013	левое партизанское движение против парагвайского пр-ва	min 7	min 2		16 (без боевиков)
Источники:	http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-22886730 http://ria.ru/arab_sy/20120213/565027654.html и др.					

их возможностей приобретать ВиВТ, а также росту противоречий между самыми различными акторами МО на фоне обострения межцивилизационных отношений.

Сказанное означает, что динамика изменения ВПО и СО будет еще больше ускоряться, а численность факторов, определяющих в конкретное время состояние СО, — увеличиваться. В этом случае прогноз, даже краткосрочный, развития СО будет становиться все более сложным. Именно поэтому задача анализа СО и прогноза становится все более трудной и актуальной. И для этого появляются определенные основания. Прежде всего с точки зрения растущих информационных возможностей обрабатывать огромные массивы информации в короткие сроки, что очень важно для анализа СО, которая меняется очень быстро.

Совершенствуются и научные методы, и конкретные методики анализа и прогноза СО и характера будущих войн — как общенаучные, так и частных наук. В последние годы был замечен серьезный прогресс, который позволяет надеяться на достижение значительных практических результатов в этой области.

22.4. Сценарии развития стратегической обстановки как логическое и субъективное продолжение развития сценариев МО и ВПО

Важно вновь изначально сказать, что прогнозировать СО, войны и конфликты, как конкретные социально-политические явления, практически невозможно, хотя предсказать многие тенденции и их последствия, ведущие к таким войнам и конфликтам, можно и, конечно же, нужно. Эти тенденции могут анализироваться и прогнозироваться на долгосрочную

перспективу, как и вытекающие из них возможные сценарии развития СО, а также эволюция характера войн, вытекающая из этих тенденций.

Взаимосвязь развития СО и МО очень заметна и игнорировать ее невозможно. Очевидные кризисы, имевшие место в истории ЧЦ, совпадали с резким обострением СО, увеличением числа, интенсивности и масштабности войн и военных конфликтов. Не трудно предположить, что к 2020 годам ситуация неизбежно приведет к новой фазе в развитии СО.

«В долгосрочной перспективе мировая система развивалась по гиперболическому закону, или в режиме с обострением. Этим законом описывается динамика численности населения, ВВП, потребления энергии и пр. С 1960 г. началось изменение режима роста мировой системы и выход из режима с обострением. Гиперболический рост мировой системы не является однородным. Длительные периоды сравнительно устойчивого развития (фазы) разделены короткими периодами фазовых переходов, когда меняется режим роста и сама основа развития социума. При этом переход может идти с различной скоростью и различными путями либо вообще не состояться, поэтому фазы разделы острыми кризисами, когда возникает возможность реализации нескольких сценариев развития»²⁹.

«Динамика мировой системы в 1800–1970 гг. определялась очередной фазой долгосрочного гиперболического роста — индустриальной. В рамках индустриальной фазы наблюдались несколько волн роста, разделенных острыми кризисами, которые сопровождалась сменой парадигмы развития. Это кризис начала 1930-х гг., кризис начала 1970-х гг. и кризис конца 2000-х гг. Кризис начала 1930-х гг. привел к тому, что резко усилилось государственное воздействие на экономику в США, Германии и СССР. Этот процесс совпал с ускоренной индустриализа-

²⁹ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011. С. 8.

цией и резким ростом спроса на электрическую энергию для промышленности и нефтяное моторное топливо»³⁰.

«Кризис начала 1970-х гг. был вызван переходом США и Западной Европы к постиндустриальному развитию и окончанием холодной войны. Резко возросла роль частного предпринимательства, произошли либерализация и монетизация мировой экономики, на смену кейнсианскому регулированию пришло монетаристское. Ускорилось развитие атомной энергетики, возрос спрос на газ как топливо для энергетики, обслуживающей малый и средний бизнес и жилищно-сервисную сферу»³¹.

Источник: ИЭС.

Рис. 22.14³²

Кризис 1970-х гг. был разрешен переходом к постиндустриальной фазе развития. Три его основные составляющие — глобализация, информатизация и либерализация. Ключевые показатели мировой динамики после 1970 г. резко изменились. Темпы экономического роста снизились с 4–5% в год в 1945–

³⁰ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011. С. 9.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 10.

1970 гг. до 3% в год в 1970–2010 годы. Темпы роста потребления энергии снизились с 5% в год до 2% и менее.

Рис. 22.15³³

К концу 2000-х гг. темпы экономического и энергетического роста приблизились к историческим максимумам 1950–1960-х гг., причем максимальные темпы наблюдались в развивающихся странах. Но в 2000-е гг. с вовлечением ключевых развивающихся стран в мировую экономику были достигнуты пределы глобализации. Развитие информационной сферы стало приобретать отчетливо спекулятивный характер, проявившийся в кризисе высокотехнологичной экономики в США в 2001 г. и предшествующем ему буме. Произошло исчерпание потенциала глобализации, информатизации и либерализации, что было вскрыто в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов³⁴.

Возникла необходимость очередной смены парадигмы развития. Это потребовало усиления роли государства, перехода основных углеводородных ресурсов под контроль

³³ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011. С. 10.

³⁴ Там же. С. 11.

национальных нефтегазовых компаний (вместо доминирования транснациональных компаний), развития принципов регионального самообеспечения и национальной энергетической безопасности, интенсификации энергосбережения и развития ВИЭ.

Каждый кризис вызывал изменение динамики мировой энергетики, которая сходила с устойчивой траектории экспоненциального роста, характерной для докризисного периода (1945–1970, 1980–2005 гг.).

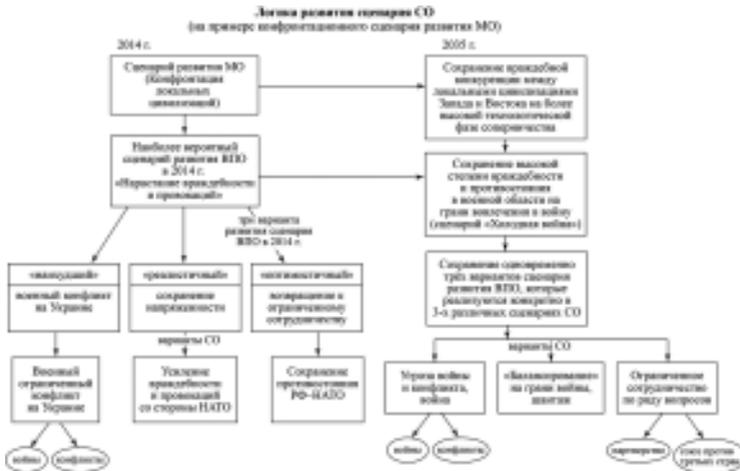

Рис. 22.16³⁵

Не стоит однако думать, что детерминация СО абсолютная и не зависит от субъективных факторов. Наоборот, именно в области формирования СО влияние социальных факторов ощущается сильнее, чем на области МО и ВПО. Так, массированная приватизация ОПК России в 90-е гг. XX века привела к деградации, либо полной потере целых отраслей, сделала воен-

³⁵ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011. С. 11.

ную экономику полностью импортозависимой и, как следствие, привело к отставанию в создании целых классов ВиВТ³⁶.

Таким образом, сценарии развития СО, эволюция характера возможных войн и военных конфликтов, будут являться следствием развития сценариев МО и ВПО, их естественной и составной частью, фактически продолжением логики их развития. Новые сценарии СО и их варианты не могут появляться из ниоткуда. Те тенденции в политике, экономике и технологиях, которые уже сложились во втором десятилетии XXI века, будут развиваться дальше и станут основой для сценариев МО и ВПО в середине 2030-х годов. Эти тенденции и развитие факторов и субъектов ВПО в 2030-х годах можно прогнозировать и предполагать, что они станут фундаментом для формирования новых сценариев СО.

Анализируя и прогнозируя СО, будущий характер войн и конфликтов, мы должны четко выделить две категории факторов: долговременные объективные тенденции и факторы ВПО,

³⁶ Подберезкин А. И., Стреляев С., Хохлов О. Ятребов Я. Секреты российской приватизации. М. 2004.

с одной стороны, и уникальные, конкретно-исторические, социальные, военные и иные, — с другой, разделив их для удобства в матрице на две группы.

Табл. 22.2. Объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование СО в будущем

Объективные факторы формирования СО	Субъективные факторы формирования СО
1. Тенденции мирового экономического развития	
2. Энергетические и ресурсные тенденции	
3. Финансовые и монетарные факторы	
4. Демографические	
5. Научно-технические и технологические тенденции	
6. Гуманитарные и социальные тенденции	
7. Медийные, коммуникационные	
8. Биологические и т. д.	
В т. ч. военно-политические и военно-технические тенденции и факторы	
1. Соотношение политических и военных сил в мире	
2. Развитие ВивТ	
3. Количественное соотношение сил	
и т. д.	

Так, среди долговременных факторов формирования СО, можно привести, например, угрозу ядерным объектам, прежде всего, энергетики, которые первые станут объектами для нападения не только в ходе внешнего, но и внутреннего конфликта. Обращает на себя внимание, в частности, насыщенность ядерными станциями некоторых территорий, совпадающая с сейсмической активностью. Очевидно, что эти объекты становятся потенциально самыми привлекательными для ВКН.

Другой объективный фактор, влияющий на формирование СО, в том или ином регионе, относится к насыщенности оружием тех или иных регионов. Военные действия в Чечне и АТО в последующие годы, в частности, находились под сильнейшим влиянием этого фактора, а военные конфликты в Приднестровье и на Украине во многом непосредственно вытекали из наличия и доступности оружия. Так, посмотрев на карту распространения стрелкового оружия в мире, легко можно планировать партизанские или бандитские операции, опирающиеся на уже имеющиеся запасы оружия.

Огромное влияние на формирование СО, естественно, оказывают те геополитические и военно-политические изменения, которые происходят в мире и в регионе. Причем, в самом крупном, качественном значении — формирования коалиций, союзников, нейтральных стран, размещение инфраструктуры и ВС.

В этом смысле война, как продолжение политики насильственными средствами, остается классическим инструментом разрешения любого международного конфликта — политического, финансового, нравственно-религиозного. Это означает, что изменение основных факторов, влияющих на МО и ВПО, уже теоретически является основанием для будущих силовых и военно-силовых методов разрешения конфликтов. Так, изменение соотношения мировых сил в пользу АТР в XXI веке уже есть самое серьезное основание (как, впрочем, и в прежней истории) для подготовки войны.

Это предполагает значительную степень предопределенности в формировании условий СО, ставших последствиями реалий развития различных сценариев МО и ВПО. Причем количество теоретически возможных сценариев СО и их вероятных вариантов в каждом из сценариев ВПО значительно больше, чем количество собственно вероятных сценариев СО.

Логически это можно изобразить, следующим образом, на рисунке, который представляет собой не только последовательность в возникновении возможных и вероятных сценариев СО и их различных вариантов, в т. ч. тех которые могут и не вытекать непосредственно из сценариев развития МО и ВПО, но и — что главное — безусловную приоритетность и взаимосвязь одних сценариев с другими.

Рис. 22.17

Как видно из рисунка (рис. 22.17), описывать характер явлений низкого уровня можно только понимая характер явления более высокого уровня. Так, для того, чтобы понять, например, характер внутреннего военного конфликта на Украине, нужно понимать суть и характер современных внутренних военных конфликтов, а для того, чтобы сделать такой анализ, необхо-

димо проанализировать, прежде всего, СО в мире и в регионе, которая, в свою очередь, вытекает из ВПО, а та — из МО. Так, зависимость развития СНВ от ВПО и СО — очевидна и не связана непосредственно искусственно (как при М. Горбачеве) с политикой ограничения и сокращения СЯС, т. е. политико-дипломатическими факторами.

С точки зрения политики «ядерного сдерживания» и возможного продолжения процесса ограничений СНВ, представляется, что ни политически, ни стратегически рассчитывать на это не придется в первой половине XXI века. Ядерное оружие будет оставаться «уровнителем» шансов и «последним аргументом» в развитии СО в мире.

Стратегический треугольник между Россией, США, КНР

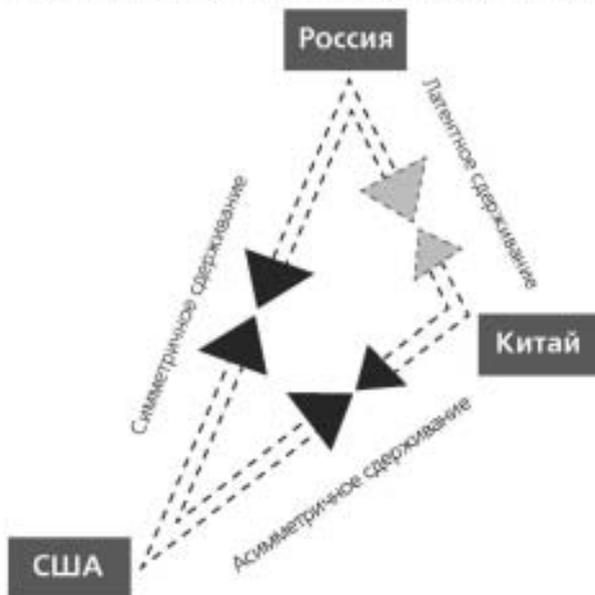

Рис. 22.18³⁷

³⁷ Арбатов А.Г., Дворкин В.Н. Большой стратегический треугольник. М.: Центр Карнеги, 2013. С. 21.

В этом смысле можно согласиться с А. Арбатовым и В. Дворкиным, которые полагают, что «...стратегические отношения „тройки“ крайне неоднородны и асимметричны, у них нет единой основы ни в политическом, ни в стратегическом плане (в виде принципов стабильности, паритета). „Треугольник“ не только неравобедренный, но и неоднородный.

Кроме того, КНР хранит в тайне уровень, состав и программу модернизации своих ядерных сил. Все это ставит под сомнение возможность трехсторонних переговоров по СНВ или по ограничению ядерного оружия — во всяком случае, в обозримой перспективе»³⁸.

Вместе с тем, очевидно, что развертывание неядерных СНВ и широкомасштабной ПРО, может стать альтернативой переговорам по сокращению СНВ для США. Именно поэтому такое развитие угрожает России, а не потому, что (как считают А. Арбатов и В. Дворкин), «Из трех держав самую большую роль ЯО играет сейчас в концепции безопасности и военной доктрине России. Из-за ослабления своих сил общего назначения она остро ощущает уязвимость как на западе, так (негласно) и на востоке. В отношениях с США/НАТО Россию более всего беспокоит отставание по ПРО и стратегическим средствам в неядерном оснащении. В отношениях с Пекином Москву, видимо, подспудно тревожит растущий китайский потенциал сил общего назначения, прежде всего сухопутных войск в северных округах Поднебесной»³⁹.

Среди возможных сценариев развития МО может быть (и, скорее всего, будет) «тупиковая» ветвь, которая не превратится в вероятный сценарий развития ВПО. Это, однако, отнюдь не означает, что «тупиковая» ветвь одного из сценариев МО не может реанимироваться в более отдаленной перспективе. Скорее наоборот: история человечества показывает, что совер-

³⁸ Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. М.: Центр Карнеги, 2013. С. 21.

³⁹ Там же.

шенно неожиданно такая «ветвь» (МО) может «зацвести», т. е. привести к появлению нового сценария ВПО.

Это можно изобразить на следующем рисунке (рис. 22.19).

Рис. 22.19

22.5. Стратегия сетевой войны как попытка обеспечения контроля над всеми участниками стратегической обстановки в мире

Обеспечение международной или региональной безопасности (как функционирование системы международных отношений, в которой все субъекты соблюдают принципы и нормы международного права) вытесняется в XXI веке политикой обеспечения безопасности за счет национальных дипломатических и военно-технических средств.

В XX веке одновременно и с разной степенью эффективности существовали две модели безопасности. Первая опиралась на систему международно-правовых принципов и обязательств,

а вторая — на военную силу. Пропорции между ними менялись, но только в периоды мировых войн на какое-то время почти исчезала первая модель и в краткосрочные периоды улучшения взаимоотношений (в 20-е годы, после 1945 года, в начале 90-х гг. XX века) — резко снижалось значение второй.

В начале XXI века мы переживаем новый период фактической девальвации международно-правовой модели обеспечения безопасности в Европе и в мире, начало которого можно отнести еще к интервенции НАТО в Югославию и попытке создать «однополюсный мир». Военный конфликт на Украине показывает, что де-факто эта модель превратилась в правовой инструмент политики США и их союзников. В несколько упрощенном виде она выглядит следующим образом, где соотношение двух моделей обеспечения безопасности — политической и военно-технической попытались обозначить количественно. Подобные эмпирические оценки экспертов подтверждаются социологией и многочисленными заявлениями политиков и журналистов. В частности только на одной из конференций по безопасности в Европе, проходившей 7 октября 2014 года депутат бундестага от партии «Союз-90» / «зеленые», эксперт по Восточной Европе парламентского комитета по внешней политике Марилуизе Бек (Marieluise Beck) заявила, что уровень влияния ОБСЕ «близится к нулю».

На фоне сложившейся ситуации, по мнению целого ряда экспертов и политиков ЕС и НАТО следует трезво проанализировать возможную угрозу со стороны Москвы и разработать «сценарии утрашения», считает Фельгентрой. «Россия ясно дала понять, что она больше не чувствует себя обязанной соблюдать оговоренный в Европе принцип консенсуса, к которому мы все привыкли», — заметил Ральф Браукзипе (Ralf Brauksiepe), парламентский статс-секретарь в Минобороны ФРГ⁴⁰.

40 Политика безопасности на фоне украинского кризиса: с Россией нельзя на «ты»? («DeutscheWelle», Германия) / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/60121-politika-bezopasnosti-na-fone-ukrainskogo-krizisa-s-rossiey-nelzya-na-ty-deutsche-welle-germaniya.html>

Таким образом, правящая европейская элита демонстрирует готовность окончательно отойти от политических договоренностей по обеспечению безопасности (причем не только правые, но и «зеленые» и социал-демократы) в пользу военно-политической и военно-технической модели обеспечения безопасности.

Таблица 22.3. Системы обеспечения безопасности и изменения в их соотношении в XX и XXI веке

В XX веке		В XXI веке	
Международно-правовая система	Военно-политические союзы и военно-технические средства	Международно-правовая система	Военно-политическая система и военно-технические средства
1. ООН, ОБСЕ и др.	Блоки, коалиции, союзы (НАТО и др.)	Интеграция вокруг локальных цивилизаций ЕС–США–ТПП–ТАП	Создание широкой коалиции под эгидой НАТО
2. Строительство новых международных институтов	Концентрация всех институтов вокруг НАТО, ЕС и G7	Сетецентрический контроль над всеми государствами мира и Европы	1. Развитие НАТО + 2. Дезорганизация любых других союзов и коалиций
Соотношение 40 : 60 в пользу военно-политических и военно-технических средств обеспечения безопасности		Соотношение 25 : 75 в пользу военно-политических и военно-технических средств обеспечения безопасности	

Как видно из таблицы, соотношение в используемых средствах обеспечения безопасности изменилось достаточно радикально и, к сожалению, эта тенденция пока только усиливается. «Остаточные» глобальные и региональные институты безопасности стремительно теряют влияние, все более уступая свое место военным коалициям и военным технологиям.

Значение информационного пространства для понимания состояния стратегической обстановки (СО), превратилось в ключевое условие адекватного анализа МО и ВПО в XXI веке. Именно через понимание этого значения становится явной та взаимосвязь между военной силой состоянием МО и ВПО, а также сценарием развития ЧЦ, которая существовала всегда, но особенности, которой в XXI веке до конца еще не осознаны. В очень упрощенном и условном, но наглядном виде она формулируется. К. Мямлиным следующим образом:

Таблица 22.4. Циклы человеческой истории

«Экономические эпохи»	«Социальные эпохи»	«Военные эпохи» (стратегии)
1. Аграрная эпоха	Премодерн	Холодное оружие и соответствующая стратегия
2. Промышленная эпоха	Модерн	Порох, моторы, авиация, суда
3. Информационная эпоха	Постмодерн	Теория сетецентрической войны — модель военной стратегии в условиях постмодерна

Таким образом, пусть в упрощенной форме, мы видим определенную зависимость «по вертикали» сценария развития СО от сценариев ВПО, МО и ЧЦ, но и «по горизонтали» — зависимость военной стратегии (военного искусства) и ВиВТ как от конкретного периода развития экономики, так и политической системы. Справедливо предположить, что эта зависимость «по вертикали» и «по горизонтали» будет распространяться и в долгосрочной перспективе. Это означает, что от того, какие «экономические» (технологические) и «социальные» эпохи бу-

дут в XXI веке, такими будут и «военные эпохи», т. е. военная стратегия (военное искусство) XXI века.

Сказанное также означает, что влияние внутренней политики на СО, особенно экономической, научной и промышленной, в XXI веке стремительно усиливается. В том числе и роль субъективного фактора — качества принимаемых решений элитой страны, — от которого в решающей степени зависит способность нации и государства реализовать на практике имеющиеся возможности. К сожалению, с 80-х годов XX века качество таких решений далеко не всегда соответствовало даже минимальным требованиям, что с огромным трудом поддается исправлению в последнее десятилетие.

В частности, если речь идет о промышленной политике. Как справедливо заметил советник Президента РФ С. Глазьев, «Если бы ЦБ вместо попустительства долларизации экономики занимался развитием внутренних источников кредита, то объем ВВП в России был бы в 1,5 раза больше, уровень жизни — в 2 раза выше, а накопленные инвестиции в модернизацию производства — в 5 раз выше, чем сегодня. А сегодня получается так: американские власти отсекают российскую экономику от внешних источников кредита, а наши собственные денежные власти, вместо того чтобы заместить внешние источники внутренними, добивают ее удорожанием внутреннего кредита»⁴¹

Очевидно, что последствия для безопасности и обороноспособности страны оказались катастрофическими, а их исправления в 2009–2014 годы не всегда эффективными.

Важно, однако, понимать, что не все эти тенденции абсолютно детерминированы. Наоборот, в рамках разных сценариев развития ЧЦ, существует множество сценариев и их вариантов развития МО и соответственно, ВПО, которые будут определять варианты СО.

⁴¹ Фаляхов Р. «Россия потеряла сто триллионов рублей». Интервью «Газеты.Ру» с советником президента РФ Сергеем Глазьевым / Эл. ресурс: «Газета». 2014. 5 сентября / http://www.gazeta.ru/growth/2014/09/04_a_6203541.shtml

Таблица 22.5. Матрица качественных («Фазовых») изменений в СО, характере войн в долгосрочной перспективе

Области изменений	Военно-политические		Социальные	Экономические	Военные
	Особенности	Особенности			
Стратегическая обстановка (СО)	Глобальная ВПО и СО будут в состоянии изменяться в течении минут, а информационная — секунд	Появление влиятельной у политической силы в виде «творческого класса»* и сетей	Человеческий потенциал составит уже не 50–60% ВВП, а 99% ВВП государств**	Решающей характеристикой военной мощи станет качество человеческого потенциала***	
Характер международной войны	Коалиционная, между субъектами ЧЦ	«Богатые» страны против «Бедных»	Контроль над ресурсами и транспортными коридорами	Контроль над управлением государствам и наций	
Характер внутренней войны	Невозможно
Характер военного конфликта	Невозможно

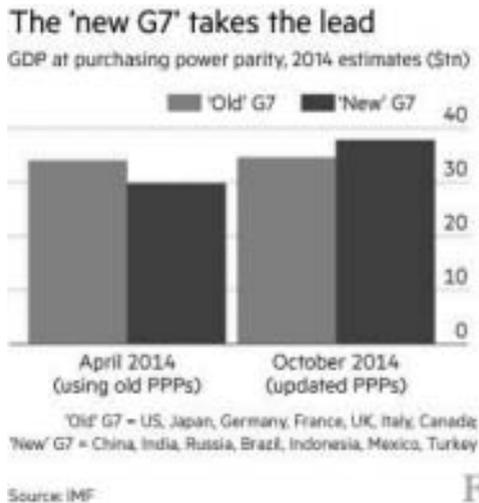
* Подбрезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. 3. М.: МГИМО, 2011.

** Подбрезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. 2. М.: МГИМО, 2012.

*** Подбрезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО, 2014.

Другая сторона всех будущих сценариев развития СО — внешнеполитическая. Очевидно, что будущая СО будет естественно зависеть с этой точки зрения от отношений России с КНР и США, как лидерами локальных цивилизаций, что вносит во многом субъективность в прогноз характера будущей СО. Эта субъективность происходит от базовых сдвигов в расстановке мировых сил, которые произошли к 2015 году, но международные и военно-политические последствия которых еще до конца не оценены полностью.

Так к 2015 году в мире появилась новая «большая семёрка»: Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Россия, Турция. Фактически о появлении в мире новой G7 объявил Запад, точнее — МВФ, чьи валютные эксперты просто подсчитали ВВП по паритету покупательной способности у этих семи стран и выяснили, что их общий ВВП по ППС опережает ВВП G7, то бишь: Великобритании, Германии, Италии, Канады, США, Франции и Японии.

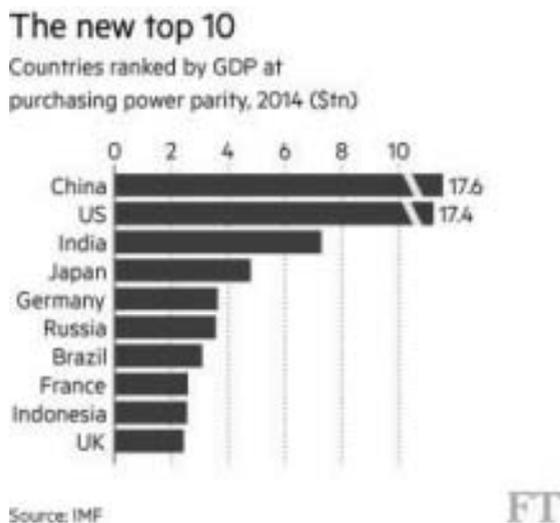

Новую семёрку издание именует «hypothetical new G7» («гипотетической новой G7»). Согласно докладу Международного

валютного фонда, получившему название «Перспективы развития мировой экономики», суммарный показатель ВВП по ППС стран новой «семёрки» составляет 37,8 трлн долл., а у «старой» Группы семи он равняется 34,5 трлн долл.

Согласно рыночному обменному курсу, экономика США «стоит» 17,4 трлн долл., а китайская — 10,4 трлн долл. Однако с поправкой на относительность цен, экономика КНР выбирается наверх: ВВП Китая по ППС составляет 17,6 трлн долл.!

Учитывая даже всевозможные оговорки и отсылки к тому, что подсчёт по ППС далеко не точный инструмент (впрочем, как и подсчет в долларах США), аналитики издания полагают, что новые оценки указывают на быстрые изменения в мире.

В топ-20 сильных экономик ныне выбились те страны, которые экономисты до сих пор относили к «развивающимся». Причём эти страны заняли сразу половину топа⁴².

⁴² Чувакин О. Семёрка, да не та! 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/59962-semerka-da-ne-ta.html>

Таким образом, субъективно, с военно-политической точки зрения, эти реалии еще не осознаны и до конца не реализованы, хотя уже сегодня видно, как минимум, два перспективных глобальных процесса их реализации: Первый процесс — коалиционного строительства в этих странах и между этими странами, который пока что начал формироваться в рамках БРИКС и ШОС. Второй процесс — переход ВТС на новую стадию и превращению его в координируемую военно-экономическую и военно-научную политику.

Вместе с тем, эта субъективность отражает определенную конкретность СО в будущем, что крайне необходимо для анализа и прогноза. Тем более что разведсообщество США именно таким образом подходит к прогнозу будущей СО, хотя и не спешит слишком «забегать вперед» в своих прогнозах.

В этой связи важно провести различия, которые сложились к началу XXI века в характере стратегической обстановки XX и XXI веков, а также в характере войн и военных конфликтов. Между ними есть существенные, принципиальные отличия, свидетельствующие о том, что к началу XXI века сформировалась новая военно-политическая парадигма, требующая, чтобы на военно-политическую обстановку посмотрели по-новому.

К сожалению, не только в военных кругах, традиционно опирающихся в прогнозе и планировании на опыт прошлых войн, но и в политической элите, нет полного понимания произошедших качественных изменений, которое, безусловно, отражается на уровне политического и военного планирования. Так, например, многочисленные советские и российские инициативы о создании «равноправной», «справедливой» и т. п. систем международной и европейской безопасности оставались проигнорированными просто потому, что другим локальным цивилизациям (прежде всего западноевропейской) они не только не нужны, но и откровенно мешают.

Рассмотрим некоторые сопоставления, позволяющие дать характеристику СО, войн и военных конфликтов в XX и XXI веке.

Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по военным целям

Главные цели войн и военных конфликтов в XX веке	Главные цели войн и военных конфликтов в XXI веке
1. Нанесение военного поражения государству и навязывание ему политических и иных условий мира	1. Изменение национальной системы ценности и установление контроля над политикой государства
2. Поражение ВС противника (уничтожение, пленение, выведение из рабочего состояния и т. д.)	2. Поражение центров управления государством, инфраструктуры и гражданского населения
3. Оккупация территории и промышленности, а также транспортных коридоров	3. Контроль над территорией, экономикой и транспортными коридорами

Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по средствам

Основные средства вооруженной борьбы XX века (ВиВТ)	Основные средства вооруженной борьбы XXI века (ВиВТ)
1. Основные виды ВС — Сухопутные силы, ВВС, ВМС	1. Основные виды и рода ВС — СЯС, ВКО, РЭБ, ВВС
2. Огневая мощь, двигатели	2. Информационные системы и средства связи

Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по пространству ведения боевых действий

Территории, охваченные боевыми действиями в XX веке	Территории, охваченные боевыми действиями в XXI веке
1. Локальные и региональные	1. Локальные и региональные внутренние и внешние войны

Территории, охваченные боевыми действиями в XX веке	Территории, охваченные боевыми действиями в XXI веке
2. Частично глобальные (европейский и тихоокеанские ТВД во Второй мировой войне)	2. Региональные войны
	3. Глобальные войны на всех ТВД и превращение воздушно-космического пространства в главный ТВД
	4. Информационно-глобальные войны

Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по времени их начала и протяженности

Войны и конфликты XX века	Войны и конфликты XXI века
1. Начало Первой, Второй мировых войн и их завершение точно определено	1. Начало и окончание войн не обозначено. Как правило, войны начинаются до начала массированных боевых действий
2. Войны готовятся и начинаются неожиданно	2. Период подготовки переходит в период ведения войны незаметно
3. Войны формально объявляются	3. Войны формально не объявляются (за последние годы США 7 раз использовали ВВС против 6 государств без объявления войны)

Представленные сравнения не нуждаются в пространственных комментариях. Совершенно очевидно, что к настоящему времени для силовых форматов разрешения международных противоречий характерны знаковые изменения, когда «новые» конфликты, о которых говорили эксперты в начале 90-х годов

XX века как о черте пост-биполярного мира, динамично сменялись конфликтами «новейшего типа», включенными в стратегию достижения монопольного глобального доминирования.

22.6. Доминирующий сценарий формирования и развития стратегической обстановки по отношению к России как противоборство ведущих локальных цивилизаций

Изначально следует определиться с тем, что понимается в XXI веке под терминами «война» и «стратегическая обстановка», так как в отечественной и зарубежной науке существуют по этому поводу разные точки зрения.

В данной работе считается, что:

- стратегическая обстановка формируется мирными средствами для ведения войны и является, таким образом, первым этапом такой войны;
- война включает в себя не только вооруженную борьбу, но и информационную, психологическую, кибероперации и иные силовые (не являющиеся вооруженными) средства воздействия.

Из всех многочисленных возможных сценариев развития СО в мире и регионах в целях практической политики необходимо выделить наиболее вероятный, или хотя бы группу наиболее вероятных сценариев развития СО. Представляется, что, несмотря на все трудности это можно сделать, если исходить из логики анализа существующего сценария развития локальных человеческих цивилизаций (ЧЦ), международной обстановки (МО) и военно-политической обстановки (ВПО)⁴³.

⁴³ Подберезкин А. И. и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки. Аналитический доклад. М.: МГИМО. 2014. Август.

К сожалению, XXI век характеризуется (и достаточно категорично) увеличением числа негативных сценариев развития МО и вытекающих из них многочисленных негативных сценариев развития ВПО. Причем это объясняется рядом, не только, таких субъективных причин как рост агрессивности западной локальной цивилизации, но и вполне объективными причинами и особенностями развития ЧЦ. Этот процесс неизбежно умножает число негативных сценариев развития МО, а, как следствие, — ВПО и СО.

Это важно признавать, понимая, что требуется специальная политика безопасности в качестве ответной реакции на объективные цивилизационные вызовы. Буквально на наших глазах активизируются самые негативные сценарии развития человеческой цивилизации, динамику которых требуется отслеживать самым внимательным образом.

На фоне увеличения цивилизационных угроз и негативных сценариев развития ЧЦ, особенно остро ставится вопрос, о том в каких новых формах будут развиваться отношения между локальными ЧЦ и какими будут сценарии развития МО в будущем. К сожалению, в СССР и России существовало немало неадекватных оценок, которые привели к геополитической катастрофе, но важно, чтобы такие оценки давались точно и своевременно на самом высоком уровне. От них зависит, в конечном счете, вся стратегия борьбы.

По мнению некоторых ученых-исследователей, в современных военно-теоретических взглядах на войну, содержащихся в документах военного планирования и реализующихся в практике американского военного строительства нашли свое отражение целый ряд новых тенденций в военном деле. Среди них, в частности, российские военные эксперты В. Евдаков и В. Домрачев, отмечают⁴⁴:

⁴⁴ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013. С. 86.

- значительное повышение напряженности и темпа ведения военных действий, что потребует более высокого, чем прежде, уровня взаимодействия всех видов вооруженных сил, нашедшего свое отражение в концепциях «объединенных сил», «экспедиционных формирований» и ряде других, основанных на широком применении автоматизированных боевых информационно-управляющих систем и ВВТ, созданных на основе последних технологических достижений;
- стремление к первоочередному достижению информационного превосходства над противником как одного из основных условий успешного ведения военных действий, что свидетельствует о повышении роли информационного обеспечения, фактически превратившегося из вида оперативного (боевого) обеспечения действий войск в важнейшую составляющую вооруженной борьбы;
- трансформация в период до 2015–2020 гг. логико-временного построения операции, выделение в ее структуре логической последовательности этапов, выстроенных по степени важности и обеспечивающих эффективное достижение целей военных действий на фоне непрекращающегося информационно-психологического воздействия на население и вооруженные силы противника;
- расширение пространственной сферы ведения военных действий, предоставляющее возможности всеобъемлющего воздействия на противника одновременно в воздушно-космическом пространстве, на суше и на море, в информационной сфере на всю глубину его территории (оперативного построения сил) и с различных направлений⁴⁵;
- сохранение «операции» как главной и основной формы ведения военных действий, появление новых видов операций

⁴⁵ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013. С. 87.

- (космических, противоракетных, информационно-психологических, радиоэлектронно-огневых, роботизированных и др.);
- переход от количественных критериев расчета соотношения боевых возможностей к качественным, выход на ведущее место соотношения по высокоточному оружию, оружию на новых физических принципах;
 - относительное снижение роли наземных сил в достижении целей военных действий и выход на первый план видов вооруженных сил, на вооружении которых имеется высокоточное оружие и оружие на новых физических принципах (военно-воздушные, военно-морские, космические силы, а также войска радиоэлектронной борьбы)⁴⁶;
 - сокращение сроков выполнения боевых задач и общего времени проведения операции, связанное с высокой эффективностью оружия;
 - использование высокоточных сил и средств поражения, необходимых для решения типовых задач, непосредственно влияющее на необходимость и масштабы применения ядерного оружия;
 - усиление централизации и автоматизации управления, с одной стороны, и децентрализации исполнения (предоставление нижестоящим командирам полной самостоятельности при выборе сил, средств и способов действий) — с другой;
 - появление новой концепции ведения военных действий в едином информационном пространстве с использованием объединенных информационно-управляющих сетей и формирования высокой сетевой архитектуры — глобальные и локальные информационные сети⁴⁷.

⁴⁶ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013. С. 87.

⁴⁷ Там же. С. 88.

При этом подчеркивается, что в соответствии с национальной военной стратегией США применение группировок американских вооруженных сил должно осуществляться в соответствии со следующими принципами:

- военная сила должна применяться решительно и целенаправленно, что требует заблаговременного и тщательного анализа обстановки⁴⁸;
- вооруженные силы должны применяться комплексно в интересах максимального использования уникальных возможностей каждого вида вооруженных сил;
- применение вооруженных сил США предпочтительно в составе военно-политических союзов или коалиционных группировок войск (сил)⁴⁹.

В целом, за счет создания и принятия на вооружение новых боевых и обеспечивающих систем и средств планировалось существенно повысить способность вооруженных сил вести решительные боевые действия и достигать всеобъемлющего превосходства над любым противником. В то же время каждый из них должен применяться в боевой обстановке по своему предназначению и служить инструментом, усиливающим возможности человека в бою.

Прежде всего, от адекватности и своевременности оценки развивающегося сценария ЧЦ и вытекающего из него сценария МО, зависит стратегия нашей страны и ее союзников, т. е. точность определения целей, задач и адекватность в выделении необходимых ресурсов. Необходимо ясно понимать, каковы главные цели потенциального противника. Исторически военно-политические цели, которые достигались в ходе войны,

⁴⁸ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013. С. 88.

⁴⁹ См.: Евдаков В. И., Домрачев В. Б. Взгляды на применение вооруженных сил США в войнах начала XXI века // Вестник академии военных наук. №2. 2008.

сводились к уничтожению армии противника и оккупации его территории (столицы, важнейших центров и коммуникаций), что политически закреплялось потом в условиях победы. Однако в конце XX и XXI веке эта традиция была фактически исчерпана и стала ненужной: уничтожение армий, правительств и оккупация территории, как политические цели, были заменены на навязывание своей политической воли, норм управления и поведения, т. е. достижения политической победы одной конкретной цивилизации над другой. В этой связи необходимо прокомментировать схему бывшего советника НГШ ВС РФ И. М. Попова⁵⁰.

Представляется, что главная и конечная цель западной локальной цивилизации иная — раздел РФ на отдельные само-

⁵⁰ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И. М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>

стоятельные (даже суверенные) регионы является неизбежной, но промежуточной целью. Только разделенная Россия, также как до этого СССР, а перед этим ОВД, может согласиться на следующие условия сосуществования с Западом, которые во втором десятилетии XXI века просматриваются очень точно:

- признание ограниченного суверенитета и отказа от контроля над территорией, природными ресурсами и транспортными коридорами;
- отказа от самостоятельной внешней политики, не совпадающей с внешней политикой США и Запада;
- признание тех правил и норм поведения, которые будут в тот или иной период времени определяться США;
- признание «универсальных» культурных, духовных и иных ценностей западной цивилизации и др.

Это важно понимать потому, что признание этих условий неизбежно означает ликвидацию суверенного государства и (что еще важнее) постепенную ликвидацию русской нации. Контроль над правящей элитой, территорией, ВС и политикой — промежуточные цели, которые необходимо достичь для решения главных задач. Способы, приемы и тактику достижения этих целей, также важно знать для понимания разработки адекватных ответных мер.

С точки зрения времени, этапности решения этой стратегической задачи, она, безусловно, делится на два крупных этапа, о которых точно сказал И. Попов, но которые требуют конкретизации и уточнения (см. рис. 22.20)⁵¹.

Так, этап «Революция», описанный И. Поповым, в действительности начинается не с расшатывания ситуации в России, а с подмены господствующей у нации и общества системы ценнос-

⁵¹ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И. М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>

Два этапа наиболее вероятного сценария реализации стратегии Запада по геополитическому уничтожению России

Рис. 22.20

тей на враждебную систему. Именно так происходило в СССР, когда материальные, потребительские ценности Запада стали вытеснять не только коммунистическую систему ценностей, но и национальную.

Этот этап — крайне важен, и без него невозможно «расшатывание» государства, переход к дискредитации его институтов и элиты. В СССР период 70-х — начала 80-х годов был периодом «кухонной оппозиции» не только правящей элите, но и «совку», системе ценностей общества, который начался с критики качества производимой продукции и услуг, т.е. отнюдь не политической системы.

Для постсоветской Украины этот этап также имел самое важное значение: нужно было создать, по сути, «с нуля» новую нацию и новое государство на основе враждебной России системе ценностей, но «вписывающейся» в систему ценностей западной локальной цивилизации.

Важно отметить, что и в других разделах I этапа есть существенные коррективы, среди которых важно обязательно отметить внешнее силовое вмешательство, которое осуществляется уже на самых ранних стадиях этого этапа: провоцирование кризиса, внутригосударственный конфликт, а тем более гражданская война развиваются при непосредственном внешнем вмешательстве еще на стадии «внутреннего военного конфликта», а иногда и лежат в основе этого конфликта.

22.7. Стратегия реализации доминирующего сценария формирования стратегической обстановки по отношению к России

Учитывая огромную численность переменных величин и факторов, влияющих на формирование сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО, можно сделать вывод о том, что окончательную численность и характеристику сценариев развития СО до 2030, а тем более до 2050 годов, дать невозможно. Однако это отнюдь не означает, что не следует пытаться это делать. Важно, чтобы из всего спектра возможных сценариев развития СО, во-первых, «не выпал» ни один теоретически возможный сценарий, а, во-вторых, наибольшее внимание было обращено на вероятные сценарии развития СО, которые могут просматриваться в долгосрочной перспективе.

Поэтому в качестве рекомендации предлагается следующее: необходимо готовиться к максимально широкому спектру в развитии сценариев СО к 2030 годам и исходить из того, что к 2050 годам этот спектр будет неизбежно дополнен качественно новыми сценариями, о которых невозможно пока даже предположить во втором десятилетии XXI века.

Сказанное означает, что необходимо таким образом организовать распределение национальных ресурсов, чтобы с одной стороны, максимально широко обеспечить реакцию

на вероятные внешние и внутренние угрозы, вытекающие из самых разнообразных сценариев развития ВПО и СО, а, с другой, — насколько это возможно минимизировать затраты на реализацию ответных мер.

Это означает, например, что НИОКР должны быть распространены и профинансированы по максимально широкому спектру направлений, а серийные выпуски ВиВТ — в зависимости от складывающейся ВПО и СО. Так, например, разработка наиболее перспективных систем ВТО, СНВ и ВКО должна быть, безусловно, приоритетным направлением, а их серийное производство — максимально скромным. С точки зрения приоритетов в оборонных расходах это означает, что традиционная доля НИОКР (примерно 10%) должна быть увеличена, а доля на серийный выпуск (эксплуатацию, ремонт, т. д.) — сокращена.

Формирование СО к 2030 и тем более к 2050 годам во все большей степени будет зависеть не только и даже не столько от традиционных факторов — военной политики, численности и качества ВС, ВиВТ, военной экономики и т. д., но и от невоенных факторов среди которых необходимо выделить важнейшие:

- способность государства создать и участвовать в формировании политической, экономической и военной коалиции, обеспечив себе максимально широкую поддержку среди других государств и минимальное количество враждебных оппонентов;
- способность обеспечить защиту цивилизационных ценностей, национальную идентичность и качество НЧК и его институтов;
- качества социально-экономических условий;
- политического руководства и правящей элиты;
- количества и качества институтов гражданского общества и т. д.

Это означает, что для анализа и стратегического прогноза сценариев развития СО будет необходимо в возрастающей

степени учитывать невоенные факторы силы, определяющие конкретную СО. В качестве примера можно привести СО, сложившуюся летом 2014 года на Украине, которая во многом определялась именно невоенными факторами, в то время как классическое соотношение военных сил было 1: 10–15 в пользу федерального руководства.

События на Украине — хорошая иллюстрация логики предыдущих рассуждений. Так, с точки зрения последовательности в развитии сценариев можно признать, что конфликт стал следствием:

- искусственного создания противостояния между локальными цивилизациями (западной и православной) и целенаправленного развития сценария локального цивилизационного конфликта;
- постепенное вычленение сценария развития новой ВПО, когда Украина фактически стала союзником США, НАТО и ЕС;
- выделение из этого сценария ВПО сценария развития СО в восточных регионах страны, т. е. локального военного конфликта.

Конфликт на Украине очень хорошо иллюстрировал характер и средства новых войн и вооруженных конфликтов. Так, традиционное использование крупных масс сухопутных сил — армий, дивизий и бригад — оказалось ограниченным, а их соотношение — перестало иметь ключевое значение.

Таким образом, рассматривая возможные (потенциальные) и вероятные сценарии развития СО необходимо, прежде всего, анализировать их как следствие развития МО и ВПО. Это означает, что классический подход — анализ развития военного искусства, тенденций в развитии ВиВТ — перестает быть абсолютным.

Целесообразно в качестве примера рассмотреть некоторые сценарии развития СО в качестве попытки использования предложенных рекомендаций.

22.8. Сценарий развития глобальной стратегической обстановки в качестве последствия создания системы ПРО США

Реализацию военно-политических планов вообще и стратегической ПРО США, в частности, необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте глобальной внешнеполитической и военной стратегии США, а не только в военно-техническом плане. Эта стратегия по-прежнему предполагает в качестве важнейшего приоритета политики возвращение возможности использования военной силы для продвижения своей системы ценностей, правил и норм поведения в мире. И глобальная ПРО в таком контексте рассматривается, прежде всего, как реальный способ «понизить порог» использования военной силы, вернуть эту функцию в отношении США со странами, обладающими стратегическим потенциалом, либо располагающими средствами (как, например, Иран), способными увеличить военные риски.

Не случайно В. Путин в последние годы акцентирует внимание на ценностные характеристики политики. Можно сказать, что явственно эти акценты проявились еще во второй половине первого десятилетия XXI века, но стали доминирующими в 2012–2014 годы. В том числе они были практически подтверждены развитием кризиса на Украине, когда стало наглядно видно, что американская внешняя политика сознательно и целенаправленно на протяжении 25 лет превращала Украину в русофобское государство.

Прежде, вплоть до последнего времени, политиками и экспертами понималось, что создание глобальной системы ПРО США, безусловно, дестабилизирует ситуацию. Эта политическая позиция и аргументация сохраняются и сегодня. Что, собственно говоря, и явилось главным мотивом заключения Договора по ограничению ПРО 1972 года. Однако сегодня сохраняется

и другая позиция, отрицающая дестабилизационное значение ПРО и опасность развития других видов оружия. Так, говоря о дестабилизирующем значении ПРО, некоторые эксперты (в т. ч. российские) полагают, что внезапный ядерный удар невозможен в принципе. В качестве аргументации они предлагают следующую логику. Ему (ядерному конфликту) должен предшествовать политический и военный конфликт. Как пишут авторы доклада РСМД, излагая такую точку зрения, «прежде всего, необходимо учесть, что ядерная война не может возникнуть внезапно, как и невозможен внезапный ядерный удар. Даже в разгар «холодной войны» такой сценарий не относился к числу вероятных сценариев. Без сомнения, ядерной войне будет предшествовать период крайнего обострения политической конфронтации, выполнения мероприятий по повышению готовности войск, создания группировок на угрожаемых направлениях, частичного или полного выполнения мобилизационных мероприятий и т. д. С высокой вероятностью ядерному конфликту будет предшествовать военный конфликт, с применением только обычного оружия. Отсюда следует, что военно-политическое руководство каждой из сторон будет в готовности к своевременному реагированию на факт ядерного нападения. Тем более, не вызывает сомнения готовность боевых расчетов на всех пунктах управления и готовность самой системы боевого управления. Подводные лодки со стратегическим оружием будут находиться на патрулировании, мобильные МБР рассредоточены, самолеты стратегической авиации в готовности к взлету или частично в режиме дежурства в воздухе»⁵².

Хотелось бы, однако, серьезно возразить такой позиции. Уже говорилось об автоматизме в принятии решений, когда ответная реакция реализуется на основе разработанных сложных (и поэтому не всегда совершенных) алгоритмов. Но необ-

⁵² Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. М. Спецкнига, 2012. С. 40–41.

ходимо добавить следующее. Во-первых, военно-политическая обстановка и отношения могут меняться стремительно, в течение нескольких дней, а иногда и часов (конфликт с Грузией 2008 года — очевидный пример), а военные потенциалы — десятилетиями. Никто не может гарантировать, тем более, если у одной из сторон будет эффективная ПРО, что в случае резкого обострения она не воспользуется такой потенциальной возможностью. Во всяком случае, игнорировать этот факт — наивно, хотя именно это и делают некоторые политики и ученые. В том числе и в России. Особенно если противоположные стороны будут знать, что вероятность безнаказанного использования СНВ будет высока.

Во-вторых, сама по себе потенциальная возможность нанесения разоружающего удара (обладая гарантией безнаказанности) ставит другую сторону в заведомо невыгодную позицию, когда ей можно диктовать (или пытаться) политические условия и даже шантажировать. Это «косвенное» использование военной силы сродни «мягкой силе», но является на деле наиболее эффективным внешнеполитическим инструментом. В этих условиях США могут пойти даже на одностороннее сокращение СНВ (или их ликвидацию). Как следует из доклада движения «GlobalZero», подготовленного авторитетными американскими специалистами, одностороннее сокращение ядерных вооружений вполне даже компенсируется высокоточными обычными средствами, если Россия не развернет свою систему ВКО. В докладе также отмечается, что сокращение и снижение уровня боеготовности ядерных сил США создадут условия для договоренностей России и США по ПРО. Судя по отношению академика С. Рогова к этому докладу, он всерьез рассматривает такую возможность⁵³, хотя и без того ясно, что «замена» СНВ США на высокоточные системы, вкупе с глобальной ПРО, ведет

⁵³ Рогов С.М. ПРО для США стала религией // Независимая газета. 2012. 7 июля.

к простому снижению, даже уничтожению «ядерного порога» и превращает саму идею ядерного сдерживания в архаизм. Понятно, что это вполне бы устроило США, но насколько это будет устраивать Россию?

В этой связи, очевидно, не могут не настораживать (если не оставаться наивным) следующие тенденции в развитии вооружений и военной техники. Прежде всего, в области средств воздушно-космического нападения (СВН). По оценке Генерального конструктора Концерна «Алмаз-Антей» П. Созинова, например, к 2025–2030 годам ситуация в этой области может выглядеть следующим образом (рис. 22.21)⁵⁴.

Рис. 22.21

Последствия стремительного развития СВН в последние два десятилетия уже привели к тому, что:

⁵⁴ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 2.

- сроки уничтожения всего обозначенного спектра целей сокращаются с нескольких месяцев до нескольких недель, что позволяет сделать вывод о том, что к 2025 году вся воздушно-космическая операция сведется к нескольким дням, а, может быть, даже часам;
- при том же количестве самолёто-вылетов количество уничтоженных объектов увеличиваются в несколько раз, а в будущем — в десятки раз. Речь уже может идти об уничтожении не десятков, а сотен тысяч целей при незначительном увеличении числа боеприпасов;
- количество используемых боеприпасов при этом существенно возрастает (в несколько раз), что предполагает обладание заметным запасом, который будет использоваться в исключительно короткий период времени. Так, только одна ПЛАРК «Флорида» использовала против Ливии в 2011 году столько же КРМБ, сколько за всю войну против Ирака в 1991 году. Не случайно, ускоренными темпами идет переоснащение ПЛАРК США способных нести большое число КРМБ большой дальности.

С точки зрения стратегического соотношения сил между Россией и США подобное развитие событий ведет к тому, что морской компонент ВТО США, при увеличении дальности КР «Томагавк» с нынешних 2500 км до 4000 км, будет способен к массированному «разоружающему» удару по всей территории РФ без использования СЯС, которые в этом случае останутся гарантом для нанесения повторного, уже ядерного удара по России. Этот «расклад» к 2020–2025 годам хорошо виден на следующей карте (рис. 22.22).

По мере совершенствования потенциалов СЯС обеих сторон, появления качественно новых систем боевого управления, стратегических неядерных вооружений и новых технологий противовоздушной и противоракетной обороны ситуация становится принципиально иной: усиление ПРО (до способности нивелировать стратегический потенциал) по мере сокращения

Рис. 22.22⁵⁵

СНВ сторон может рассматриваться как нарушение стратегической стабильности и ядерного сдерживания, а взятые оба процесса в комплексе, — как очевидная угроза национальной безопасности нашей страны. Понятно, что потенциал ответного удара обесценивается не только с военной, но и с политической точки зрения.

Надо понимать, что количественное сокращение потенциалов СНВ России и США неизбежно не только в силу достигнутых договоренностей по ДСНВ-3, но и в силу морального и физического устаревания СЯС обеих держав, их вытеснения высокоточными стратегическими неядерными вооружениями. Во многом это естественный процесс морального и физического устаревания, но развертывание в перспективе глобальной ПРО

⁵⁵ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 7.

уже сегодня ставит трудноразрешимую проблему: каким образом компенсировать нарастающую дестабилизацию, ведь сегодня нет соглашений ни по ограничению СНВ Китая, Франции и Великобритании, ни ограничений на массированное развертывание СКР или ударных беспилотных ЛА, ни будущих ГЗЛА.

Остаются расчеты только по СНВ США и России, которые выглядят следующим образом. Даже сегодня, учитывая тенденции развития ПРО, систем боевого управления, ВТ и вооружений, соотношение СЯС России и США не выглядит убедительным. Особенно, если учитывать темпы ввода в строй новых поколений МБР и БРПЛ в России и «провальные» десятилетия в НИОКР в российской ВКО. Тем более, это соотношение будет неопределенным после 2020 года, когда значительная часть потенциала российских РВСН исчерпает ресурс эксплуатации.

Понятно, что руководство нашей страны учитывает и эти варианты. Как отметил президент России В. Путин, «Вероятность глобальной войны ядерных держав друг против друга не высока, таковая означала бы конец цивилизации. Однако нужно учитывать, что научно-технический прогресс в самых разных областях, начиная от появления новых образцов вооружений и военной техники и заканчивая информационно-коммуникационными технологиями, привёл к качественному изменению характера вооружённой борьбы. Так, по мере массового принятия на вооружение высокоточных неядерных средств большого радиуса действия всё более чётко будет проявляться тенденция закрепления за ними роли оружия решительной победы над противником, в том числе и в глобальном конфликте»⁵⁶.

Это вполне реальная перспектива до 2020–2022 года, которая уже подкреплена соответствующими решениями в стратегическом планировании, конкретными программами, НИОКР и финансированием. Это — реальность, от которой

⁵⁶ Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.

США не откажутся ни при каких обстоятельствах. Но возможны, более того, вероятны, новые технологические прорывы, заделы которых были сделаны в предыдущие десятилетия. Как отметил В. Путин, «Большое, если не решающее, значение в определении характера вооружённой борьбы будут иметь военные возможности стран в космическом пространстве, в сфере информационного противоборства, в первую очередь — в киберпространстве. А в более отдаленной перспективе — создание оружия на новых физических принципах (лучевого, геофизического, волнового, генного, психофизического и др.). Всё это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей»⁵⁷.

Эти прорывы сегодня трудно прогнозировать. Но, как показывает человеческая история, они неизбежны, если для этого есть соответствующий «социальный заказ». А он есть: кризис 2008–2012 годов показал, что не только в мире ослабли позиции США и модель их поведения доказала свою неэффективность и опасность, но и в самих США можно ожидать радикальные кризисные явления. И не только финансовые, экономические, но и социальные, и политические. Как в этих условиях поведут себя правящие круги США, никто не знает.

Пока что можно констатировать, что в настоящее время параллельно стремительно увеличиваются возможности США в области ПРО в различных регионах, которые направлены на нейтрализацию СНВ не только России, но и Китая. Может быть, даже, прежде всего Китая. Развертывание морских (мобильных) систем ПРО означает, что они могут быть в короткие сроки переброшены в любой регион мира, что вкупе с создаваемым США «поясом» ПРО от Австралии до Аляски, может серьезно изменить соотношение сил в АТР. И это не далекая

⁵⁷ Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.

перспектива, а уже нынешняя реальность. Так, противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1B, запущенная с корабля ВМС США, поразила учебную боеголовку баллистической ракеты среднего радиуса действия, стартовавшей с полигона на Гавайских островах в ходе испытаний в июне 2012 года.

В мае 2012 года противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1B системы ПРО Aegis, запущенная с корабля ВМС США в районе Гавайских островов, поразила учебную баллистическую ракету ближнего радиуса действия. Это второе подряд успешное испытание новейшей противоракеты. Таким образом, мобильные системы ПРО ракет среднего и ближнего радиуса уже испытаны и стали фактом. В то же время, США пока не удалось создать противоракету, способную перехватывать МБР и БРПЛ. Разработка SM-3 Block 1A, предназначенной для этой цели, пока затягивается.

Тем не менее, США продолжают реализовывать программу создания европейской системы ПРО. Как сообщалось в прессе, американцы разместят на базе в Роте (Испания) четыре ракетных эсминца, оснащенных многофункциональной боевой информационно-управляющей системой Aegis. Эти системы легко могут быть направлены в любой регион планеты, а численность их развертывания доведена практически до любого уровня. Платформ — судов и других, в т. ч. наземных средств, — достаточно много.

В 2014 финансовом году, который начинается 1 октября 2013 года и заканчивается 30 октября 2014 года, на базу в Роте уже переведены эсминцы Ross и Donald Cook с базы в Норфолке, штат Вирджиния. В 2015 финансовом году на базу в Роте будут переведены эсминец Porter, также базирующийся в Норфолке, и эсминец Carney из Мейпорта, штат Флорида. По сообщению МО США, эти боевые корабли должны быть задействованы не только в противоракетной обороне Европы, но и в случае

необходимости могут быть переброшены в распоряжение Центрального командования ВС США, т. е. в регион Персидского залива и Аравийского моря⁵⁸.

Об этом сообщает Wall Street Journal, ссылаясь на чиновников американского Министерства обороны. «Наша риторика сфокусирована на Северной Корее, — сказал Стивен Хилдрет, эксперт исследовательской службы Конгресса США. — Но на самом деле мы в долгосрочном плане смотрим на слона в комнате, то есть на Китай». Система ПРО будет покрывать все большие пространства Азии. Новый радар разместится в Японии, а еще один — возможно, в Юго-Восточной Азии, например, на Филиппинах. Они будут связаны с кораблями и наземными базами, на которых располагаются ракеты-перехватчики. Этот план представляет собой часть новой стратегии президента США Барака Обамы, которая предусматривает переброску военных ресурсов в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Сейчас в распоряжении США есть 26 кораблей, оснащенных противоракетным оружием. К 2018 году их число увеличится до 36⁵⁹. Ключевую роль в сохранении американского влияния в Азии играют авианосцы⁶⁰, но, видимо, в будущем эта роль перейдет к платформам, оснащенным системами ударного наступательного и оборонительного оружия.

⁵⁸ США испытали противоракету для ЕвроПРО / Эл. СМИ «Взгляд». 2012. 27 июня / <http://vz.ru/news/2012/6/27/585761.html>

⁵⁹ Здесь следует сказать, что считать собственно корабли-носители ракет, обладающие способностями ПРО, бессмысленно. Существующие оценки базируются на подсчете количества противоракет, фактически развернутых на кораблях. В то же время применять эти противоракеты способен любой эсминец или крейсер УРО ВМФ США – достаточно просто взять их на борт. Таким образом, потенциальное количество платформ ПРО ВМФ США составляет 84.

⁶⁰ Скосырев В. США создают противокитайский ракетный щит // Независимая газета. 2012. 24 августа. С. 1, 4.

22.9. Сценарии возможного формирования стратегической обстановки на базе военного конфликта в Юго-Восточной Азии

Формирование СО — суть создание благоприятных условий для возможной будущей войны. Это — политика, причем в ее конкретном виде. Изменение в соотношении сил и, как следствие, изменения ВПО в АТР, неизбежно приведут к осложнению СО в регионе, которую можно будет характеризовать как серию военных конфликтов. Но это — не единственная причина. Другая причина заключается в том, что США хотят продемонстрировать публично свое намерение сохранить контроль в АТР и Юго-Восточной Азии, в т. ч. с помощью военной силы. Ситуация повторяет стратегическую обстановку, возникшую в Европе после распада ОВД и СССР, когда США на примере Югославии показали, кто контролирует Европу в постсоветский период. Как справедливо заметили российские эксперты, «Анализ хода самой агрессии, и её наиболее очевидных результатов, позволяет сделать вывод, что главным мотивом агрессии явилось стремление руководства НАТО заявить о своих претензиях на мировое господство и об особой военно-полицейской роли альянса в Европе.

При этом руководством альянса преследовались также следующие цели:

- продемонстрировать решимость НАТО любой ценой добиться урегулирования косовской проблемы на своих условиях;
- существенно подорвать военно-экономический потенциал СРЮ и лишить федеральную власть страны возможности проводить в будущем силовые акции в Косово;
- способствовать установлению в Косово, а по возможности

ти и в самой Югославии, пронатовского марионеточного режима;

- вывести из-под юрисдикции международных институтов процессы урегулирования кризисов и конфликтов, что должно являться, по мнению руководства альянса, прерогативой только лишь НАТО и доминирующих в альянсе США;
- установить контроль над таким стратегически важным районом, как Балканы.

В силу этого, очевидно, что агрессия НАТО против Югославии, равно как и последовавшая затем оккупация Косово, — продуманная и принятая к исполнению стратегия США и НАТО, реализуемая независимо от действительного положения дел в Югославии и политики ее руководства. Для руководства НАТО в этом плане был принципиально важен сам факт военно-силового разрешения косовского кризиса, как демонстрации военной мощи блока и готовности его руководства применить ее на практике в дальнейшем⁶¹.

Военный конфликт в Юго-Восточной Азии может стать в среднесрочной (до 10 лет) перспективе наиболее вероятным конфликтом, в результате которого произойдет крупномасштабная война между США, Японией и ряда других стран, с одной стороны, и Китаем (и, возможно, другими странами Евразии), — с другой. Причиной этому могут стать стремительно нарастающие противоречия в АТР, а также, то обстоятельство, что именно восточные регионы КНР являются концентрацией людской и экономической мощи страны, но они же — наиболее уязвимы при внешнем нападении.

Учитывая, что средства, в т. ч. ВТО морского базирования США, развиваются быстрыми темпами, можно говорить о том, что противники КНР будут уже к 2020 годам обладать достаточным количеством оружия для ведения полномасштабных

⁶¹ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013. С. 49.

действий в Юго-Восточной Азии. На этом фоне ухудшение отношений КНР и Японии достаточно символично. Оно демонстрирует фундаментальные в своей основе разногласия между двумя странами — в области безопасности и системы ценностей.

Как справедливо заметил эксперт в этой области А. Лукин: «Экономическая и политическая мощь Китая, основанная на длительном периоде успешного экономического роста, год от года увеличивается. Рост китайской экономики способствует углублению экономического сотрудничества с основными партнерами, в том числе и с Японией. Объем торговли между двумя странами в прошлом году достиг 345 млрд долл. США. Япония является крупнейшим инвестором в китайскую экономику, для нее Китай — ведущий торговый партнер, как в области импорта, так и экспорта.

Казалось бы, двум странам необходимо решительно избегать любых споров. Ведь серьезный конфликт нанесет непоправимый ущерб обеим странам, каждая из которых испытывает экономические сложности. Но экономические соображения не всегда определяют отношения между странами. Достаточно вспомнить, что накануне нападения Германии на СССР в 1941 году две страны были тесными экономическими партнерами. Экономическая взаимозависимость, конечно, является фактором, сдерживающим японо-китайскую конфронтацию. Но есть еще соображения политического, националистического, психологического характера»⁶².

Поэтому отношения Китая с Японией, да и рядом других государств Юго-Восточной Азии, вряд ли можно назвать стабильными в будущем. Тем более что не только не решены многие территориальные вопросы, но и возникают новые. В этом контексте проблема ядерного сдерживания уже распространяется не только на российско-американские отношения, но и на китайско-японские, китайско-индийские, китайско-вьетнамские,

⁶² Лукин А. Токио – Пекин: психология конфликта / Эл. Ресурс. Портал МГИМО. 2012. 3 октября / <http://www.mgimo.ru>

китайско-индонезийские, тайваньские и др. отношения государств Юго-Восточной Азии. При этом Соединенные Штаты вносят свой, безусловно, дестабилизирующий элемент в это ядерное уравнение, развертывая свои наступательные и оборонительные системы, продвигая на рынки во все больших масштабах свои высокоточные вооружения.

Очень важная сторона проблемы, о которой пока еще мало говорят, заключается в том, что стремительно совершенствующийся и растущий количественно потенциал высокоточного неядерного оружия в Евразии девальвирует не только ядерное сдерживание, но и серьезно, качественно понижает порог использования военной силы, делает этот инструмент более привлекательным для многих стран. Причем существует определенная неконтролируемая тенденция «расползания» ВТО в Евразии. Так, по версии, продвигаемой спецслужбами США и Израиля, Китай плотно сотрудничает с Ираном в области ракетных и ядерных технологий. В частности, выявлены три варианта двух противокорабельных ракет, которые в Иране строятся под другими названиями. Среди них новейшие разработки С-701Т с электрооптической системой наведения и ее вариант С-701R, оснащенный системой наведения на сигнал радара.

С учетом получаемых ЦРУ данных, США ввели санкции против девяти китайских компаний, которые были уличены в иранской программе по строительству баллистических ракет (China Great Wall Industry Corporation, Norinco, Catic и др.). По данным иностранных СМИ, начиная с 1990-х годов, Китай поставляет Ирану крылатые ракеты воздушного, наземного и морского базирования, а также компоненты к ним. С началом нового тысячелетия источники ЦРУ стали обращать внимание, что иранское ракетное оружие, а также подводные лодки Ирана, его мины и торпедные катера могут быть использованы против военно-морских сил США на Ближнем Востоке и, соответственно, нарушить поставки нефти из стран Персидского залива. Согласно тем же источникам, Китай поставил в Иран «важные

компоненты» для разработки ядерного оружия, производства отравляющих газов, ракетного топлива, а также, в американской интерпретации, «реактор для научных исследований»⁶³.

Ряд аналитиков отмечают, что подобные действия России, Китая и Ирана вполне естественны и являются ответом на действия США по развертыванию ПРО. Так, индийский исследователь отмечает: «Пентагон делает все, чтобы окружить Евразию и Евразийский тройственный союз, состоящий из Китая, России и Ирана. Каждое действие, однако, порождает ответную реакцию. Ни одна из этих трех евразийских держав не будет смиренно сидеть, представляя собой пассивные цели для США. Пекин, Москва и Тегеран принимают собственные контрмеры, противодействуя военной стратегии Пентагона.

В Индийском океане китайцы развивают свою военную инфраструктуру, которую Пентагон называет китайским „жемчужным ожерельем“. В Иране идет процесс расширения, целью которого является развертывание в водах Персидского и Оманского заливов своих военно-морских сил все дальше и дальше от своих берегов. Все три евразийские державы вместе с несколькими своими союзниками размещают свои военные суда на береговой линии Йемена, Джибути и Сомали в геостратегически важном морском коридоре Аденского залива.

Американская глобальная система ПРО является составной частью стратегии Пентагона по окружению Евразии и этих трех держав. В первую очередь, эта военная система направлена на создание ядерного преимущества США для нейтрализации любого русского или китайского ядерного ответа на атаку США или НАТО. Глобальная система ПРО направлена на предотвращение какой-либо реакции или ядерного „ответного удара“ со стороны русских и китайцев на „первый ядерный удар“ Пентагона»⁶⁴.

⁶³ Мочульский А. Ф. Пекин и иранская проблема. Аналитические записки ИМИ МГИМО. М. 2012. Декабрь. С. 5.

⁶⁴ Nazemroaya M. D. Россия противодействует расширению системы ПРО США с моря. 2012. 17 ноября / <http://rostend.su/?q=node/340>

Этим планам Вашингтона фактически способствует процесс ограничения и сокращения СНВ, который поддерживается США и Россией. Возникает ситуация, когда Россия собственными усилиями не укрепляет, а ослабляет свою безопасность, особенно в контексте увеличения наступательного неядерного потенциала США, который уже фактически превратился в часть эффективного потенциала стратегических наступательных вооружений (СНВ). Что особенно заметно с конца 1980-х годов. Уничтожение Красноярской РЛС, сокращение тяжелых МБР и ликвидация ракет средней и малой дальности, безусловно, негативно повлияло на возможности ядерного сдерживания России на востоке страны и в целом в Евразии. В новых геополитических условиях актуальной проблемой становится пересмотр этих решений. Как отмечают в этой связи эксперты «Военного обозрения»: «парадоксально, что с сокращением ядерных вооружений до самых низких уровней вероятность его применения станет возрастать из-за снижения суммарного уровня наносимого им ущерба». И далее: «Смысл ядерного сдерживания устрашением в настоящее время состоит в двух положениях. Показывать вероятному противнику свою силу, возможности и способность для нанесения заведомо неприемлемого ущерба. Убеждать вероятного противника в своей воле и решимости применить по нему при необходимости ядерное оружие: сначала демонстративно в виде ограниченных или выборочных ударов, а затем и массированно в виде контрсилловых („разоружающих“ и „обезглавливающих“) и контрценностных („сокрушающего возмездия“ по городам) стратегических ядерных ударов»⁶⁵. Очевидно, что при любом из этих сценариев роль ВКО приобретает особое, принципиальное значение. Особенно до начала или на ранних стадиях конфликта.

⁶⁵ Маркелл Ф. Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.

22.10. Сценарии развития стратегической обстановки на базе создания воздушно-космического ТВД

Развитие различных сценариев ВПО и СО допускает, что при определенных условиях США создадут потенциал первого ядерного удара и глобальную и эффективную систему ПРО, которая радикально изменит всю мировую СО. Уже сегодня в этом случае можно прогнозировать, как минимум, следующие последствия:

- фактически исчезнет грань между началом применения стратегических вооружений (ядерных или обычных) и угрозой их использования; использование одиночных боеприпасов под прикрытием ПРО, отнюдь не будет расцениваться как начало полномасштабной войны. Так, применение БР «Точка-У» на Украине расценивалось в общем ряду с использованием артиллерийских систем;
- радикально расширяется спектр и масштаб применения различных неформальных вооруженных формирований — от частных компаний до нерегулярных подразделений, — а также ВиВТ, которые по тем или иным причинам могут относиться к нерегулярным формированиям;
- практически исчезает граница сдерживания против ядерных стратегических вооружений и другого ВТО, когда даже их массовое использование не ведет автоматически к применению ядерных сил ответного удара.

Так, очевидно, что новой сферой противоборства становится космическое пространство (которое Россия и Китай предложили определить, начиная с высот в 100 км)⁶⁶, в котором можно

⁶⁶ Ранее использовался еще более строгий рубеж в 60 км.

размещать уже не только военную технику, но и оружие. Если не удастся этого предотвратить, то высоты свыше 100 км будут также являться полем боя, где будет размещено ударное вооружение. В том числе новые системы ВТО, обладающие повышенной дальностью и скоростью, что делает проблему защиты от них еще более трудной, чем используемые технологии «Стелс». Вот почему в 2007 г. Россия заявила о подготовке совместно с Китаем проекта полномасштабного договора по предотвращению размещения оружия в космосе (ПРОК). В 2008 г. в рамках Конференции по разоружению этот проект был официально внесен на рассмотрение международного сообщества. Такой договор должен закреплять юридические обязательства на паритетной основе — без разделения стран на тех, кто «может иметь» оружие в космосе, и тех, кто «не может».

Основные обязательства по этому проекту договора сводятся к следующему:

- Не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом;
- Не прибегать к применению силы или угрозе силой в отношении космических объектов;
- Не оказывать содействия и не побуждать другие государства и международные организации к участию в деятельности, запрещаемой договором⁶⁷.

Однако может быть реализован и сценарий такого развития СО, когда будет создана эффективная воздушно-космическая оборона на одном из ТВД — европейском или восточно-азиатском. В этом случае уровень глобальной стратегической конфронтации, может быть, не достигнут, ограничен уровнем ТВД для России либо в Европе, либо на Дальнем Востоке.

⁶⁷ Антонов А. И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО. 2012. №4(25).

Рис. 22.23

Рис. 22.24

Это потребует от России создания ВКО ТВД, что на практике будет означать развертывание ВКО Евразии⁶⁸. Это в свою очередь представляет собой трудную экономическую, научно-техническую, но, прежде всего, политическую задачу. О том, что такая задача стоит в практической плоскости, свидетельствуют решения в создании объединенной ПВО-ВКО России и Белоруссии, России и Казахстана, а теперь уже и ВКО ОДКБ. О масштабах научно-технических и экономических проблем, которые предстоит решить, свидетельствует Генеральный конструктор ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» Павел Алексеевич Созинов (см. рис. 22.23–22.24)⁶⁹.

22.11. Сценарии развития стратегической обстановки на базе возможных военных конфликтов за Арктику и транспортные коридоры

Усиление борьбы локальных цивилизаций за природные ресурсы и допуск к ним, а также за контроль над транспортными коридорами неизбежно обостряет проблему не только геополитического и экономического, но и военного контроля над огромными территориями, по которым проходят транспортные коридоры и располагаются природные ресурсы. Примером того как контроль над природными ресурсами превращается в военно-политическую проблему становятся такие регионы как Центральная Азия и Арктика.

В частности, решением Президента РФ Северный флот выведен из состава Западного военного округа (ЗВО) и он

⁶⁸ Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО, 2013.

⁶⁹ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 9.

станет главной ударной силой нового Объединенного стратегического командования (ОСК) «Север». Новые группировки формируются в соответствии со стратегической программой «Арктика-2020», утвержденной в 2013 году. «В состав ОСК „Север“ будет включен ряд частей и соединений других видов и родов войск Вооруженных сил РФ, которые также выведут из подчинения ЗВО», — отметил он. По словам источника, формирование нового командования завершится к концу года, оно получит статус пятого по счету военного округа, хотя и не будет называться так официально. «Группировки войск, которые войдут в состав ОСК „Север“, должны быть полностью обеспечены вооружением, техникой и всеми другими материальными средствами к 1 октября и укомплектованы личным составом на 100% к 30 декабря этого года», — уточнил собеседник.

«Помимо Северного флота и других, изымаемых из ЗВО, частей и подразделений в ОСК „Север“ включают и новые группировки, развертываемые в арктической зоне, в том числе на Новой Земле, Новосибирских островах, Земле Франца-Иосифа, острове Врангеля», — добавил источник. В командование, по его данным, войдут уже имеющиеся в местах постоянной дислокации формирования других видов и родов войск, а также других силовых структур.

Оперативное управление новым командованием будет осуществлять Национальный центр управления обороной РФ. «Зона ответственности ОСК „Север“ в ее верхней части будет включать Северный полюс, разграничительная линия на юге с Тихоокеанским флотом окончательно пока, не установлена», — заключил источник⁷⁰.

По мере девальвации военно-стратегического равновесия все большую роль начинают играть уже не только великие ядерные державы, но и государства, способные обеспечить себе

⁷⁰ Гундаров В. Новый рубеж обороны России пройдет по Северному полюсу // Независимая газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

определенные позиции с точки зрения возможностей коалиционной и даже национальной военной стратегии, в которой используются высокоточные неядерные вооружения и военная техника (ВиВТ). Так, проблемы с безопасностью России возникают не только с западного, южного и восточного, но и северного направлений.

Прежде всего, речь идет о создании стратегической угрозы для России с арктического направления. Еще в самом начале первого десятилетия XXI века И. Капитанец прогнозировал, что ко второму десятилетию США будут обладать потенциалом для нанесения удара по России из Арктики⁷¹. С высокой вероятностью можно предположить, что США планируют разместить у арктического побережья России четыре ударных группировки ПЛА (УГ ПЛА):

Первая — в Баренцевом море — из трех ПЛА типа SSN-774 и двух ПЛА типа SSN-688.1;

Вторая — в Карском море — из двух ПЛА типа SSN-774 и одной ПЛА типа SSGN-726;

Третья — в западной части моря Лаптевых — из двух ПЛА — типа SSN-774 и одной ПЛА типа SSGN-726;

Четвертая — в восточной части моря Лаптевых или в западной части Восточно-Сибирского моря — из двух ПЛА типа SSN-774 и одной ПЛА типа SSGN-726.

Таким образом, с северного арктического направления планируется произвести обстрел целей:

- первая УГ ПЛА — по северной европейской части России и Уралу — до 60 КР;
- вторая — четвертая УГ ПЛА — по территории Центральной Сибири и Уралу — до 534 КР.

Подводные лодки США, находящиеся на маршрутах осевого патрулирования, занимают огневые позиции для стрель-

⁷¹ Капитанец И. М. Флот в войнах шестого поколения. М.: Вече, 2003. С. 13–14.

бы по назначенным целям. Подводные лодки типа SSGN-726, находившиеся в районах ожидания, развертываются в районы назначенных огневых позиций. 4–6 субмарин обеспечивают боевую устойчивость ударных ПЛА SSGN-726 на маршрутах развертывания в районы огневых позиций. Они же, как силы обеспечения боевой устойчивости подводных лодок SSGN-726 проводят действия по недопущению российских ПЛС в районы нахождения ПЛА.

Создаются «ложные районы боевых действий ПЛА» для отвлечения российских ПЛС. В этих районах имитируется работа радиопередающих устройств ПЛА, их шумов с помощью имитаторов ПЛ, проводятся демонстративные действия специально выделенных сил.

С получением докладов об установлении слежения за каждой российской ПЛ, занятии огневых позиций, может быть принято решение на уничтожение отслеженных российских ПЛ и, прежде всего, РПК СН.

В настоящее время РФ не располагает ПЛС, способными контролировать обстановку и вести активные противолодочные действия в районах Карского, Восточно-Сибирского морей и моря Лаптевых. И хотя возможно патрулирование этих районов противолодочной авиацией, но она за последние десятилетия претерпела существенные сокращения.

В сентябре 2012 года в Норвегии прошла встреча представителей военных ведомств североевропейских государств — Норвегии, Финляндии Дании, Швеции и Исландии, — на которой обсуждались вопросы военной интеграции, совместной военной политики и оценки потенциальных угроз. При этом, как оказывается, у всех этих стран есть «проблемы» в отношениях с Россией. В 2011 году, например, по оценке экспертов, «после принятия Россией проекта по освоению архипелага Шпицберген и начала его реализации, из Осло послышались слова протеста. Именно тогда впервые тема арктической безопасности приобрела резкие черты. Очевидно, что норвежские власти

решили просто окончательно прибрать Шпицберген к рукам, а потому российский проект явно в их планы не вписывался. Более того, использовать его в военных целях.

«Запад принялся за милитаризацию Арктики в попытке установить контроль над ценными ресурсами региона, а НАТО усиливает экспансию в этом регионе. Такое мнение в интервью „Голосу России“ высказала вице-председатель Шведского совета мира и член наблюдательного совета Глобальной сети против оружия и ядерных испытаний в космосе Агнета Норберг. Она, в частности, заявила, что „правительство Норвегии разрешило США разместить там радарные установки: в сочетании со спутниками они используются для ведения войны. Это совершенно новые способы ведения современных войн“»⁷².

С другой стороны, все остальные радарные установки используются для навигации военных самолетов и информирования пилотов о цели бомбардировок. Если посмотреть на карту, то она вся покрыта американскими радиолокационными установками. Получается, с одной стороны, у тебя есть система ПРО, которая может быть использована в оборонительных целях, а с другой стороны, может быть использована в качестве наступательного вооружения. И один из радаров этой системы ПРО установлен вблизи границ России, в норвежском Вардё.

«Я была удивлена, — продолжает известный общественный деятель, — когда русские эксперты, приехавшие на семинар по Арктике, который мы устраивали в Стокгольме в октябре, не согласились, что ситуация в регионе довольно опасная. Единственный, кто со мной согласился, был Борд Вормдал, журналист, который написал книгу „Спутниковая война“. Мне кажется, что это все из-за неосведомленности об установках вблизи границ России. А это достаточно опасно»⁷³.

⁷² Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

⁷³ Там же.

Самостоятельно Норвегия на антироссийские действия вряд ли решится, поэтому, сегодня для нее важно собрать своеобразную команду «единомышленников», которые под лозунгами арктической безопасности могут продавить инициативу об отмене положения о равноправной экономической деятельности на Шпицбергене⁷⁴. Особенно актуальными в этой связи становятся проблемы, связанные с Арктикой.

«Финляндия, — отмечают эксперты, — несмотря на достаточно внешне политическое спокойствие, устами правых сил заявляет, что пора бы поднять вопрос о статусе Карелии. И хотя здесь до Арктики далековато, но так кто же, в конце концов, будет измерять расстояние от Петрозаводска до арктических льдов с помощью линейки на географической карте. Главное — создать прецедент, а там уже погромче обозначить свою обеспокоенность»⁷⁵.

Казалось бы, что у других стран северной пятерки к России нет больших претензий, но это на самом деле не так. Если рассматривать Швецию, то оказывается, что после российско-грузинского военного конфликта шведские власти очень активно заявляли о российской «агрессии в Грузии» и о том, что эта агрессия угрожает Западу, косвенно призывая к активным действиям по нейтрализации российской «угрозы». Мало того, нейтральная Швеция все активнее заявляет о том, что видит свое дальнейшее развитие при активном сотрудничестве с НАТО.

К Дании, у официальных российских властей, тоже есть свои вопросы. Взять хотя бы проведение в этой стране так называемого Мирового чеченского конгресса, на котором собралась вся террористическая «малина», представители, которой были в свое время объявлены в международный розыск. Даже Исландия не является страной, нахождение которой в этом

⁷⁴ На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / <http://topwar.ru>

⁷⁵ Там же.

своеобразном списке союзников по борьбе с фантазмагоричной арктической опасностью вызывает много вопросов»⁷⁶.

Достигнутый полярными странами (Россия, Канада, США, Норвегия, Исландия, Швеция, Дания, Финляндия) статус-кво, отчасти сковывает инициативу антироссийских кругов и не позволяет принимать односторонних шагов. Однако институт «стран-наблюдателей» в Арктическом совете сегодня может использоваться геополитическими центрами для усиления борьбы в Арктическом регионе. К такому выводу пришли эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов, проанализировав позиции и мотивы деятельности стран-наблюдателей Арктического совета.

На сегодняшний день к странам-наблюдателям при Арктическом совете относятся Великобритания, Германия, Индия, Испания, Италия, Китай, Нидерланды, Польша, Сингапур, Франция, Южная Корея и Япония. Эти страны, имея собственные амбиции и устремления в регионе, формально не обладают правом голоса по арктическим вопросам, однако вполне могут способствовать ведущим игрокам в борьбе за отстаивание их интересов; на это и делается ставка, отмечается в докладе.

По мнению экспертов, из восьми арктических стран наибольшее внимание потенциалу стран-наблюдателей уделяет Норвегия. Эта страна ведет активный диалог с такими государствами, как Сингапур, Китай, Южная Корея, пытаясь привлечь их к решению, в том числе, и ряда вопросов в собственных интересах. Сингапур рассчитывает получить результат от «продажи» собственных достижений иным участникам арктической гонки. Именно поэтому, Сингапур, сегодня является выгодным союзником для многих иных арктических государств. Прежде всего, интересуют опыт и признание данной страны в международном морском праве. Существенными также являются опыт

⁷⁶ На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / <http://topwar.ru>

и достижения Сингапура в создании, управлении и развитии морской и прибрежной инфраструктуры, а также в судостроении, пришли к выводу исследователи Центра стратегических оценок и прогнозов.

Южная Корея среди стран-наблюдателей является одним из наиболее активных игроков в арктических вопросах, считают авторы исследования. С точки зрения Сеула, развитие Северного морского пути позволит стране не только увеличить производство кораблей арктического класса, но и приумножить товарооборот корейских портов с портами в Западной Европе. Эксперты отмечают, что Сеул в арктической политике делает ставку на сотрудничество с полярными государствами. «Наиболее близкие отношения складываются у Сеула с Россией», — говорится в докладе.

Мотивы поведения Китая в решении арктических вопросов исходят из тезиса о том, что проблемы Арктики носят не региональный, а глобальный характер. «Подразумевается, что если решения, принятые при обсуждении арктических проблем, имеют глобальные последствия, то Китай как растущая мировая держава должен иметь право голоса в них», — объясняют эксперты. Опираясь на анализ дипломатических шагов Поднебесной в течение последних 30 лет, исследователи также предполагают, что прагматические соображения будут основными факторами политики Китая в Арктике. Сегодня, согласно докладу, для защиты своих интересов в Арктике Китай сосредотачивает усилия в достижении ряда целей. Во-первых, получить более глубокое представление об отрицательных последствиях того, как изменение климата в Арктике будет влиять на окружающую среду в Китае, его климатические условия и сельское хозяйство. Во-вторых, обеспечить свое участие в Арктическом совете, чтобы постепенно усиливать влияние на принятие решений, касающихся правления в Арктике. В-третьих, одной из стратегических целей Китая, отмечается в исследовании, является обеспечение безопасности маршрутов поставки в страну

стратегического сырья от возможного воздействия на них со стороны ВМС США. В целом Поднебесная уже устойчиво интегрирована в систему решения арктических проблем: начиная от экологии, заканчивая экономикой. «Расширяя инвестиционные проекты в арктических государствах, Китай закладывает основу своего влияния в регионе. Уже сегодня через ряд крупных проектов Китай сформировал основу для выстраивания механизмов экономического давления на страны региона с целью обеспечения собственных интересов в Арктике», — резюмируют эксперты.

Есть свои интересы в северных широтах и у Страны восходящего солнца. Для Японии, как и для Сингапура, Арктика является площадкой, на которой могут найти место японские инновации и технологии. Немалую экономическую привлекательность для японцев имеет Северный морской путь: его использование увеличит товаропоток между японскими и западноевропейскими портами, а также обеспечит Японии первенство в судостроении. «Россия рассматривается японским правительством как один из главных партнеров в освоении ресурсов Арктики и судоходства по Северному морскому пути», — утверждают авторы исследования. Несмотря на это, эксперты делают замечание о том, что перспектива круглогодичного плавания по СМП увеличивает ценность Курил (порты, складская инфраструктура, объекты систем безопасности и т. д.), что придаст новый импульс спорам вокруг островов. Эксперты отмечают, что российско-японские отношения в Арктическом регионе носят коммерческий характер. В вопросах же безопасности Япония однозначно будет сотрудничать с Вашингтоном.

Что касается Индии, то она также заинтересована в участии в делах Арктического региона. Будучи гораздо более стесненной в финансах (12 млн долл. на изучение Арктики в течение следующих пяти лет), тем не менее, Индия имеет ряд векторов в своей арктической политике. Согласно докладу, прежде всего, индийцы заинтересованы в Арктике коммерчески (освоение

углеводородных запасов и участие в развитии Севморпути) и в вопросах экологической безопасности (возможная зависимость интенсивности муссонов в Индии от климатических изменений в Арктике). Стратегические партнеры Индии, согласно исследованию, Россия (в экономической сфере) и Норвегия (в научной).

Свои арктические пасьянсы раскладывают и российские соседи с Запада. Прежде всего, стоит обратить внимание на Великобританию как «привратника» Северного морского пути. Анализируя предпринимаемые Великобританией шаги в арктическом вопросе, исследователи Центра стратегических оценок и прогнозов предположили, что политика Лондона в отношении Арктики будет состоять из трех направлений. Во-первых, Великобритания будет выстраивать непосредственный диалог с США с целью разделить «на двоих» контроль над Севморпутем (Лондон со стороны Северной Атлантики, Вашингтон — с севера Тихого океана). «Соединенное Королевство как „стратегический привратник“ в Северной Атлантике и основа атлантического доминирования в Европе идеально подходит в качестве „ключевого государства“ в наступающей новой геополитической игре», — считают авторы доклада. Во-вторых, Лондон, опираясь на собственный имперский опыт, будет инициировать политику не напрямую, а с использованием потенциала Британского Содружества наций (4 страны-наблюдателя из 12 — Канада, Великобритания, Индия, Сингапур входят в Содружество). И, в-третьих, для координации собственной политики в Арктике Британия будет использовать третьи страны. Прежде всего — это Польша. Учитывая польскую активность в арктических вопросах в последние годы, а также исторические взаимоотношения Польши и Великобритании, можно предполагать, согласно экспертам, что за ней — Польшей — стоит некий замысел, сформированный не в Варшаве.

Другой значимый партнер не столько Великобритании, но Польши в Арктике — Франция. В отношении нее эксперты предполагают, что, осознавая недостаточность своих инструментов

прямого влияния, Франция делает ставку на иные региональные организации, например, Сообщество Баренцева моря. Кроме этого, Париж активно задействует потенциал «мягкой силы», привлекая некоммерческие организации и общественные структуры для формирования выгодного себе курса международной политики в Арктическом регионе. В ходе анализа французской арктической политики авторы доклада констатируют, что Франция имеет одну из самых агрессивных арктических стратегий. Ключевые интересы страны в северных широтах сосредоточены вокруг добычи углеводородного сырья (работающие в Арктике TOTAL и «Gaz de France») и промысла морепродуктов. Ключевыми игроками в регионе для Франции являются Россия и Норвегия.

Другой европейский игрок, чьи экономические интересы сосредоточены в Арктике, — Италия. Эксперты отмечают, что Арктика для Италии, как и для азиатских стран, и для Польши, к примеру, является возможностью для развития национальной отрасли судостроения. Кроме этого, Епi сегодня играет одну из ключевых ролей в освоении Арктики, в том числе и в партнерстве с российскими компаниями. «Хотя отношения между Римом и Москвой в Арктике в последние 5–7 лет приобрели характер стратегического сотрудничества, итальянское руководство не оставляет надежд на интернационализацию месторождений углеводородов в регионе, — говорится в докладе. Для давления на Россию итальянское правительство не стесняется использовать информационное влияние и следующее за ним мировое общественное осуждение деятельности Москвы». Показательна в этом плане реакция итальянского правительства на позицию Москвы в отношении судна Arctic Sunrise. Помимо этого, согласно докладу, Италия активно использует гуманитарную повестку для политического давления, прежде всего, на Российскую Федерацию. Политику Италии в арктических вопросах эксперты характеризуют как «инициативную, но не агрессивную».

Проявляет инициативу и Испания. Мадрид на сегодня является одним из наиболее последовательных проводников

арктической политики для ЕС. Несмотря на взаимовыгодное экономическое испано-российское партнерство, эта политика противоречит российским интересам в регионе, говорится в докладе. Характерный для испанцев аргумент — экологическая безопасность — имеет и вполне понятные мотивы, считают эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов: экономическое освоение арктических транспортных маршрутов снизит экономическую привлекательность атлантических и средиземноморских портов Испании.

Заинтересованной в развитии Арктического региона страной-наблюдателем являются Нидерланды. «Голландия крайне заинтересована в развитии инфраструктуры СМП в силу того, что обладает значительным опытом логистических операций, который может пригодиться при освоении арктических территорий», — отмечается в исследовании. В качестве специфики голландской арктической стратегии аналитики называют акцент на экологических последствиях индустриального освоения Арктики. «Основная цель — сформировать у мирового сообщества резко негативное отношение к любым попыткам эксплуатации ресурсов Арктики без использования специальных „зеленых“ технологий, — уверены авторы исследования. Через попытки закрепить в качестве международных стандартов высокие требования к обеспечению экологической безопасности Амстердам стремится добиться для собственных компаний благоприятных условий экспансии в Арктику». В меру недружелюбной по отношению к России, согласно исследованию, представляется арктическая политика Германии. «Несмотря на тесное сотрудничество в научно-исследовательской сфере, Германия все же выступает как стратегический геополитический противник России в борьбе за ресурсы полярных территорий», — утверждают аналитики. Тем не менее, несмотря на это, эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов уверены, что Германия остановится в своих амбициях на добыче возобновляемых ресурсов (рыба

и морепродукты), а также на эксплуатации Северного морского пути. Доступ же к энергетическим ресурсам региона, Берлин оставит на разработку своим партнерам — Норвегии и России. Роль дистрибьютора российского сырья на мировом рынке, уверены эксперты, вполне устраивает Берлин.

Подводя итог арктической политики государств, эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов выделяют ряд неоднозначных и потенциально опасных трендов в риторике стран. Во-первых, это тема глобального изменения климата и роль в них полярных регионов. «Изменения климата и роль в них Арктики является почти беспроигрышной темой, когда необходимо решать вопрос о доступе к структурам управления в регионе», — поясняют эксперты.

Во-вторых, вытекающий из первой темы вопрос экологической безопасности в регионе. «Экология сегодня позволяет принимать наиболее радикальные шаги в случае, если необходимо защитить или продвинуть собственные интересы», — говорится в исследовании. Основная цель такой деятельности — добиться принятия жестких стандартов, допускающих эксплуатацию в Арктике только судов, созданных с использованием специальных «зеленых» технологий, которыми располагает ограниченное количество стран региона. Это позволяет решать вопросы конкуренции достаточно эффективно, уверены эксперты.

В-третьих, вопрос об обеспечении международного доступа к эксплуатации Севморпути. Это означает грядущую необходимость разделять интересы арктических государств (главным образом России и Канады) и остального международного сообщества.

В-четвертых, обеспечение сохранности экосистем коренных народов Севера. Эта тема условна, хотя и эффективна, считают аналитики, она затрагивает интересы людей и позволяет привлечь к обсуждению всю практику дипломатической борьбы и пропаганды по теме нарушения прав человека.

И в-пятых, вопрос международного права в Арктическом регионе. Согласно исследованию, модернизация международного права в Арктическом регионе позволяет эффективно продвигать интересы государств, владеющих основным ресурсом, позволяющим влиять на формирование новых структур и отношений в области международного права. Это, прежде всего, выгодно и под силу сделать США, а также Сингапуру и Великобритании. Вопрос защиты собственных интересов в данном случае будет решаться путем международного давления на страну, так или иначе нарушившую установленный порядок.

**Глава XXIII.
Возможный характер
международных войн
и вооруженных конфликтов
в 2030-х и 2050-х годах
XXI века**

...украинский конфликт показывает, что традиционные методы войны уходят в прошлое и НАТО должно реагировать на любые угрозы, включая информационную войну и психологическое давление путем дислокации большого числа войск¹

*Доклад Комитета по обороне
парламента Великобритании*

Войны и вооруженные конфликты будущего будут порождаться не одним каким-либо очень весомым фактором, а сложным переплетением различных социально-политических, экономических, национальных и религиозных противоречий и причин, которые следует учитывать при раскрытии стратегического содержания вооруженной борьбы будущего²

*Ю. Погодин, П. Иванов,
военные исследователи*

По своему характеру каждая война или военный конфликт — совершенно исключительное и конкретное историческое явление, — которое отличается от других войн и конфликтов как расстановкой сил, политическими целями, так и используемыми силами и средствами и другими характерными чертами и условиями. В этом смысле каждая война абсолютно не похожа на другую и не может быть «штампом», образцом для объяснения

¹ Towards the Next Defense and Security Review: Part Two — НАТО, HC 358. 2014. 31 July.

² Погодин Ю. И., Иванов П. Е. Мобилизационная подготовка и здравоохранение. М. 2006.

и подражания. Определенная похожесть войн и конфликтов в конкретную историческую эпоху не может означать, что существуют некие универсальные закономерности и особенности войн. Тем более не похожи цели, средства и последствия войн, даже если их разделяет небольшое время.

Итак, существует ось времени: настоящее, прошлое и будущее. И существует целый ряд фактов, неустойчивых, но вполне признанных которые свидетельствуют о том, что достоверное знание о будущем может присутствовать в настоящем. Это так называемое вневременное знание и отвечает на ключевой вопрос футурологии: «Откуда можно узнать будущее, если оно еще не произошло?». В практическом смысле возможность существования подобного знания означает, что существуют некие миры, течение времени в которых отличается от привычного нам, для которых наше прошлое и будущее равно известно. Это невозможно осознать логически, так же как и построить на основе этого представления некий достоверный прогноз. Но есть и несколько другой подход, основанный на предположении, что ось времени едина и неразрывна³.

³ Сулакшин С.С. О существовании и познаваемости будущего / Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы научной конференции 4 июня 2010 г. М.: Научный эксперт, 2010. С. 33.

23.1. Фазовые изменения в характере международных войн XXI века

В качестве примера столкновения различных подходов определения характера международных войн приведем оценку угроз и рекомендации по их нейтрализации С. Перслегина: «стране необходимо быть готовой к последовательному или даже одновременному ведению одной внутренней войны („чеченского типа“), одной локальной войны (вероятнее всего — на Дальнем Востоке) и одной большой войны — с США и/или НАТО. Из этой концепции трех войн и следует исходить при стратегическом планировании.

Геополитическое положение России подразумевает возможность возникновения трех сухопутных театров военных действий — Европейского (западные границы России), Тихоокеанского (Российский Дальний Восток) и Южного (Южная граница России, Кавказ). В еще более сложном положении оказывается флот, которому необходимо распределить свои силы между Тихим океаном, Полярными морями, Северной Атлантикой, Балтийским морем, Черным и Средиземным морем, Каспийским морем, — причем маневр силами между океанами в мирное время затруднен, а в военное — практически невозможен. Поэтому, если сухопутные силы и авиация имеют в своем распоряжении стратегию действия по внутренним операционным линиям („Маятник“), то флот такой возможности лишен, и должен быть сильным на каждом из своих потенциальных ТВД.

Мы сталкиваемся с целой системой военных угроз:

1. Со стороны США. Обоснованием таких действий может быть:
 - 1) необходимость захвата углеводородных запасов РФ как средства обеспечения американской валюты (по Иракскому механизму);

- 2) потребность в сравнительно масштабной войне для стимулирования экономического развития (по механизму, использованному Ф. Рузвельтом);
 - 3) желание „добить“ некогда опасного конкурента, обладающего ядерным оружием и являющегося потенциальным центром кристаллизации всех антиамериканских сил в мире.
2. Со стороны Европейского Союза (прежде всего, Германии и Польши). Обоснованием такой войны может быть:
 - 1) Необходимость поставить под свой контроль углеводородные ресурсы, потеря которых окажется критичной для европейской экономики;
 - 2) Реванш за Вторую мировую войну и „социалистическую оккупацию“;
 - 3) Распространенные на Западе антирусские настроения (Империя Зла).
 3. Со стороны Японии. Обоснованием такой войны является отсутствие мирного договора между РФ и Японией, проблема „северных территорий“, нарушение Советским Союзом договора о ненападении с Японией в августе 1945 года. Реальной целью войны — снижение пассионарного „выплеска“ в Японии, изменение в свою пользу баланса сил в западном секторе Тихого Океана.
 4. Россия может быть втянута в политическую и военную борьбу на своих южных границах (Кавказ, Закавказье, Поволжье). В частности, к вмешательству России может привести развитие центробежных тенденций в Грузии, Молдавии, а в перспективе — и на Украине.

Не подлежит сомнению, что наши потенциальные противники также находятся в сложном положении, но для России ситуация обостряется тем, что страна не только очень велика, но и тяготеет к полистратегичности с расхождением операционных линий. Проще говоря, всегда есть вероятность, что, Дальний Восток вовлечен в войну одного типа, Южный

Федеральный Округ — другого, а европейский центр страны — третьего»⁴.

Подобная оценка логически предполагает и соответствующую стратегию, которую С. Переслегин описывает следующим образом: «В сложившихся условиях, для России возможна лишь одна стратегическая концепция: стратегия неприемлемого ущерба. При борьбе с сильным противником (Соединенные Штаты, Европейский Союз, Япония, Китай) Россия должна не столько пытаться провести в жизнь какие-то собственные замыслы, сколько эффективно препятствовать замыслам неприятеля. Такую стратегию можно было бы назвать оборонительной, но в действительности, в условиях войны будущего никакая оборона слабейшего против сильнейшего не будет возможна — Садам Хусейн это ясно продемонстрировал. Следовательно, необходимо иметь возможность немедленно перенести войну на территорию врага. Это могут сделать (в порядке понижения вероятности) ракетные войска, аналитико-террористические группы, флот, авиация, армия.

В сложившейся ситуации России следует отказаться от обязательства не применять ядерное оружие первой. Напротив, следует внушить мировому сообществу, что Россия готова к его контролируемому и ограниченному использованию. «Ядерный меч» в настоящее время более актуален, нежели «ядерный щит»⁵.

Таким образом, мы констатируем объективные трудности в анализе, а тем более прогнозе характера войн и будущих конфликтов. Что отнюдь не означает, что такими исследованиями заниматься не следует. В еще меньшей степени будущая война (войны) и военные конфликты будут похожи на предыдущие и войны и конфликты, а тем более друг на друга. Более того, современные оценки прежних войн и конфликтов существенно, порой полярно, отличаются друг от друга. Иногда то, что считалось столетиями победой, становится поражением, а иногда

⁴ Переслегин С. Б. Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikakpakettehnology.html>

⁵ Там же.

и наоборот. Тем более малоэффективны попытки создать некую универсальную модель современной войны или конфликта. В лучшем случае это приводит к появлению очередной логической модели, которая может иллюстрировать ход рассуждений. Ее полная абстрактность не позволяет говорить не только об универсализации представлений, но и создании некой системы. Так, например, некоторые российские исследователи предлагают следующую логическую модель (рис. 23.1)⁶.

Рис. 23.1

Между тем приоритеты целей войны к XXI веку уже изменились, что нашло лишь частично свое отражение в современном военном планировании. В частности, уже признается и учитывается необходимость глобальной реакции на сетцентрические войны. В частности, Р. Кошкин, например, пишет: «Таким образом, сетцентрическая модель представляет собой разветвленную сеть хорошо информированных, но географически разнесенных сил. Главными характерными компонентами этих сил являются:

⁶ Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 43.

- высокоэффективная «информационная решетка»;
- доступ ко всей необходимой информации;
- высокоточное оружие;
- высокоэффективная система управления и связи;
- интегрированная «сенсорная решетка», соединенная в единую сеть с системой средств поражения и системой управления и связи.

Сетецентрическая война может вестись на всех уровнях военных действий — тактическом, оперативном и стратегическом. Принципы ее ведения никоим образом не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры применяемых войск. Частичную модель ведения сетецентрической войны США протестировали во время ведения войны в Ираке, а также в рамках специальных операций в Афганистане.

Одним из основных элементов ведения сетецентрических операций является система автоматизированного управления войсками и оружием, которая в зарубежных источниках рассматривается в рамках более общей структуры C5ISR (Command, Control, Communications, Computers, Combat Systems, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance) «Боевые системы, системы управления, связи, компьютерного обеспечения, разведки и наблюдения»⁷.

«Исходя из технологической концепции перестройки ВС и опыта войны в Ираке весной 2003 года, США приступили к созданию Network — глобальной информационной решетки (Global Information Grid — GIG Centric Warfare — NCW), которая позволяет обеспечить командование вооруженных сил возможность управления войсками в боевых условиях на основе информационно-управляющих систем. Это гарантирует успешное ведение боевых действий против войск, у которых подобные системы отсутствуют.

⁷ Кошкин Р.П. Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014. С. 9.

Реализация нового информационного качества — Space Situational Awareness — невозможна без использования сетевой архитектуры информационного обеспечения на базе принципиально новых геопространственных технологий. Создание спутников, обеспечивающих как сбор данных дистанционного зондирования, так и децентрализованное распределение их абонентам сети, становится логичным и естественным.

Космический театр военных действий фактически замыкает в себе все остальные ТВД. Он отличается абсолютной глобальностью, целостностью, исключительной динамичностью и невозможностью представления его стандартными методами визуализации, которые известны уже тысячелетия. Понятно, что информация уже в принципе не может адекватно восприниматься, будучи спроецированной на поверхность карты либо глобуса.

Командующий космическими войсками США генерал Роберт Келер сформулировал концепцию единого геоцентрического ТВД и подхода к обеспечению доминирования на нём — принципа Space Situational Awareness, SSA. При этом, по мнению генерала, глобальность театра военных действий будущего не означает стационарности, наоборот, ситуация на нём стремительно и непрерывно меняется, поскольку объекты перемещаются, причём со скоростями на 3–4 порядка превосходящими характерные для авиации скорости»⁹.

Наконец, существует традиционная для политики и ее анализа проблема — субъективность в оценках вопросов безопасности и характеристиках наиболее острых конфликтов и войн также осложняет анализ, а тем более прогноз эволюции, характера будущих противоречий, войн и конфликтов. Не только среди политиков, но и даже среди экспертов в военно-политической области по этим вопросам наблюдаются существенные расхождения, которые следует обязательно учитывать.

⁹ Кошкин Р.П. Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014. С. 10.

Авторы справедливо полагают, что эта логика может отражать лишь одно из исправлений развития одного из вариантов военного конфликта и поэтому говорить об этой модели можно только как об «одной из моделей». Тем не менее, можно и нужно не только анализировать, но и прогнозировать развитие будущего характера международных войн, конфликтов и стратегической обстановки, как минимум, для понимания развития общих закономерностей. Так, в начале XXI века сложилась де-факто своего рода «лестница военной эскалации», которой предшествует достаточно длительная «цепочка» предварительных действий, которые по формальным признакам не относятся к военным, но в действительности таковыми являются. Таким образом, говоря о современном и будущем характере международных войн и конфликтов, необходимо выделить некоторые особенности, которые известны уже сейчас.

Широко используются и все больше специализируются на выполнении подрывных мероприятий Силы специальных операций, которые готовятся индивидуально, по отдельным программам, заранее, «для будущего» действия на чужих территориях. Эта подготовка личного состава предполагает высокую степень профессионализма и специализации, направленных на выполнение специальных задач.

Трудно, но также можно говорить о возможных и вероятных моделях войн и военных конфликтов в 30-е и 50-е годы нашего века. До этого периода можно исследовать современное состояние и эволюцию ВиВТ и способов их применения, если, конечно же, внимательно и многосторонне изучить все эти вопросы. К 30-м годам XXI века современный этап эволюции военного искусства еще может очертить основные тенденции и особенности (например, создание 6-го поколения ЛА), но к середине 50-х годов XXI века это прогнозировать уже очень трудно — слишком велики качественные изменения. Во втором десятилетии XXI века пока что обозначились лишь некоторые будущие парадигмы, которые будут определять характер буду-

щих международных войн и конфликтов. В самом общем виде это представление можно отобразить на следующем рисунке (рис. 23.2).

Рис. 23.2

Таким образом, для того, чтобы дать оценку будущего характера войны и конфликта, необходимо попытаться ответить на вопросы о том, как будут выглядеть конкретно основные известные факторы, формирующие характер войны, а также возможные новые факторы, степень их влияния и многое другое, вытекающие из развития человеческой цивилизации и отношений между государствами. В частности, очевидно, что изменилась тактика ведения военных действий в связи с изменением приоритетности целей.

Сказанное означает, что теоретически ответить на эти вопросы можно, хотя точность таких ответов и вызывает сомнения. Существующие оценки даже частных примеров очень сильно отличаются друг от друга. Так, не смотря на огромные усилия в этой области, предпринимавшиеся в НАТО в последние десятилетия, Комитет по обороне парламента Великобритании

в июле 2014 года был вынужден признать, что «НАТО не готово отразить потенциальную угрозу со стороны России». При этом было подчеркнуто, что «самое страшное, что быстро меняются тактические методы России»¹⁰.

23.2. Субъективность в анализе вероятного характера войн и вооруженных конфликтов

Субъективность заложена в любом социально-политическом анализе. Причем эта субъективность лежит, отнюдь не только, в основе теоретического, но и прикладного анализа. Так, в России начала XXI века в правящей элите в отношении «возможных» и «вероятных» войн отчетливо сложилось два прямо противоположных направления, хотя подобное расхождение по ключевому вопросу безопасности выглядит, по меньшей мере, очень странно.

Действительно, для части правящей элиты СССР и России еще со времен М. Горбачёва война почему-то стала «немыслимой», «нереальной», даже невозможной. Это объяснялось, как ее возможными катастрофическими последствиями, экономической нецелесообразностью, невозможностью одержать военную победу и другими псевдообъективными обстоятельствами, которые стали модными в среде политиков и публицистов в 80-е годы XX века¹¹.

Даже после того, как США полностью воспользовались такой наивностью (или глупостью?!) правящей советско-российской элиты, которая позволила развалить ОВД и СССР, дезинтегрировав весь лагерь оппонентов США и НАТО, эта

¹⁰ Ukraine must be a wake-up call for NATO. 2014. 31 July / <http://www.parliament.uk/>

¹¹ См.: Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. М.: РАУ-Университет, 2000.

позиция в некоторых правящих кругах российской элиты сохранилась: потенциальная война с Западом по-прежнему считается не только невероятной, но и невозможной, хотя множество признаков говорит об обратном.

Мы воспитаны культурой, в которой истинность некоторых утверждений никогда не подвергается сомнению, хотя должна бы. Мы, например, считаем, что чем больше у нас информации, тем более взвешенное решение мы примем. Эмпирические данные не подтверждают это расхожее мнение. В действительности увеличение объема информации просто усиливает нашу убежденность в своей правоте, никоим образом не влияя на правильность самого решения. Очень часто огромные массивы информации избыточны и не имеют ни малейшей ценности для процесса принятия решения¹².

И дело тут, как представляется, не в объективном анализе, результаты которого достаточно однозначно говорят не только в пользу вывода о возможности, но и нарастающей вероятности войны. Дело тут в идеологии, точнее даже в вере в невозможность такой войны. Эта ничем не обоснованная вера, а не факты, анализ и расчеты, формирует политическое отношение значительной части правящей элиты к возможности войны России с Западом.

Можно бесконечно перечислять конкретные фамилии и должности этих представителей политической и научной элиты. Проще сказать, что они составляли не только большинство, но и главный политический и научный тренд, во многом сохранившийся до сего дня, особенно в политологии и либеральных СМИ. Поэтому бессмысленно пытаться убедить различными аргументами эту часть элиты сегодня, также как это было бессмысленно делать в 80-е годы в СССР. Их вера привела эту элиту к опасному логическому заблуждению, смысл

¹² Когнитивная школа: построение стратегии как ментальный процесс / Эл. ресурс: «Менеджмент». 2004. 18 июня / <http://www.management.com.ua/strategy/str088.html>

которого заключается в том, чтобы сначала убедить себя в невозможности войны (из-за «ядерной зимы», «немыслимости» и т. п., а, главное, о чем прямо не часто говорилось, из-за «разумности» правящей элиты Запада), а затем правящую элиту Запада, которая, однако, так и «не убедилась» за все последние десятилетия. Получилось, как в библейской притче, которая описывает «научность» такого глобального по своей глупости и опасности политического подхода¹³:

Ситуация стала постепенно меняться с приходом к власти В. Путина и вытеснением либералов из политики, но полное «отрезвление» произошло только с началом военных действий на Юго-Востоке Украины, которые стали политическим итогом наивно-преступной политики элит времен М. Горбачёва и Б. Ельцина. Только тогда шок, вызванный боевыми действиями и массовыми убийствами в самом центре бывшей России–СССР, преодолел (и то не до конца) эту наивно-преступную веру и логику и сделал возможным и востребованным объективный анализ. Хотя, надо признать в целях объективности, что это было в целом понятно еще в середине 80-х годов XX века.

Усиление динамизма в развитии двусторонних и многосторонних отношений, превращение эволюции развития МО и ВПО фактически в революцию привело, с одной стороны, к непредсказуемости в определении основных черт характера войны и военных конфликтов, а, с другой — к усилению попыток осознания и прогноза развития представлений о существующем и будущем характере вооруженных конфликтов и войн, т. е. субъективного фактора. Причем первый вывод, который напрашивается из анализа будущего характера войны, это усиление значения субъективного фактора.

Вполне определенно просматриваются уже сегодня некоторые субъективные тенденции, которые влияют и будут

¹³ Подберезкин А.И. Идеология опережающего развития человеческого капитала. Национальный человеческий капитал. Т. I. М.: Европа, 2007.

в еще большей степени влиять на характер войн и конфликтов будущего, а именно:

- усиление роли субъективных оценок, трактовок и прогнозов в СМИ, которые фактически создают «новую политическую реальность». Так, в ходе конфликта на Украине, основная роль уделялась «нюсмейкерам» — Д. Псаки, П. Порошенко, И. Стрелкову, С. Лаврову, — которые превратили медийную поддержку в процесс политического и даже военного руководства конфликтом;
- усиление роли «объективных» аналитиков и тех, кто анализирует ход конфликта, фактически формируя отношение не только к реалиям, но и будущему конфликта;
- усиление значения отдельных политических и военных руководителей, таких, например, как И. Стрелков в ходе войны на Украине 2014 года;
- приобретение средствами массовой информации функции оружия, наравне с кибероружием, а также превращение их в первоочередные объекты для вооруженной борьбы.

Эти и другие изменения отражают в целом системный процесс возрастающей роли человека и его творческих возможностей на все стороны материальной и духовной жизни, включая и характер войны и вооруженной борьбы¹⁴.

Эти и другие субъективные тенденции отчетливо проявляются сегодня в социологических опросах. Так, соцопрос, проведенный в 2010–2011 годах по вопросам национальной безопасности среди экспертов, показал, например, что существует очень большой разброс мнений. Причем, казалось бы, по вопросам, которые должны были отражать единую позицию. В частности на следующие вопросы были получены прямо противоположные ответы экспертов (рис. 23.3)¹⁵.

¹⁴ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО, 2011–2013 гг.

¹⁵ Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.

Рис. 23.3

Как видно из опроса экспертов 2010–2011 гг. уже почти 60% с тревогой и опасением относились к состоянию национальной безопасности России. Есть все основания полагать, что эта доля к 2014 году существенно увеличилась после соответствующих демаршей США и ЕС. Причем эта тревога была вызвана преимущественно не внешней угрозой, а внутренними причинами: приватизацией, неэффективностью экономики и т. д.¹⁶

Вместе с тем, как видно из опросов экспертов, есть и немалая доля тех, кто достаточно спокойно реагировал на состояние безопасности, причем на ее разные области. Причем это беспокойство преимущественно относилось не к состоянию государственной и военной безопасности в 2010–2011 годах, а к социальным областям безопасности государства, что хорошо демонстрируют те же соцопросы. Ниже мы убедимся, что эта тревога имеет прямое отношение к анализу современного и будущего характера войн и военных конфликтов¹⁷.

¹⁶ См. подробнее: Подберезкин А. И., Стреляев С. А., Хохлов О. Е. Секреты российской приватизации. М. 2004.

¹⁷ Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.

В ходе теоретической проработки предметной области исследования были выделены 15 отдельных сфер, которые можно интерпретировать как отдельные составляющие национальной безопасности. В таблице ниже приведено распределение средних оценок состояния уровня безопасности по этим составляющим, что свидетельствует о двух тенденциях, отчетливо набирающих силу.

Во-первых, тенденция превращения невоенных областей безопасности в доминирующие области, когда именно их состояние определяет в конечном счете состояние безопасности государства. Собственно военные аспекты безопасности постепенно вытесняются невоенными — экономическими, информационными, инфраструктурными и др., — которые приобретают наиболее приоритетное значение.

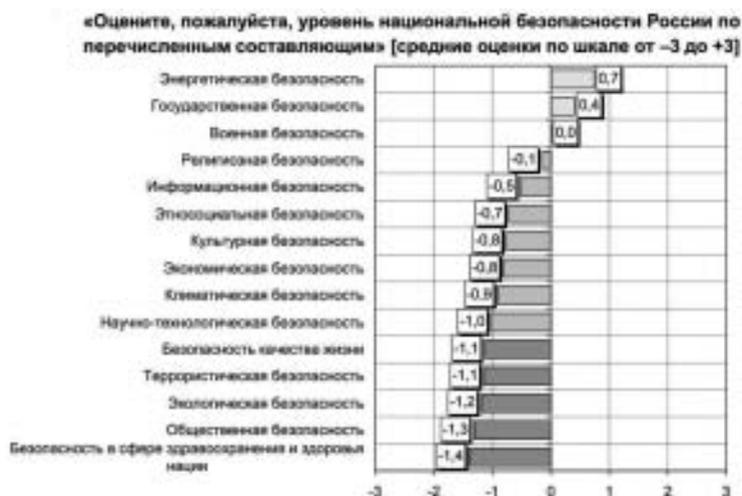
Во-вторых, средства силового воздействия в этих невоенных областях — информационная война, кибератаки, экономические санкции и т. д. — также становятся постепенно ведущими средствами силовой борьбы, по сути превратившиеся в средства вооруженной борьбы.

Эти две тенденции в полной мере, хотя и по-разному, проявились в войнах второго десятилетия XXI века в Ливии, Сирии и на Украине. Так, основными объектами для нападения (еще со времен войны в Югославии) стали СМИ, теле и радиовышки, объекты газо и электроснабжения, водоканалы (Украина) и т. д.

С точки зрения силовых средств, как показала война на Украине, главными средствами воздействия стала психологическая война, идеологические диверсии, кибератаки, экономические санкции и т. п.

Эта тенденция в полной мере отразилась и в соцопросах, которые были проведены еще до указанных выше конфликтов, т. е. эксперты уже предполагали такое развитие. В положительной части шкалы соцопросов, например, (то есть, в той, куда относятся ответы о высоком уровне безопасности), оказались

лишь две составляющих — энергетическая и государственная безопасность. В районе «0» (состояние дел и не плохое, и не хорошее) находится средняя оценка военной безопасности (+0,01 балла по шкале от -3 до +3)¹⁸, т. е. опрошенные эксперты неосознанно, может быть, предполагали наметившиеся кризисные области безопасности в будущих войнах и военных конфликтах 2011–2014 годов.

В этой связи целесообразно рассмотреть современный характер войн и военных конфликтов с точки зрения общепринятой (официальной) точки зрения российских экспертов. В целом можно соглашаться с современным описанием характера современных войн и вооруженных конфликтов, данным в последней редакции Военной доктрины России. Это описание можно охарактеризовать, вместе с тем, лишь как отправную точку не только для стратегического прогноза до 2030 и 2050 годов, но и современного анализа.

¹⁸ Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.

Причина достаточно проста: внешние и внутренние условия, определяющие характер, а они, напомним, постоянно меняются и то, что может быть справедливым для одной войны (например, в Ливии), абсолютно не справедливо для другой (например, на Украине), хотя военные действия происходят в одно и то же время. Так, например, в июне 2014 года повстанцы в Ливии и в ДНР осаждали два аэропорта — в Бенгази и Донецке, — однако характер военных действий был разным.

Поэтому необходимо проанализировать более детально общие определения характера войны, данные в Военной доктрине, прежде всего с точки зрения влияния быстро меняющихся внешних факторов. Так, например, когда говорится, что «Характер современных войн (вооруженных конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий»¹⁹, то необходимо сказать, что такой характер вытекает из последствий развития МО и ВПО, а также главных особенностей развития ЧЦ, которые в итоге и формулируют основные военно-политические цели войны.

Военно-политические цели войны не существуют и не формулируются сами по себе (даже если это так и кажется правящим элитам). Они складываются под воздействием условий и факторов более общего характера — цивилизационных, мировых, национальных. Так, характер войны на Святой земле в XII–XIII веках между мамлюками, крестоносцами и монголо-татарской ордой невозможно понять без общего представления о развитии ведущих цивилизаций XIII века и границах, возникающих в результате их движения. Как видно из рисунка, эти три цивилизации «переплелись» в своем развитии именно в этом регионе, хотя косвенно к ним были причастны и другие цивилизации.

¹⁹ Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>

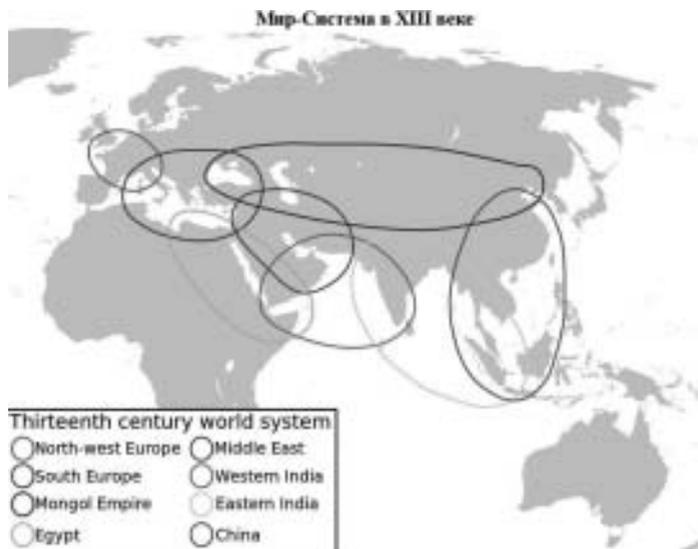

Рис. 23.4²⁰

Так и в случае со стратегическим прогнозом будущей войны, требуется рассмотреть те области, где сталкиваются непримиримые (т.е. антагонистические) интересы/потребности развития цивилизаций. Это — главный посыл для будущего анализа, из которого производным станут другие выводы, что можно представить в виде следующей последовательности.

Это уточнение позволит также более определенно говорить о «средствах достижения этих целей», а также и «масштабах

²⁰ Википедия. Мир-системный анализ / https://ru.wikipedia.org/wiki/Мир-системный_подход

военных действий». И первые, и вторые вытекают не только (и, уж не столько) из характера ВПО, сколько из противоречий в развитии ЧЦ и МО.

Далее. Военная доктрина России предполагает, что «В соответствии с этим современная война (вооруженный конфликт) может быть:

- по военно-политическим целям — справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии), или несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей вооруженное нападение)»²¹.

Подобное деление — ни о чем не говорит, оно наивно, и более того, вводит в заблуждение. Трактовка кем-либо понятия «справедливость» относительно войны невозможна, кроме как в контексте конкретной нации и в конкретных исторических условиях.

Далее: «по применяемым средствам — с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения; с применением только обычных средств поражения»²². Между тем, в настоящее время уже есть неядерные ВиВТ, которые могут выполнять эти функции и т. д. и т. п.

Далее: «по масштабам — локальной, региональной, крупномасштабной».

Основные общие черты современной войны:

- влияние на все сферы жизнедеятельности человечества;
- коалиционный характер;
- широкое использование непрямых, неконтактных и других (в том числе нетрадиционных) форм и способов действий, дальнего огневого и электронного поражения;

²¹ Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>

²² Там же.

- активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом;
- стремление сторон к дезорганизации системы государственного и военного управления;
- применение новейших высокоэффективных (в том числе основанных на новых физических принципах) систем вооружения и военной техники;
- маневренные действия войск (сил) на разрозненных направлениях с широким применением аэромобильных сил, десантов и войск специального назначения;
- поражение войск (сил), объектов тыла, экономики, коммуникаций на всей территории каждой из противоборствующих сторон;
- проведение воздушных кампаний и операций;
- катастрофические последствия поражения (разрушения) предприятий энергетики (прежде всего атомной), химических и других опасных производств, инфраструктуры, коммуникаций, объектов жизнеобеспечения;
- высокая вероятность вовлечения в войну новых государств, эскалации вооруженной борьбы, расширения масштабов и спектра применяемых средств, включая оружие массового уничтожения;
- участие в войне наряду с регулярными, нерегулярных вооруженных формирований.

Вооруженный конфликт может возникнуть в форме вооруженного инцидента, вооруженной акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба и стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы.

Особой формой вооруженного конфликта является приграничный конфликт.

Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или не меж-

дународный, внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства)»²³.

Таким образом, в 2014 году требуется конкретный анализ характера современных войн и конфликтов, который должен дать современную оценку самых разных представлений о прогнозе эволюции форм и способов военных действий, в частности, полезно возвратиться к существующей, достаточно подробно, типологизации. В настоящее время — существует описание множества типов войн и военных конфликтов. Кроме известных и уже вышеперечисленных в самом начале работы типов войн, российские исследователи выделяют, например, и следующие типы, которые мы попытаемся коротко характеризовать с точки зрения перспектив их вероятной эволюции²⁴.

23.3. Гипотетический субъективный характер сценария войны в 2014 году между Россией и США: новое качество и значение

Субъективность в оценке политических явлений — общая норма, которая серьезно препятствует научному анализу и обоснованному принятию практических решений в военно-политической области. Один и тот же факт, событие, а тем более тенденция, могут восприниматься и толковаться политиками и военными совершенно по-разному. Даже если для этого существуют объективные критерии, которых в последнее десятилетие разработано немало²⁵. При этом такой субъективизм присутствует даже по отношению к самым общим, крупным и,

²³ Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>

²⁴ Погодин Ю.И., Иванов П.Е. Мобилизационная подготовка и здравоохранение. М. 2006.

²⁵ См. например: Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. Второе издание. М.: МГИМО, 2008.

казалось бы, очевидным проблемам. Например, эффективности военной политики и стратегии США.

Так, одна группа политиков и экспертов полагает, что последствия военного вмешательства США в Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и на Украину свидетельствуют о неэффективной военной политике и, наоборот, удачных действиях России, ссылаясь даже на доклад американских экспертов, опубликованный в октябре 2014 года, где эти же эксперты и политики полагают, что результаты военной деятельности США последних десятилетий свидетельствуют о неэффективной внешней политике и неприемлемой стратегии, опирающейся на воздушно-космические средства нападения, прежде всего ВТО.

Есть и другая, прямо противоположная точка зрения, к которой присоединяются и авторы этой работы, а именно: политическая цель («победа») США по отношению к странам Большого Ближнего Востока и постсоветскому пространству заключается в создании и поддержании хаоса, при котором США могут достаточно успешно влиять и контролировать происходящие процессы, а не стабилизация и развитие этих стран.

С военной точки зрения такая цель достигается лучше всего при помощи широкого спектра военных и полувоенных операций — от подготовки групп вооруженного сопротивления власти и дестабилизации, до нанесения «бесконтактных» воздушно-космических ударов при помощи ВТО, как это было в Ираке, Афганистане, Сирии, Ливии и даже Пакистане. Поэтому изначально принципиально важно определить подлинные, а не декларируемые цели использования военной силы и подготовки нового характера будущей войны.

Авторы доклада, в частности, пишут: «Россия развернула и сосредоточила дипломатические, информационные, военные и экономические усилия, чтобы провести то, что некоторые эксперты называют „нелинейными операциями“... Россия провела операцию, не перейдя грань, которая потребовала бы ответа со стороны НАТО... Она также использовала возможности ки-

берпространства и социальные сети, чтобы оказывать влияние на восприятие событий в стране и за рубежом и обеспечивать прикрытие широкомасштабных военных операций»²⁶. Кроме того, в докладе делается вывод, что российское командование отдает приоритет сухопутным войскам, что в конечном счете является решающим фактором успешного решения поставленных перед ним военно-политических задач²⁷.

С ними согласен и министр обороны США Чарльз Хейгел, который заявил, что армии США следует быть готовой к встрече с российской армией, которая, по его словам, является современной и боеспособной. При этом Хейгел с явной опаской говорил о новых, нетрадиционных способах решения боевых задач, которые применяются вероятным противником: «Призрак так называемой гибридной войны становится все больше, когда наши противники применяют тактику повстанцев, используя при этом высоко оснащенные вооруженные силы и сложные технологии»²⁸.

Между тем, приоритеты в оборонной политике России на долгосрочную перспективу, очевидно, выражены в абсолютных и относительных объемах финансирования ГОЗ-2020, которые, однако, никак не объясняются и никак не комментируются. Это вызывает естественно вопросы не только за рубежом (в частности, в Швеции), но и в самой России. Нижеприведенная таблица показывает распределение основных средств на оборону по ГОЗ-2020 МО РФ²⁹.

Субъективность характерна в политике и военной стратегии для всех и всегда. И мировая история многократно это подтверждала. Сегодня, однако, можно говорить о новом

²⁶ <http://www.tradoc.army.mil/tpubs/pams/TP525-3-1.pdf>

²⁷ Селиванов Ю. Стратегический цугцванг США / Эл. ресурс: «Регнум». 2014. 16 октября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1857395.html>

²⁸ Там же.

²⁹ Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective — 2013 / JakobHedenskog and Carolina VendilPallin (eds) FOI-R--3474--SE December 2013 / http://www.foi.se/ReportFiles/foir_3474.pdf. P. 114.

Allocation of funds in the MoD GPV-2020

Programme	Key objectives and indicators	Funding: billion RUB
Total MoD GPV 2020	The share of modern weapons and military equipment supplied to the Armed Forces should be 30% by 2016 and 70% by 2020.	19.8
of which:		
Strategic nuclear forces	The share of modern weapons of 75-80% in 2020. More than 400 land-based and sea-based intercontinental ballistic missiles, 8 missile strategic submarine cruises.	1.0
Military space forces and Aerospace defence (ASD)	The share of modern weapons in the ASD in 2020 shall be at least 70% – about 100 spacecraft and 28 S-400 regimental units.	4.0
Air Force	More than 600 aircraft and over 1 000 helicopters.	4.7
General purpose Navy forces	51 surface warships, 16 attack submarines, 90 support vessels.	4.4
Ground troops and Airborne troops	10 Iskander-M regimental units, 9 S-300V4 regimental units. About 2 000 self-propelled guns. More than 30 000 vehicles.	2.6
Main departments of the MoD	The share of modern rear and special equipment shall be at least 65% in 2020.	2.3

Source: Galder Institute (2013: 512).

Note: The MoD GPV is the part of the State Armament Programme that is for the MoD.

качестве и значении, которое определяется широким использованием различных методов прогнозирования и стратегического планирования. Можно сказать, что стратегический прогноз и планирование, разработка сценарных (вполне субъективных) планов, стали нормой политической жизни. Однако мало кто из политиков и экспертов понимает, что в связи с распространением сценариев формируется и программируется определенная, иногда серьезная зависимость от них. Так, амбициозный сценарий «Видение-2023», разработанный для выборов, стал финансово-политическим планом и стратегией правительства, предусматривающей уже плановое, «глубокое сценарирование» в том числе и военной политики страны³⁰.

³⁰ Аватков В. Турецкое «Видение-2023»: от слов к делу / Эл. ресурс: «Портал МГИМО». 2014. 14 октября / <http://www.mgimo.ru/>

И если первое, самое почетное, место по финансированию, занимаемое ВВС, еще как-то можно аргументировать, то сопоставимые расходы на ВМФ РФ — 4,4 трлн рублей — вызывают сомнения. Тем более что они почти равняются всем расходам на СНВ и ВКО, запланированным до 2020 года.

Этот пример, иллюстрирующий количественные оценки и расхождения, будет еще более разителен, если речь пойдет о качественных оценках и характеристиках состояния современной ВПО и СО, отношений США и России. Так, если военные расходы обеих стран относительно ВВП до 2011 года снижались и были приблизительно одинаковы (4,2%–4,8% от ВВП), то к 2012 году их доля в российском бюджете несколько выросла, а в американском — сократилась. Тем не менее, ни в России, ни в США, где военные расходы несколько выше уровня развитых стран, нет оснований говорить о какой-то особенной милитаризации, а тем более подготовки к войне.

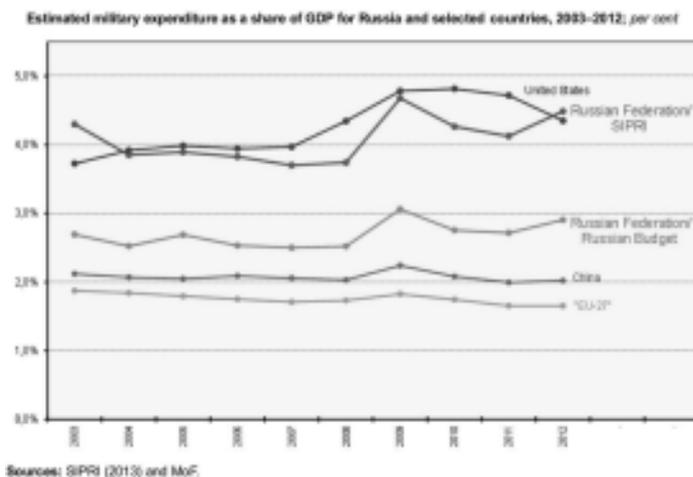

Рис. 23.5³¹

³¹ Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective — 2013 / Jakob Hedenskog and Carolina Vendil Pallin (eds) FOI-R--3474--SE December 2013 / http://www.foi.se/ReportFiles/foir_3474.pdf. P. 111.

И, вместе с тем, если судить по многим другим критериям, то можно констатировать состояние войны между США и Россией именно с 2014 года. Все дело зависит от того, какая субъективная точка зрения в данном случае будет присутствовать при характеристике войны и СО.

Учитывая, что характер любой войны или вооруженного конфликта, абсолютно конкретен, мы должны исходить из того, что можем анализировать и прогнозировать (только по отношению к конкретному историческому периоду) основные черты, присущие характеру войны или военного конфликта. В частности, если говорить о двух конкретных противоборствующих сторонах — России и США — в конкретный (а именно современный) период времени, в гипотетическом конфликте, то мы можем исходить из следующих положений о характере войны.

- Прежде всего, по военно-политическим целям:
США: борьба за продвижение своих интересов и системы ценностей, в том числе силовое, включая военную силу;
Россия: защита своих национальных интересов и системы ценностей, готовность использовать в этих целях военную силу;
- по применяемым средствам: любые средства внешнего насилия, включая вооруженные и ОМУ, по мере необходимости;
- по масштабам: на всех уровнях — локальном, региональном, глобальном, с выделением нового уровня — воздушно-космического;
- общие черты гипотетической современной войны России и США;
- влияние на все стороны жизнедеятельности человечества уже на ранних стадиях конфликта;
- и т. д.

Биологическая война. Война с использованием биологического оружия против людей, домашних животных, растений. После 1945 года биологическое оружие использовалось

против лесов и посевов в антипартизанской борьбе (например, в Индокитае). На современном этапе отмечены попытки биологических атак не только со стороны террористов, но и сохраняется возможность использования биологического оружия государствами. Во-первых, потому, что контролировать такие исследования практически невозможно. Во-вторых, потому, что новые достижения науки и технологий объективно открывают еще не известные возможности. В-третьих, потому, что эти средства могут компенсировать некоторым государствам их технологическую и экономическую отсталость.

Воздушная война. Разделяется на войну за господство в воздухе (обычно является частью обычной войны) и воздушную войну, где воздушное наступление является основным средством поражения противника. В настоящее время воздушная война стремительно превращается в основную форму боевых действий, от которой зависит результат всей войны. Так, в ходе войны в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии основным средством поражения противника стали авиационные удары, применение КР и других видов ВТО. Можно уверенно сказать, что господство в воздухе в конце XX века стало главным условием достижения победы.

В этой связи резко возросла и роль ПВО и ПРО, которые быстро превращаются в войска ВКО и интегрируются с наступательными воздушно-космическими вооружениями. Таким образом «воздушная война» превратилась к концу XX века в «воздушно-космическую войну» став главной формой ведения боевых действий.

В конце XX — начале XXI века технологическое превосходство позволило, в ряде случаев, добиваться победы почти исключительно с помощью воздушной войны³², — справедливо считают российские эксперты.

³² Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.

Диверсионная и террористическая война. Ведется отдельными группами против важных объектов, государственных структур или мирных жителей с целью дезорганизации власти и изменения общественного мнения в нужную для себя сторону. В случае диверсии речь идет о действиях одного государства против другого. Террористы формируют негосударственные организации и могут действовать не строго против определенной территории, а, например, против граждан определенного государства. Террористическая война в XXI веке ведется уже сетевыми, всемирного охвата организациями и является глобальной.

Дистанционная война, бесконтактная война. Война, в которой противник поражается на расстоянии, путем воздушных, ракетных, артиллерийских ударов, выведения из строя его систем связи, инфраструктуры. Такой вид войны возможен, когда стороны стремятся минимизировать потери среди личного состава во время непосредственных боевых столкновений и, когда одна сторона имеет значительное техническое преимущество над другой.

Климатическая война, погодная война. Война с целью нанесения урона противнику с помощью изменения климата. В настоящее время надежных способов вызвать на определенной территории, например, обильные дожди, снегопады, многодневный зной и так далее, не выявлено.

Континентальная война, сухопутная война. В ходе такой войны борьба разворачивается преимущественно в границах континента, на сухопутных фронтах. Флот в такой войне играет вспомогательную роль. Крупнейшая континентальная война — Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

Малая война. Другое название партизанской, диверсионной войны. Еще одно название — иррегулярная война.

Маневренная война. Отличается высокоманевренными боевыми действиями, быстрыми и резкими изменениями обстановки. Имеет самые решительные цели, характерна массиро-

ваным использованием танковых, воздушных, десантных сил. Вторая мировая война на ряде этапов была маневренной войной.

Морская война. Война за господство на море. Обычно велась между сильными морскими державами, часто сопровождалась действиями в колониях, действиями корсаров, блокадой побережья. Иногда морской войной называют такой конфликт, где основным содержанием боевых действий становятся действия на море. Например, англо-русская война 1807–1812 годов — морская война.

Наступательная война. Война, где одна или все воюющие стороны стремятся добиться победы путем решительного наступления. Наступательная война характерна для начального периода Первой мировой войны, для действий Германии в начале Второй мировой войны.

Оборонительная война. Война, где одна из сторон придерживается оборонительной стратегии по тем или иным причинам. Так, Финляндия в ходе войны с СССР 1939–1940 годов вела оборонительную войну.

Обычная война, конвенционная война. Война с применением обычных вооружений и, соответственно, без применения оружия массового поражения — ядерного, бактериологического, химического и других.

Океанская война. Война, где решающие военные действия происходят в акватории океана и морей, обычно характерна для столкновения значительных морских держав. Победа достигается разгромом вражеского флота, активными десантными операциями, морской блокадой. Крупнейшая океанская война — Война на Тихом океане между Японией и США с Великобританией в 1941–1945 годах.

Партизанская война, инсургентская война. Война в условиях оккупации или захвата территории врагом. Ведется в труднодоступной местности, как правило, небольшими группами разнородно вооруженных людей, при поддержке местного населения. Может быть, как частью большой войны

и вестись на временно оккупированной территории. Например, партизанская война в Великой Отечественной войне. Так и длительной войной за освобождение или создание своего государства. Например, басмаческое движение в Средней Азии против советской власти в 1918–1930-х годах. Существует специфический вид партизанской войны — городская герилья, когда группы и отдельные бойцы действуют в городе. Такой вид борьбы возможен в современных, крупных городах и является сравнительно новым.

Пограничная война. Ограниченная война на границе, обычно связана с территориальными притязаниями одной из сторон. Пограничная война может быть вызвана общей напряженностью между сторонами, способом прощупывания противника, его готовности решительно пресечь агрессивные действия соперника. Пограничная война, как правило, не преследует решительных целей, но вполне может перерасти в крупномасштабный конфликт. Пограничные конфликты за спорную территорию могут длиться годами, периодически приводя к боевым столкновениям. СССР имел ряд пограничных конфликтов с Японской империей в 1930-е годы и с КНР в 1960–1970-х годах.

Позиционная война. Война ведется на позиционных фронтах, с низкими результатами наступательных действий, с истощением сторон. Позиционная война возникла благодаря новым формам борьбы и развитию военной техники во второй половине XIX века. Классический пример позиционной борьбы — Первая мировая война почти на всем своем протяжении. Длительные периоды Второй мировой войны также были позиционными. После 1945 года длительные фронты — известная редкость, но в ряде крупных региональных войн — Корейской войне, Ирано-Иракской войне, возникали позиционные фронты.

Превентивная война. Война с целью предотвращения неминуемого нападения противника. Предполагает первый удар, то есть фактически агрессию, по врагу, как правило, без

объявления войны. Тезис о превентивной войне неоднократно использовался для оправдания агрессии, например, нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года.

Тектоническая война. Война с использованием искусственных землетрясений, цунами, извержений вулканов. Георетически подобные эффекты можно вызвать путем подрыва водородных зарядов над геологическими разломами, у побережья, в устьях рек.

Химическая война. Война с использованием химического оружия. Использование ядовитых газов наиболее массовым было в годы Первой мировой войны. После этого были приняты усилия по запрещению этого вида оружия массового поражения. Но химическое оружие использовалось в межвоенный период, а подготовка к химической войне велась всеми державами в годы Второй мировой войны. Эпизодически химическое оружие применялось против партизан. Химическое оружие использовалось в нескольких локальных войнах, иногда довольно широко. На современном этапе существует опасность использования химического оружия террористами.

Холодная война. Период противостояния двух мировых систем, капиталистической и социалистической во главе с США и СССР соответственно, после Второй мировой войны и до развала СССР (1945–1992 годы). Обе сверхдержавы сформировали военно-политические блоки (НАТО и Варшавский договор) и стремились расширить сферу своего влияния в мире. Стороны активно готовились к ядерной войне, попутно вытесняя и ослабляя противника с помощью локальных войн: Корейской войны 1950–1953 годов, Вьетнамской войны 1965–1975 годов, Афганской войны 1979–1989 годов и других. До прямого военного столкновения сверхдержав не дошло, хотя в локальных конфликтах случались бои частей ВВС и ПВО СССР и США.

Экологическая война, геофизическая война. Война с целью подрыва экосистемы страны противника, поражения окружающей среды. К экологической войне можно отнести случаи

использования оружия массового поражения (биологического, химического, ядерного), сознательного уничтожения лесов (поджогом), взрыва дамб, разлива нефти в акватории и так далее. К экологической войне можно отнести климатические и тектонические войны. Экологическая война себя не оправдывает, так как разрушение экосистемы в одном регионе косвенно влияет на всю планету, особенно при глобальном конфликте.

Ядерная война, термоядерная война, водородная война. Война с применением атомного, ядерного и термоядерного оружия. Глобальная ядерная война фактически будет означать мировую войну, ограниченная ядерная война возможна между «малыми» ядерными державами, например, Индией и Пакистаном. Пока единственная война с применением атомного оружия — Вторая мировая война.

Уже упомянутые выше типы войн:

Колониальные войны. Войны с целью завоевания и удержания колоний.

Идеологические войны, в том числе:

Революционные войны. Войны, возникающие в результате революции и, часто гражданской войны в одной стране, затем имеют тенденцию перерастать во внешние войны с государствами иного строя. Революционные войны могут сопровождаться экспортом революции со стороны революционного государства.

Религиозные войны. Войны между конфессиональными антагонистами. Нередки в древности и средних веках. В Новое и Новейшее время, религиозные войны были почти вытеснены идеологическими (революционными) войнами, однако в XXI веке к религиозным войнам можно отнести исламский терроризм и борьбу с ним.

В реальной истории трудно найти примеры какого-то одного типа войны в чистом виде. Амальгама, сплав различных форм борьбы с противником повсеместно, хотя и по-разному, в специфических вариантах и масштабах, применялись и в далеком прошлом, и продолжают применяться в настоящее время.

В тоже время происходят все более существенные изменения в определении смысла противостояния на различных уровнях международной системы.

23.4. Основные тенденции в эволюции характера международных войн и вооруженных конфликтов в XXI веке

В XXI веке произошли решительные изменения в характере международных войн и вооруженных конфликтов по сравнению с периодами войн XX века. Коренным образом изменились не только политические цели войн и конфликтов, но и способы и средства их ведения даже по сравнению со второй половиной XX века. Колоссальный опыт Первой и Второй мировых войн и большинства послевоенных вооруженных конфликтов оказался к началу XXI века историей военного искусства, требующей серьезного пересмотра.

Так, если говорить, например, о театре военных действий (ТВД), на котором ведется вооруженная борьба, то в XXI веке произошло размывание этого понятия: если прежде было понятно, где находятся границы вооруженной борьбы (фронт), дислокация ВС, сосредоточение ВиВТ, основные экономические объекты, транспортные коридоры, тыловое обеспечение, управление государством и войсками, то сегодня многие из этих вопросов остаются без ответа. В том числе и главные из них: какова истинная цель войны и кто является подлинным противником. Вот почему в XXI веке появился даже специальный термин, «облачный противник». Эксперт М. Хамзатов в несколько упрощенном виде представил это следующим образом³³.

«Облачный противник» не имеет собственной территории, использует местные ресурсы, не проживает компактно, семьи не несут тягот и лишений войны.

³³ Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».

На самом деле ситуация обстоит еще сложнее, а именно: в XXI веке практически все особенности характеристики войн и конфликтов изменились и требуют своего пересмотра, причем, прежде всего, начинать надо с определения главного противника и его целей в войне, которые зачастую остаются скрытыми и неизвестными. Так, кто был и является главным противником в вооруженном конфликте на Украине? Какие цели он преследует? Какие ресурсы готов использовать?

Исторически в России сложилось таким образом, что анализ характера войн и вооруженных конфликтов и последующие рекомендации делались военными учеными в ведомственных военных учреждениях и институтах. Этот вполне оправданный в XX веке профессиональный подход неудачно попытались изменить в 80-е годы некоторые специалисты АН СССР (прежде всего Института США и Канады и ИМЭМО РАН), которые подошли к анализу военно-политических проблем с иных, невоенных позиций — политических («новое мышление»); экономических («издержки ВПК для экономики»); социальных («милитаризация» общества) и иных.

К сожалению, объективная потребность в новых подходах не смогла быть реализована из-за политической ангажированности и непрофессионализма их авторов, что в итоге привело к трагическим политическим ошибкам и даже преступлениям. Ситуация стала медленно меняться во втором десятилетии XXI века, когда была принята новая редакция Военной доктрины России и ряд других документов, а, главное, потому что появилась объективная потребность в долгосрочном планировании, в т. ч. в военной области.

Об этом свидетельствует не только принятие в июне 2014 года ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» и других документов, но и объективно возросшая потребность разработки долгосрочных ответных мер, возникшая в условиях конфронтации с Западом по поводу Украины, введения санкций

и др. мер. «Военной мысли» в России был дан мощный импульс, который отсутствовал долгие годы. Не случайно, в последние десятилетия практически исчезли масштабные военно-политические исследования, многие школы и носители знаний. Отставание дискредитированной политологической школы и традиционной военной науки привело к тому, что ко второму десятилетию XXI века мы оказались перед необходимостью практически начинать все с самого начала — и в политологии, и в военной теории.

Ошибки политологов и политиков в XX веке не означают, что современный системный анализ характера современных и будущих войн не нужен. Более того, он необходим во втором десятилетии XXI века еще больше, чем в 80-е годы XX века именно в силу тех опасных тенденций и процессов, которые получили свое развитие в последнее время. И сохранение только за военными экспертами исключительного права на такой анализ будет неизбежно вести к его искажению. Просто потому, что социально-групповые и корпоративные интересы военных будут влиять на объективность такого анализа и прогноза. И, к сожалению, влияют.

Достаточно сравнить ежедневные реалии с объективно существующими корпоративными интересами (потребностями) военных (табл. 23.1)³⁴.

Политический анализ тенденций в развитии характера войн и конфликтов будет существенно отличаться от военного анализа. Так, важнейшими факторами влияния на эволюцию характера войн и военных конфликтов в XXI веке, на взгляд политолога, являются не собственно военные факторы, а:

- тенденции развития ЧЦ и вытекающие из них закономерности и особенности эволюции МО и ВПО в мире;

³⁴ Колесниченко К. Ю. Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа : монография / К. Ю. Колесниченко. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 72 / http://www.ojkum.ru/res/kolesnichenko_2014.htm

Таблица 23.1. Корпоративные интересы военных

Позиционные интересы	Ресурсные интересы
Автономия военной организации	Военный бюджет
Иерархия военного руководства	Денежное довольствие
Сплоченность	Подготовка
Честь	Взаимоотношения внутри военной организации
Политическая позиция	Кадровые вопросы (назначение на должности, продвижение)

- эволюции политических, экономических и иных интересов и целей, формулируемых правящими элитами ведущих государств мира;
- изменения в соотношении сил в мире и отдельных регионах планеты.

В частности, если речь идет о главных политических целях войны, то они в XXI веке в еще большей степени политизируются: собственно военная составляющая войны уходит еще больше вглубь, затуманивая сам смысл понятия «военная победа». Если прежде главной целью войны было нанесение военного поражения и уничтожение (разгром) вооруженных сил противника, то сегодня (в зависимости от мощи противника), эти цели формулируются, либо как организация хаоса, дезорганизации в государстве-противнике, либо как смена руководства и политического режима, либо как вообще развал государства.

В любом случае эти военно-политические цели могут варьироваться по разным принципам в зависимости от конкретного состояния ВПО и СО, а, главное, способности противника к сопротивлению. Так, И. Попов и М. Хамзатов считают целе-

сообразным показать эту разницу в отношении к различным государствам-противникам следующим образом (рис. 23.6)³⁵.

Рис. 23.6

Как видно из рисунка, цели современной войны очевидно разные, но предмет, как правило, один — государство и его институты. В действительности, это представление экспертов, хотя и справедливое, но слишком упрощенное. Представляется, что следует сделать существенную поправку, а именно:

- конечной целью современной войны, ее финальным, а не промежуточным результатом является не государство, а нация, ее система ценностей и идентичность, которые следует изменить и подчинить. Государство и его институты — промежуточная цель войны;

³⁵ Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».

- в зависимости от конкретной ВПО и СО, сценария развития войны и конфликта, может быть значительное число промежуточных политических целей — от втягивания страны в военный конфликт (как страны ЕС) до уничтожения государства и единой нации (как в Ливии).

Из этих уточнений следует (как увидим ниже), что конкретные сценарии СО, войн и конфликтов могут быть очень разнообразны и значительно превосходят любую имеющуюся сегодня систематизацию.

Естественно, что существуют и другие, в т. ч. военные и иные важные факторы, влияющие на эволюцию характера войн и военных конфликтов, перечисление которых займет много места, однако именно развитие этих трех указанных выше тенденций лежит, прежде всего, в основе будущих изменений основных черт характера войны и военных конфликтов.

В конкретный исторический отрезок времени развития человеческой цивилизации характеры войн и военных конфликтов во многом определяются особенностями этого исторического периода, условиями (политическими, экономическими, пр.), в которых ведется война, социальным и политическим строем участников, уровнем развития экономики и технологий, а также используемыми средствами вооруженной борьбы и другими факторами, которые в конкретный период времени являются общими для всех участников войны и военного конфликта.

Таким образом, для характеристики будущих международных войн и конфликтов справедлива та же иерархия, которая существует во взаимоотношениях между особенностями развития человеческой цивилизации (ЧЦ), международной обстановки (МО), военно-политической обстановки (ВПО) и стратегической обстановки (СО).

Таким образом, особенности, характеризующие войны и конфликты современности и будущего, историчны. Они меняются достаточно динамично как в результате изменения

особенностей развития ЧЦ, МО, ВПО, так и СО. Поэтому важно попытаться рассмотреть эволюцию изменения этих особенностей и их возможные последствия для будущего характера международных войн и конфликтов. Общеизвестно, в частности, что современные войны обычно характеризуются³⁶:

- решительностью целей;
- огромным напряжением борьбы;
- истребительным и разрушительным характером военных действий;
- большим размахом;
- частой и резкой сменой форм и способов их ведения;
- распространением военных действий на все пространственные сферы;
- острой борьбой за захват и удержание стратегической инициативы;
- скоротечностью отдельных операций.

³⁶ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://www.voina-i-mir.ru/>

Эти общие характеристики современных войн требуют, безусловно, своей конкретизации, без чего их содержание существенно страдает. Прежде всего, необходимо сказать о главных участниках современных войн и конфликтов — иррегулярных вооруженных формированиях, которые стали главными действующими лицами не только в войнах между развивающимися странами, но и с участием развитых государств.

До XXI века военная мощь определялась, прежде всего, количеством и качеством личного состава, вооружений и военной техники, имеющихся в ВС государства, либо потенциально готовых к мобилизации. В XXI веке это правило уступило другому, а именно: негосударственные (во всяком случае, формально) вооруженные формирования стали играть ведущую роль в войнах и военных конфликтах. В конце 80-х гг. — начале 90-х годов XX века, когда эта тенденция еще только обозначилась, в СССР мы насчитали около 1 тыс. неформальных вооруженных формирований, ряд которых играли роль государственных институтов. Во втором десятилетии XXI века не только на Большом Ближнем Востоке, но и на Украине как оказалось, эти иррегулярные формирования стали играть главную роль. В том числе со стороны государства, где они успешно заменяли ВС.

Рассматривая специфику войн и вооруженных конфликтов 1990-х гг. — начала XXI века необходимо остановиться на следующих принципиальных моментах:

- вооруженной борьбе в современной войне предшествует ожесточенная информационно-пропагандистская «артподготовка» (информационные и психологические операции) для политической изоляции противника и ослабления его боевого духа, легитимизации собственных действий. При этом активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом не прекращается и в ходе

войны, что проявилось, к примеру, в ходе агрессии НАТО против Югославии в 1999 г.³⁷

- не выявилось обобщенного типа вооруженного конфликта. Конфликты по формам и принципам ведения боевых действий были весьма различными³⁸;
- значительная часть конфликтов имела асимметричный характер, то есть происходила между противниками, стоящими на разных стадиях в техническом отношении, а также качественного состояния вооруженных сил. Причем большое внимание уделяется выбору тактических приемов уже на начальном, первом этапе войны. Опыт событий 90-х годов XX века в СССР, странах Восточной Европы и в XXI веке на Украине и в других государствах показывает, что набор этих тактических приемов достаточно универсален. Так, волнения осенью 2014 года в Гонконге были удивительно похожи на осенние манифестации 2013 года на Украине. Некоторые авторы сводят их к следующему универсальному набору³⁹.
- все конфликты развивались на относительно ограниченной территории в пределах одного театра военных действий, однако, с использованием сил и средств, размещенных за его пределами. Локальные, по сути, конфликты сопровождались большой жесточенностью и имели своим результатом в ряде случаев полное уничтожение государственной системы (если таковая была) одного из участников конфликта. При этом основной упор делался на уничтожении системы национальных ценностей, «внутренних национально-

³⁷ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>

³⁸ Там же.

³⁹ Попов И. М., Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха» / <http://maximus67.livejournal.com/1203032.html>

культурных» и духовных скреп. Так, относительно России, например, отчетливо просматривается такая стратегия, которая включает следующие направления дестабилизации ситуации в стране:

- существенно увеличилась роль начального периода вооруженного конфликта или войны. Как показывает анализ исхода вооруженных конфликтов, именно захват инициативы на начальном этапе боевых действий предопределял исход войны;
- роль в начальный период войны, безусловно, отводилась дальнобойному высокоточному оружию, действующему совместно с авиацией. Однако в дальнейшем основная тяжесть ведения боевых действий ложилась на Сухопутные войска. Главной особенностью собственно военных конфликтов нового исторического периода на их развитии, вооруженном этапе, оказалось то, что произошло перераспределение роли различных сфер в вооруженном противоборстве: ход и исход вооруженной борьбы в целом будет определяться главным образом противоборством в воздушно-космической сфере и на море, а сухопутные группировки закрепят достигнутый военный успех и непосредственно обеспечат достижение политических целей⁴⁰.

На этом фоне выявилось усиление взаимозависимости и взаимовлияния действий стратегического, оперативного и тактического уровней в вооруженной борьбе. Фактически это говорит о том, что прежняя концепция обычных войн, как ограниченных, так и широкомасштабных, претерпевает значительные изменения. Даже локальные конфликты могут вестись на относительно больших площадях с самыми решительными целями. При этом основные задачи будут решаться не в ходе столкновения передовых частей, а путем огневого поражения с предельных дальностей.

⁴⁰ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Порозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>

23.5. Основные особенности современного «переходного периода» в характере международных войн и вооруженных конфликтов

Основные особенности будущих международных войн и конфликтов будут вытекать из поиска наиболее эффективных способов использования силы в ее самых разных формах, включая военную, в качестве политического инструмента в ходе усиления цивилизационного конфликта. Такого конфликта трудно избежать потому, что речь идет о многочисленных пересекающихся интересах локальных цивилизаций, хотя, вероятно, есть способы удержать этот конфликт в рамках политико-силового, но не вооруженного противоборства.

Борьба за контроль над мировыми процессами и стремление выйти из-под влияния этого контроля — основные тенденции в цивилизационном противоборстве, которое означает не только борьбу за свою идентичность, но и за свободу распоряжаться своей территорией, транспортными коридорами и природными ресурсами.

В настоящее время наряду с качеством оружия важнейшее влияние на характер войны, ее пространственный размах, избираемые средства, формы и способы борьбы все большее влияние оказывает содержание политических целей, которые необходимо достигнуть в результате войны. На протяжении веков политические цели войн достигались последовательным решением ряда стратегических задач. Главными из них считались:

- разгром военной силы неприятеля;
- лишение его других средств ведения войны посредством уничтожения предприятий военно-промышленного комплекса, оккупации территории (кратковременной или длительной) или же ее присоединения к своему

государству на постоянной основе в форме колонии или протектората.

Анализ современных вооруженных конфликтов показывает, что технологически развитые страны практически полностью отказались от ведения массовых войн классического типа, и предпочитают добиваться своих политических целей посредством «ограниченной войны».

Это объясняется, прежде всего, тем, что чрезвычайно возросшая мощь оружия в войнах последнего столетия стала сопровождаться огромными потерями населения и экономического потенциала, а появление оружия массового поражения (ОМП) вообще поставило под сомнение возможность пользоваться плодами победы в силу негативных экологических и иных последствий.

Отсюда возникла и развивается идея управления международными кризисами и военными конфликтами. Цель этого управления — принудить противника или соперника к принятию навязываемых ему условий, но без существенных материальных, а главное — людских, потерь (прежде всего, со своей стороны). Эта цель и определяет границы применения силы по следующим основным показателям:

- ограничение театра военных действий по пространству, границами государства — жертвы агрессии;
- ограничение вооруженного противоборства по физическим сферам, борьба в воздухе и в космосе и воздействие из этих сфер по наземным объектам;
- ограничение вооруженной борьбы по средствам — недопущение применения ядерного и других видов ОМП.

В целом мы видим, что сущность управления военным конфликтом в военно-техническом плане заключается в навязывании противнику тех способов и форм противоборства, использование тех сил и средств, в которых активная сторона имеет явное преимущество.

Под влиянием этих и других факторов стратегические цели и задачи войны, формы и способы ее ведения, т. е. основные

черты характера войны, стали изменяться. Какие же основные тенденции этого процесса наблюдаются?

Во-первых, стремление к тотальному физическому уничтожению противника трансформировалось в уничтожение его ключевых жизнеобеспечивающих объектов и лишение способности организованного функционирования основных институтов государства и группировок ВС.

Во-вторых, непосредственный контакт сражающихся войск стал заменяться огневым контактом на удаленных дистанциях. Дистанционное противоборство стало превалировать над контактным, повысился удельный вес «дальнего поражения», что в свою очередь приводит к исчезновению четкого разделения понятий «тыл» и «фронт».

В-третьих, наряду с физическим воздействием на население и войска исключительную роль стало приобретать информационное воздействие, в том числе информационно-техническое, направленное главным образом против систем управления войсками и оружием, и информационно-психологическое, направленное против личного состава вооруженных сил и населения.

В-четвертых, общая цель войны — принуждение политического руководства страны-жертвы принять навязываемые агрессором условия — все чаще достигается не только и не столько непосредственным применением военной силы. Гораздо активнее стала использоваться стратегия не прямых действий с присущими ей политико-дипломатическим и финансово-экономическим давлением, информационным воздействием, международно-правовыми и экономическими санкциями, подрывными акциями сил специальных операций, подкрепленными демонстрацией военной силы и готовности к ее применению.

Когда этот комплекс средств не приносит желаемых результатов, военная сила применяется непосредственно. И тогда воля политического руководства жертвы агрессии к сопротивлению ломается за счет подрыва жизненных сил страны путем уничтожения ключевых объектов управления,

энергетики и промышленности при параллельном внушении ее народу, равно как и мировому сообществу, мысли о неспособности действующего руководства эффективно управлять государством.

Для реализации подобных вышеописанных сценариев ненужными становятся массовые армии, предназначенные для проведения классических крупномасштабных операций на континентальных ТВД. Их стали заменять армии, в которых приоритетное развитие получают виды вооруженных сил и рода войск, оснащенные дальнобойными средствами поражения, интегрированными с информационно-управляющими системами и обладающими способностью поражать объекты противника практически на всей его территории в реальном масштабе времени и с высокой точностью⁴¹.

С определенной степенью условности можно выделить главные и иные особенности характера будущих международных войн и военных конфликтов:

Главные особенности характера будущих войн вытекают из приоритета цивилизационных нарастающих противоречий, означающих, что:

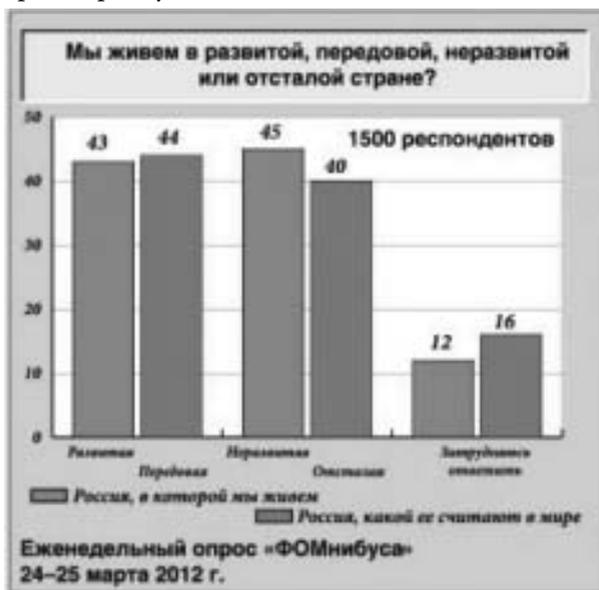
1. Исчезают четкие временные границы между миром и войной. Нельзя, как это было в XX веке, сказать, что «война началась 1 августа 1914 года или 22 июня 1941 года» с массированного применения военной силы. Военные действия — этап вооруженной борьбы (а до этого информационной, экономической и дипломатической войн), а не сама война, как было прежде. Признаки этой особенности в характере войн проявлялись и прежде. Например, в войне в Афганистане фактически против СССР принимали участие США. И не только поставками ВВТ и финансированием, но и подготовкой, обучением и тренировкой специалистов.

⁴¹ «Ограниченная война»: концепция современных и будущих военных конфликтов / Эл. ресурс: Портал «Современная армия». 2012. 14 июня / <http://www.modernarmy.ru/article/175>

«Переход» от фактического состояния войны к формально-правовому может происходить медленно, либо не произойти совсем (как в случае с СССР и КНР во время войны США во Вьетнаме), однако в XXI веке это уже не означает, что военные действия отсутствуют: разрушения, гибель тысяч граждан, уничтожение инфраструктуры и т. д. — эти признаки вооруженной борьбы явно присутствуют.

2. Расширение спектра средств силового воздействия. Кроме традиционных ВиВТ все большее значение приобретают такие силовые средства, как применение ударных БЛА, использование частных армий, провоцирование межнациональных конфликтов и др. К новым средствам силового воздействия, используемым наравне с ВиВТ, следует отнести кибероружие, которое в XXI веке становится решающим видом оружия в войне и конфликте, формирует новую парадигму вооруженной борьбы. Такое расширение спектра ВиВТ вызвано изменениями в глобальных политических целях войны.
3. Учитывая перенос центра тяжести в международной войне на ее цивилизационные и культурно-исторические особенности, следует отметить, что главной целью силовой (и, нередко, вооруженной) борьбы становится система национальных ценностей, история, образование и культура наций. Их дезинтеграция и дискредитация является первоочередной целью силового противодействия. Так, вооруженному конфликту на Украине (а до этого в Сирии, Ливии, Югославии) предшествовали кампании по переписыванию истории, изменению системы национальных ценностей и приоритетов, в результате которой значительная часть граждан была «перевоспитана» в русофобском ключе. Надо сказать, что относительно России такая целенаправленная кампания ведется давно и настойчиво, т. е. фактически мы уже находимся на одной из первых фаз войны. Так, даже оценивая уровень современного развития России, мнения

ее граждан, как показано на рисунке ниже, делятся примерно поровну⁴².

Таким образом, тремя главными особенностями будущих международных войн и конфликтов являются особенности, кардинально расширяющие представление о характере войны:

- по времени (стираются границы начала, окончания, перехода из одной фазы в другую и т. д.);
- по средствам ведения войны, представление о которых расширяется от исключительно вооруженных (ВиВТ) до невооруженных силовых;
- по области применения сил и средств силовой борьбы, переносу ее в информационно-психологическую, культурную и образовательную области.

⁴² Кутлалиев А. Принцип двоеверия // Независимая газета. 2013. 17 декабря. С. 15.

23.6. Существующие представления в России о будущих войнах

Военные действия в возможных войнах и вооруженных конфликтах будут вестись по законам и правилам той страны, которая в наибольшей степени подготовлена к реализации на практике самых передовых достижений в военной и технологических областях⁴³. Этот вывод российских экспертов может быть положен в основу долгосрочного прогноза.

Другой точки зрения придерживаются иные, но менее уважаемые эксперты. Очевидно, что между ними существует противоречие, которое крайне важно для оценки современного характера международной войны и конфликта. И здесь опыт последних войн показывает, что, в конечном счете, именно наиболее развитая сторона, обладающая самыми современными ВИТ, навязывает противнику те способы вооруженной борьбы, которые ей наиболее выгодны.

«Отсталая», как правило, «обороняющаяся» сторона, так или иначе вынуждена приспособливаться к новейшим средствам и способам ведения вооруженной борьбы. Некоторые случаи игнорирования, ставшие известны из опыта Афганистана, Югославии, Ливии или Украины, — не меняют в целом такого вывода, который означает, что самой главной особенностью современной войны является то, что ее характер определяет наиболее развитое в технологическом отношении государство.

Этот неприятный для России и ее Вооруженных Сил вывод, придется признать, как неизбежно признание того, что никакие прошлые победы и заслуги не гарантируют будущих,

⁴³ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания //Российское военное обозрение №1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-budushego.php>

как многочисленные блестящие победы Ганнибала не гарантировали ему, в конечном счете, окончательной победы.

«Анализ современной геостратегической и военно-политической обстановки, результатов достижений в различных областях науки (прежде всего, военной науки) и технологий, способствовавших созданию новейших средств вооруженной борьбы, дает основание предвидеть изменения в содержании и характере войн и вооруженных конфликтов будущего»⁴⁴, — считают военные эксперты.

«Прошедшие только в XXI веке войны и вооруженные конфликты являются разнообразными, отличаются по содержанию, составу участвующих государств, их продолжительности, формам и способам их ведения, т. е. имеют уникальные и неповторимые черты. Авторы убеждены, что используя методы экстраполяции, экспертно-эвристических подходов, прогнозирования и моделирования возможных вариантов военных действий, а также закономерностей развития средств вооруженной борьбы, с учетом их коррекции новейшими открытиями военной науки и практики применения группировок войск (сил) в современных войнах с использованием новых форм и способов выполнения ими своих задач, можно представить общие тенденции развития характера вооруженной борьбы. При этом необходимо помнить, что каждая война, порождая много нового, неизбежно сохраняет и что-то из того, что было в прежних военных столкновениях. Ни одна сверхсовременная война не может перечеркнуть весь прежний опыт»⁴⁵.

Очень точно и системно описал характер будущей войны С. Переслегин: «Сразу же отметим, что сегодня нельзя предсказать, будем ли мы иметь дело с одной большой „официальной“

⁴⁴ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания /Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

⁴⁵ Там же.

войной или серией яростных коротких конфликтов, переходящих один в другой, затухающих и вновь вспыхивающих, причем все это происходит без объявления войны, без прекращения дипломатических, торговых и даже туристских отношений. Вторая версия более вероятна, но и десятилетнюю „Троянскую войну“ тоже со счетов сбрасывать нельзя.

Анализируя характер будущей войны, мы должны исходить, прежде всего, из задач, которые война должна решать. Война, как регулятор агрессивности, должна быть достаточно массовой, зрелищной, сюжетной и „человеческой“, в том смысле, что основную роль в ней должны будут играть люди, а не техника. И очень существенно, что война должна сопровождаться значительными, но не чрезмерными потерями. В этой связи приходится предположить, что оружие массового поражения будет использоваться, но контролируемо и ограничено. Однако же, активно будет использоваться и пехота: характерные сцены предыдущих войн, включая штыковые атаки и уничтожение гранатами прорвавшихся танков, при всей их архаичности, будут воспроизводиться снова и снова.

Связь войны с глобальным проектированием обусловит размах войны (опять-таки, не будем пока гадать, будет ли этот размах „последовательным“ или же „параллельным“, то есть столкнемся ли мы с цепочкой взаимоувязанных конфликтов или с одной большой войной). Военные действия будут вестись на суше, в океанах, в воздухе, в околоземном космическом пространстве. Но, может быть, более важным является то, что война захватит символичный мир, пространства знаков, смыслов и брендов»⁴⁶.

«Нужно иметь в виду, что борьба глобальных проектов будет сопровождаться такой необычной, ранее встречающейся, как редкое исключение, формой войны, как уничтожение господству-

⁴⁶ Переслегин С.Б. Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikakpakettehnologiy.html>

ющей онтологии противника, самой основы его государственной, этнической, конфессиональной и личной идентификации. Сегодня мы не можем представить, к каким последствиям приведет такая война, но, во всяком случае, война онтологий будет гораздо более жестокой, нежели война идеологий.

Характер войны, как формы фазового кризиса, приведет к тому, что одним из значимых результатов войны будет разрушение мировой транспортной инфраструктуры, включая структуру морских перевозок. Поскольку связь также относится к современным инфраструктурам, можно ожидать использования сторонами электромагнитного оружия и иных средств разрушения связи противника. При этом, навигационные спутники и спутники связи, располагающиеся на геостационарных орбитах, по-видимому, не будут затронуты. Совершенно невозможно предсказать, насколько сильное воздействие будет оказано на интернет»⁴⁷.

«Следует также упомянуть широкое распространение террористических форм войны, в том числе — использование аналитико-террористических групп, состоящих из одноразовых легко заменяемых групп террористов-смертников и аналитического штаба, обеспечивающего стратегическое содержание террора. В примитивной форме, АТ-группы были, вероятно, применены в Беслане и «Норд-Осте», есть все основания связывать с деятельностью подобных структур теракт 11 сентября 2001 года.

Современный этноцентрический характер мира (право народов на самоопределение значит больше, нежели право государства на обеспечение своей целостности) и нарастающее этническое перемешивание мира приведет к назойливому повторению случаев геноцида — вплоть до использования этнически избирательного оружия»⁴⁸.

⁴⁷ Переслегин С.Б. Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikapakettehнологiy.html>

⁴⁸ Там же.

«Содержание войны, как формы этнической, экономической и популяционной деструкции, приведет к разрушению отдельных городов, причем, как это ни странно выглядит, наибольшие шансы подвергнуться уничтожению имеют перенаселенные города Третьего мира, такие как Дакка, Джакарта, Янгун (Рангун) затем, города — промышленные центры. Нужно иметь в виду, что при достаточном уровне разрушения коммуникаций уничтожения городов может и «не понадобится».

Важной особенностью предстоящих войн станет эффект фазовой доминации: вооруженные силы, использующие постиндустриальные технологии — в организации войны, в подготовке войск, в управлении частями и соединениями, в создании новой боевой техники, получают абсолютное превосходство над классическими «индустриальными» вооруженными силами. При этом нужно учитывать, что фазовая доминация требует наличия системно связанной совокупности постиндустриальных технологий — инсталляции в вооруженные силы соответствующего технологического пакета»⁴⁹.

Новейшие технологические разработки США, которые планируется реализовать к 2020 году, прежде всего в военной космической области, получили свое развитие и финансирование с 1996 года, когда президент Билл Клинтон ввел в действие директиву PDD-NSC-49/NSTC-8. К основным целям военно-космической политики США формально относятся:

- расширение знаний о Земле, солнечной системе и Вселенной;
- поддержание и укрепление национальной безопасности Соединенных Штатов;
- повышение конкурентоспособности национальной экономики, расширение научных и технических возможностей;
- поощрение инвестиций отдельных штатов, направленных на использование ими космических средств и технологий;

⁴⁹ Переслегин С.Б. Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikakpakettehnology.html>

- расширение международного сотрудничества для продвижения интересов США в сфере внутренней и внешней политики и обеспечения национальной безопасности.

Основное содержание космической стратегии США было изложено в концепции «Joint Vision-2020» — плане развития вооруженных сил США до 2020 года, разработанным Объединенным комитетом начальников штабов. Основной задачей этой стратегии, по мнению некоторых экспертов, является господство в космосе. «Главная цель США — всеобъемлющее господство — подчеркивает Р. Кошкин. — В соответствии с этим они готовятся к проведению военных операций, в том числе крупномасштабных, во всех областях оперативной деятельности: в космосе, на море, на суше, в воздухе, а также в информационном пространстве. Тем самым американское военное руководство констатирует свое намерение добиваться не абстрактного „лидерства в сфере космической деятельности“, а вполне конкретного военного господства и в космосе»⁵⁰.

«Американцами предполагается задействовать значительные гражданские (НАСА, НОАА, FAA) и коммерческие космические компоненты в военной области. Для того чтобы добиться необходимых преимуществ в космосе еще в 2002 году, был разработан План Космического командования США на период до 2020 года, в котором были названы четыре ключевые цели:

1. Обеспечить контроль над космосом. В интересах этого предполагается создать сеть, обеспечивающую возможность контролировать запуски, осуществлять предупреждение об атаках на спутники, собирать информацию научного и разведывательного характера.
2. Создать глобальную защиту. Предполагает: всеобъемлющее наблюдение за космическим пространством; создание сис-

⁵⁰ Кошкин Р.П. Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014. С. 6.

темы противоракетной обороны; обеспечение поддержки из космоса наземных сил.

3. Объединить все силы. Существующая система спутников и наземных станций должна обеспечивать в любое время суток и при любых погодных условиях трехмерную информацию о позиционировании объектов и целей, а также временные характеристики для наземных сил, сил воздушного и морского базирования. Кроме того, эта информация может быть использована как в гражданских, так и коммерческих целях.
4. Обеспечить глобальное партнерство. США предусматривает обмен информацией космических служб союзнических государств, в целях обеспечения максимальной согласованности действий и достижения наилучшего результата по противодействию общим вызовам и угрозам⁵¹.

Военное положение России

По оценке С. Перслегина военное положение России не является благоприятным. «Россия обладает огромной территорией и значительными запасами ресурсов, в том числе энергетических, при низком потенциале использования этих ресурсов и недостаточностью их охраны. Положение страны дополнительно осложняет демографическая проблема — нехватка населения для контроля территории и ресурсов (причем численность титульного населения неуклонно снижается).

После распада СССР Россия не имеет союзников. Бывшие державы социалистического лагеря в массе своей враждебны РФ, то же самое относится и к значительной части бывших союзных республик. Попытки найти военное и политическое взаимопонимание с Китаем, Индией и странами Ислама пока

⁵¹ Кошкин Р.П. Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014. С. 6.

не вылились в создание сколько-нибудь устойчивого военно-политического блока»⁵².

«В условиях, например, когда господствовали идеи кровопролитных сражений, прямых военных столкновений, насилие сводилось к одной его форме — вооруженной борьбе. Считалось, что именно она является признаком, главной формой войны, что война начинается и заканчивается военными действиями. Характер войны всегда рассматривался и рассматривается как совокупность характерных черт, свойств и особенностей, подробно раскрывающих ее социально-политическую и стратегическую стороны, а характер же вооруженной борьбы — как совокупность определяющих черт, свойств и особенностей, подробно раскрывающих содержание вооруженной борьбы как основной составляющей войны.

Социально-политическая сущность:

- отношение международных органов (систем) коллективной безопасности, государств, к войне и использование ими форм невооруженной борьбы (политической, экономической, дипломатической, информационной, психологической и др.) в целях предотвращения войны;
- социально-политические и экономические противоречия, которые могут привести к возникновению войны;
- расстановка (состав) политических сил сторон (противники, союзники, нейтралы), условия превращения нейтральных государств в союзников;
- политические цели войны;
- возможность создания коалиционных группировок войск (сил).

⁵² Переслегин С.Б. Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikakpakettehnology.html>

Стратегическое содержание:

- стратегические цели и задачи вооруженных сил в войне;
- возможные условия и способы развязывания военных действий;
- применяемое оружие (обычное, высокоточное, ядерное);
- размах военных действий (масштаб, напряженность, интенсивность, продолжительность);
- способы и формы военных действий;
- возможная периодизация войны и содержание основных ее периодов;
- особенности военных действий;
- последствия военных действий, в том числе применения ядерного оружия;
- порядок прекращения войны.

Любую войну отличает не форма насилия, а основные ее признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определенного времени, победа одной из сторон и поражение другой. Что касается форм насилия, то на войне применяются необязательно все известные формы применения вооруженных сил. Выиграть войну, добиться конечных целей, желаемых результатов можно, и лучше всего, не применяя военных действий. Еще в пятом веке до н. э. китайский военный теоретик Сунь-Цзы утверждал, что самая лучшая война — разбить замыслы противника, затем — разбить его союзы и только потом — разбить его армию. Поскольку цель войны — получение выгоды, то ради этого надо сделать все, чтобы овладеть страной и армией противника, не разрушая их.

В наступающем XXI веке, наряду с войнами и вооруженными конфликтами в традиционном понимании их сути, появятся новые формы противоборства сторон — так называемые нетрадиционные войны (невоенные формы вооруженной борьбы), в которых силовые действия либо не

будут вестись вообще, либо не будут иметь определяющего значения»⁵³.

Нетрадиционные войны

«Во многих экономически подготовленных странах значение и удельный вес невоенных форм борьбы, организационные и технические возможности их эффективного осуществления резко возросли. Еще Клаузевиц считал, что основным системообразующим фактором всякой войны является ее цель — вынудить противника к подписанию любого мира на условиях победителя. К этой цели ведут два пути (способа): политическое уничтожение противника и лишение его возможности сопротивляться. Следовательно, достижение основной цели войны, по мнению Клаузевица, вооруженным путем приемлемо, но лишь в случае политического уничтожения или предварительного ослабления противника до состояния, когда он не сможет оказать сколько-нибудь заметного сопротивления.

Ослабление страны-объекта современной агрессии (да и на длительную перспективу) возможно всесторонним внутренним ослаблением государства, в том числе информационным, психологическим, морально-нравственным, климатическим, организационным воздействием, созданием и стимулированием оппозиции деструктивной направленности, тайным разжиганием и подогреванием национальной розни и межнациональных конфликтов.

Кроме того, ослабление страны-объекта агрессии возможно ослаблением его внешних позиций как субъекта международных отношений в политическом, экономическом, правовом, информационном и др. отношениях (например, опутывание государства финансовыми долгами, высасывающими все ресур-

⁵³ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания // Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

сы, что блокирует возможность его развития; окружение государства своими странами-сателлитами для манипулирования его внешними связями, создания плацдармов для нападения и исключения какой-либо помощи ему извне в случае агрессии (это было выполнено непосредственно перед агрессией в Югославии); военным и экономическим шпионажем, разведывательно-подрывными действиями).

Опыт проведенных в последнее десятилетие вооруженных конфликтов дает основание утверждать, что в процессе противоборства враждующих сторон наблюдается все более широкое применение оружия, созданного на основе «искусственного интеллекта», нанотехнологий, а также роботизированных комплексов оружия на новых физических принципах. Видимо, следует ожидать, что возможности такого оружия в XXI веке будут неуклонно повышаться, и, в перспективе, их массированное применение (2020–2030 гг.) позволит добиваться результатов, сопоставимых с показателями боевой эффективности ядерного оружия»⁵⁴.

Появление и достаточно широкое распространение новых средств борьбы: информационного и психотронного, биологического и генетического, климатического и других несиловых средств ведения войны (нетрадиционное оружие) вызвало к жизни и новые формы борьбы. Некоторые несиловые виды нетрадиционного оружия стали настолько эффективны, что с успехом применялись в современных военных конфликтах (операция «Буря в пустыне» 1990–1991 гг. в ходе войны в зоне Персидского залива).

Диалектическое развитие происходящих современных процессов вооруженной борьбы позволяет утверждать, что все большее значение в войнах XXI века будет придаваться

⁵⁴ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания // Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

информационной составляющей противоборства. Это связано с оснащением войск системами вооружения, основанными на широком использовании информационных технологий, а также быстродействующими системами разведки, связи, автоматизированного управления войсками и оружием, радиоэлектронной борьбы и др.

Перспективы развития этих средств таковы, что они будут использоваться самостоятельно и в будущем. Неслучайно, американцы занялись разработкой стратегии их применения в XXI веке, отработывают сценарии ведения информационных и психологических войн, осуществляют создание соответствующих организационных структур и подготовку кадров их применения.

К числу несиловых видов нетрадиционного оружия относится и климатическое оружие, которое будет в перспективе применяться для провоцирования ливней, образования наводнений и затоплений территории противника, затрудняющих передвижения войск, их тяжелой техники и местного населения, рассеивание облаков в районе бомбометания для обеспечения прицеливания по точечным целям. В перспективе данное оружие станет ведущим при осуществлении широкомасштабных войн за плодородные территории.

Невоенные формы борьбы, особенно информационное, психологическое и климатическое воздействие, в перспективе будут существенно влиять и на характер вооруженной борьбы. Однако главную специфику войны будущего будут составлять применение вооруженной силы, насильственные действия. А политико-дипломатические, экономические и другие средства и способы воздействия на противоборствующую сторону решающее значение будут иметь в деле предотвращения войн и вооруженных конфликтов будущего.

Будущие войны в решающей мере будут зависеть от того, как и в каком направлении в XXI веке будут развиваться события мирного времени (политические, экономические, во-

енно-технические, научные и другие) в данной стране, геополитическом регионе. Без глубоких представлений о характере взаимосвязи между миром и войной конкретно в XXI веке обоснованный прогноз будущих войн невозможен.

О характере, видах и формах ведения войн и конфликтах будущего

Опыт войн и вооруженных конфликтов, проведенных США и их союзниками в последние годы, дает основание предвидеть, базируясь на выше изложенном методологическом подходе, изменения в содержании классификации войн будущего. В перспективе в XXI веке возможны различные по масштабам и содержанию войны. По типам их можно подразделить на традиционные (с применением силовых действий вооруженных сил) и нетрадиционные (без применения силовых действий), по видам на вооруженные конфликты, локальные и региональные войны.

Исторический опыт свидетельствует, что формы и способы вооруженной борьбы периодически изменяются. Выяснение причин и основных тенденций этих изменений имеет большое значение, так как позволяет предвидеть противостоящих противников, масштаб и размах войны, формы и способы ведения вооруженной борьбы в будущей войне, ее возможную продолжительность и ожидаемые последствия. Формы применения вооруженных сил, способы стратегических и оперативно-тактических действий будут зависеть от масштаба войн и вооруженных конфликтов.

При прогнозировании содержания и характера войн будущего необходимо, прежде всего, выяснить — к какой войне надо готовиться, ибо только на основе правильного прогнозирования характера вооруженной борьбы, ее масштаба и способа ведения можно обоснованно определить, какие вооруженные силы и другие войска для этого нужны. В связи с этим, видимо, чтобы разобраться с характером и содержанием вооруженной

борьбы будущего, целесообразно рассматривать ее в вооруженных конфликтах, локальных и региональных войнах отдельно.

В обозримой перспективе становятся маловероятными не только мировая война, но и крупномасштабная агрессия против России. Однако следует ожидать, что в ближайшей перспективе останется лишь одна разновидность войн — обычные войны на театре военных действий (ТВД). Не будет перспектив и у всеобщей обычной войны. Крупномасштабные (на нескольких ТВД) войны не предвидятся, с одной стороны, из-за сдерживающего фактора ядерного оружия (катастрофических последствий его применения); с другой стороны, уже найдены новые формы и способы достижения политических и стратегических целей агрессивных намерений — развязывание локальных войн и вооруженных конфликтов, политического, экономического, информационного и психологического давления и специальных операций (диверсионных подрывных действий)⁵⁵.

Несмотря на наличие в ряде стран ядерных вооружений, уйдет в прошлое и всеобщая ядерная война (опыт Хиросимы и Нагасаки достаточно впечатляющий). На катастрофические последствия применения ядерного оружия в современных условиях вряд ли кто-либо решится. При этом следует особо подчеркнуть, что войны и вооруженные конфликты будущего с большой долей вероятности будут вестись только с применением обычного, главным образом высокоточного, оружия, но при постоянной угрозе применения ядерного оружия.

Для России при крайне неблагоприятном соотношении сил и средств на всех стратегических направлениях ядерное оружие на долгосрочную перспективу (до 2020–2030 гг.) останется важнейшим, наиболее надежным средством стратегического сдерживания любой агрессии и обеспечения своей оборонной безопасности.

⁵⁵ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания //Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

В условиях глобализации мировых процессов, огромного экономического превосходства ведущих держав и сильной экономической финансовой зависимости от них большинства других государств возникает объективная возможность расправиться с непокорными странами с помощью локальных войн и вооруженных конфликтов, а также с применением несиловых мероприятий (политического, экономического, информационного и психологического давления и специальных операций)⁵⁶.

В перспективе, учитывая прогноз содержания войн и вооруженных конфликтов будущего, следует ожидать, что важнейшей формой стратегического применения вооруженных сил будет стратегическое сдерживание. Понятие «стратегическое сдерживание» предполагает согласованное и целеустремленное осуществление всех мероприятий (разведка, контрразведка, наращивание при необходимости степеней боевой готовности стратегических и обычных сил, развитие вооружений, подготовка ТВД и населения и многих других мер) таким образом, чтобы они, с одной стороны, надежно сдерживали угрозы при минимально необходимой оборонной достаточности, а с другой — не провоцировали их. Видимо для решения этих задач органам военного управления стратегического масштаба целесообразно заблаговременно планировать и осуществлять комплекс мер по стратегическому сдерживанию.

Опыт современных локальных войн и вооруженных конфликтов, проведенных в XXI веке, показывает, что независимо от их масштаба и характера всем им предшествовали угрожаемые периоды. Вне всякого сомнения, и в войнах, и в вооруженных конфликтах будущего они будут присутствовать. Именно современные войны и вооруженные конфликты дают основание утверждать, что только в угрожаемый период будет

⁵⁶ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания //Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

осуществляться стратегическое развертывание вооруженных сил и других войск — частичное или крупномасштабное в зависимости от масштабов и характера предстоящего военного столкновения.

Особенность стратегического развертывания в войнах будущего будет состоять в том, что все мероприятия по перегруппировке и мобилизационному развертыванию войск (сил) должны осуществиться до начала силовой акции военной агрессии нападавшей стороны. Кроме того, эти мероприятия должны будут проводиться во многом по-новому. Прежде всего, значительно возрастет аэромобильность войск, появятся более совершенные морские, авиационные средства переброски, во многом увеличатся скорости передвижения войск и возможности их более скрытого осуществления даже при наличии у противника космической разведки⁵⁷.

С большой долей вероятности можно предполагать, что в целях достижения внезапности действий стратегическое развертывание может осуществляться под прикрытием упреждающих воздушных операций. С этой целью могут привлекаться некоторые дальнобойные комплексы высокоточного оружия, имеющие возможности без перегруппировки и приближения к району боевых действий наносить удары по противнику непосредственно из мест базирования.

Анализируя содержание и характер вооруженной борьбы в локальных войнах и вооруженных конфликтах последнего десятилетия, можно с большой долей вероятности предположить, что содержание конкретных военных событий вооруженной борьбы будущего будет тесно взаимосвязано с другими, подчиненными ей видами противоборства: экономическими, информационными, психологическими, климатическими, на-

⁵⁷ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания // Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

учно-техническими, дипломатическими и идеологическими. Скорее всего, войны будущего будут состоять из начальных и заключительных периодов⁵⁸.

Предполагаемый сценарий войны будущего

Начальный период войны будущего будет основным и решающим периодом. Его особенность будет состоять в том, что именно в ходе этого периода развернется основная борьба за достижения военно-политических целей противоборствующих сторон в военной кампании. Особое значение в этот период приобретет борьба за господство в воздушно-космическом и информационном пространстве, противодействие дальнебойным высокоточным средствам противника.

Основное содержание этой борьбы составит воздушно-космическая операция и систематические действия авиации со всех направлений и практически на всю глубину страны, подвергшейся нападению. Прежде всего, особенностью начального периода войны будущего будет являться то, что нападающая сторона ракетно-авиационными ударами исключит возможность обороняющейся стороне проводить такие мероприятия, как от мобилизованные, перегруппировку и развертывание группировок войск на театрах военных действий для создания стратегических группировок войск, их выдвигание на исходные рубежи для выполнения важнейших боевых задач по отражению агрессии⁵⁹.

В ходе начального периода этой войны должны быть уничтожены основные военно-государственные пункты управления, большинство объектов военно-промышленного комплекса и разрушена вся система управления страной и ее вооруженными

⁵⁸ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания /Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

⁵⁹ Там же.

силами. Неуправляемость государственной системой, деморализация населения страны, подвергшейся нападению, разрушение и вывод из строя основных ее объектов военно-промышленного комплекса не предоставит возможности провести мероприятия по коренной перестройке экономики на обеспечение нужд войны. Все эти факторы будут способствовать достижению нападавшей стороной военно-политических целей войны в кратчайшие сроки.

На начальной фазе военных действий, как правило, будут наноситься массированные удары авиации и военно-морских сил с целью вывести из строя основные экономические объекты, энергетику и сломить волю противника к сопротивлению. Вслед за огневыми и радиоэлектронными ударами, наносимыми по всей глубине расположения противника, будут высаживаться воздушные десанты, развернут свои действия спецподразделения. Сухопутная группировка войск будет вводиться в сражения только на заключительном этапе войны (конфликта) после надежного подавления (уничтожения) основных огневых средств и важнейших объектов противника с тем, чтобы максимально ограничить потери в людях и технике. Эта группировка будет осуществлять широкие рейдовые действия, избегая фронтальных атак, стремясь выйти во фланги и в тыл неприятеля для завершения разгрома противника, закрепления достигнутого военного успеха и непосредственного обеспечения достижения политических целей⁶⁰.

В перспективе в содержании и характере войн и конфликтов будущего следует ожидать, что усилится взаимозависимость и взаимовлияние действий стратегического, оперативного и тактического уровней. Основные задачи будут решаться путем огневого поражения с предельных дальностей. Большую роль будет иметь фактор ядерного сдерживания, особенно при-

⁶⁰ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания //Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

нительно к сдерживанию угроз, связанных с применением противником обычных вооружений. Надо будет учитывать и то, что оно в перспективе может быть осуществлено эффективно только при наличии высокооснащенных и боеготовых сил общего назначения. В этих условиях угроза применения ядерного оружия в ответ на нападение с использованием обычных вооружений будет выглядеть убедительно.

Особенность вооруженной борьбы будущего будет состоять в том, что в ходе войны или вооруженного конфликта под ударами противника окажутся не только военные объекты и войска, но одновременно и экономика страны со всей ее инфраструктурой, гражданское население и территория. Особенно следует ожидать значительных жертв среди мирного населения.

Для России особенность войны будущего будет состоять в том, что военные действия не будут ограничиваться воздушно-космическими операциями. Следует ожидать возможного сохранения своего значения совместных как наступательных, так и оборонительных операций Сухопутных войск во взаимодействии с ВВС и ВМФ.

В связи с этим можно уверенно утверждать, что военная сила в обозримой перспективе сохранит за собой весомую роль в достижении политических целей наиболее развитых в экономическом отношении государств и блоков. При этом диапазон условий применения данными странами военной силы будет существенно расширяться⁶¹.

Современная действительность доказывает безотлагательную необходимость заблаговременной готовности государства к войне. Начало XXI века знаменуется изменением характера и направленности военных угроз для России, способов их парирования, систем обороны и вооружений. В связи с этим

⁶¹ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания //Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>

целесообразно вспомнить, что еще в 80-х годах XIX века, вскоре после окончания русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), начальник Главного штаба генерал Н. Н. Обручев писал в служебной записке императору: «Если Россия бедна и слаба, если она намного отстала от Европы, то это прежде всего потому, что очень часто она неправильно решала самые коренные политические вопросы: где следует и где не следует ей жертвовать своим достоянием. Если идти прежним путем, можно вконец погибнуть и быстро завершить свой цикл великой Державы: с застоєм внутри и непомерным внешним развитием».

Несомненно, с учетом изменений в геополитической обстановке, произошедших за последние более чем 100 лет, слова генерала Н. Н. Обручева не потеряли своей актуальности и в наши дни. В последние годы военно-политическое руководство Российской Федерации стало серьезно заниматься проблемами военной безопасности страны. Однако цена, которой удалось утихомирить грузинских агрессоров, весьма настораживает. С российской стороны явно просматривались недостатки, касающиеся оснащения группировки войск (сил), действующей в районе боевых действий, новых средств разведки, вооружения и военной техники, ее боеготовности и боеспособности в целом.

Не случайно на совещании (в октябре 2008 г.) с руководящим составом ВС РФ в Оренбурге обсуждались вопросы перевооружения армии и боевого состава ВС РФ до 2020 года. При этом Президент России Д. Медведев особо подчеркнул, что «...мы должны добиваться превосходства в воздухе, в нанесении высокоточных ударов по наземным и морским целям, в оперативной переброске войск. Запланировано серийное строительство боевых кораблей, в первую очередь атомных подводных крейсеров с крылатыми ракетами и многоцелевых подводных лодок».

Безусловно, события на Кавказе подтолкнули к более быстрой модернизации Вооруженных Сил. Однако и без российско-грузинского конфликта движение в этом направлении было бы продолжено, хотя и более медленными темпами.

Обострившиеся межгосударственные отношения России целесообразно будет решать с использованием всех мер силового сдерживания. Авторы в своих публикациях неоднократно высказывались о необходимости их использования. В будущем силовое сдерживание в войнах и вооруженных конфликтах будет осуществляться методом демонстрации силы в самых различных формах, чтобы потенциальный агрессор понял, что его издержки в случае нападения будут выше ожидаемых результатов.

Таким образом, главная особенность содержания вооруженной борьбы в войнах и вооруженных конфликтах XXI века состоит в том, что новые формы военных действий можно охарактеризовать как объемные, охватывающие все сферы вооруженной борьбы (суша, море, воздух, космос), где электронное, экономическое, психологическое, информационное и силовое воздействия будут осуществляться с нарастающей интенсивностью во времени и пространстве, что позволит добиться решительных результатов в кратчайшие сроки, лишая противника инициативы и свободы маневра⁶².

23.7. Возможные особенности будущего характера международных войн и вооруженных конфликтов

Определение даже самых общих особенностей будущего характера международных войн и конфликтов не только крайне трудная, практически нерешаемая задача, но, одновременно, и проблема, требующая, так или иначе, своего решения. Более того, попытки ее решения всегда были и, конечно же,

⁶² Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания //Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-budushego.php>

будут просто потому, что, принимая решения о разработке и создании новых ВиВТ, мы неизбежно программируем свою деятельность на десятилетия вперед. Так или иначе, предполагается, на какие угрозы и вызовы она направлена. Иными словами, субъективно, интуитивно, но решения о разработке и создании ВиВТ, рассчитанные на 30–40 лет, неизбежно учитывают основные особенности будущих международных войн и конфликтов.

В этой связи обращают на себя внимание некоторые оценки российских ученых, сделанные в последние годы. Например, следующая: «...военные специалисты столкнулись при решении задач управления войсками и оружием в новых условиях оперативной обстановки с целым рядом проблем и противоречий, основными из которых являются следующие:

- наличие неполной, а иногда и неточной информации о противнике и зачастую о своих войсках и необходимость немедленного принятия решения, которое бы обеспечивало выполнение поставленной задачи в кратчайшие сроки и с минимально допустимыми потерями;
- большие объемы получаемой и передаваемой информации на всех уровнях управления и низкая пропускная способность иерархических „стволовых“ систем автоматизации управления и связи;
- необходимость жесткой централизации управления войсками и оружием (особенно ВТО большой дальности и разрушительной силы) и потребность, в то же время, предоставления подчинённым командирам наибольшей инициативы на местах (концепция „власть на край“);
- краткость формы приказа (боевого распоряжения) для его оперативного доведения до подчинённых сил и его содержание, которое должно точно отражать всю сложность обстановки и ясность боевых задач;
- определение приоритетности в выборе целей, а также средств и способов их поражения.

Таким образом, качественные и количественные изменения вооружения и военной техники для ведения обычной войны, средств разведки и наблюдения за противником, совершенствование средств автоматизации управления, связи и передачи данных, бурное развитие информационных технологий, в конце концов, привели на рубеже веков к осознанию необходимости изменения форм и методов управления вооружённой борьбой.

При этом в ходе войн малой интенсивности и вооружённых конфликтов возникла необходимость рационального использования боевой мощи разного типа боевых платформ с обычным оружием, раскрытия всех их потенциальных возможностей. Наличие большого количества разнообразной информации о противнике и своих силах и средствах на разных уровнях также потребовало дальнейшего развития систем и средств сбора и хранения информации, её анализа, оценки и моделирования развития обстановки, подготовки руководству вариантов решений. Кроме того, для эффективного управления имеющимися силами и средствами потребовалась интеграция имеющихся разнородных АСУ войсками и оружием в единую систему управления и связи.

Успех в сражении уже должен был решаться не одним видом оружия: победа достигалась при слаженном взаимодействии всех видов и родов войск — флота, авиации, ракет средней и меньшей дальности, артиллерии, танков и пехоты. Тем самым от действия различных боевых платформ на поле боя достигался своеобразный синергетический эффект.

Впервые идеи об объединении усилий средств разведки, автоматизации управления и огневого поражения для достижения поставленной цели были высказаны Маршалом Советского Союза Н. В. Огарковым в середине 80-х годов XX века. Однако лишь в конце 90-х годов идея объединения всех трех компонент — средств разведки и наблюдения, боевых платформ, средств автоматизации управления и связи в единую систему начала обретать свои очертания в вооружённых силах США.

Ядром такой системы, новым „центром силы“ стала телекоммуникационная сеть обмена данными, фактически образующая для потребителей единое информационное пространство, доступ к информации в котором регламентируется соответствующими полномочиями.

Таким образом, необходимость максимального использования возможностей всех имеющихся средств разведки и боевых платформ привела к переходу от „платформенной“ модели управления войсками и оружием к „сетевому“, получившей в итоге наименование Network Centric Warfare (NCW) — „сетевое ведение войны“⁶³.

«„Сетевое ведение войны“, по мнению авторов концепции, может охватывать все уровни управления, а принципы ее ведения не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры вооруженных сил. Сами же вооруженные силы в этом случае представляют собой разветвленную сеть хорошо информированных, но географически распределенных сил.

При применении концепции „сетевое ведение войны“ информация будет поступать не от отдельных „платформ“ (боевой техники, средств разведки, наблюдательных постов, групп разведки, вертолетов, авиации, космических аппаратов и др.), а из информационной сферы, тесно связанной с двумя другими сферами (физической и когнитивной), создающими вместе сферу „сетевое ведение войны“. При этом физическая сфера — это „место развития ситуации, на которую оказывается военное влияние“. В ней (на суше, воде, в воздухе и космосе) разворачиваются военные действия и действуют „физические платформы“, соединенные „коммуникационными“ сетями. Когнитивная (рационально-ментальная) сфера складывается

⁶³ Матвиенко Ю.А., Ковалёв В.И., Малинецкий Г.Г. Концепция «сетевое ведение войны» для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? / <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/348-novoe-v-voennom-dele/1-stati/4277-kontseptsiya-setetsentricheskoj-vojni-dlya-armii-rossii-mnozhitel-sily-ili-mentalnaya-lovushka>

в умах участников конфликта и характеризуется, с одной стороны, такими понятиями, как представление, осознание, понимание, убеждения, ценности, а с другой — процессом принятия решений. К этой же сфере относятся: лидерство, моральное состояние, сплоченность, уровень подготовки и боевого опыта, общественное мнение, мыслительные процессы командиров, способы принятия решений, интеллект и эрудиция.

Под информационной сферой понимается сфера, в которой происходит обмен информацией, передача решений командира, осуществляется контроль и управление войсками. В ней формируются и накапливаются знания, представления о физической сфере; она отражает ее в виртуальной реальности. В борьбе за информационное превосходство она является „основополагающим плацдармом“. Скорость командования является процессом, при котором позиция информационного превосходства превращается в конкурентное преимущество. При этом разработчики этой теории считают, что информационное превосходство характеризует состояние информационной сферы, когда одна из сторон получает „превосходящие информационные позиции“.

В качестве модели боевых действий, иллюстрирующей процесс достижения в ходе „сетевцентрической“ войны информационного превосходства над противником, за рубежом широко используют понятие „цикл управления“. В последнее время в качестве такого цикла используется основной элемент теории, разработанной полковником ВВС США Джоном Бойдом и его последователями — так называемая петля OODA (Observe (наблюдай) — Orient (ориентируйся) — Decide (решай) — Act (действуй)). В русском переводе петля OODA или цикл Бойда соответственно имеет аббревиатуру НОРД (наблюдение — ориентация — решение — действие).

Указанная модель предполагает многократное повторение петли НОРД в процессе боевых действий, которые, как правило, развиваются по спирали и на каждом этапе этой спирали осуществляется взаимодействие с внешней средой и воздействие

на противника. Модель обычно относят к разряду кибернетических, так как в ней реализуется принцип „обратной связи“, в соответствии с которым часть выхода из системы снова подается на её вход, чтобы уточнить, а если потребуется, и скорректировать развитие системы на последующих этапах»⁶⁴.

В самом общем виде «сетевая» война предусматривает следующие четыре основные фазы ведения боевых действий⁶⁵:

1. Достижение информационного превосходства посредством опережающего уничтожения (вывода из строя, подавления) системы разведывательно-информационного обеспечения противника (сенсоров, сетевых узлов, центров обработки информации и управления).
2. Завоевание превосходства (господства) в воздухе за счет подавления (уничтожения) системы ПВО противника на ТВД.
3. Последовательное уничтожение (в англоязычных источниках — так называемая «цепь убийств» (kill chain) оставшихся без управления и информации средств поражения противника, в первую очередь ракетных комплексов, авиации, реактивной и ствольной артиллерии, бронетехники.
4. Окончательное подавление или уничтожение очагов сопротивления противника.

На основании анализа наиболее общих черт конфликтов конца XX — начала XXI веков, можно сделать также следующие выводы относительно других будущих международных военно-политических особенностей вооруженной борьбы на современном этапе и в обозримой перспективе:

⁶⁴ Матвиенко Ю.А., Ковалёв В.И., Малинецкий Г.Г. Концепция «сетевая» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? / <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/348-novoe-v-voennom-dele/1-stati/4277-kontseptsiya-setetsentricheskoj-vojny-dlya-armii-rossii-mnozhitel-sily-ili-mentalnaya-lovushka>

⁶⁵ Там же.

Во-первых, вооруженные силы подтверждают свою центральную роль в осуществлении силовых операций, однако эта (центральная) роль еще больше смещается от военной формы к политической — обеспечению эффективности применения полувоенных, военизированных формирований, ополчений, подразделений сил внутренней безопасности. Пока, к сожалению, это положение нередко не признается. Считается по-прежнему, что роль нерегулярных вооруженных формирований «оказывается существенно меньше, чем предполагалось до начала вооруженных конфликтов». Очевидно (особенно после событий в Ливии, Сирии и на Украине), что от этого положения необходимо отказываться.

Во-вторых, по-прежнему считается, что решающим моментом для достижения военно-политического успеха является захват стратегической инициативы в ходе вооруженного конфликта. «Пассивное ведение боевых действий в расчете на «выдыхание» наступательного порыва противника приведет к утрате управляемости собственной группировки и впоследствии — к проигрышу конфликта». Это положение военной науки также стремительно меняется. Стратегическая инициатива перестала иметь свое решающее значение потому, что в большей степени воюют не государства, а нации, цивилизации и общества.

В-третьих, важной особенностью становится участие в войне уже не только государств и армий, но и всех наций, обществ, социальных слоев. Это принципиально меняет приоритетность наиболее важных объектов и целей, когда собственно ВС теряют свою высшую приоритетность, уступая ее:

- центрам политического и административного руководства;
- СМИ;
- объектам инфраструктуры.

Особенность вооруженной борьбы будущего будет состоять в том, что в ходе войны под ударами противника окажутся не только военные объекты и войска, но одновременно и экономика страны со всей ее инфраструктурой, гражданское население и территория.

Несмотря на развитие точности средств поражения все исследованные вооруженные конфликты последнего времени были в той или иной степени гуманитарно «грязными» и повлекли за собой значительные жертвы среди мирного населения. В связи с этим возникает не только необходимость в высокоорганизованной и эффективной системе гражданской обороны страны⁶⁶, но и в способах организации вооруженной борьбы со стороны населения.

В-четвертых, коренным образом меняются представления о победе в войне или конфликте. Если прежде под победой подразумевалось не только военное, но и политическое поражение в войне, то сегодня это, прежде всего, навязывание своей воли, системы ценностей, норм поведения. Если поверженное правительство выполняет чужую волю, то тогда не требуется ни оккупаций, ни разгрома ВС, ни даже смены политической, социальной или экономической систем.

Критерии военной победы в вооруженных конфликтах, таким образом, будут различными, однако, в целом, очевидно, что главное значение имеет решение цивилизационно-политических задач в вооруженном конфликте, тогда как военно-политические и оперативно-тактические задачи носят преимущественно вспомогательный характер. Ни в одном из рассмотренных конфликтов победившая сторона не смогла нанести противнику запланированный военный ущерб. Но, тем не менее, смогла достичь политических целей конфликта.

Несмотря на повышение роли развернутых к моменту угрожаемого периода группировок сил и средств, значительную роль в исходе вооруженного конфликта будет играть наличие боеготового резерва и системы его отмотилизования и развертывания. Это даст возможность сохранять стратегический ресурс силового реагирования при любом развитии ситуации в ходе вооруженного конфликта.

⁶⁶ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Порозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>

В-пятых, боевые действия будут характеризоваться сочетанием особенно высокоманевренных операций. Разведывательно-диверсионные действия и партизанская война рассматриваются как составная часть «обычной» войны. Это подтверждает необходимость сбалансированного состава сил и средств вооруженных сил, а также комплексной боевой подготовки⁶⁷.

Ключевым условием победы практически во всех конфликтах стал подрыв морального духа войск и стимулирование брожений в офицерском корпусе. Существенную роль в вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века будет играть соотношение уровней морально-психологической устойчивости сторон и, в особенности, высшего командного состава. Это означает необходимость укрепления воинской дисциплины, законности, создания подлинно эффективной системы морально-психологической подготовки вооруженных сил от солдата до генерала, а также повышения эффективности деятельности органов военной контрразведки. Большое значение для исхода вооруженных конфликтов будет иметь наличие инструментов ведения информационной и пропагандистской работы среди войск и населения противника⁶⁸.

По справедливому мнению П. Колесниченко, «Военные конфликты обусловлены объективными противоречиями в жизненно важных интересах различных государств или различных социально-политических группировок внутри этих государств, стремлением некоторых из них к доминированию над другими и неспособностью или нежеланием их политических лидеров разрешить эти противоречия невоенными средствами.

⁶⁷ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Порозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>

⁶⁸ Там же.

К характерным особенностям современных войн сегодня можно отнести:

- применение различных форм и методов боевых действий, в том числе и нетрадиционных;
- сочетание военных действий (проводимых в соответствии с правилами военной науки) с партизанскими и террористическими действиями;
- широкое использование криминальных формирований;
- скоротечность военных действий (30–60 суток);
- избирательность поражения объектов;
- повышение роли дальних дистанционных боев с применением высокоточных радиоуправляемых средств;
- нанесение точечных ударов по ключевым объектам (критическим элементам объектов экономики);
- сочетание мощного политико-дипломатического, информационного, психологического и экономического воздействия.

Наиболее значимые войны и вооруженные конфликты

Годы	Противники	Численность войск враждующих сторон
1973	Египет, Сирия — Израиль	400 000–245 000
1982	Великобритания — Аргентина	8000–11 000
1991	Ирак — США, силы коалиции	545 000–410 000
1996	Индия — Пакистан	1 175 000–590 000
1999	Югославия — США, НАТО	110 000–40 000
2002	Афганистан — США, силы коалиции	12 000–40 000
2003	Ирак — США, силы коалиции	450 000–400 000

Говоря о факторе ядерного сдерживания, особенно применительно к сдерживанию угроз, связанных с применением противником обычных вооружений, нужно учитывать и то, что оно в современных условиях может быть осуществлено эффективно только при наличии высокооснащенных и боеготовых сил общего назначения. Только в этом случае угроза применения ядерного оружия в ответ на нападение с использованием обычных вооружений будет выглядеть убедительно.

Огромное, решающее значение будет иметь количество и качество накопленного человеческого капитала и его институтов. Войны и вооруженные конфликты будущего будут порождаться не одним каким-либо даже очень весомым фактором, а сложным переплетением различных социально-политических, экономических, национальных и религиозных противоречий и причин, которые следует учитывать при раскрытии стратегического содержания вооруженной борьбы будущего.

Главной особенностью конфликтов нового исторического периода оказалось то, что произошло перераспределение роли различных сфер в вооруженном противоборстве: ход и исход вооруженной борьбы в целом будет определяться главным образом противоборством в воздушно-космической сфере и на море, а сухопутные группировки закрепят достигнутый военный успех и непосредственно обеспечат достижение политических целей.

На этом фоне выявилось усиление взаимозависимости и взаимовлияния действий стратегического, оперативного и тактического уровней в вооруженной борьбе. Фактически это говорит о том, что прежняя концепция обычных войн, как ограниченных, так и широкомасштабных, претерпевает значительные изменения. Даже локальные конфликты могут вестись на относительно больших площадях с самыми решительными целями. При этом основные задачи будут решаться не в ходе столкновения передовых частей, а путем огневого поражения с предельных дальностей.

П. Колесниченко полагает, что виды вооруженных конфликтов и их основные характеристики в современный период следующие:

Локальная военная опасность в настоящее время имеет более подвижный характер, более выраженные и конкретные симптомы противоречий и менее короткий процесс по времени перехода к непосредственной военной угрозе или вооруженному конфликту. В настоящее время все большую роль играют тенденции нарастания военной опасности внутри СНГ и России, которые могут перерасти в вооруженные конфликты различного масштаба и интенсивности.

Первая — несовпадение этнических и административных границ ряда государств СНГ и России. Эта же проблема имеет место и внутри РФ и между ее субъектами.

Вторая — политические и экономические противоречия как внутри России, так и с государствами СНГ, могут спровоцировать вооруженные конфликты.

Третья — стремление властных националистических структур некоторых автономий к полному суверенитету и созданию своих национальных формирований.

Таким образом, для России в настоящее время существуют источники военной опасности в Европейском, Центрально-Азиатском, Азиатско-Тихоокеанском регионах.

Краткий анализ тенденций развития военно-политических отношений между государствами и источников военной опасности показывает, что при неблагоприятном развитии возможно резкое обострение существующих противоречий между Россией и государствами ближнего и дальнего зарубежья. Это может привести к возникновению вооруженных конфликтов (войн), различных по своим целям и масштабам.

Исходя из военных угроз, опасностей и мер по обеспечению безопасности России, расстановки военных и политических сил в мире и сопредельных с Россией государствах, а также возможных геополитических целей агрессора, воен-

ные конфликты начала XXI века могут развиваться по следующей схеме.

Вооруженный конфликт. Одна из форм разрешения политических, национально-этнических, религиозных, территориальных и других противоречий с применением средств вооруженной борьбы, при которой государство (государства), участвующие в военных действиях не переходят в особое состояние, называемое войной. В вооруженном конфликте стороны, как правило, преследуют частные военно-политические цели.

Вооруженный конфликт может стать следствием разрастания вооруженного инцидента, приграничного конфликта, вооруженной акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба, в ходе которых для разрешения противоречий используются средства вооруженной борьбы.

Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух и более государств) или внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства).

Военные конфликты будут характеризоваться как:

Приграничные войны — где агрессором будут преследоваться цели: прорыв государственной границы для пропуска контрабандистов, террористов или потока беженцев; реализация территориальных претензий к России; поддержка сепаратистских движений на сопредельной территории; провоцирование вступления в конфликт НАТО на стороне агрессора; получение доступа к ресурсам экономической зоны России.

Локальная война. Война между двумя и более государствами, ограниченная по политическим целям в которой военные действия будут вестись, как правило, в границах противоборствующих государств и затрагиваются преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие).

Локальная война может вестись группировками войск (сил), развернутыми в районе конфликта, с их возможным усилением за

счет переброски дополнительных сил и средств с других направлений и проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил. При определенных условиях локальные войны могут перерасти в региональную или крупномасштабную войну.

Региональная война. Война с участием двух и более государств (групп государств) региона национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения на территории, ограниченной пределами одного региона с прилегающими к нему акваторией океанов, морей, воздушным и космическим пространством, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели. Для ведения региональной войны требуется полное развертывание вооруженных сил и экономики, высокое напряжение всех сил государств. В случае участия в ней государств, обладающих ядерным оружием, либо их союзников, региональная война будет характеризоваться угрозой перехода к применению ядерного оружия.

Крупномасштабная война. Война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества. Она может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны путем вовлечения в них значительного количества государств различных регионов мира. В крупномасштабной войне стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Современное российское военное планирование, основанное на реалистичном понимании современных ресурсов и возможностей РФ, исходит из того, что Вооруженные Силы Российской Федерации, совместно с другими войсками, должны быть готовы к отражению нападения и нанесению поражения агрессору, ведению активных действий (как оборонительных, так и наступательных) при любом варианте развязывания и ведения войн и вооруженных конфликтов, в условиях массиро-

ванного применения противником современных и перспективных боевых средств поражения, в том числе оружия массового уничтожения всех разновидностей.

Характер международных войн и военных конфликтов к началу XXI века уже изменился. Есть основания полагать, что эти новые тенденции окончательно окрепнут к 2030 годам и превратятся в доминирующие тенденции развития ВПО и СО. Исследованию этих проблем в последние годы посвящено немало работ, которые, судя по оценкам, высказываниям, докладам и выступлениям Министра обороны, Начальника Генерального Штаба МО России и других представителей высшего военного руководства, находят полное понимание⁶⁹.

23.8. Возможная военная специфика характера международных войн и конфликтов к 2030-м годам XXI века

Возможный характер международных войн и конфликтов к 2030 году неизбежно будет конкретно привязан как ко времени каждого конфликта, так и конкретной ВПО и СО в мире, регионе и субрегионе. Эта сугубая «конкретность» каждой войны и военного конфликта требует анализа и прогноза каждой конкретной современной ситуации и прогноза развития возможного сценария ВПО-СО.

Таким образом, для прогноза каждого возможного, а, тем более, вероятного военного конфликта, в каждом конкретном случае требуется конкретный анализ и конкретный прогноз. При этом надо отчетливо понимать, что расхождение между сценариями даже в несколько лет (например, прогноз войны

⁶⁹ Речь идет, в частности, о выступлении НГШ ВС РФ В.В. Герасимова на III международной конференции по безопасности в мае 2014 года, а также выступлении руководителей МО, ГОУ родов и видов войск, командующих военными округами.

между Россией и США в 2030 или 2035 году) может радикально отличаться друг от друга из-за качественно различных параметров (в т. ч. внутривполитических) ВПО и, тем более, СО.

Вместе с тем уже сегодня можно определить не только основные тенденции и особенности в развитии международных войн и конфликтов, но и собственно их военную специфику, которая имеет достаточно универсальный характер.

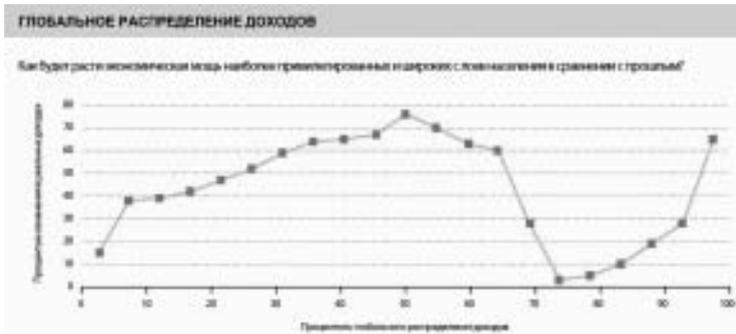
Так, например, происходит централизация всех военных усилий, которая выражается не только в объединении функций видов и родов войск, а также командований, но и высшего государственного руководства, что прежде было характерно только в случаях «большой» войны. Государственный Комитет Оборонь (ГКО) и Ставка Верховного Главнокомандующего, созданные в СССР в первые недели войны — типичные примеры.

В настоящее время наблюдается дальнейшая централизация функций управления, но уже в мирное время. Это объясняется тремя основными причинами:

Во-первых, тем, что война приобретает характер общенациональной задачи, а не только стоящей перед ее ВС. Требуется объединение функций управления ВС, экономикой, административных и пр. Но не только. Требуется внутривполитическая стабильность и доверие к политическому руководству, которые во многом гарантируются социальной политикой правящей элиты.

Во-вторых, происходит интеграция отдельных видов и родов ВС как в пространственном, так и функциональном масштабе, типичным и ярким примером становится формирование в странах единой системы воздушно-космической обороны (ВКО). Но не только. Фактически интеграция происходит во всех звеньях ВС — от стратегических до отдельного военнослужащего.

В-третьих, осуществляется интеграция систем управления на национальном уровне, в т. ч. боевого управления ВС, видов и родов войск, что хорошо видно на интеграции управления

Рис. 23.7³⁰

ПРО. План обороны, таким образом, стал общегосударственным, а не министерским планом.

Существующие тенденции, которые явственно обозначились в начале XXI века в использовании военной силы, превратятся в официальную политику государств и военно-политических коалиций. В частности, к 2030 годам следует ожидать:

1. Дальнейшее усиление роли силовых (военных) средств и сил, не относящихся традиционно к вооруженным средствам: кибернетическим, «нелегальным», информационным и т. д. А также таких невооруженных средств насилия, как разного рода санкций (экономических, финансовых, политических, дипломатических и пр.), которые обладают существенными преимуществами перед вооруженными средствами насилия:
 - Эти средства менее рискованны и могут просчитываться, а их последствия прогнозироваться. В отличие от вооруженных средств, их эскалация происходит не автоматически.

³⁰ Сценарии «Новый взгляд на будущее». Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернэшнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com.ru/scenarios>. С. 12.

- Эти средства, как правило, существенно дешевле, экономичнее, чем средства вооруженного насилия. Так, по некоторым оценкам, война в Ираке стоила США более 1 трлн долларов. Возникает естественный вопрос: могли ли США получить такой же политический результат, потратив 1 трлн долларов, не посылая свои войска?
 - В конечном счете, такие средства более эффективны, т. е. достигается искомый результат в более короткие сроки за менее дорогую плату.
2. Окончательно сотрется пока еще сохраняющееся условное разделение между внешними и внутренними угрозами и их приоритетность. Деление на внешние и внутренние военные опасности и угрозы, принятое не только в Военной доктрине России, но и среди многих исследователей уже, мало что дает для практического анализа⁷¹.

Это достаточно, простая, даже упрощенная схема не позволяет, например, отслеживать главного, а именно — эволюции объективных международных факторов в факторы внешнего влияния и их постепенного превращения во внешние военные угрозы. Предложенный в Военной доктрине подход, кроме того,

⁷¹ Подберезкин А. И. Военно-политический и стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов / <http://www.nasled.ru/?q=node/3226>

является слишком общим, а значит недостаточно конкретным. Он не дает возможности:

1. Определить приоритетность угроз, а значит и значение опасностей и угроз.
2. Выделить технологические и географические направления таких опасностей и угроз, распространяя их определения только в глобальном масштабе.
3. Обозначить возможность и вероятность возникновения новых угроз.
4. Увидеть системность опасностей и угроз, которые нередко не имеют четких границ между собой.

В этой связи при определении военно-политического и стратегического характера современных внешних и внутренних опасностей и угроз и вероятной их эволюции в будущем предложить ответить на поставленные выше вопросы следующим образом:

- К середине 2020-х годов у США и их союзников будет создан оборонительный потенциал, который резко расширит возможности использования военной силы, прежде всего ВТО.
- Изменится радикально политика размещения ВС и ВиВТ, когда значение наличия собственно военного присутствия будет существенно уменьшено в результате:
 - появления на вооружении новых видов и систем ВиВТ, с помощью которых можно будет контролировать любой район мира на расстоянии;
 - изменении в подходах к использованию ВС и ВиВТ в различных войнах и конфликтах в пользу небольших по численности ВС, оснащенных качественно новыми ВиВТ.
- 3. Учитывая, что во всех областях человеческой деятельности резко увеличится роль человеческого капитала, прежде всего, его профессиональных и нравственных качеств, новое значение для определения будущего характера войны и военных конфликтов приобретают качества человеческой

личности, их способность формулировать и достигать поставленных целей на любом уровне — от высшего управленческого уровня до уровня рядового военнослужащего.

Соответственно наивысшую боевую эффективность будут иметь те вооруженные силы, руководство которых и рядовые военнослужащие будут в полной мере соответствовать этим критериям.

Западный характер доминирования мировых структур, таких как Совет безопасности ООН, Мировой Банк и МВФ, вероятно, изменится к 2030 году, чтобы больше соответствовать возрастающему влиянию новых экономических игроков. Кроме крупных развивающихся держав, таких как Бразилия, Индия (которые не являются постоянными членами Совета безопасности ООН) и Китая (который имеет право вето в Совете безопасности ООН, но не имеет права голоса в МВФ, сопоставимого с его экономической мощью) на арену выходят многие развивающиеся государства второго эшелона. Они будут «захватывать место под солнцем», по крайней мере, как развивающиеся региональные лидеры. Появление «большой двадцатки» — в отличие от «большой семерки/восьмерки» — было вызвано необходимостью справиться с финансовым кризисом 2008 года, и мы ожидаем, что другие организации также будут обновлены — наиболее вероятно, в ответ на кризис⁷².

Даже если международные организации к 2030 году смогут лучше отражать изменяющуюся расстановку сил, тем не менее, остаются неясными сами их возможности разрешить растущие общемировые проблемы. Существует сложный компромисс между авторитетом и эффективностью. С одной стороны при принятии решения надо гарантировать представительство и права всех стран. С другой стороны только небольшое количество голосующих может способствовать быстрому принятию

⁷² Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Публикация национального Совета по разведке США. Вашингтон, 2013. Декабрь. С. 55.

решений. Растущая многополярность и расширение влияния многих игроков сделает процесс обновления мировых организаций весьма сложным. Однако реформы не будут означать потерю их авторитета в глазах общественности развивающегося мира.

23.9. Возможный характер международных войн и вооруженных конфликтов после 2050-х годов XXI века

Стратегическое прогнозирование в военно-политической области, как обязательный этап в государственном управлении, — наиболее трудная задача, если говорить о горизонтах прогноза, уходящих во вторую половину XXI века, т. е. через 30–40 и даже 50 лет. Вместе с тем эта задача не только неизбежно должна быть решена, но и отчасти вполне решаемая потому, что в действительности в 60-е и 70-е годы XXI века будут развернуты те системы и виды ВиВТ, которые уже создаются, находятся на стадиях НИР и даже ОКР.

Другими словами долгосрочное прогнозирование характера войн во второй половине XXI века не только теоретическая, но и очень актуальная, практическая проблема, если исходить из того, что задача на НИР, формулируемая в середине второго десятилетия, может привести к созданию опытного образца к 2035–2040 годам, испытаниям в 2040-е гг. и запуску в серию в 2050-е годы, а доводиться и модернизироваться эти ВиВТ (как показывает, например, опыт с вертолетом МИ-8) могут еще 30–40 лет.

Наиболее трудная задача долгосрочного стратегического прогноза на 50 и более лет заключается в прогнозировании возможного характера развития стратегической обстановки,

международных войн и военных конфликтов. Прежде всего, по следующим принципиальным причинам:

- в эти сроки (более 20–25 лет) изменяются, как правило, все основные парадигмы развития человеческой цивилизации в:
 - политике;
 - экономике;
 - социальной сфере;
 - военной области и др.;
- происходит коренное изменение в соотношении сил в мире и регионах, в т. ч. в военной области;
- качественно изменяется роль тех или иных государств в мире и в регионах;
- и т. д.

Проиллюстрируем эти тезисы некоторыми примерами. Так, известно, что динамика и неравномерность демографического развития приведут к изменению в соотношении сил, однако мало кто подсчитывал, что если численность европейско-американской цивилизации к 2050 году ненамного превысит 1 млрд чел. (из возможных 11–12 млрд чел.), то африканская цивилизация перейдет цифру в 2 млрд, а китайская — вплотную приблизится к этому показателю.

Как видно из рисунка (рис.23.8), мы теоретически сможем прогнозировать существующие наиболее важные черты и реалии, определяющие сегодня характер войны.

Естественно, что эти факторы, реалии и черты требуют анализа и преломления на прогноз конкретного сценария развития ЧЦ, конкретной МО и ВПО. Без этого анализа простая экстраполяция основных черт характера современной войны и конфликта на будущее будет бесполезна.

Другая, еще, может быть, более важная часть прогноза будет заключаться в прогнозе появления и новой роли тех черт, которых сегодня вообще не существует, т. е. новых парадигм развития. Этот процесс тесно связан с более общими тенденциями,

Рис. 23.8

либо принципиально новыми. О том, как качественно может измениться ситуация в мире — экономическая и социальная — свидетельствуют, например, следующие данные (рис. 23.9–23.12).

Давайте посмотрим на душевое потребление, которое определяет качество жизни. Тут впереди североамериканская, японская, западноевропейская цивилизации, Океания. Видно, как эти страны набрали колоссальный потенциал, и перегнать их по качеству жизни невозможно даже при том росте, который будет испытывать экономика Китая, буддийских стран.

Наконец, третья часть прогноза будет зависеть от результатов развития как противоборствующих субъектов ВПО, так и, прежде всего, нашего государства в 2050 году, его способности повысить эффективность своей экономики, ОПК, качество ВиВТ, общества, государственного управления и т. д. Это, в конечном счете, является следствием качества политического и государственного руководства страны, его способности, в том

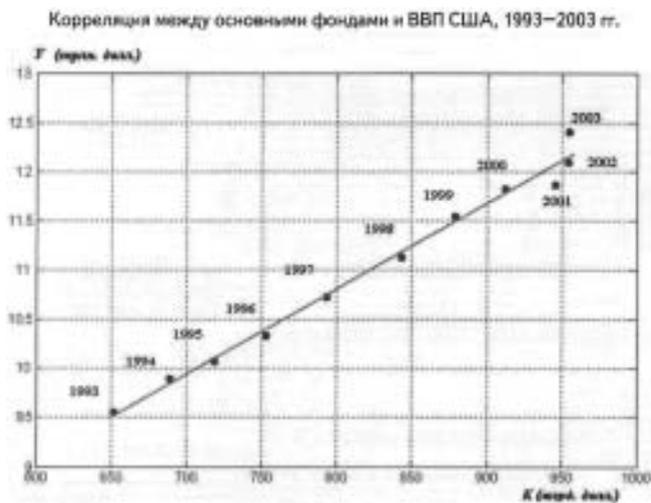

Рис. 23.9⁷³

Рис. 23.10

⁷³ Фурурологический конгресс: будущее России и мира. М.: Научный эксперт. 2010. 4 июня. С. 27.

космической обороны (ВКО), то сам вопрос о создании такой эффективной системы теряет смысл, если нет соответствующей технологической базы. Достаточно посмотреть на структуру ВКО в представлении Генерального конструктора.

Сказанное может означать, например, что китайская экспансия в Африку может привести к появлению некоего союза с общей численностью 4 млрд чел., объединенного общими интересами. Такая новая парадигма сегодня даже не рассматривается, хотя ее военно-политические последствия могут быть радикальными для всех других цивилизаций и государств.

Выше уже говорилось о трудности в стратегическом прогнозе будущего характера войны и военных конфликтов, который будет зависеть от стратегического прогноза многочисленных существующих (известных) факторов. Однако к 2050 году могут появиться и даже стать решающими качественно новые факторы, о которых мы сегодня можем только догадываться.

Динамика численности населения в некоторых странах и регионах мира⁷⁶

№ п/п	Страны и регионы мира	Численность населения в 2011 году	Прогноз ООН на 2050 год	Динамика численности населения
1	Африка	1,24 млрд	2 млрд	+ 760 млн
2	Индия	1,227 млрд	1,75 млрд	+ 523 млн
3	Китай	1,335 млрд	1,43 млрд	+ 99,5 млн

⁷⁶ Колин К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке / Аналитический центр стратегических исследований «Сокол». Стратегические приоритеты международный научно-аналитический журнал. Вып. 1. М. 2014. С. 22 / <http://acsi.bos.ru/blok.pdf>

№ п/п	Страны и регионы мира	Численность населения в 2011 году	Прогноз ООН на 2050 год	Динамика численности населения
4	Европа	725 млн	700 млн	– 25 млн
5	США	314,7 млн	440 млн	+ 125,3 млн
6	Россия	143,2 млн	100 млн	– 43,2 млн
7	Мир в целом	7 млрд	10,6 млрд	+ 3,6 млрд

Мы знаем не только множество неудачных попыток предвидения будущего характера войн, но и талантливых, даже гениальных. Так, талантливый военный теоретик А. Свечин, например, прогнозировал долговременный характер будущих войн, предостерегал от того, чтобы продолжалась концентрация военной промышленности в Ленинграде и т. д.⁷⁷ Есть и известный классический пример Ф. Энгельса, предсказавшего за 30 лет до Первой мировой войны ее глобальный характер.

Таким образом, попытки, в т. ч. успешные, характеризовать будущие войны предпринимались и, естественно, еще будут предприниматься. И они, безусловно, полезны, хотя и требуют особенного к себе отношения. Применительно к современности это означает, что помня наказ А. Фон-Богуславского об исключениях, нельзя забывать и вторую часть его мысли — «о принципах», формирующих закономерности в характере, войн и конфликтов.

В этой связи полезны обсуждения этих базовых «принципов» и закономерностей, которые в будущем будут определять характер войн и конфликтов. Они следующие:

⁷⁷ Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. М.: Изд-во МГУ. 2013. С. 240.

Первое. Через несколько десятилетий качественно меняется не только вся международная обстановка, но и военно-политическая обстановка в мире, регионах и отдельных странах. Формируются принципиально новые парадигмы развития человеческой цивилизации, которые сегодня трудно, если вообще возможно прогнозировать. Без них, однако, даже общие тенденции будущего характера войн (которые должны быть в итоге конкретны) представить нельзя.

Для того чтобы лучше представить себе эту качественную разницу предлагается сравнить МО начала XX века, середины XX века и конца XX века и вытекающую из нее ВПО в мире и в Европе. В первом случае мы видим всего несколько десятков государств, из которых только Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, США, Япония, Франция и Россия могут вполне относиться к полноправным субъектам, формирующим МО и ВПО в мире. На этот период приходятся две Мировые войны, которые происходили в рамках противоречий одной цивилизации (хотя Вторая мировая война вовлекла в борьбу и другие цивилизации).

Холодная война рассматривается, как правило, как война политико-идеологическая. Ее цивилизационную составляющую (противоречие между православной и иудейско-либеральной цивилизациями), как правило, не берут во внимание. Между тем после исчезновения ОВД, СЭВа, СССР и коммунистического интернационала это противоречие отнюдь не исчезло. Его цивилизационная форма стала явной.

В середине XX века, после двух мировых войн и падения Австро-Венгрии, Германии, Японии и Италии, мы видим по сути дела только два мировых политико-идеологических лидера, вокруг которых формируются военно-политические коалиции, — СССР и США, а затем Россия и США.

В конце XX века мы наблюдаем, как все бывшие центры силы и предыдущие коалиции оказались дезинтегрированы за исключением США и возглавляемого или Североатлантического

союза, превратившихся в единственный центр силы в мире. Это была действительно не только политико-идеологическая, но и цивилизационная победа.

Наконец, во втором десятилетии XXI века мы наблюдаем возрождение старых и нарождение новых центров силы, которые к середине XXI века станут соперничать с оставшимся единственным центром силы — США. Причем центров силы не, только политических, экономических и военных, но и цивилизационных; Россия, Китай, Индия и Бразилия — это страны — цивилизации, которым очевидно угрожает не, только США и возглавляемая ими коалиция, но и западная цивилизация в целом.

Таким образом, всего лишь за 100 лет мировая обстановка (МО) и военно-политическая обстановка (ВПО) менялись радикально, качественно четыре раза. Причем свидетельств того, что такие перемены произойдут очень мало и они не являлись побудительными мотивами для стратегических прогнозов и стратегического планирования.

Сказанное означает, что к 2050 году возможно, вероятно и даже неизбежно произойдет новое «переформатирование» МО и, как следствие, ВПО в мире, которое может иметь разные контуры, но точно не будет, таким же, как во втором десятилетии XXI века. Поэтому надо максимально внимательно следить за качественными процессами, происходящими в человеческой цивилизации, избегать простой экстраполяции существующих в МО и ВПО тенденций на долгосрочную перспективу.

Второе. Международные войны и конфликты, как крайние средства политики, сохранятся, ибо сохранятся различия в интересах локальных цивилизаций, наций и государств. Это означает, что та нация и то государство, которые сегодня, во втором десятилетии XXI века, формируют новые технологии, программы НИОКР ВиВТ, предусмотрительно полагают, что результаты этих усилий скажутся через 20–30 лет, сохранят свою идентичность и суверенитет.

**Глава XXIV.
Возможный характер
внутренних войн
и вооруженных конфликтов
в 2030-х и 2050-х годах
XXI века**

Американские экономические санкции против России —
новый вид наступательного оружия¹

*С. Рябков,
заместитель министра
иностраннных дел России*

Внутренний вооруженный конфликт
является одной из форм силового разрешения
социально-политических противоречий²

*А. Герасимов,
профессор*

Главная особенность нового характера внутренних войн и вооруженных конфликтов в XXI веке — это превращение их из средства внутренней в средство внешней политики. Подобная эволюция стремительно происходила с конца XX века, когда международные войны приобрели особенно опасный характер, а цели внешней политики стали пытаться решать с помощью инструментов, характерных для внутренней политики³.

¹ МИД РФ расценил санкции США как новый вид наступательного оружия / Информационный ресурс: «Интерфакс». 2014. 4 июля / <http://www.interfax.ru/russia/384051>

² Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

³ См. подробнее: Подберезкин А. И. Характер современных и будущих войн и военных конфликтов. В кн.: Подберезкина А. И. Военные угрозы России. М. 2014. С. 45–62.

Подобная «сценарная заданность» внутренних войн и конфликтов от внешних факторов не случайна. В ней видны определенно сложившиеся закономерности, которые нельзя игнорировать. Как справедливо считают российские футурологи эти сценарные зависимости не случайны: «10 апреля 2010 года под Смоленском разбился польский Ту-154 с президентом Л. Качиньским на борту. Официальные причины катастрофы названы в официальном отчете МАК: ошибки пилотирования, погодные условия, вмешательство высокопоставленных лиц в работу экипажа. Сценарные факторы упоминать не принято. Тем не менее, при анализе случившегося не покидает ощущение, что Лех Качиньский всей своей жизнью и политической деятельностью прописал такой финал. Он настолько ненавидел Россию, причинил ей столько зла, что просто должен был разбиться на русском самолете при посадке на русский аэродром для участия в мероприятиях, носящих достаточно антирусский характер. Он, по крайней мере, был последователен: своевременно убрал из экипажа людей, способных иметь свое мнение, настоял на посадке при погоде ниже минимума пилотов, самолета и аэродрома, отправил в кабину командующего ВВС на тот случай, если летчики все-таки решат уходить на запасной аэродром»⁴.

Применительно к долгосрочному прогнозу характера внутренних военных конфликтов и войн через 30 или даже 50 лет, трудно говорить в категориях «вероятный». Если вообще возможно. Речь, наверное, может идти в лучшем случае о попытках анализировать и прогнозировать возможный характер внутренних войн и военных конфликтов в долгосрочной перспективе. Разница между понятиями «вероятный» и «возможный» в данном случае принципиальная. Если говорить о будущих сценариях развития ВПО как о «вероятных» можно и нужно, то

⁴ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). М.: АСТ, 2011. С. 47.

о характере будущих войн и конфликтов — только как о «возможных» в силу решающего влияния субъективных факторов.

Наличие огромного числа влиятельных субъективных факторов, которые могут формировать характер будущих войн и конфликтов (от погодных условий и состояния здоровья, до социальных, экономических, финансовых и иных кризисов), а также труднопрогнозируемые последствия развития объективных процессов в мире, делают анализ и прогноз войн и конфликтов на долгосрочную перспективу малореальным. Мир слишком быстро меняется для этого даже в краткосрочной перспективе. Так, превращение западных экономических санкций против России в новый вид наступательного оружия, — то о чем сказал С. Рябков летом 2014 года, — новое явление не только несвойственное, прежде для характера международных войн, но и не использовавшееся прежде во внутренних войнах и вооруженных конфликтах. В данном конкретном случае — для внутреннего военного конфликта на Украине. Санкции, которые прежде являлись лишь вспомогательным инструментом политики, заменявшим другие политические инструменты, превратились в острое наступательное средство, которое уже можно отнести к средствам вооруженной борьбы.

Но не только экономические санкции. Средства войны, характерные для международных войн и конфликтов XX века, стали в XXI веке уже нормой и для внутренних войн и конфликтов: использование авиации, тяжелой артиллерии, систем залпового огня — все это было характерно для гражданской войны в Ливии, Сирии и на Украине. Апофеозом такой эволюции в средствах, применяемых во внутренних войнах стало использование Киевом против ополченцев баллистических ракет «Точка У».

Подобная быстрая трансформация характера внутренних войн и конфликтов означает, что грань между ними и международными войнами в XXI веке, по сути, исчезла. Даже внешние признаки: формирование военно-политических коалиций, использование регулярной армии, а не полицейских

формирований, стало нормой для внутренних конфликтов, которые приобрели массовые масштабы.

В отличие от крупных внутренних конфликтов и гражданских войн XIX–XX веков, внутренние конфликты в XXI веке превратились в продолжение внешней политики враждебных государств, которые смогли создать искусственные предпосылки, условия и силы для внутреннего военного конфликта. В этом случае, перефразируя слова, данные в эпиграфе А. Герасимовым, можно сказать, что внутренние войны и конфликты стали не только одной из форм силового разрешения социально-экономических противоречий, но и в ряде случаев средством внешней и военной политики других государств.

24.1. Анализ и стратегический прогноз внутренних войн и вооруженных конфликтов

Проблема возможности объективного научного анализа, а тем более стратегического прогноза военных конфликтов и войн остается одной из самых дискуссионных. С одной стороны, субъективность оценок (хорошо известная из военной истории), уникальность этих явлений, неповторимость событийных рядов делает такие попытки очень условными, даже безуспешными, но, с другой стороны, существует объективная и все нарастающая потребность в таких анализах и прогнозах, необходимых в интересах стратегического планирования.

Действительно, планируя создание и производство тех или иных ВиВТ, необходимо хотя бы в общих чертах представлять себе как и кем они будут использоваться, а главное, в каких целях, т. е. описать (хотя бы в общих чертах) характер будущей войны. Эта практическая потребность наконец-то официально признана на политическом уровне и даже зафиксирована в Федеральном Законе «О стратегическом планировании в Российс-

кой Федерации» от 28 июня 2014 года. Для нации и государства изначально важно понимать, кто может быть их противником и каким образом ему противостоять в будущем, и важно то, почему кто-то будет противостоять. Эти вопросы можно отнести к процессу национальной самоидентификации и формированию у нации своей, только ей присущей политической философии и системы ценностей⁵.

Именно на базовом, ценностном уровне в XXI веке происходит большинство международных конфликтов и войн и все известные внутренние войны и военные конфликты. Без понимания и признания этой характерной черты войн в XXI веке невозможно начинать анализ, а тем более долгосрочный прогноз. Так, военный конфликт и война на Украине в 2014 году в основе своей имели конфликт разных, сознательно противопоставленных систем ценностей «Европы» и «России». Это противостояние целенаправленно культивировалось и готовилось, в том числе с помощью США и других стран Запада.

Таким образом, в основе анализа и прогноза возможного будущего характера внутренних войн и конфликтов лежит анализ систем ценностей локальных цивилизаций, возможность их развития и противопоставления ценностям других локальных цивилизаций. В этом смысле «вертикаль» и «иерархичность» развития различных сценариев развития СО, войн и конфликтов сохраняется и является одной из основ для политического анализа и прогноза будущего характера войн и конфликтов.

Известно, что внутренний военный конфликт, как самая острая форма внутригосударственного конфликта, может иметь множество причин: экономических, социальных, нравственных, религиозных и других, развитие которых трудно (если вообще

⁵ См., например, Подберезкин А.И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-корпорация. М. 1996; Подберезкин А.И. Через духовность к возрождению отечества // Свободная мысль. 1995. № 5. С. 87–89.

возможно) прогнозировать. Но, безусловно, прогнозировать можно, достаточно точно не причины, а интересы и продвижение определенных интересов, которые оформляются, в конечном счете, в виде конкретных политических целей и задач. Причем оформляются как, внутри страны так и за рубежом.

Эти же объективные интересы тождественны объективным потребностям и являются «точкой отсчета», отправным моментом любого политического анализа. Как правило, иногда единственно адекватного. Поэтому для прогноза возможных сценариев развития внутренних вооруженных конфликтов необходимо использовать несколько методик, в основе которых лежит анализ и прогноз интересов (потребностей) — внешних и внутренних — различных социальных групп и элит. Это означает, что именно исследование этих групп интересов и их последующая трансформация в политические цели и задачи может служить теоретической и методологической основой анализа и прогноза. В частности, если возвращаться к логической схеме политического процесса, не раз уже описываемой выше, то можно адаптировать ее для анализа и долгосрочного прогноза внутренних вооруженных конфликтов следующим образом (рис. 24.1).

Рис. 24.1

Как видно из рисунка, наиболее важный первый блок «А», объединяющий базовые представления о системе ценностей и интересах нации. Именно с него и должен начинаться анализ, который позволит выйти на последующие анализы сценариев развития (МО, ВПО, СО, войн и конфликтов). К сожалению, на научном уровне основы такого анализа не разработаны, хотя многократно описаны и используются в политике, идеологии и пропаганде. Без такого анализа все последующие операции по анализу и прогнозу войны во многом теряют свое практическое значение.

В интересах прогноза развития сценариев внутренних войн и конфликтов необходимо, кроме того, тщательнее анализировать текущие и возможные будущие интересы (преимущественно национальные), акцентируя в то же время внимание на классовых интересах и интересах отдельных групп, которые можно в упрощенной форме представить в виде матрицы (стр. 614).

Как видно из рисунка, эти интересы (потребности) трансформируются элитой из вполне объективных интересов и потребностей в субъективные цели и задачи, которые, как правило, оформляются, так или иначе в политико-идеологической доктрине, иногда в очень простой, а зачастую даже в вульгарной форме («Мы — европейцы», например, на Украине в 2013–2014 гг.), которая идентифицируется в противопоставлении другим системам ценностей и доктринам («коммунистической», «православной», «имперской» и т. д.)⁶.

Для анализа характера внутренних войн и конфликтов важное значение имеет анализ социальных интересов и противоречий, а также интересов отдельных групп и личностей. Для России и Украины огромное значение имеет отношение к приватизации и захвату государственной собственности,

⁶ Подберезкин А.И. Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. II. М.: МГИМО, 2012. С. 119–162.

Матрица основных интересов, лежащих в основе политики страны применительно к развитию сценариев внутренних войн и конфликтов (на примере Украины)

Приоритетное обозначение интересов (потребностей)	Содержание интересов (потребностей)	Текущие (кратко-срочные)	Будущие (долго-срочные)
1. Биологические (общечеловеческие)			
2. Национальные			
3. Государственные			
4. Социальные (классовые) – экономические; – политические; – социально-культурные; – финансовые и др.	Ассоциация ЕС с целью реализации активов		
5. Групповые – экономические; – политические; – социально-культурные; – финансовые и др.	Развитие ФПГ и т. д.		
6. Личные	Упрочнение личного благосостояния	Сохранение (изменение) результатов приватизации	

которые являются потенциально острым очагом внутреннего конфликта⁷.

⁷ Подберезкин А.И., Стреляев С., Хохлов О., Ястребов Я. Секреты российской приватизации. М. 2004.

XXI век — период острой национальной и социальной самоидентификации, который неизбежно ведет к военным конфликтам и войнам — как внешним так и внутренним. Причем нередко эти «внутренние» процессы сопряжены с интересами влиятельных сил за рубежом, которые в той или иной степени в них участвуют.

Таким образом, национальная и социальная самоидентификация соотносится и ассоциируется с внешними системами ценностей и интересами. На Украине в 2013–2014 годах, например, это была система ценностей ЕС и США, которая открыто признавала приоритет западных интересов по отношению не только к российским, но и национальным. Конфликт ценностных систем на Украине был во многом инспирирован из-за рубежа.

Прогноз эволюции развития таких сценариев МО и ВПО уже становится возможным и вполне научным с помощью различных количественных и качественных инструментов (роста и структуры торговли, социологических предпочтений и т. д.). Ряд этих сценариев изначально предполагает использование насилия и даже вооруженного насилия для достижения политических целей. И это обнаруживается на ранних стадиях.

Так, еще в самом начале украинских событий, на рубеже 2013–2014 годов, российский эксперт И. Попов писал: «Даже для неспециалиста, далекого от тонкостей большой политики, вполне очевидно, что события, разразившиеся в сегодняшней Украине, чем-то очень напоминают события «Арабской весны» и многочисленных «цветных революций» последних лет. Более того, определенные аналогии всплывают при непредвзятом анализе ситуации в Украине с событиями лета 1991 года в Москве. А была еще когда-то единая Югославия, развалившаяся как карточный домик, похоронив под своими обломками жизни и судьбы тысяч и тысяч людей.

Это поразительное сходство имеет много разнообразных объяснений, но нестандартно мыслящим военным аналитиком,

отслеживающим новые моменты в развитии военно-политической обстановки в мире, вполне очевидно: во всех этих случаях имеет место асимметричный конфликт, имеющий свои специфические закономерности зарождения, развития, хода и исхода.

В конкретной ситуации нынешнего внутрисударственного конфликта в Украине сильной стороной, естественно, выступает легитимная государственная власть, а слабой — негосударственным актором — политическая оппозиция.

Ситуация в Украине развивается по определенному сценарию, и совершенно не важно, где и когда этот сценарий написан и кем утвержден. Каждое новое сообщение из Киева для специалистов не является чем-то неожиданным. Типичная тактика и стратегия действий политической оппозиции, перешедшей от слов к делу — к стадии активного внутрисударственного конфликта»⁸. Результат этой атаки оппозиции также был предсказуем: переход конфликта в стадию военного конфликта и вооруженный захват власти.

Вряд ли авторы этого сценария на Украине прогнозировали дальнейшее развитие военного конфликта в юго-восточных регионах страны. И не потому, что это было трудно сделать, а потому, что им это было по большому счету не нужно. Их не интересовал масштаб и характер будущего конфликта — не это было целью их действий. Им важен был, во-первых, захват власти враждебными по отношению к России силами на Украине (не суть важно, кто они были — националисты, коммунисты, пацифисты, «демократы» и т. д.) и, во-вторых, создание очага напряженности на 2 тыс. километровой границе с Россией.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что научный анализ и стратегический прогноз внутренних военных конфликтов и войн возможен и практически необходим, если в его основу положен анализ систем ценностей локальных цивили-

⁸ Попов И. М. В Киеве точка возврата пройдена. Ситуация на Украине глазами военного аналитика // Независимое военное обозрение. 2014. 31 января / <http://www.milresource.ru/Ukraine.html>

заций и интересов (потребностей), прежде всего, социальных слоев и групп, формирующих внутривосточную ситуацию в стране и реагирующих на неизбежное внешнее влияние.

Его следующей стадией будет анализ политических целей, возможностей (в т. ч. военных) и стратегии того или иного участника конфликта или войны, а также неизбежны рекомендации ответных действий. Этот анализ и рекомендации будут плотно взаимосвязаны с прогнозом (текущим и долгосрочным) развития стратегии участника и того или иного сценария развития СО. В частности, если речь идет о войне в Сирии, то возможен самый общий прогноз развития СО, вытекающий из сопоставления в соотношении сил.

Вряд ли, целесообразно пытаться прогнозировать конкретные последствия, в т. ч. военные, развития той или иной стратегической или внутривосточной ситуации: это сделать не только трудно, но и вряд ли вообще нужно. Так, результаты использования ВС, как показывает история, всегда трудно-предсказуемы. Даже если известно заранее соотношение сил и других возможностей противоборствующих сторон. Слишком много переменных, которые могут решительно повлиять на исход войны или конфликта.

Другое дело, что необходим стратегический прогноз развития ВПО и СО в самых общих тенденциях и последствиях. Такие прогнозы обязательны: зачем начинать войну, не будучи уверенным в ее победе и не зная заранее, что от нее получишь в политическом и экономическом плане? Так, после освобождения крестьян от крепостной зависимости в 60-е и 70-е годы XIX века произошли тысячи бунтов и восстаний, которые пытались предотвратить реформаторы своими реформами, однако прогноз их развития по отдельности был бы невозможным, а в целом ожидаем.

Кроме фундаментальных причин — ценностных противоречий и противоборства интересов — существует в последнее время немало глобальных, общецивилизационных причин,

способных привести к обострению внутренних конфликтов и даже войнам. Эти новые вызовы и угрозы, в конечном счете, связаны с растущим влиянием человека на природу, в т. ч. процессами глобализации, идущими в мире.

Очевидно, что необходим постоянный мониторинг и анализ влияния этих процессов на внутренние конфликты в мире. Так, например, стремительно нарастающая нехватка пресной воды и рост ее потребления неизбежно ведут не только к обострению международных отношений, но и усилению борьбы за водные ресурсы внутри самих государств. Или попыткам внешних сил активизировать эту борьбу, переведя ее в вооруженную фазу.

Таким образом, неизбежен вывод, что в XXI веке нередко причинами вооруженных внутренних конфликтов последних десятилетий становились причины, вызванные глобализацией, демографией и другими вполне объективными явлениями. Так, российские исследователи, например, обнаружили корреляцию между ростом численности молодежи и интенсивностью конфликта.

На сегодняшний день, достаточно статистических данных для анализа внутренних вооруженных конфликтов XX века, которые могут дать определенный материал для построения стратегических прогнозов. При этом принципиально важно, чтобы в основе таких прогнозов лежали качественные оценки, а не «голая» статистика.

Необходимо также ясно понимать, что долгосрочное государственное и оборонное планирование невозможны без сколько-нибудь серьезных усилий в области стратегического прогнозирования сценариев возможного развития внутренних военных конфликтов и войн. Напомним, что в 80-х годах такие внутренние конфликты и войны не только не прогнозировались, но даже усомниться во внутривнутриполитической стабильности или будущем ОВД и СЭВа считалось преступлением. Поэтому когда в конце 80-х годов начался бурный рост конфликтов и чис-

Таблица 24.1. Корреляция между максимальными за 1960–2005 гг. темпами прироста численности городской молодежи (% за пятилетие) и интенсивностью внутренних насильственных конфликтов

		Интенсивность внутренних насильственных конфликтов (1960–2005 гг.)		
		1 (низкая, <500 погибших)	2 (средняя и высокая, 500–100 000)	3 (очень высокая, >100 000)
Максимальные за 1960–2005 гг. темпы прироста численности городской молодежи (% за пятилетие)	0 (Очень низкие, <15%)	8 88,9%	1 11,1%	0
	1 (Низкие, 15–20%)	3 60,0%	2 40,0%	0
	2 (Средние, 20–30%)	14 53,8%	12 46,2%	0
	3 (Высокие, 30–45%)	14 26,4%	26 49,1%	13 24,5%
	4 (Очень высокие, >45%)	0	18 52,9%	17 47,1%

Примечания: $\rho = 0,59$ ($\alpha \ll 0,0001$); $\gamma = 0,74$ ($\alpha \ll 0,0001$). Оценка темпов прироста численности городской молодежи была произведена нами на основе базы данных ООН (UN Population Division 2010); данные здесь приводятся с разрывом в пять лет; это обстоятельство обусловило выбор нами пятилетних отрезков истории соответствующих стран в качестве единицы сравнения. В данной таблице учтены только те страны, численность населения которых на 1960 г. была не менее 1 млн чел.

ленности незаконных вооруженных формирований, страна и ее руководство оказались абсолютно не готовыми к такому развитию.

24.2. Некоторые методики анализа и стратегического прогноза внутренних войн и вооруженных конфликтов

Реализуемые в настоящее время в России многочисленные попытки долгосрочного прогноза — от инновационного и социально-экономического до отраслевого и регионального — должны учитывать, безусловно, прогноз возможного развития различных внутривнутриполитических сценариев, в т. ч. внутренних военных конфликтов и войн, навязываемых извне. В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятом в июне 2014 года (№ 172-ФЗ), в частности, говорится о том, что Стратегия национальной безопасности «содержит оценку текущего состояния и оценку угроз национальной безопасности Российской Федерации на долгосрочный период»⁹. Поэтому оценка, анализ и прогноз внутренних и внешних военных угроз, войн и конфликтов справедливо относится не к Военной доктрине РФ а к Стратегии национальной безопасности.

Существует немало методик, использование которых позволяло анализировать состояние ВПО, вооруженных сил и даже делать прогноз возможных будущих военных угроз. К их числу, прежде всего, следует отнести анализ развития ВС, ВиВТ, основанный на информации, полученной легальными и нелегальными средствами. По сути дела этот способ оставался долгие годы единственной возможностью прогнозировать будущее состояние ВС, ВиВТ потенциального противника. В настоящее время он также доминирует и остается главным методом для анализа и подготовки ответных действий. Даже с учетом тех революционных изменений, которые произошли в области информатики в последние десятилетия.

⁹ ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». 2014. 28 июня. С. 12–13.

В этой связи полезен опыт ЕС, который специально занимается оценкой рисков и угроз, их прогнозированием и подготовкой адекватных ответных мер по их нейтрализации. В этой работе специальное внимание уделяется, например, матрице рисков, мерам по управлению рисками, координации общих усилий по предотвращению и снижению рисков. Как справедливо отмечается в специальном докладе ЕС, посвященном этой проблеме, «Когда риски будут проанализированы с некоторой степенью детализации, будет возможно нарисовать карты рисков в качестве одного из результатов оценок рисков. Карты рисков позволяют достичь такого уровня прозрачности, который может помочь привлечь к участию все заинтересованные действующие лица в обществе.

Оценка и картирование рисков помогают обеспечить распределение приоритетов при принятии политических решений таким образом, чтобы учесть самые тяжелые риски в плане принятия наиболее подходящих мер по их предотвращению и готовности к ним, и в процессе могут также стать инструментом общественной солидарности. Оценки рисков имеют дело с неопределенностью и вероятностями. Это необходимые предметы рациональных дискуссий об уровнях риска, который страны-члены и даже весь ЕС могут посчитать приемлемыми при рассмотрении затрат, связанных с мерами по предотвращению рисков и предупреждению их последствий»¹⁰. В частности, в докладе описывается методика, в которой риски, конфликты и их последствия оцениваются с точки зрения их экономического значения (кстати, это нередко наблюдалось и при оценке последствий войны на Украине не только западными, и украинскими, но и российскими экспертами): «Воздействия, — считают авторы доклада, — следует рассматривать в краткосрочной и среднесрочной перспективе. При наличии количественного определения, воздействия можно выражать в сегодняшнем значении (таким, как чистая текущая стоимость).

¹⁰ Политика оценки рисков/угроз в Восточном регионе ENPI / Европейская комиссия. Брюссель. 21.12.2010. Рабочий документ (SEC). С. 12.

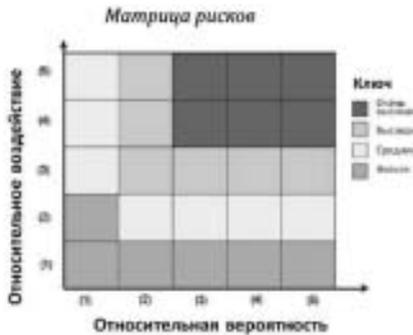

Рис. 24.2¹¹

Матрица рисков связывает в двух измерениях вероятность и воздействие и является сравнительным графическим представлением различных рисков. Матрица используется как инструмент наглядного представления при определении множественных рисков для облегчения сравнения различных рисков (Матрицы рисков также используются для того, чтобы помочь определить, какие риски нуждаются в дальнейшем или более детальном анализе, или какие из данных рисков считаются широко приемлемыми или неприемлемыми, в зависимости от зоны матрицы, на которой они находятся).

Используемая шкала может иметь 5 и более пунктов. Матрицу можно представить так, чтобы придать больше значения или воздействию, или вероятности, либо матрица может быть симметричной. Внутри каждой категории воздействия (на людей, на экономику/окружающую среду, политического/социального) следует оценить по шкале относительную важность, используя единый набор критериев для оценки на шкале относительной вероятности и относительного воздействия, применимых к различным угрозам или сценариям рисков.

¹¹ Политика оценки рисков/угроз в Восточном регионе ENPI / Европейская комиссия. Брюссель. 21.12.2010. Рабочий документ (SEC). С. 29.

Пример матрицы рисков с разбивкой по видам негативных воздействий

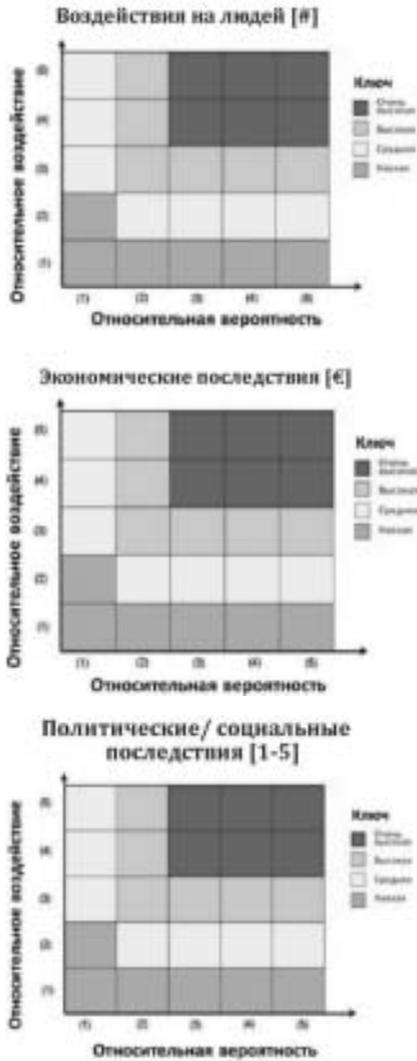

Рис. 24.3

В частности, воздействие на людей должно измеряться в числе пострадавших, а воздействие на экономику и окружающую среду следует измерять в евро. Политическое/социальное воздействие можно измерять по качественной шкале, состоящей из пяти классов, например: (1) ограниченное/незначительное, (2) малое/значительное, (3) среднее/серьезное, (4) значительное/очень серьезное, (5) катастрофическое/разрушительное. Следует составлять отдельные матрицы рисков для воздействия на людей, на экономику и окружающую среду, а также для политического/социального воздействия, поскольку эти категории измеряются по отдельным шкалам и в противном случае их будет очень трудно сравнивать между собой (рис. 24.3)¹².

Матрицы рисков могут использоваться на всех этапах оценки рисков. Для целей данных руководящих правил простое сравнение нескольких рисков в одной матрице рисков не называется многорисковым анализом¹³.

В начале процесса оценки риска имеются три основных предварительных шага: 1) выбор одинаковой целевой зоны (национальный); 2) выбор одинакового временного окна (краткосрочное); 3) определение одинаковой метрики для риска (измерение воздействия). После того, как эти три шага будут сделаны, мы можем начинать определение риска.

Определение риска — это процесс обнаружения, распознавания и описания рисков. Это работа по сканированию, которая служит предварительным шагом для последующего этапа анализа риска. Анализ риска — это процесс понимания природы риска и определения уровня риска. Оценка риска — это процесс сравнения результатов анализа риска с критериями риска для определения того, является ли риск и/или его сила приемлемой или терпимой¹⁴.

¹² Политика оценки рисков/угроз в Восточном регионе ENPI / Европейская комиссия. Брюссель. 21.12.2010. Рабочий документ (SEC). С. 30.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Там же. С. 32.

Таблица 24.2. Внутриполитические потрясения 1960–2005 гг., приведшие к особо многочисленным (>100 тыс.) человеческим жертвам

№	Страна	Год начала события	Год окончания	Событие	Число жертв
1	Алжир	1992	2002	Восстание исламистов, гражданская война	~100 000
2	Ангола	1975	2002	Гражданская война	~550 000
3	Афганистан	1978	*	Афганская революция, гражданские войны (отягощенные иностранными интервенциями)	~1 800 000
4	Бангладеш	1971	1971	Война за независимость от Западного Пакистана	~1 250 000
5	Бирма/Мьянма	до 1960	*	Гражданские войны	~130 000
6	Босния и Герцеговина	1992	1995	Боснийская война	~175 000
7	Бурунди	1993	1993	Гражданская война, массовые убийства хуту и тутси (были убиты преимущественно хуту)	~200 000

Продолжение таблицы 24.2

№	Страна	Год начала события	Год окончания	Событие	Число жертв
8	Вьетнам	1965	1973	Гражданская война в Южном Вьетнаме при вмешательстве США и Северного Вьетнама	~1 700 000
9	Гватемала	1960	1996	Гражданская война	~200 000
10	ДРК (Заир)	1960	1965	Конголезский кризис	~100 000
		1998	2009	Гражданские войны	~3 800 000
11	Индонезия	1965	1966	Попытка переворота, массовые казни	~400 000
12	Ирак	1961	*	Восстания курдов — на севере, шиитов — на юге, политические потрясения 2000-х гг.	~100 000
13	Иран	1978	1979	Исламская революция	
14	Йемен	1962	1970	Гражданская война	~100 000
15	Камбоджа	1970	1991	Гражданские войны и их последствия	~2 500 000

Продолжение таблицы 24.2

№	Страна	Год начала события	Год окончания	Событие	Число жертв
16	Китай	1966	1969	«Культурная революция»	От 2 000 000 до 7 000 000
17	Лаос	1960	1973	Гражданская война в рамках Второй индокитайской войны	От 70 000 до 250 000
18	Либерия	1989	1997	Гражданские войны: правительство против Национального патриотического фронта	~150 000
19	Ливан	1975	1990	Гражданская война, осложненная многочисленными случаями иностранной интервенции	~ 150 000
20	Мозамбик	1975	1992	Гражданская война	~1 000 000
21	Нигерия	1966	1970	Переворот, попытка отделения провинции Биафра	от 600 000 до 1 000 000
22	Руанда	1994	1994	Гражданская война, массовые убийства хуту и тутси (были убиты преимущественно тутси)	~937 000**

№	Страна	Год начала события	Год окончания	Событие	Число жертв
23	Сомали	1991	*	Хаос, анархия, гражданская война	~400 000**
24	Судан	1955	1972	Гражданская война	~500 000
		1983	*	Гражданская война	~1 900 000
		2003	*	Дарфурский конфликт	От 70 000 до >180 000
25	Уганда	1979	1986	Гражданские войны	~300 000**
26	Филиппины	С 1972	*	Война с партизанами	от 50 000 до 150 000
27	Чад	1965	1997	Гражданские войны	от 50 000 до 100 000
28	Эритрея	1962	1992	Война за отделение от Эфиопии и внутренние конфликты	~1 400 000
29	Эфиопии	1962	1992	Переворот Менгисту Хайле Мариаме, свержение монархии, гражданские войны	~1 400 000 ¹

¹ Общее число жертв в Эфиопии и Эритреи в 1962–1992 гг. События не завершены, кровопролитие в той или иной мере продолжается.

Источники: Bercovitch, Jackson 1997; Clodfelter 1992; Crowder, Fage, Oliver 1986; Lorraine 1995; Palmowski 1997; ProjectPloughshares 2008; Rummel 1994; Small, Singer 1982; Totten 1997; Wallechinsky 1995; White 2010a; 2010b.

Проведенное исследование показывает, что для периода 1960–2005 гг. вероятность возникновения сколько-нибудь кровопролитных внутриполитических конфликтов в странах с очень низкими (менее 15% за пятилетие) темпами прироста численности городской молодежи была крайне низкой. Для стран, где эти темпы достигли средних значений (20–30% за пятилетие), вероятность возникновения таких конфликтов уже оказывалась близкой к 50% (т. е. практически один шанс из двух); однако даже для этой группы стран в рассматриваемый период не засвидетельствовано ни одного особенно кровопролитного внутриполитического потрясения. Для стран с высокими (30–45% за пятилетие) темпами прироста численности городской молодежи вероятность полностью избежать значительных внутриполитических потрясений падает уже до очень низкого уровня (порядка одного шанса из четырех), и при этом появляется достаточно высокая (также порядка одного шанса из четырех) вероятность возникновения особенно кровавых гражданских войн», — делают выводы авторы.

24.3. Взаимосвязь внешнего и внутреннего военного конфликта в XXI веке

В XXI веке окрепли и устойчиво развиваются взаимосвязи между внешними и внутренними войнами и конфликтами, которые существовали и прежде, но которые не носили столь системного и структурированного характера. Известно, например, что Англия активно участвовала в убийстве Павла I для того, чтобы изменить внешнеполитическую ориентацию России в будущей войне с Францией на антифранцузскую. В ходе Первой мировой войны финансирование Германией большевиков в России способствовало революции и выходу из войны России в 1918 году на выгодных для Берлина условиях.

Главная военно-политическая особенность современных и будущих войн и конфликтов заключается в их стремительной «социализации», превращении из межгосударственных в межобщественные, даже межнациональные конфликты и оборот. Война из государственной прерогативы постепенно перешла практически на уровень правительственных «связей с общественностью», СМИ и институтами гражданского общества. Поэтому она начинается не только как прежде — с объявления государствами войны и начала военных действий, — а с формирования общественного мнения, специальных операций и активного внешнеполитического (информационного и финансового) вмешательства.

В этом смысле внутренние войны и конфликты являются продолжением не только политики вообще, но и внешней политики, в частности. Более того, необходимые для этого средства вооруженной борьбы также создаются и производятся исходя из этой взаимосвязи внешней и внутренней политики. Именно поэтому В. Путин говорил осенью 2014 года о том, что «перспективная программа вооружений (до 2025 года) должна учитывать положение всех основных документов стратегического планирования»¹⁵.

Внутренний вооруженный конфликт — приходится подчеркнуть особо — как одна из форм разрешения социально-политических противоречий, в XXI веке постепенно трансформировался, по сути, в один из вариантов (одну из форм) внешнего военного конфликта. Это произошло в силу целого ряда причин, но, прежде всего, из-за резкого увеличения рисков межгосударственных военных конфликтов и стоимости их издержек, что сделало внутренний военный конфликт, по сути, продолжением (а иногда и заменой) внешнего противоборства.

¹⁵ Кашеварова А. Президент взял ВПК на себя // Известия. 2014. 11 сентября. С. 2.

Этот переход в XXI веке совпадает с процессом, когда (как и во внешних войнах), решающую роль в военной победе играют определенные виды и системы ВиВТ, прежде всего, системы боевого управления, связи и разведки, а также ВТО, т. е. разница в использовании ВиВТ для «внутренних» и «внешних» нужд фактически исчезает. Так, на Украине в 2014 году против повстанцев использовались такие системы как «Ураган» и «Точка У». Это позволило ряду ученых сделать вывод о том, что «В современных условиях чрезвычайно важно осуществлять достоверный прогноз наиболее перспективных разработок в области:

- систем разведки и зондирования земной и водной (подземной, подводной) поверхностей;
- средств и способов информационного обеспечения автоматизированных систем управления войсками и оружием;
- систем радиоэлектронной борьбы, высокоточного оружия наземного, морского, воздушного и космического базирования;
- современных систем космической навигации на сухопутных и океанских театрах военных действий и на глобальном уровне;
- систем и средств аналоговой и цифровой (оптоволоконной) систем связи, обработки информации и радиолокации;
- создания принципиально новых видов боеприпасов, обладающих существенно большей поражающей способностью»¹⁶.

Собственно говоря, внутренние военные конфликты сохраняются как форма противоборства, но становятся малоперспективными без внешней поддержки. Эту трансформацию можно изобразить на рисунке следующим образом (рис. 24.4).

Причем, как правило, трансформация внутреннего конфликта во внешний происходит незапланированно, даже вопреки воле участников конфликта, которые нередко не заинтересованы

¹⁶ Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков // Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. № 6. С. 28.

Внешние и внутренние военные конфликты и войны (трансформация в середине XXI века)

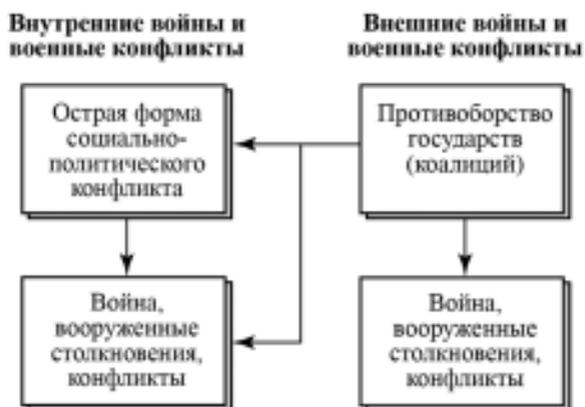

Рис. 24.4

в интернационализации конфликта и привлечения к участию в нем третьих стран по самым разным причинам:

- опасениям, что внешние участники будут преследовать свои собственные цели;
- вовлечение в конфликт международных сил и институтов;
- боязни потерять контроль над ситуацией и др.

В любом случае следует признать, что «абсолютно внутренней» формы вооруженного конфликта или войны в XXI веке уже не существует: так или иначе (даже если этот конфликт не инспирирован извне, что бывает крайне редко) внутренний вооруженный конфликт и война превращаются в международный.

В то же самое время на территории потенциального противника из гражданских лиц создаются структуры, которые позже должны принимать участие в силовых и, если надо, вооруженных действиях.

Соответственно внутренний вооруженный конфликт или война могут быть разными формами международного проти-

Рис. 24.5

вооруженной борьбы, в которых используются все свойственные международному вооруженному конфликту средства и методы.

На стадии интернационализации вооруженного конфликта огромное значение имеют возможности и ресурсы страны не допустить внешнего вмешательства и перерастания конфликта в войну. Тем более в войну с участием внешних сторон. Условно эти возможности и ресурсы можно назвать «полосой отсечения». Если государство обладает такими возможностями, то конфликт не переходит в международную фазу.

При всей схожести войн XXI века — от Афганистана и Ирака до Украины — существуют и качественные различия. Так, обладание потенциалом ПРО–ПВО у Сирии не позволило США перейти «полосу отсечения». И, наоборот, слабость в этой области Ливии привела к военному поражению.

В настоящее время два ключевых потенциала — СЯС и ВКО — гарантируют, что «полоса отсечения» не будет перейдена на глобальном уровне. Именно поэтому обладание этими потенциалами свидетельствует о существовании военно-стратегического равновесия и сдерживания. Следовательно их состояние и перспективы должны рассматриваться не только в качестве условия победы в глобальной войне, а также как возможность недопущения «полосы отсечения».

Другая сторона проблемы заключается в экономическо-технологической взаимосвязи внешних и внутренних войн. Так, развитие военных возможностей, например, в авиации зависит, как от стремления государств сохранить военное равновесие в мире, так и способности к опережающему технологическому развитию. «Технологическое лидерство», способность к «технологическим прорывам» не менее важны, чем военные возможности. Вместе с тем, ни СЯС, ни даже эффективная ПВО не гарантируют от скрытого вмешательства и участия внешних противников во внутреннем конфликте и войне.

Главный вывод, который следует из этих рассуждений, заключается в том, что внутренний вооруженный конфликт не может долгое время оставаться в своих границах ни по масштабам, ни по используемым средствам вооруженной борьбы. Этот конфликт на самом деле — лишь первый этап международного вооруженного конфликта, либо полномасштабной войны, хотя в силу разного рода формальных (политических, правовых, медийных и иных) причин, относят к внутренним конфликтам и войнам. Поэтому необходимо исходить из того, что используемые политические, экономические и военные средства будут соответствовать средствам, характерным для международных войн — от привлечения союзников и санкций, до использования самых современных средств вооруженной борьбы.

Конфликт на Украине в 2014 году в значительной степени иллюстрирует эти тенденции: во многом украинский острый внутренний социально-политический кризис, переросший во

внутренний вооруженный конфликт, был инспирирован долгой подготовкой извне, с одной стороны, а острая форма внутреннего военного конфликта стала стремительно приобретать международные черты, вовлекая зарубежные государства, — с другой.

Эти тенденции требуют того, чтобы внимательнее отнестись к природе внутреннего и внешнего конфликта и войн. В этой связи в качестве наиболее полного и одного из последних изложений традиционных представлений о характере войн и конфликтов предлагается рассмотреть работу А. Герасимова «Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ», опубликованную в начале прошлого десятилетия. В частности, им приводятся следующие данные, которые противоречат предлагаемым выводам: «С начала 1990 и по конец 1999 гг. в мире произошло 118 вооруженных конфликтов, которые затронули 80 стран и два крупных региона и унесли жизни примерно шести миллионов человек. Из 118 вооруженных конфликтов десять можно четко определить как межгосударственные. Пять вооруженных конфликтов относятся к войнам за независимость, хотя и во многих других случаях участники считают свои конфликты именно таковыми. Сто войн были «в значительной мере», «главным образом» или «исключительно» внутренними конфликтами. Эти данные приведены Отделением исследований мира и конфликтов Университета Упсалы, которые ежегодно публикуются в «Journal of Peace Research»)»¹⁷.

Вопрос, однако, заключается в том, что называть «вооруженными внутренними конфликтами» в XXI веке? Если речь идет об острой фазе социально-политического конфликта, переросшего в вооруженное восстание, то такой внутренний

¹⁷ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm> / См.: Чечня: от конфликта к стабильности: Проблемы реконструкции / Ин-т этнол. и антропол. им. Миклухо-Маклая РАН и др. — М., 2001. — С. 22–23.

конфликт, может быть, и называется внутренним. Хотя, как мы знаем из истории большинства стран, за такими «революционными» внутренними силами часто стояла внешняя воля и финансовые ресурсы, а иногда и военная сила.

Если же речь идет об «абстрактном» внутреннем вооруженном конфликте, то вряд ли он может получить свое развитие без поддержки извне, ведь для этого нужно оружие, деньги, люди и т. д. Очень хорошо эту мысль иллюстрирует один из сценариев внутреннего вооруженного конфликта на Украине, подготовленный бывшим послом США на Украине С. Пайфером еще в 2009 году: «Вашингтон рассматривает Украину как страну „с внешним управлением“», пишет в выпуске за апрель 2009 года украинского еженедельника 2000.net.ua известный украинский политолог Владимир Корнилов.

В подтверждение он приводит свой анализ доклада бывшего посла США в Киеве Стивена Пайфера «Предупреждая кризис в Украине», подготовленного для некоего «Центра превентивного действия». Американские эксперты подтверждают, что Украина и все то, что там происходит, напрямую задевает американские интересы. Оказывается, Украина — это и плацдарм для будущего переустройства России. «Успешная Украина, надежно прикрепленная к Евроатлантическому сообществу, — открывает Пайфер, — смогла бы предложить модель, которая сможет побудить Россию к укреплению демократии, так же как отказаться раз и навсегда от любой идеи восстановления Российской империи».

В докладе Пайфера те или иные действия относительно Украины открыто и недвусмысленно связываются с «национальными интересами США», пишет Корнилов. При этом Пайфер скрывает, что главную обеспокоенность у Штатов вызывает не то, что на Украине может разыгаться апокалиптический, кровавый сценарий (хотя это тоже не исключается), а то, что Украина будет не в состоянии сформулировать «внешнеполитический курс, с которым могло бы согласиться правительство

США». И, что самое ужасное, переориентируется «на курс, более сфокусированный на Москве»!¹⁸

Иными словами эксперты относят абсолютное большинство внутренних вооруженных конфликтов и войн к категории «чисто внутренних», а А. Герасимов делает еще более безапелляционный вывод, ссылаясь на данные Минобороны РФ: «По оценке Министерства обороны РФ, к концу XX века на планете насчитывалось 160 зон этнополитической напряженности, в 80 из них присуща вся атрибутика неурегулированных конфликтов. На состоявшейся в апреле 2000 г. совместной российско-натовской конференции представителей военных ведомств и ученых в сфере международного права отмечалось, что с рубежа 90-х начинается новый виток в истории внутренних вооруженных конфликтов, они становятся доминирующими в международной практике. В ряде случаев потребуется участие международного сообщества для их локализации, в том числе миротворческих сил»¹⁹.

Думается, что есть все основания оспорить этот вывод. И не только потому, что он был сделан на совместной с НАТО конференции, а потому, что он, по сути, неверен: внутренние вооруженные конфликты действительно становятся доминирующими в международной практике, но не потому, что они внутренние, а потому, что их основное место развертывания — отдельные страны. Происходит экстраполяция, перенос международных противоречий и противоборства на внутреннюю почву. Искусственно разжигаются существующие всегда внутриполитические проблемы до стадии конфликта, а затем этот социальный конфликт превращается во внутреннюю войну.

¹⁸ Корнилов В. Написан сценарий войны между Россией и Украиной. 2009. 25 апреля / Эл. ресурс: «Украинские новости» / <http://newzz.in.ua/main/1148829085-napisan-scenarij-vojny-mezhdu-rossiej-i.html>

¹⁹ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

24.4. Вероятный характер внутренних войн и вооруженных конфликтов к 2030 годам XXI века: современные представления и прогноз

В целях обеспечения национальной безопасности в приоритетном порядке необходимо анализировать внешние и внутренние угрозы, ведущие к обострению внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в России. Опыт СССР показал в очередной раз, что развал политической, экономической и государственной системы возможен не в результате успешных военных действий извне, а как следствие обострения внутривнутриполитической ситуации и превращения ее в вооруженный внутренний конфликт.

В упомянутой статье А. Герасимова сделана попытка кратко очертить существующие знания о сущности и причинах внутренних вооруженных конфликтов. Теоретическая база этого знания ограничена, — справедливо считает автор, — но чрезвычайно важна. Ограничена она в том смысле, что не предлагает какого-либо обобщенного объяснения понятия внутреннего конфликта, но при чрезвычайной сложности и неоднозначности самого явления это вряд ли вызовет удивление. С другой стороны, теория важна, потому что может подсказать, где нам искать признаки эскалации насилия, а также пути предотвращения этой эскалации. Однако, в данной статье главное не теория, а методология изучения и анализа внутреннего вооруженного конфликта²⁰.

Обращают на себя внимание некоторые исследования, посвященные сетевидной войне, где взаимосвязь внешнего и внутреннего конфликтов показана как очень логичный

²⁰ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

политический процесс. В частности, Кирилл Мямлин пишет: «На появление первых концепций «сетевых войн» повлияли изменения в разных секторах американского общества — в экономике, бизнесе, технологиях и т. д. Можно выделить три направления трансформаций, которые легли в основу этих концепций:

- перенос внимания от концепта «платформы» к «сети»;
- переход от рассмотрения отдельных субъектов (единиц) к рассмотрению их как части непрерывно адаптирующейся экосистемы;
- важность осуществления стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах. В военно-стратегическом смысле это означает:
- переход от отдельных единиц (солдат, батальон, часть, огневая точка, боевая единица и т. д.) к обобщающим системам;
- рассмотрение военных операций в широком информационном, социальном, ландшафтном и иных контекстах;
- повышение скорости принятия решений и мгновенная обратная связь, влияющая на этот процесс во время ведения военных операций или подготовки к ним.

Целью перехода к сетевым военным моделям являются:

- обеспечение наличия союзников и друзей;
- внушение всем мысли об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США;
- предупреждение угроз и агрессивных действий против США, а если до этого дойдет дело, то быстрая и решительная победа над противником.

А достигаться это должно через конкретные преимущества, которые дает сетевой подход:

- лучшая синхронизация событий и их последствий на поле боя;
- достижение большей скорости передачи команд;

- увеличение жертв, среди противников, сокращение жертв, среди собственных войск и рост личной ответственности военных во время проведения военной операции и подготовки к ней»²¹.

А вот что пишут по этому поводу В. Синявский и С. Верещагин: «Анализ опыта войн и вооруженных конфликтов современности убедительно свидетельствует, что в последние годы парадигма ведения военных действий по своему содержанию подверглась кардинальным, поистине революционным, изменениям. И связаны эти изменения, прежде всего, с бурным развитием электроники, появлением принципиально новых информационных технологий и созданием на их основе новых средств разведки, управления и ведения вооруженного противоборства. В совокупности все это привело к существенной трансформации в технологии управления войсками.

В связи с этим в конце XX начале XXI веков практически во всех армиях мира стали появляться новые стратегические концепции и доктрины, определяющие общую идеологию вооруженного противоборства в новую, так называемую «информационную эпоху». Одной из наиболее известных концепций, является концепция «сетевидной войны». Ее суть заключается в предоставлении каждому участнику боевых действий актуальной боевой информации, позволяющей более глубоко понимать обстановку, принимать адекватные ей упреждающие противника решения и организовывать их незамедлительное исполнение. Другими словами, сегодня с противником необходимо «играть опережение»: опережение в разведке, в принятии решений, в действиях войск, то есть во всем, что составляет суть вооруженной борьбы.

Все это выдвинуло новые требования не только к личному составу войск, но и к их вооружению и техниче-

²¹ Мямлин К. Сетевидные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/

му оснащению. На этом фоне военные специалисты многих стран стали проектировать и создавать принципиально новые инновационные средства разведки, управления, поражения и обеспечения, интегрированные в единую, основанную на новых технологических решениях, информационно-управляющую среду.

Одним из таких проектов стала реализуемая с середины 90-х годов XX века американская государственная целевая программа Future Combat System, направленная на создание новых перспективных образцов вооружения и военной техники, способных удовлетворить требованиям, выдвинутым новой «сетцентрической» идеологией организации вооруженного противоборства. Аналогичными разработками помимо США занимаются и в армиях других зарубежных государств, представленных на рисунке. Активную позицию в данной области занимают и вооруженные силы России, Украины, Казахстана, Азербайджана и ряда других стран.

Следует отметить, что сегодня по инициативе Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь ОАО «Агат — системы управления» управляющая компания холдинга «Геоинформационные системы управления» совместно с другими предприятиями военно-промышленного комплекса реализует целевую ОКР по созданию нового перспективного информационно-технического комплекса «Солдат — боевые системы» (далее — комплекс).

По замыслу данный комплекс должен представлять собой интегрированную в одно целое совокупность средств разведки, управления, прицеливания, поражения, энергоснабжения и жизнеобеспечения, позволяющих существенно повысить боевые возможности военнослужащих, их живучесть, взаимодействие и координацию действий в бою. Структура комплекса представлена на рисунке (рис. 24.6)²².

²² Синявский В. К., Верещагин С. И. Солдат XXI века на пути создания.

**Структура информационно-технического комплекса
«Солдат – боевые системы»**

Рис. 24.6

В настоящее время, в соответствии с замыслом проведения ОКР, определен состав базового комплекта, планируемого к оснащению каждого военнослужащего отделения, и сопрягаемого с ним дополнительного оборудования (см. рис. 24.7) ²³.

Для повышения эффективности боевого применения тактических подразделений большое значение имеет система управления. Чтобы ее усовершенствовать, в первую очередь необходимо создать портативный многофункциональный прибор, обеспечивающий прием и передачу данных, ориентирование и топогеодезическую привязку, соединение с внешними оконечными устройствами и работу в локальной сети системы управления своего подразделения и в сети системы управления тактического звена в целом.

По мнению разработчиков, общая боевая эффективность солдата при оснащении его средствами управления с учетом сбалансированного развития остальных компонентов инфор-

²³ Синявский В. К., Верещагин С. И. Солдат XXI века на пути создания.

Рис. 24.7

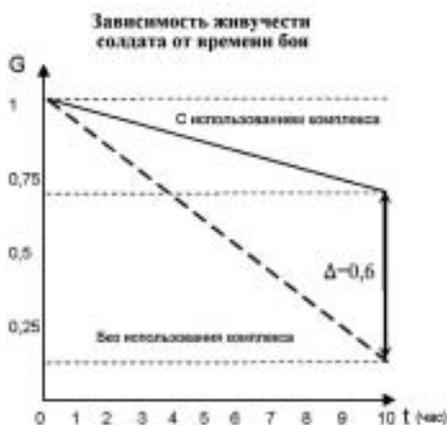
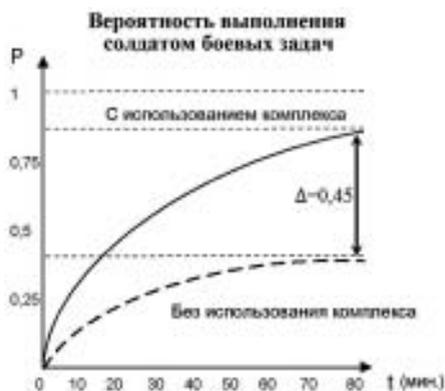
мационно-технического комплекса «Солдат — боевые системы» может возрасти до 1,5 раза²⁴.

Таким образом, применительно к реалиям XXI века и потребностям военной политики, мы видим существенные изменения в характере внутренних конфликтов и войн, которые позволяют нам говорить об их качественной эволюции. Соответственно радикально меняются и представления о военной организации государства (ВОГ), прежняя структура которого уже не отражает реалий²⁵.

Внутренний вооруженный конфликт в системе социальных конфликтов имеет свои особенности. Нормальное развитие социального конфликта предполагает, что каждая из сторон способна учитывать интересы противостоящей стороны. Такой подход создает возможность сравнительно мирного развертывания конфликта с помощью переговорного процесса, и внесения корректив в предшествующую систему

²⁴ Синявский В. К., Верещагин С. И. Солдат XXI века на пути создания.

²⁵ Попов И. М., Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».

отношений в направлении и масштабах, приемлемых для каждой из сторон.

Однако нередко бывает так, что сторона, инициирующая конфликт, исходит из негативной оценки предшествующего положения дел и декларирует лишь свои собственные интересы, не принимая во внимание интересы противоположной стороны. Противостоящая сторона вынуждена в этом случае предпринимать особые меры для защиты своих интересов, которые воспринимаются и интерпретируются инициатором конфликта как

стремление защитить status quo. В результате этого обе стороны могут претерпеть определенный ущерб, который относится на счет противостоящей стороны в конфликте²⁶.

Такая ситуация чревата применением насилия: уже на начальной стадии конфликта каждая из сторон начинает демонстрировать силу или угрозу ее применения. В этом случае конфликт углубляется, так как силовое воздействие обязательно встречает противодействие, связанное с мобилизацией ресурсов сопротивления силе. Насилие создает вторичные и третичные факторы углубления конфликтной ситуации, которые подчас вытесняют из сознания сторон исходную причину конфликта. Это хорошо видно на примере развития конфликта на Украине, где была использована реально существующая ситуация фактического сосуществования нескольких территорий и наций, которые искусственно оказались в одном государстве.

Чем большее стремление к применению силы наблюдается в конфликте, тем вероятнее переход одной из сторон к практическому применению силы, в начале в демонстративных целях или ограниченных масштабах вплоть до использования средств вооруженной борьбы. Таким образом, основные этапы или стадии конфликта могут быть резюмированы следующим образом.

- исходное положение дел; интересы сторон, участвующих в конфликте; степень их взаимопонимания;
- иницилирующая сторона — причины и характер ее действий;
- ответные меры; степень готовности к переговорному процессу; возможность нормального развития и разрешения конфликта — изменения исходного положения дел;
- отсутствие взаимопонимания, т. е. понимания интересов противоположной стороны;

²⁶ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

- мобилизация ресурсов в отстаивании своих интересов;
- использование силы или угрозы силой (демонстрации силы) в ходе отстаивания своих интересов²⁷.

Другой подход структурирует собственно процесс развертывания социального, и в частности, политического конфликта на основе выявления возможных форм его протекания. Придерживаясь этого подхода, профессор Б. И. Краснов, выделяет шесть стадий конфликта²⁸. С его точки зрения, для первой стадии политического конфликта характерно сформировавшееся отношение сторон по поводу конкретного противоречия или группы противоречий²⁹.

Второй фазой конфликта является определение стратегии противоборствующими сторонами и форм их борьбы для разрешения имеющихся противоречий, с учетом потенциала и возможностей применения различных, в том числе и насильственных средств, внутренней и международной ситуации.

Третья стадия связана с вовлечением в борьбу других участников через блоки, союзы, договоры.

Четвертая стадия — нарастание борьбы, вплоть до кризиса, охватывающего поэтапно всех участников с обеих сторон и перерастающего в общенациональный. Пятая стадия конфликта — переход одной из сторон к практическому применению силы, в начале в демонстративных целях или ограниченных масштабах.

Шестая стадия — это вооруженный конфликт, начинающийся с ограниченного конфликта (ограничения в целях, охва-

²⁷ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

²⁸ Общая и прикладная политология / под ред. Жукова В. И., Краснова Б. И. М., 1997. — С. 375–376.

²⁹ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

тываемых территориях, масштабе и уровне военных действий, применяемых военных средствах) и способный, при известных обстоятельствах, развиться до более высоких уровней вооруженной борьбы (войны как продолжения политики) всех участников³⁰.

Нетрудно заметить, что автор этого подхода рассматривает вооруженный конфликт как одну из форм протекания политического конфликта. Ограниченность этого подхода проявляется в абстрагировании от двух важнейших аспектов: от предконфликтных условий и от послеконфликтной стадии развития политических отношений. На наш взгляд, методологически более ценным для анализа природы внутренних вооруженных конфликтов является подход, учитывающий оба отмеченных аспекта.

Соотношение понятий «военный конфликт», «вооруженный конфликт» и «война» в современной военной теории вызывает дискуссию. Очевидно, что социальные конфликты могут проходить с применением или без применения насилия. Но различают вооруженное насилие и насилие вообще. Считается, что вооруженный конфликт существует тогда, когда применяется военная сила. За последние годы появилось много понятий, связанных с применением военной силы. В частности, в современной научной литературе, документах и материалах ООН, для квалификации событий в той или иной стране (регионе) используются понятия: война (гражданская, национально-освободительная, локальная, региональная), конфликт (вооруженный, военный, межнациональный, этнополитический, конфессиональный) и т. п.³¹ Использование этих понятий в качестве синонимов создает предпосылки для искажения смысла и затрудняет адекватность восприятия характера обозначаемых ими социальных явлений, — справедливо отмечает А. Герасимов.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

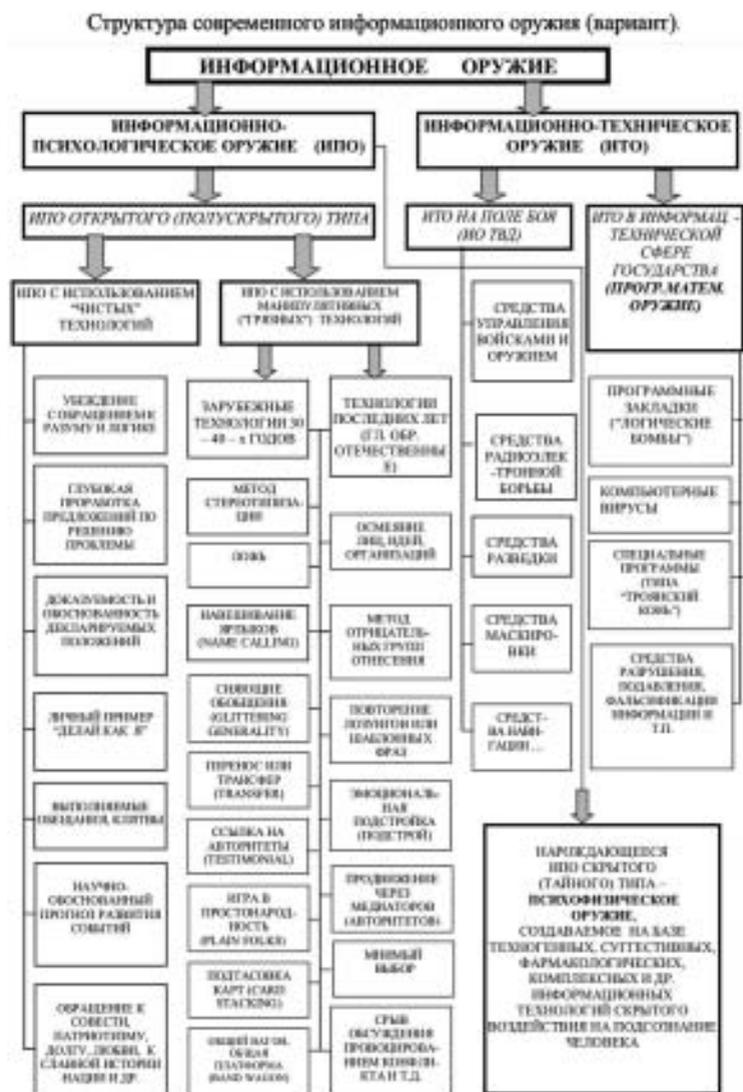

Рис. 24.8

Рис. 24.9

С точки зрения политической практики насилие и вооруженное насилие очень точно характеризуются в информационной войне, где практически невозможно провести разницу между этими силовыми формами.

Как видно из приведенного рисунка (рис. 24.8) одна и та же информационная борьба (война) делится на две формы, которые условно отличны друг от друга³². Однако с точки зрения функциональной — победы в войне — между ними нет разницы.

³² Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации. Центр военно-стратегических исследований, М., 2004. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей под редакцией генерал-полковника Балуевского Ю. Н. Прокофьев В. Ф. / К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / <http://www.csef.ru/files/csef/articles/719/719.pdf>. С. 389.

К тому же, многие закономерности, принципы и признаки характерны для обеих форм. Так, усиление значения обеих форм борьбы в войнах и конфликтах стало общепризнанным. Более того, в целом ряде конфликтов — решающим условием победы в войне. В военном конфликте на Украине в 2014 году общепризнанным было полагать, что информационные результаты военных действий были важнее реальных побед, а объекты обеспечения информационной войны (радио- и телестудии, передатчики, контент, связь и т. д.) признавались нередко более важными, чем ВиВТ.

В соответствии с такими приоритетами стремительно росло и значение информационного оружия, которое российские эксперты систематизировали следующим образом (рис. 24.9)³³.

24.5. Внутренняя война и вооруженный конфликт: современное состояние и перспектива эволюции

В военной доктрине России четко различаются такие понятия, как «военный конфликт», «вооруженный конфликт», «локальная война», «региональная война» и «крупномасштабная война». Целесообразно привести эти определения так, как они даются в официальном документе³⁴.

³³ Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации. Центр военно-стратегических исследований, М., 2004. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей под редакцией генерал-полковника Балуевского Ю. Н. Прокофьев В. Ф. / К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / <http://www.csef.ru/files/csef/articles/719/719.pdf>. С. 388.

³⁴ Военная доктрина РФ. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета. 2010. 10 февраля.

- г) военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты);
- д) вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);
- е) локальная война — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);
- ж) региональная война — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели;
- з) крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Большинство политологов и военных специалистов считает, что грань между войной и вооруженным конфликтом условна. С этим можно согласиться. Но имеется ряд существенных критериев, позволяющих определить различия между ними, а также место и роль каждого из этих социальных явлений в общественной жизни. Поэтому интересно и полезно попытаться глубже рассмотреть суть этих явлений, что и сделал российский исследователь А. Герасимов, рассуждения которого возьмем за основу³⁵.

Во-первых, война обуславливается наличием коренных противоречий — экономических, политических и ведется с решительными целями. Разрешение противоречий с помощью военной силы вызвано осознанием и потребностью реализации жизненно важных интересов общества, государства. Поэтому в войне всегда присутствует организационное начало. В вооруженном конфликте, как правило, на первый план выдвигаются национально-этнические, клановые, религиозные и другие, производные от основных, интересы и вызванные ими противоречия. Вооруженные конфликты могут принимать форму стихийных или преднамеренно организованных восстаний, мятежей, военных акций и инцидентов, в зависимости от того, кому принадлежат «конфликтные» интересы, кто является их носителем.

Во-вторых, война ведет к качественному изменению состояния всей страны и вооруженных сил. Многие государственные институты начинают выполнять специфические функции. Усиливаются централизация власти, концентрация всех сил страны, перестраиваются экономика и весь быт общества для достижения победы. Производится полная или частичная мобилизация вооруженных сил и экономики. Вооруженный конфликт, в отличие от войны, в основном оп-

³⁵ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

ределяет состояние вооруженных сил или их части. Боевые действия, как правило, ведутся частью боевого состава войск мирного времени.

В-третьих, в войне применяются, соответствующими институтами государства, все формы борьбы — политическая, дипломатическая, информационная, экономическая, вооруженная и др., а в вооруженных конфликтах стороны могут ограничиться вооруженными столкновениями, порою стихийными, хотя не исключается организованное применение ими других форм противоборства, в первую очередь — информационного.

В-четвертых, с юридической точки зрения войне присущи такие признаки как формальный акт ее объявления (этого требует Гаагская конвенция 1907 г.); разрыв дипломатических отношений между воюющими государствами и аннулирование договоров, которыми регулировались мирные отношения этих государств; введение военного положения (чрезвычайного положения) на территории воюющих государств (или ее части) и ряд других³⁶.

Таким образом, вооруженный конфликт не содержит основных признаков, присущих войне, как особому состоянию общества, а также необходимых правовых критериев, определяющих его как войну. Поэтому понятие «вооруженный конфликт» не тождественно понятию «война» и наоборот. Из этого следует известный принцип: любая война есть вооруженный конфликт, но не любой вооруженный конфликт является войной.

Понятие «военный конфликт», определяющим признаком которого является только применение военной силы для достижения политических целей, служит в качестве интегрирующего для двух других — вооруженный конфликт и война. Военный конфликт — любое столкновение, противоборство,

³⁶ Там же.

форма разрешения противоречий между государствами, народами, социальными группами с применением военной силы. В зависимости от целей сторон и масштабных показателей, таких как пространственный размах, привлекаемые силы и средства, напряженность вооруженной борьбы, военные конфликты могут быть разделены на ограниченные (вооруженные конфликты, локальные и региональные войны) и неограниченные (мировая война). Применительно к военным конфликтам иногда, чаще всего в иностранной литературе, употребляются такие термины, как конфликты малого масштаба (низкой интенсивности), среднего масштаба (средней интенсивности), крупного масштаба (высокой интенсивности).

По мнению некоторых исследователей, военный конфликт — это форма межгосударственного конфликта, характеризующегося таким столкновением интересов противоборствующих сторон, которые для достижения своих целей используют с различной степенью ограничения военные средства. Вооруженный конфликт — конфликт между средними и большими социальными группами, в котором стороны используют вооружение (вооруженные формирования), исключая вооруженные силы. Вооруженные конфликты — это открытые столкновения с применением оружия между двумя или более руководимыми из центра сторонами, непрерывно продолжающиеся в течение какого-то времени в споре за контроль над территорией и ее управлением.

Другие авторы называют военным конфликтом противоречия между субъектами военно-стратегических отношений, подчеркивая степень обострения этих противоречий и форму их разрешения (с использованием в ограниченных масштабах вооруженных сил). Военные эксперты под вооруженным конфликтом понимают любой конфликт, с применением оружия. В отличие от него при военном конфликте обязательно присутствие политических мотивов при использовании оружия. Иначе

говоря, суть военного конфликта — продолжение политики с использованием военного насилия.

Среди военных специалистов существует понятие ограниченного военного конфликта, конфликта, связанного с изменением статуса той или иной территории, затрагивающего интересы государства и с применением средств вооруженной борьбы. В таком конфликте численность противоборствующих сторон составляет от 7 до 30 тыс. чел., до 150 танков, до 300 бронированных машин, 10–15 легких самолетов, до 20 вертолетов³⁷.

Понятие внутреннего вооруженного конфликта

Терминологическая нечеткость в определении характера вооруженного конфликта может привести к неадекватным действиям различных субъектов по его предотвращению или урегулированию. Так, если события в какой-либо стране оцениваются как подготовка к локальной войне, то для участия в них силовых структур важно точно знать предполагаемые масштабы военных действий и их характер. Если речь идет о внутреннем (или пограничном) вооруженном конфликте, то состав сил должен быть иным, как и характер боевых действий. В противном случае подразделения и части, готовящиеся, например, к конфликту, в случае войны не смогут решить поставленные задачи и понесут значительные потери в живой силе и технике.

Кроме этого, довольно часто те или иные внутригосударственные вооруженные конфликты квалифицируются как межнациональные — в Нагорном Карабахе, Молдавии, Грузии, Боснии и т. д. Однако при этом упускается из виду социально-политическое содержание противоречий, имеющих в отношениях между субъектами противоборства. Это предпринимается,

³⁷ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

как правило, с тем, чтобы на волне национализма подогреть обыденное сознание и направить недовольство против представителей определенной национальности или этнической общности, что чревато расширением масштабов конфликта. В этих условиях политические руководители сами становятся заложниками националистического экстремизма³⁸.

Неадекватные оценки субъектов противоборства приводят к затягиванию вооруженного конфликта, усилению его негативных последствий. В последнюю четверть XX века основными субъектами противоборства в войнах и военных конфликтах выступали: государства (коалиции государств); национально-освободительные движения и организации; правящие режимы (центральные правительства) и вооруженные оппозиционные группировки во внутригосударственных конфликтах. В мировой практике оценки этих субъектов проводятся с разных позиций и по различным аспектам: с точки зрения внешних сил — оцениваются все противоборствующие стороны; с точки зрения одной из них — рассматриваются главным образом противники и их союзники. В оценке того или иного субъекта обращается внимание на его политические интересы, цели, средства; численность и состав вооруженных сил или военных формирований; возможности получения оружия из других стран; социальную базу и т. д.³⁹

Опыт многих конфликтов показывает, что недооценка политических и военных возможностей чревата тяжелыми последствиями и даже поражением в войне (конфликте). Так, в конфликте в районе Персидского залива (1990–1991 гг.) Ирак имел военную мощь, значительно превосходящую военные

³⁸ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

³⁹ См.: Рыльская М. А. К вопросу о проблеме урегулирования конфликтов // Проблемы деятельности ОВД и ВВ в экстремальных условиях: Сб. научн. тр. М.: ВНИИ МВД России, 1997. — С. 27.

возможности Кувейта, но не учел того, что против него могут быть использованы многонациональные силы. В конфликте в Чеченской республике (1994–1995 гг.) перед федеральными силами была поставлена задача разоружения незаконных военных формирований численностью 15 тысяч человек (около 6 полков), однако боевые действия шли по их разгрому и уничтожению. Через два месяца боев, в ходе которых сторонники Дудаева потеряли около 6 тысяч человек, численность отрядов оппозиции по-прежнему составляла примерно 15 тысяч человек и перспективы их разоружения оставались неопределенными.

В соответствии с Военной доктриной РФ: «Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или немеждународный, внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства). Вооруженный конфликт характеризуется: высокой вовлеченностью в него и уязвимостью местного населения; применением нерегулярных вооруженных формирований; широким использованием диверсионных и террористических методов; сложностью морально-психологической обстановки, в которой действуют войска; вынужденным отвлечением значительных сил и средств на обеспечение безопасности маршрутов передвижения, районов и мест расположения войск (сил); опасностью трансформации в локальную (международный вооруженный конфликт) или гражданскую (внутренний вооруженный конфликт) войну»⁴⁰.

В вооруженных конфликтах государства не переходят в особое состояние, характерное для войн (внутренние вооруженные конфликты, вооруженные инциденты, пограничные столкновения и военные акции). Особое место в этом ряду занимают гражданские войны, в которые при определенных условиях могут перерасти внутренние вооруженные конфликты.

⁴⁰ Герасимов А.В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

Так как в отличие от внутренних вооруженных конфликтов, где политическими целями выступают проблемы самоопределения и территориальной принадлежности, утверждение уникальности социокультурных, национальных и конфессиональных ценностей, целью гражданской войны является борьба за государственную власть.

Под внутренним вооруженным конфликтом, в «Словаре по правам человека», понимается любой вооруженный конфликт, который не является вооруженным конфликтом между двумя или более государствами, даже если в конфликте принимают участие иностранные военные советники, неофициальные военные вооруженные группы или наемники. Такие конфликты происходят на территории государства между расколовшимися частями вооруженных сил этого государства, или другими организованными вооруженными группами, которые под ответственным командованием осуществляют контроль над частью его территории, что позволяет им проводить длительные и согласованные военные операции. Эта категория включает гражданскую войну, партизанскую войну, восстание (конфликт низкой и средней интенсивности)⁴¹. Там же, непосредственно гражданской войной признается форма вооруженной борьбы между организованными группами, сражающимися за государственную власть, где одной стороной обычно являются силы, охраняющие существующий режим, а другой — партизанское движение, поддерживаемое частью населения и/или иностранным государством⁴².

Под вооруженным конфликтом в РФ официально понимается вооруженный инцидент, вооруженная акция и другие вооруженные столкновения ограниченного масштаба, кото-

⁴¹ Словарь по правам человека. Под ред. А. Д. Джонгмана и А. П. Шмида. — М., 1996. — С. 5.

⁴² Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

рые могут стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы. На наш взгляд, используемая формулировка не дает возможности разграничения вооруженного конфликта даже от обстановки внутренней напряженности (Внутренняя напряженность — превентивное применение государством силы в целях сохранения мира и законности.). Так, не требуется от представителей сторон конфликта не то что организованности под ответственным командованием, но даже обязательной их отличимости от гражданского населения. Как отмечают представители зарубежной конфликтологии, в период обстановки напряженности конфликты обычно являются асимметричной партизанской войной, которую ведут группы лиц из гражданского населения в результате ограниченных военных возможностей повстанцев, недостатка оружия и отсутствия необходимого контроля над территорией⁴³.

Под внутренними беспорядками принято понимать ситуации, не имеющие признаков внутреннего вооруженного конфликта как такового, но характеризующиеся наличием в стране конфронтации, которой присущи определенная напряженность или продолжительность, в которой имеются акты насилия. Последние могут приобретать самые различные формы, начиная от стихийно вспыхивающих актов мятежа до борьбы между более или менее организованными группами и правительственными властями. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, для восстановления внутреннего порядка правительственные власти мобилизуют усиленные контингенты полиции или даже вооруженных сил.

Обычно лица, входящие в состав антиправительственных вооруженных сил, сражаются с правительственными войсками с целью захвата власти в стране; либо за достижение большей автономии в пределах государства; либо за отделение части

⁴³ Там же.

территории и создание собственного государства. Исключением является ситуация, когда народ восстает против колониального господства, осуществляя свое право на суверенитет. Отметим, что с принятием Протокола I к Женевским Конвенциям 1949 г. национально-освободительные войны стали считаться международным вооруженным конфликтом (п. 4 ст. 1 Протокола), хотя до сих пор некоторые авторы, в частности Л. Диспо — французский исследователь терроризма, в своей книге «Машина террора» как разновидность терроризма предлагает считать национально-освободительные движения.

Неоднозначность подходов к оценке того или иного вооруженного противостояния в пределах одного государства полностью отразилась и в политике РФ относительно квалификации ситуации в Чечне с начала 1990-х годов. Несмотря на неоднократные призывы различных политиков дать правовую оценку событиям в Чечне за прошедшее с 1990 года время официальная точка зрения по данному вопросу так и не была сформулирована, если не считать лапидарных фраз, разбросанных в различных постановлениях, указах, иных актах законодательной, исполнительной и судебной властей.

Так, в постановлении Государственной Думы РФ от 12 марта 1997 года дается следующее определение вооруженному конфликту в Чеченской Республике: «Под вооруженным конфликтом, указанном в пункте 1 Постановления об объявлении амнистии, следует понимать противоборство между:

- вооруженными объединениями, отрядами, дружинами, другими вооруженными формированиями, созданными и действовавшими в нарушение законодательства РФ (далее — незаконные вооруженные формирования), и органами внутренних дел, подразделениями внутренних войск Министерства внутренних дел РФ, Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований РФ;
- незаконными вооруженными формированиями, созданными для достижения определенных политических целей;

— лицами, не входившими в незаконные вооруженные формирования, но участвовавшими в противоборстве»⁴⁴.

Чуть позже тот же орган государственной власти определяет ситуацию несколько иначе: «РФ ведет антитеррористическую операцию, освобождая территорию Чеченской Республики от незаконных вооруженных формирований». Отметим, что в Конституции РФ нет термина «антитеррористическая операция».

Анализируя ситуацию в Чечне, В. Устинов считает, что на начальной стадии между РФ и этой республикой имел место внутригосударственный политический конфликт, нелегитимный по средствам и методам его реализации, переросший в стадии ответа федеральных властей в вооруженный конфликт немеждународного характера⁴⁵.

Пытаясь обосновать предпринятые меры, их авторы настаивают на том, что на территории Чечни к моменту ввода на ее территорию федеральных войск уже был локальный вооруженный конфликт, расцениваемый по международному праву как вооруженный конфликт немеждународного характера, усугубившийся разгулом беззакония. И делают следующий вывод: в такой ситуации, согласно нормам международного права, Россия имела полное право реализовать свой суверенитет и исполнить «обязанность всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства». Напомним, что в ситуации вооруженного конфликта, согласно Военной доктрине РФ, предполагается обязательное объявление чрезвычайного положения, чего не было сделано. Так или иначе, как бы не квалифицировалась ситуация в Чечне с начала 1990-х годов, по своим характеристикам она подпадает

⁴⁴ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

⁴⁵ Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. — М., 2003. — С. 310.

под определение вооруженный конфликт по смыслу Военной доктрины РФ от 2000 года⁴⁶.

Политико-правовой анализ чеченского конфликта позволяет определить его как внутренний конфликт, понимая под этим враждебное взаимодействие между государством и противостоящей ему оппозиционной группой или организацией, нацеленной на изменение, в том числе — и насильственными средствами, политической общности, политического режима или политических властей государства. С этих позиций чеченский конфликт по намерениям оппозиции с самого начала являлся политическим легитимным конфликтом, направленным на изменение политической системы России — политической общности российского государства. По характеру применяемых средств подобного рода оппозиционные федеральным властям насильственные действия, в международной практике, оцениваются как «мятеж» или «восстание».

Основываясь на приведенных определениях, а также на анализе протекания множества социальных конфликтов внутри государства определим, что в общем случае под внутренним вооруженным конфликтом следует понимать любое столкновение, противоборство, форму разрешения противоречий между конфликтующими сторонами в пределах территории одного государства с применением военной силы для достижения определенных политических целей.

С одной стороны, внутренний вооруженный конфликт (ВВК) — это кризисная форма чрезвычайной ситуации социально-политического характера, основаниями возникновения которого могут являться как конфликты различного вида (экономические, политические, межнациональные, региональные и т. д.), так и чрезвычайные обстоятельства криминального характера. С другой стороны ВВК есть форма разрешения проти-

⁴⁶ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

воречий между социальными образованиями с применением силовых методов⁴⁷.

Международное гуманитарное право различает ВВК, которые охватываются положениями статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и ВВК, которые имеют узкую формулировку и регулируются Дополнительным протоколом № II 1977 года. Изначально, в статье 3, регулирующей общественные отношения, возникающие во время вооруженного конфликта немеждународного характера, не было дано его определения как такового. Фактически минимум гарантий жертвам внутреннего вооруженного противостояния предоставлялся, а каких-либо конкретных критериев отнесения конфликта к категории внутреннего вооруженного не было.

Первое официальное понятие вооруженного конфликта немеждународного характера было дано в 1977 году в Дополнительном протоколе № II к Женевским конвенциям 1949 г. Здесь необходимо заметить, что в процессе разработки определения сложилось три направления. Первая группа экспертов представила такой вариант: немеждународный конфликт имеет место только, если государство само признает его на своей территории. Представители другой группы предлагали закрепить возможность свободной оценки ситуации отсутствием определения. Третьи же настаивали на том, чтобы сопроводить определение, данное в ст. 1 Дополнительного протокола, положениями, подчеркивающими условия, при которых данный вооруженный конфликт следует считать немеждународным вооруженным конфликтом, а именно: организованность сторон; интенсивность и длительность конфликта; наличие столкновения сторон.

Уязвимость первой позиции заключалась в том, что как тогда, так и до сих пор государства с большим нежеланием идут на признание наличия на своей территории вооруженного кон-

⁴⁷ Там же.

фликта. А значит, оставив на их усмотрение вопрос об оценке ситуации, можно было с большой долей уверенности утверждать, что благие цели Дополнительного протокола II не были бы достигнуты. То же самое можно сказать и о втором проекте. Отсутствие каких-либо критериев, которые позволили бы квалифицировать противоборство как внутренний вооруженный конфликт, оставило бы место для злоупотреблений в его толковании. Позиция третьей группы оказалась более близка авторам Протокола.

В окончательном варианте, представленном на подписании Протокола, содержалась следующая формулировка: под вооруженным конфликтом немеждународного характера понимаются «вооруженные конфликты на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными (термин «правительство» употребляется в данном контексте не в узком смысле, обозначая высший орган исполнительной власти, а систему государственных органов, прежде всего законодательных и исполнительных, и соответствующих должностных лиц) силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол». Отметим, что к таковым, по смыслу Протокола, не относятся случаи нарушения внутреннего порядка и возникновения ситуации внутренней напряженности: беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные действия аналогичного характера. Применение такой формулировки все-таки оставило государствам возможность расширительного толкования, а значит, и различной квалификации вооруженного противостояния, имеющего место на их территориях.

Фактически, для того, чтобы вооруженное противостояние можно было отнести к вооруженному конфликту немежду-

народного характера, оно должно удовлетворять некоторым критериям. Так, необходимо:

- чтобы противостояние развивалось интенсивно и с применением оружия с обеих сторон;
- использование армии со стороны правительства ввиду невозможности управления ситуацией лишь силами полиции (милиции);
- организованность вооруженных сил повстанцев и обязательное наличие командования, ответственного за их действия⁴⁸.

Несмотря на то, что в Дополнительном протоколе II был дан ответ на вопрос, что же есть вооруженный конфликт немеждународного характера, это не всегда облегчало процесс отождествления вооруженных столкновений, в том числе носящих интенсивный характер, с таким конфликтом. Даже в теории международного права не существовало однозначной позиции по этому поводу. По мнению И.Блищенко, внутренним вооруженным конфликтом можно считать только гражданскую войну. Некоторые юристы-международники считают, что термин «война» нельзя связывать с внутренними конфликтами в стране, а более применимо понятие «вооруженного конфликта, не носящего международного характера как внутренней ситуации коллективного использования силы». Д.Шиндлер вообще отказывается от обобщающих формулировок и просто классифицирует вооруженные конфликты немеждународного характера, к которым, по его мнению, относятся:

- гражданская война, в классическом смысле международного права, как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в котором за вновь созданным правительством третьей государства могут признать статус воюющей страны;

⁴⁸ Герасимов А.В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

- немеждународный вооруженный конфликт по смыслу ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г.;
- немеждународный вооруженный конфликт по смыслу Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 г.

Что касается различия между настоящими вооруженными конфликтами, с одной стороны, и обычными актами бандитизма или неорганизованных кратковременных мятежей, с другой, то Международный уголовный трибунал по Руанде сослался в одном из своих решений на следующие критерии:

- сторона в конфликте, восставшая против Правительства *de jure*, обладает организованными вооруженными силами, органом власти, несущим ответственность за их действия, действующим на определенной территории и имеющим возможности соблюдать и обеспечивать соблюдение Конвенции;
- законное правительство вынуждено прибегнуть к использованию регулярных вооруженных сил против повстанцев, организованных в военные структуры, контролирующие часть территории государства;
- законное правительство признало повстанцев в качестве воюющей стороны, или
- оно провозгласило, что обладает правами воюющей стороны, или
- оно признало повстанцев в качестве воюющей стороны исключительно для целей настоящей Конвенции, или
- конфликт был поставлен на повестку дня СБ или ГА ООН как представляющий угрозу международному миру, нарушение мира или акт агрессии» (Настоящее исследование представлено Международным Комитетом Красного Креста⁴⁹ в качестве справочного документа для оказания

⁴⁹ См.: Международный Комитет Красного Креста. Рабочие документы. М. 1999. С. 19.

помощи Подготовительной комиссии в ее работе по установлению элементов преступлений для Международного уголовного суда)⁵⁰.

24.6. Внутренние вооруженные конфликты и перспективы их эволюции в XXI веке

При прогнозировании сценариев внутригосударственных конфликтов, крайне важно понимать, в каких случаях такой конфликт перерастает в вооруженный конфликт или войну, как это происходит и кто управляет этим процессом. С точки зрения перспективы внутренних конфликтов эти сценарии могут развиваться по двум вариантам: либо власть удастся сохранить в интересах стабильности, либо власть будет меняться в интересах развития. И в первом, и во втором случае, с точки зрения внутренних конфликтов, вооруженное насилие не исключается.

Для целей нашей работы это имеет значение лишь в том случае, когда смена власти или смена курса ведут к вооруженной борьбе, что является крайней формой социально-политического конфликта и вытекает как из противоречивых обстоятельств, так и не умения договариваться, присущего правящим элитам. Опять же, в любом случае (или каком-то ином) социально-политический конфликт неизбежен, хотя далеко не всегда он приобретает такие острые формы как вооруженная борьба.

Коварство новой войны заключается в том, что она не воспринимается в массовом сознании как война, а иногда даже как стремление и борьба против войны. Перенос войны в сетевую информационную область полностью искажает объективную реальность, делает вымысел правдой и наоборот. Демонстрации против войны в Москве и Киеве либералов и националистов

⁵⁰ Герасимов А.В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

отнодь не случайно оказались частью этой войны. Это — закономерное явление сетевой войны.

Совсем не случайно оказалось и то, что США за последние 6 лет подвергли бомбардировке 7 стран в «интересах сохранения мира». Причем интенсивность и продолжительность таких бомбардировок постоянно возрастали. Так, США использовали БЛА против Пакистана 390 раз с 2004 года. При этом погибло 4 тыс. человек, из которых половина — гражданские жители. И все это совершалось, когда США не только не воевали с Пакистаном, но были фактически его союзником. Таким образом, современный военный конфликт и война приобрели абсолютно нетрадиционные формы, все более превращаясь в виртуальную реальность, конструируемую в сети.

Современный военный конфликт (по причинам возникновения, пространственно-временным параметрам, движущим силам, социальной базе, формам борьбы, логике развития) уникален, что затрудняет его классификацию и систематизацию, а значит и выработку методов разрешения противоречий. Вместе с тем некоторые эксперты полагают, что анализ внутренних вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве позволяет их классифицировать по нескольким основаниям.

В основе первого основания лежит потенциал конфликтности, включающий в себя причины возникновения конфликтов. В пределах России, считает А. Герасимов, — внутренние вооруженные конфликты можно сгруппировать в три типа⁵¹.

Первый — конфликты, основанные на территориальных притязаниях. Они касаются соседствующих этнических групп. Как правило, такие конфликты связаны с последствиями политики 30-х и 40-х годов, нарушившей территориальное расселение народов. Пример конфликта такого типа — осетино-ингушский.

⁵¹ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

Второй тип — конфликты, вызванные требованиями выхода из России и полной государственной самостоятельности. Наиболее ярким примером является Чечня.

Третий — статусные конфликты, в основе которых лежит желание расширить административно-управленческие полномочия в соответствующем регионе. Примером такого конфликта может служить попытка провозглашения Уральской республики⁵².

На самом деле причин для острого социально-политического конфликта значительно больше. И за ними могут стоять самые разные интересы. В том числе и не только объективные, но и искусственно сформированные, и групповые, и личные. Соответственно имеющимся у этих сил ресурсам и возможностям могут быть использованы и средства для разрешения конфликта, в т. ч. военные.

Поэтому видимо, нельзя согласиться с таким подходом. Требуется традиционное отношение к анализу интересов (потребностей), а не причин (которые, как правило, придумываются в информационную эпоху), а также стратегиям достижения поставленных целей и позиции правящих элит. Иными словами, для того, чтобы анализировать возможные внутренние военные конфликты, а тем более их прогнозировать, требуется ответить на вполне конкретные и объективно значимые вопросы:

- каковы интересы тех или иных социальных слоев, групп в обществе, способные привести к социально-политическому конфликту и постановке подобных целей?
- каковы сами эти социальные слои и насколько они способны адекватно воспринимать интересы (потребности) своих групп?
- наконец, каковы ресурсы (материальные и нематериальные), имеющиеся в их распоряжении, для реализации подобных целей?

⁵² Там же.

При этом важно также понимать, что есть и очень важная внешняя группа факторов, что в подобном анализе важное значение имеет сила внешнего влияния, способность и готовность тратить внешние ресурсы для достижения поставленных целей. Так, если говорить о ситуации на Украине, то ответы могут быть следующие:

- на Украине существовала значительная часть элиты, которая расценивала себя материально и духовно обделенной во время существования СССР и готова была перераспределить собственность и власть в интересах своей, достаточно узкой части элиты;
- эти национальные слои элиты и общества, представляющие преимущественно западные и центральные регионы, были заинтересованы в «капитализации» всей власти и собственности Украины в своих руках, не считаясь ни с рисками, ни с другими издержками;
- эти слои обладали достаточно значимыми ресурсами не только для захвата, но и для удержания власти и использования ее в узкокорыстных целях;
- наконец, интересы этих слоев объективно совпадали с интересами США и стран ЕС с точки зрения геополитического ослабления России настолько, что те и другие готовы были идти на самые решительные шаги для их продвижения.

Из такого беглого анализа интересов неизбежно следует, что стратегия обеспечения этих интересов и достижения поставленных целей будет очень жесткой. Как со стороны правящей элиты Украины, так и со стороны Запада.

Можно критически взглянуть и на другие послышки А. Герасимова, в частности, когда речь идет о пространственном охвате военных конфликтов. Так, например, он пишет: «По пространственным параметрам внутренние вооруженные конфликты можно разделить по масштабу их протекания: охватывающие территории одного или нескольких административных районов,

областей; происходящие в пределах одной республики; охватывающие территории двух и более республик»⁵³.

В действительности, однако ситуация выглядит намного сложнее, а именно: внутренний вооруженный конфликт в XXI веке охватил пространственно-информационно фактически всю Землю, стал глобальным. Так, конфликты в Ливии, Сирии, Ираке, на Украине, а до этого в Ираке и Афганистане, с самого начала оказались глобальными. В них были втянуты десятки государств, так или иначе, все мировое сообщество.

По продолжительности внутренние вооруженные конфликты предлагается подразделять на две группы: 1) скоротечные и 2) затяжные. Такие конфликты могут длиться от нескольких дней до нескольких месяцев (лет).

По активности действий противостоящих сторон внутренние вооруженные конфликты могут делиться на три группы: 1) высокой интенсивности, 2) средней интенсивности и 3) низкой интенсивности.

Возникновение внутренних вооруженных конфликтов в современных условиях сопровождается рядом негативных явлений. Во-первых, любой кризис ведет к ослаблению государства. Последствия внутреннего вооруженного конфликта задевают все сферы деятельности государства и несут в себе огромные экономические убытки и человеческие жертвы. По самым приблизительным подсчетам с 1988 по 1996 г. жертвами конфликтов, на территории бывшего СССР, стали более 100 тыс. чел, а экономический ущерб составил 15 млрд долларов США. По оценкам экспертов только восстановление экономики Чечни обойдется государственному бюджету ориентировочно в 7 трлн рублей.

Народ по-разному проявляет свое недовольство правительством, которое его не устраивает. Так, против ослабленного российского государства Чечня проголосовала с оружием в руках.

⁵³ Герасимов А.В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

Аналогичная ситуация складывалась в свое время в колониальном Алжире, где погибали до сотни человек в год. Тем не менее, Франции удалось избежать массового кровопролития и не развязывать войну. Прямо противоположная ситуация создавалась во Вьетнаме. Американское вмешательство лишь затянуло национальное вооруженное столкновение на 15 лет. Но его завершение оказалось точно таким, как и без вмешательства полумиллионного контингента Пентагона.

Другой негативный момент, сопровождающий возникновение внутренних вооруженных конфликтов, — появление у определенной части общества уверенности в том, что схватку с центральной властью можно выиграть. Так происходит в случае с Чечней. На этой основе возникают ложные идеологические стереотипы, например, отличное от государственного (общепринятого) понимание истории среди сепаратистов и поддерживающих их слоев населения. Причем, многие исторические факты истолковываются совершенно превратно. Таким образом, для вооруженной борьбы против центральной власти создается идеологическая база.

В-третьих, конфликты обязательно сопровождаются или провоцируются недовольством населения существующими экономическими условиями. Случай с Чечней также показателен в этом отношении: на Северном Кавказе уровень доходов в 2,5 раза ниже, чем по России в целом.

В-четвертых, у всех сторон, втянутых в конфликт, имеется достаточное количество оружия. Когда перекрывается поток его поступления, конфликт глохнет сам по себе. Так, например, Эритрея получила независимость только потому, что у Эфиопии кончилось оружие⁵⁴.

Причины возникновения и тенденции распространения современных внутренних вооруженных конфликтов. Несмотря

⁵⁴ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

на то, что сам термин «внутренний вооруженный конфликт» в теоретической области знаний появился недавно, история конфликтов, возникших на социальной, политической, этнической, религиозной почве, имеет глубокие корни. Ежегодное число вооруженных конфликтов в мире резко возросло в начале 1990-х гг. — с 56 в 1990 г. (47 в 1989) до 68 в 1992 г., из которых абсолютное большинство были внутренними. В эти годы появившийся было в связи с окончанием холодной войны оптимизм, снова уступил место тревоге в ответ на явно увеличившуюся волну новых конфликтов. Правда, с тех пор число вооруженных конфликтов стабилизировалось и даже пошло на убыль.

Обычно к началу вооруженного конфликта приводит сложная цепь событий, и исследователю приходится очень тщательно отбирать факты и свидетельства, которым он мог бы доверять. Попытка разработать теорию возникновения вооруженных конфликтов как явления включает в себя анализ множества взаимодействующих переменных — даже если речь идет об ограниченном историческом периоде, например, послевоенном (после 1945 г.) времени или даже периоде после окончания холодной войны. Задача сложна, так как есть очень мало необходимых условий для войны и очень много достаточных, и совсем малая часть тех и других сочетается в каждом отдельном конфликте. Война возможна, если есть оружие для ее ведения и если есть противостояние одной или нескольких сторон⁵⁵.

И все же условия, делающие вооруженный конфликт внутри государства вероятным гораздо более разнообразны. Принятие решения прибегнуть к оружию — это сложный процесс, связанный с широким кругом условий и обстоятельств. В современных трудах по внутренним конфликтам, издаваемых за рубежом, особое внимание уделяется этническим, политическим и социально-экономическим факторам. Так, история свидетельствует, что возникновение части военных конфликтов

⁵⁵ Там же.

внутри страны могло быть следствием стремления определенных политических кругов (сил) к изменению общественно-политического строя, смены правящей верхушки и т. д.⁵⁶

Ряд западных ученых считают основной причиной конфликтов разрыв между ожидаемым и реальным доступом какой-либо социальной группы к благосостоянию и власти. Речь здесь идет о двух источниках социальных конфликтов, достаточно распространенных во всех человеческих сообществах. Это богатство и власть, т. е. те ценности и интересы, которые имеют значение во всяком обществе и придают смысл действиям конкретных лиц, участвующих в конфликтах. В разных исторических контекстах приоритетность соответствующих ценностей может модифицироваться, но содержательная сторона дела от этого изменяется не очень существенно.

На первое место для нынешней российской ситуации следовало бы поставить такую ценность, как «богатство». Обращение к идее социальной дифференциации позволяет каждому открыто стремиться к тому, чтобы избавиться от «бедности» и «стать богатым». В массовом сознании и в практических жизненных отношениях богатство — это не просто некоторая сумма денежных средств или имущества, а возможность расширения пределов своей деятельности и влияния.

Вторым не менее важным источником конфликтов является борьба за власть. Она не менее притягательна, нежели богатство как таковое, хотя бы потому, что булат и золото постоянно ведут между собою спор. Эмпирическим выражением властных позиций являются государственные и негосударственные должности и позиции, позволяющие контролировать распределение ресурсов на основе права распоряжения, определять доступ к потокам значимой информации, участвовать в принятии решений. Поле власти создает специфическую среду

⁵⁶ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

общения, вхождение в которую — один из важнейших мотивов политической деятельности. Здесь также формируется чувство исключительности, приобщенности к чему-то более важному и значимому, чем повседневные интересы.

Власть самым тесным образом связана с насилием. Слишком часто она являлась результатом военной победы, узурпации, государственного переворота или какого-либо другого незаконного деяния. Приходится признать и то, что все важнейшие атрибуты современной демократии и правового государства, такие как национально-государственный суверенитет, верховенство права и закона, разделение властей, прошли испытание насилием, являлись объектами острых политических конфликтов⁵⁷.

Конфликты в политическом пространстве обладают столь же большой силой вовлечения, как и конфликты, связанные с богатством, но они, как правило, обрамляются более высокопарной фразеологией, связанной с декларациями относительно общих — национальных, государственных — интересов и интересов прогресса в целом. Конфликты в социально-политической сфере — это конфликты по поводу перераспределения власти, политического доминирования, политического влияния, политического авторитета.

24.7. Будущее внутренних военных конфликтов

Будущее внутренних военных конфликтов можно прогнозировать в рамках существующей парадигмы развития человеческой цивилизации, международной, военно-политической и стратегической обстановки (ЧЦ, МО, ВПО и СО), а также попытаться представить эти конфликты в новой парадигме,

⁵⁷ Там же.

которая вне всякого сомнения сложится к 2050 году. Таким образом, изначально прогноз возможных внутренних военных конфликтов представляет собой по сути дела две «ветки» стратегического прогноза основанных на нынешней парадигме, но либо сохраняющей ее основные черты в будущем, либо формирующей новую парадигму. Эту логику развития внутренних военных конфликтов можно представить следующим образом.

Рис. 24.10

Как видно из рисунка (рис. 24.10), стратегический прогноз внутренних конфликтов, во-первых, вытекает из логики развития сценариев ЧЦ, МО, ВПО и СО, а во-вторых, эти конфликты являются их неотъемлемой частью. В этом смысле стратегический прогноз внутренних конфликтов является частью более общего стратегического прогноза и отражает его специфические особенности в ВПО и СО. С этой точки зрения правы те исследователи, которые считают, что возможное будущее военных

конфликтов надо искать в настоящем и прошлом отдельных стран и истории развития МО и ВПО. Во многом потому, что сегодняшние и будущие внутренние конфликты, как правило, либо еще не разрешены, либо уже достаточно известны, либо их можно обнаружить при определенных знаниях, опыте и желани.

По-мнению А. Герасимова, например, «... если взять мир в целом, все старые внутренние конфликты все еще не разрешены. В 1999 г. из всех вооруженных конфликтов 66% длились уже более пяти лет, а 30% — более двадцати лет. Такие затяжные конфликты оказались очень трудно прекратить. Поэтому нельзя сказать, что мир находится на пороге новой, более мирной эпохи»⁵⁸.

Более того, судя по анализу современной ситуации, современные тенденции развития ЧЦ, МО и ВПО ведут к обострению отношений между локальными цивилизациями и, как следствие, к обострению ВПО, формированию новой СО. Вытекающие из этого процесса новые конфликты, в дополнение к уже существовавшим, резко осложняют СО в мире. Если говорить о существующей парадигме СО, В.Молтенской и Ю.Марценюк считают, — продолжает А. Герасимов, — что существующие чисто военные и территориальные противоречия при определенных условиях могут перерасти в вооруженные конфликты различного масштаба и интенсивности по всему периметру границ и внутри России, вызванные следующими причинами»⁵⁹. К этим причинам он и другие авторы относят следующие:

Первое — несовпадение этнических и административных границ целого ряда государств мира. Если говорить об СНГ, например, то речь идет о России, Украине, Грузии, Азербайджане, Казахстане. Но, эта же проблема имеет место и внут-

⁵⁸ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

⁵⁹ Там же.

ри Российской Федерации между ее отдельными субъектами. Недооценивать эту опасность нельзя. Как и то, что она может быть искусственно использована из-за рубежа для гражданской войны.

Существуют и этнические, и конфессиональные противоречия, которые особенно остро просматриваются в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии. Они могут породить вооруженные конфликты, вызвать нестабильность и создать явную угрозу безопасности России. Эти же конфессиональные противоречия сочетаются с конфессиональными и религиозными противоречиями за рубежом. Так, например, представление об изменениях в расселении мусульман на планете дает следующая карта. Из нее видно, что рассуждения о компактности «ареала мусульманского» населения имеют больше оснований, чем о разрозненности расселения этой локальной цивилизации. Как видно из этой карты (рис. 24.11), этнические и конфессиональные связи мусульман за рубежом и в России — потенциальная военная угроза⁶⁰.

Рис. 24.11

⁶⁰ <http://mapinmap.ru/wp-content/uploads/2014/06/image34.jpg>

Второе — стремление националистических властных структур некоторых автономий к полному суверенитету с самостоятельным выходом на зарубежные страны и созданием своих национальных формирований (Чечня, Ингушетия, Осетия). Надо понимать, что потенциально такие очаги национализма и нестабильности, которые могут привести к внутренним военным конфликтам, существуют во многих регионах России.

Учитывая новые политические технологии, технические возможности и интересы некоторых государств, можно говорить о том, что в XXI веке потенциально возможно инспирировать политические и военные конфликты практически в любых регионах. Пример того, как за 20–25 лет удалось воспитать русофобские слои в массовом порядке на Украине, — очень показателен. Теоретически, то же самое можно сделать на Алтае, в Карелии, Поволжье, не говоря уже о Северном Кавказе. Примечательно, что схожие проблемы существуют и в США (рис. 24.12)⁶¹.

Третье — обострение социально-политических и экономических проблем не только в мире, но и внутри субъектов Федерации. По сути дела можно говорить о нарастании социальной напряженности и несправедливости в мире, неравномерности потребления, а в XXI веке — распределения природных ресурсов. Эти противоречия можно культивировать извне для провоцирования конфликтов. «Непонимание проводимой федеральными властями политики порождает появление центростремительных конфедеративных сил, ратующих за обособление отдельных групп субъектов и образование „новых“ государственных образований в составе России⁶²», — считает А. Герасимов.

⁶¹ Откуда переселялись в США в 1910 году и кто иммигрирует в США сейчас? / <http://mapinmap.ru/archives/2100>

⁶² Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

Потенциальные источники внутренних угроз в США

Where Each State's Largest Immigrant Population Was Born

Top nation of origin by state

Рис. 24.12

Подытоживая, можно сказать, что в рамках существующей парадигмы развития МО и ВПО традиционные причины внутренних конфликтов обостряются из-за заинтересованности внешних сил вмешиваться и даже стимулировать, искусственно создавать почву для внутренних военных конфликтов. Можно предположить, что в XXI веке внешний фактор будет усиливать свое влияние на традиционные внутренние конфликты. Это неизбежно приведет к появлению новых средств влияния на формирование традиционных внутренних конфликтов.

«Все европейские вооруженные конфликты, начавшиеся в конце 80-х — начале 90-х гг. и сейчас утихшие, на самом деле не закончились, а лишь приостановились, — отмечают российские исследователи. — Разницу между „завершиться“ и „приостановиться“ надо очень хорошо осознавать. Международный политический ландшафт портят войны, возобновляющиеся не только после объявления перемирия, но и после подписания мирного соглашения. За последние пятнадцать лет мы можем назвать множество войн, возобновившихся после прекращения огня или даже после подписания мирных соглашений: в Анголе, Бурунди, Камбодже, Чечне, Хорватии, Демократической республике Конго, Эритрее и Эфиопии, Косове, Либерии, Филиппинах, Руанде, Сьерра-Леоне, Шри Ланке. И во многих случаях эти войны становятся более ожесточенными и разрушительными, и почти всегда стоят очень дорого гражданскому населению»⁶³.

Можно сделать вывод, что «сохранение», даже искусственная «консервация» внутренних военных конфликтов достаточно характерная черта современной СО, которая не только сохранится, но и, вероятно, будет развиваться в будущем. Прежде всего, из-за заинтересованности за рубежом. Инспирирование внутренних конфликтов, а иногда их «конструирование» —

⁶³ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

очень выгодная (не только с экономической точки зрения) политика. В некоторых случаях это единственная возможность изменить политический курс страны. Между тем, воздействие на внутреннюю политику становится в XXI веке главным направлением силовой политики одного государства по отношению к другому. Прежде всего, из-за относительной безопасности для агрессора, когда доказать его прямое участие трудно. Это — «облачный» противник, политические и финансовые истоки которого, как правило, неизвестны.

Следует также учитывать, что внутренний вооруженный конфликт, какими бы ни были его движущие силы и цели, не может быть разрешен принятием мер исключительно военного характера. В отличие от глобальных войн во внутренних вооруженных конфликтах нет, и не может быть военных побед. Любое завоевание на деле будет являться нестабильным успехом. Победной точкой, означающей завершение вооруженного противостояния, может быть только национальное и политическое согласие, основанное на компромиссах и взаимных уступках.

На стадии стабилизации социально-политической обстановки, после завершения непосредственно военных действий, необходимо проведение не только комплекса правоохранительных, но и специальных мер обеспечения правопорядка и безопасности. Когда основным содержанием вооруженного противостояния становится борьба с иррегулярными (в том числе партизанскими) формированиями, основная нагрузка ложится на соединения и части специального назначения. Мировой опыт применения «сил специальных операций» существует и активно используется⁶⁴.

Подводя общий итог, отражающий существующую парадигму, констатируем, что внутренний вооруженный конфликт —

⁶⁴ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>

это исключительная по предпринимаемым для его разрешения мера и высшая по уровню социальной напряженности форма внутригосударственного конфликта. Как и любому социальному явлению, ему свойственны определенные и характерные черты. Внутренний вооруженный конфликт является одной из форм силового разрешения социально-политических противоречий.

24.8. Возможный характер внутренних войн и вооруженных конфликтов в долгосрочной перспективе после 2050-х годов XXI века

Долгосрочное прогнозирование характера будущих внутренних войн и военных конфликтов крайне затруднено (если вообще возможно) не только в силу ярко выраженных субъективных особенностей войн и конфликтов — их конкретного социально-политического и внутривнутриполитического характера, последствий развития технологий, и т. д. — но и из-за трудности долгосрочного прогнозирования военно-политической и стратегической обстановки в мире и тенденций мирового развития. Действительно, если трудно прогнозировать в долгосрочной перспективе развитие различных сценариев человеческой цивилизации (ЧЦ), производных от них сценариев развития международной обстановки (МО) и ее составных частей и производных — военно-политической обстановки (ВПО), то насколько этот мультипликационный эффект (который является производным от сотни тысяч переменных величин и тенденций) будет предсказуем, сказать крайне трудно.

В то же время существует острая практическая потребность «заглянуть за горизонт» долгосрочного планирования,

попытаться определить самые общие тенденции развития СО и характера будущих внутренних войн во второй половине XXI века. При этом очень трудно отказаться от инерции мышления и своих профессиональных заблуждений. Особенно в военной области, где авторитет звания и должности, утвержденных нормативных актов требует их безусловность соблюдения. Как справедливо заметили российские футурологи, «у всех людей существуют свои профессиональные заблуждения относительно Будущего. Невозможно объяснить нормальному грамотному офицеру в 1910 году, что „перед лицом пулеметных гнезд кавалерия может только варить рис для пехоты“, а в 2010 году — что не только авианосцы, но и межконтинентальные баллистические ракеты стали теперь атрибутом стран третьего мира и практически полностью утратили военное значение. Ни один вменяемый финансист не станет обсуждать с вами ни „безденежную“, ни „бездорожную“ модели экономики. Бесполезно говорить с ними также о „замкнутых циклах“ или о том, что к современной экономике концепция рынка неприменима. Зато к абсолютно вздорной и бессмысленной идее „мира, в котором государства утратили свою роль, а их место заняли транснациональные корпорации“ они отнесутся вполне благожелательно. Вообще, разнообразные профессионалы свято уверены, что мир изменяют (к лучшему) именно они, хотя история отнюдь не подтверждает этот вывод. Отдельной категорией профессионалов являются политические и финансовые элиты, так называемые „лица, принимающие решения“, которые свято уверены, что знают Будущее и, более того, сами делают его...»⁶⁵.

Между тем представляется, что выделить некоторые тенденции, от развития которых будет зависеть будущий характер внутренних военных конфликтов, в долгосрочной перспективе все-таки возможно. К этим тенденциям относятся следующие:

⁶⁵ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). М.: АСТ, 2011. С. 9.

- Анализ и прогноз вероятных сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО, которые будут формировать внешнюю среду для вероятных внутренних острых противоречий, войн и конфликтов. Так, развитие негативных сценариев ЧЦ, МО и ВПО неизбежно будет негативно влиять на ситуацию в стране и провоцировать внутренние конфликты, вовлекая те или иные социальные группы в вооруженную борьбу, в том числе и на стороне внешних акторов МО и ВПО.

При этом вероятность внутренних войн и конфликтов во второй половине XXI века во многом будет предопределяться теми допустимыми границами применения военной силы, которые сложатся между государствами к тому времени. Вероятность внутренних войн, например, может зависеть от качества ВКО государства, которое сможет обеспечить защиту страны, как во внутривнутриполитическом конфликте, так и от террористических угроз. Если для начала XXI века это стало правилом в межгосударственных отношениях, то во второй половине XXI века это может стать нормой для отношений внутри страны. Так, в ходе военного конфликта на Украине большое значение имела возможность ополченцев уничтожать низколетящие цели — вертолеты и штурмовую авиацию федеральных сил Украины. У Киева не было ВТО в этом конфликте — ни КР, ни достаточного количества ракет и авиабомб. В тех случаях, когда в начале конфликта, Украина использовала авиацию, ее превосходство над ополченцами было подавляющим.

- Основным стратегическим направлением противоборства локальных цивилизаций в обозримой перспективе будет оставаться противоборство западной и российской локальных цивилизаций и их военно-политических коалиций, которые в настоящее время в наибольшей степени влияют на формирование СО в мире и в Евразии. Ожидается, что в краткосрочной перспективе эта

конфронтация будет продолжаться и, возможно, даже усиливаться в 2015–2016 годах, прежде всего за счет переоценки военной составляющей политики Запада в отношении России. В частности, интеграция Украины, Грузии и Молдавии с НАТО, с некоторыми различиями по скорости и глубине, ведется по следующим системным направлениям⁶⁶:

- проникновение НАТО в организацию боевой и командно-штабной подготовки национальных вооруженных сил;
- привлечение трех стран к учениям НАТО — либо на территории этих стран, либо на территории стран-членов НАТО;
- выявление перспективных офицеров, «ведение» их на всех уровнях, организация их обучения на базе ведущих военных вузов стран блока;
- финансирование, строительство и ремонт инфраструктуры, пригодной для использования в интересах блока;
- навязывание стандартов НАТО в вооружении и военной технике, тактике и оперативных действиях, доктринальном мышлении под прикрытием процесса достижения «оперативной совместимости»;
- «обкатка» частей и подразделений национальных армий в зарубежных военных операциях НАТО (Ирак, Афганистан), а также в рамках миротворческих операций ООН.

«Переосмысление» политики НАТО в отношении России необходимо рассматривать в более широком контексте — в частности, в рамках новой стратегии Соединенных Штатов в отношении России. Разработка этой стратегии началась, по всей видимости, в 2012 году после избрания В. Путина на пост

⁶⁶ Украина, Грузия, Молдавия: путь в НАТО через Европейский союз. К саммиту НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 года. М. 2014. 1 сентября. С. 12 / http://interaffairs.ru/i/Center_of_International_Studies_and_Journalism.pdf

президента РФ. Обсуждение новой стратегии ведется, в частности, в терминологии политики «сдерживания». Изначально сформулированная Джорджем Кеннаном в 1947 году, политика «сдерживания» определяла внешнюю политику США на протяжении всего периода «холодной войны»⁶⁷.

В рамках стратегии «Сдерживание 2.0» Россия была на, официальном уровне, объявлена стратегическим оппонентом Запада. Так, 6 июня 2014 года вышел доклад лондонского исследовательского центра «Чатэмхаус» под названием «Две опоры атлантической безопасности», в котором говорилось: «возврат к стратегическому партнерству НАТО и России невозможен». 13 июня, это же подчеркнул высокопоставленный американский дипломат, заместитель генерального секретаря НАТО Александр Вершбоу, заявив в своем выступлении перед выпускниками оборонного колледжа НАТО в Риме, о том, что НАТО не рассматривает Россию в качестве партнера. Это предложение зафиксировано в американском законопроекте «о противодействии агрессии России», а также в вышедшем 31 июля 2014 года докладе комитета по обороне Палаты общин британского парламента под названием «к новому обзору в области безопасности и обороны»⁶⁸.

Отдельный пакет мер предусматривается для Украины, в том же интервью газете «Гардиан» от 27 августа 2014 года Андерс Фог Расмуссен подчеркнул, что специально для Украины НАТО создаст 4 трастовых фонда, каждый будет финансировать, соответственно, развитие командно-штабной структуры,

⁶⁷ Baker, Peter In Cold War Echo, Obama Strategy Writes Off Putin // New York Times. 19.04.2014. www.nytimes.com/2014/04/20/world/europe/in-cold-war-echo-obama-strategy-writes-off-putin.html?r=0

⁶⁸ Twin Pillars of the Atlantic Alliance, Group of Policy Experts report to the NATO Secretary General // Collective Defence and Common Security. June 2014. www.nato.int/nato-static/assets/pdf/pdf%202014%2006/20140606140602-peg-collective-defence.pdf Russian Aggression Prevention Act // US Congress. <https://beta.congress.gov/113/bills/s2277/BILLS-113s2277is.pdf>

кибербезопасности, инвестиции в инфраструктурные объекты украинской армии и выплату военных пенсий⁶⁹.

В целях развития военной инфраструктуры Украины силами НАТО власти Украины одобрили «каталог возможностей Украины по поддержке международных миротворческих операций и учений». Фактически этот документ представляет собой список военных аэродромов, морских и речных портов, а также железнодорожных станций, способных принимать иностранные «миротворческие» подразделения, прибывающие для учений на украинскую территорию.

Таким образом, аналитический обзор представляет конкретный фактологический материал для более глубокого понимания сути и методов интеграции Украины, Грузии и Молдавии в военно-политические аппараты НАТО и ЕС. Вместе с интерактивной картой расширения НАТО, представленной на сайте Центра международной журналистики и исследований МИА «Россия сегодня», данный обзор демонстрирует неуклонное продвижение НАТО на восток, стартовавшее в 1990 году — после того, как государственный секретарь США Джеймс Бейкер обещал советскому президенту Михаилу Горбачеву, что при воссоединении Германии НАТО «не продвинется на восток ни на дюйм».

- Во внутриполитических конфликтах будущего у сил, противостоящих государственным ВС, неизбежно будут и авиация, и ударные вертолеты, и ВТО, включая ракеты и КР. Поэтому совершенно по-новому будет сформулировано требование к ПВО-ПРО Внутренних Войск и ВС, которые будут участвовать во внутреннем конфликте или защите от террористов. Иными словами неизбежна постановка задачи о создании ПРО-ПВО ТВД, способной защитить от внутренних военных угроз и от террористического нападения.

⁶⁹ Towards the next Defence and Security Review: Part Two — NATO // House of Commons Defence Committee. www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmdfence/358/358.pdf

- Анализ и прогноз экономического и социально-политического развития страны, прежде всего тех областей (отраслей, направлений), которые поддаются долгосрочному прогнозированию. Решающее значение, например, будет иметь прогноз значения темпов развития национального человеческого капитала не только для экономики, но и для внутривнутриполитической стабильности и военной, мощи страны⁷⁰. Так, например, в XXI веке для любого субъекта МО будет иметь решающее значение качество и темпы его научно-технического и технологического развития, попытки прогнозирования которого предпринимаются во многих странах, включая Россию.
- Огромное значение будет иметь анализ и прогноз развития внутривнутриполитической ситуации в стране, которая предопределяет перерастание социальных конфликтов в их острую фазу и вооруженную стадию. В настоящее время уже существуют прикладные методики, позволяющие прогнозировать такие изменения, хотя, надо признать, динамизм социальных перемен трудно поддается даже краткосрочному прогнозированию. Кто, например, мог предложить еще в декабре 1916 года, что через несколько недель произойдет Февральская революция?

Тем не менее, есть основания предполагать, что анализ и прогноз таких тенденций будет полезен с точки зрения долгосрочных результатов прогноза. Некоторые прикладные методики говорят о том, что это возможно. Так, например, в диссертации Л. Исаева предлагается положительный опыт таких исследований.

Таким образом, возможность долгосрочного прогноза внутренних войн и конфликтов во многом зависит от качества долгосрочных прогнозов субъектов развития МО и ВПО в условиях реализации того или иного сценария. На рисунке эту логику можно изобразить следующим образом: (рис. 24.14).

⁷⁰ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.

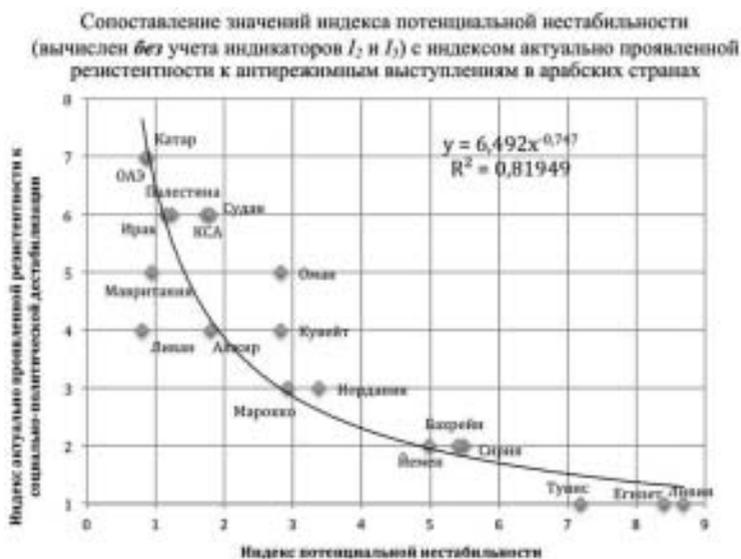

Рис. 24.13

Рис. 24.14

Из этого рисунка видно, что:

- негативный сценарий развития ЧЦ, МО и ВПО резко увеличивает вероятность развития негативного сценария СО, делает возможность войны и военного конфликта неизбежной. И, наоборот, благоприятные внешние условия снижают риски возникновения внутреннего кризиса и конфликта;
- негативные тенденции в экономическом и социальном развитии страны неизбежно программируют обострение социально-экономической ситуации в стране, возникновения кризиса и т. д. И, наоборот, позитивная динамика в развитии резко снижает (хотя и не ликвидирует) вероятность обострения внутривнутриполитической ситуации. А неразвитость политической системы и институтов общества объективно дестабилизируют ситуацию, ведут ее к неизбежному обострению и конфликту.

Как уже говорилось выше, смещение акцентов в войнах и мировых конфликтах в сторону внутренних войн и конфликтов, обозначенное с конца XX века и прогнозируемое на период 2030 годов как доминирующая тенденция, к 2050 годам превратится уже в основную форму военного противоборства. При этом сам по себе внутренний военный конфликт не перестанет окончательно быть высшей формой внутривнутригосударственного конфликта, но превратится в одну из форм внешней вооруженной агрессии. Иначе говоря, межгосударственные противоречия во все большей степени в будущем будут решаться посредством инспирирования внутривнутриполитических изменений в государствах — противниках.

Эта принципиальная трансформация будет вызвана тем, что война и вооруженная борьба между государствами будет сопровождаться такими рисками, которые не смогут выступить оправданием для достижения политических целей. Повторится своего рода феномен «ядерного сдерживания», — только уже не в отношениях между СССР и США, ОВД и НАТО, а в отношениях между многими государствами.

Вместе с тем, сами внутренние войны и конфликты, инспирированные извне, приобретут новые, «социализированные» формы, которые будут все меньше походить на вооруженные формы борьбы. В этой связи наиболее эффективными средствами противодействия внутренним войнам будут:

- укрепление социально-экономической и внутривнутриполитической стабильности;
- развитие институтов гражданского общества, ориентированного на национальные и государственные потребности;
- развитие творческой составляющей потенциала человеческой личности и другие невоенные формы деятельности.

Естественно, эти меры будут работать только в той ситуации, когда страна будет надежно защищена традиционными военными средствами от вооруженной агрессии или силового давления со стороны других государств. В противном случае никакие внутривнутриполитические достижения не смогут блокировать внутреннюю дестабилизацию, поддерживаемую и прикрываемую внешними силами.

Список источников и используемой литературы

1. Аватков В. Турецкое «Видение-2023»: от слов к делу / Эл. ресурс: «Портал МГИМО». 2014. 14 октября / <http://www.mgimo.ru/>
2. Айвазов А. Рах Americana на пороге смерти / Эл. ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/93246/>
3. Александров М. В. Битва за Кавказ: 2004–2008, Москва: Институт стран СНГ, 2010. — 680 с.
4. Александров М. В. К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — С. 25–49.
5. Александров М. В. Мотивация поведения на международной арене: о соотношении национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике государства // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014. — С. 556–568
6. Александров М. В. Новое слово в науке стратегического прогнозирования. Интернет-сайт ЦВПИ МГИМО, Москва, 2014. (<http://www.eurasian-defence.ru/eksklyuziv/analitika/novoe-slovo-nauke-strategicheskogo-prognozirovaniya>)
7. Александров М. В. О необходимости создания модели прогнозирования развития военно-политической ситуации вокруг России. Выступление на пленарном заседании «Дней науки» МГИМО». Москва, 9 апреля 2014 года. (<http://www.eurasian-defence.ru/node/30223>)

8. Александров М. В. Смена эпох: об особенностях современного этапа мирового развития. Интернет-сайт ЦВПИ МГИМО, Москва, 2014. (<http://www.eurasian-defence.ru/eksklyuziv/analitika/smena-epoch-ob-osobennostyah>)
9. Александров М. В. ЦВПИ МГИМО подготовил долгосрочный прогноз развития международной обстановки. Интернет-сайт ЦВПИ МГИМО, Москва, 2014. (<http://www.eurasian-defence.ru/eksklyuziv/analitika/smena-epoch-ob-osobennostyah>)
10. Александров М. В. Шанс на прорыв или еще раз о ракетах средней дальности. Интернет-сайт ЦВПИ МГИМО, Москва, 2014. (<http://www.eurasian-defence.ru/eksklyuziv/novosti/shans-proryv-ili-eshche-raz>)
11. Александрова В. Прогноз на 2056 год / Эл.ресурс: «Взгляд». 2006. 3 декабря / <http://vz.ru/society/2006/12/3/59430.html>
12. Алексеев Ю. Достойный труд для каждого — необходимое условие развития человеческого потенциала / Специальный выпуск «Оптима проект». 2014. 21 января. С. 3.
13. Антонов А. И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО. 2012. №4(25).
14. Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65).
15. Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. М.: Центр Карнеги, 2013.
16. Арутюнян А., Дубровин Д. Литва готова помогать Украине и призывает оказывать ей помощь / / ИТАР-ТАСС. 2014. 30 августа / <http://itar-tass.com/>
17. Аспекты безопасности. 1/2013. С. 11 / <http://nato.w-europe.org/bulleting/SecAspects1-2013.pdf>
18. База данных по транспортной статистике ЕЭК ООН / http://w3.unecce.org/pdxweb/quickstatistics/readtable.asp?qs_id=53&lang=14
19. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Стратегия развития Приморского региона: от прошлого к будущему. 2013.

20. Балуевский Ю., Хамзатов М. Глобализация и военное дело // НВО. 2014. 12 августа. С. 9–10.
21. Барак Обама: действия США позволили добиться изоляции России / ИТАР-ТАСС. 2014. 28 мая / <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1222857>
22. Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
23. Батанов А. С., Подберезкин А. И., Зоркальцев В. И. Роль институтов Гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. Русская Консалтинговая Группа. М. 2005.
24. Башкатова А., Сергеев М. Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября.
25. Белоусов Д. Р. ОПК и наука: что следует из долгосрочного прогноза. Доклад. Международный форум технологического развития ТЕХНОПРОМ-2013. Новосибирск. 2013. Ноябрь.
26. Бжезинский З. В борьбе с российским шовинизмом («The American Interest», США). Цит. по: Эл.ресурс «ЦВПИ». 2014. 3 июня / <http://eurasian-defence.ru/>
27. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010.
28. Блинов А. Обама меняет стратегию // Независимая газета. 2010. 24 мая.
29. Боевые действия в Атлантике в 1944 г. Соотношение сил / <http://www.protown.ru/information/hide/5343.html>
30. Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике №2. 2006. Март–апрель.
31. Бордачев Т., Дарден К. Щит и меч. Доклад по будущему российско-американских отношений. Выпуск №4. 2014. Май.
32. Боришполец К. П. Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО. 2012. Ноябрь. С. 8.

33. Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013.
34. Бояркина А. В. Новая модель международных отношений КНР / Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм. В24. Часть 2 / [отв. ред. Е. В. Воевода]. МГИМО. — М. 2014.
35. Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М. 2005.
36. Бюджетная стратегия на период до 2030 года / Центр экономической безопасности / <http://www.minfin.ru>.
37. Вернадский В. И. Война и прогресс науки <http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type&=book&size=1&ext=pdf&ma63-76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf>. С. 76.
38. Взгляд из Китая: глубокие изменения в политико-экономической обстановке АТР в 2012 году // «Жэнь шинь Жибао. 2012. 28 декабря / Эл.ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
39. Виноградов П. Человечество учится воевать по-новому. 2014. 24 сентября / <http://topwar.ru/>
40. Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2 ч. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013.
41. Внешняя политика России: 2000–2020 / РСМД [Под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012.
42. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей / под ред. ген. полковника Балуевского Ю. Н. / <http://www.csef.ru/files/csef/articles/719/719.pdf>.
43. Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>
44. Военно-воздушные силы стран мира / Рынки вооружений. ИТАР ТАСС. 2014. Май.
45. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитический доклад / А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич [и др.], МГИМО. М. 2014.

46. Воздушно-космические силы будут созданы в РФ 1 января 2016 года / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
47. Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://www.voina-i-mir.ru/>
48. Вооруженные силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010.
49. Воробьев В. Я. Сумма сходящихся интересов // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. №6.
50. Воробьев В. Я. Новый шелковый курс // Россия в глобальной политике. 2014. Май–июнь.
51. Воронин Е. Р. Отношения Россия — НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО. 2012. Декабрь.
52. Выжutowич В. Стоит ли бояться одиночества? // Российская газета. 2014. 10 сентября.
53. Газопром. Сила Сибири / <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/ykv/>
54. Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>
55. Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. №4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
56. Глазьев С. Предисловие. Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО. 2014.
57. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Публикация национального Совета по разведке США. Вашингтон, 2013. Декабрь.
58. Глобальный ответ. Россия запустит гиперзвуковые ракеты / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. 7 декабря / <http://topwar.ru>

59. Глобальный прогноз “Будущее цивилизации” на период до 2050 года. Часть 7. Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Под ред. Ю. В. Яковца, А. И. Агеева, Т. Т. Тимофеева. М.: МИСК, 2009.
60. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. Доклад-2012 к обсуждению. 3-е издание, переработ. и дополн. — М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012.
61. Голцр, Кветонь. Теория и методы военного прогнозирования. (Методологический анализ). Докторская диссертация. Военно-политическая Академия им. В. И. Ленина. Москва, 1983.
62. Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания / Российское военное обозрение №1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/vooruzjennaja-borba-buduschego.php>
63. Гордиенко Д. Военно-политические блоки и институты обеспечения евразийской безопасности / <http://www.fondiv.ru/>
64. Гордон Дж. Д. НАТО чахнет, куда идет НАТО? / The Washington Times. 2014. 21 августа / <http://eurasian-defence.ru/>
65. Громько А. А. Полет его стрелы. М.: Научная книга. 2009.
66. Гундаров В. Новый рубеж обороны России пройдет по Северному полюсу // Независимая газета. 2014. 11 сентября.
67. Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. М. Спецкнига, 2012.
68. Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М.: МО РФ, 2002.
69. Доклад национального разведывательного совета США. «Контуры мирового будущего». 2004 / <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=2087>
70. Долгосрочный прогноз важнейших направлений научно-технологического развития на период до 2030 года / НИУ ВШЭ. 2014. 8 февраля.

71. Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались / Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. №4.
72. Дуррани А. «Большая игра» для всех // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. №6. С. 152.
73. Дынкин А. А. Предисловие / Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр. 2011.
74. Евдаков В. И., Домрачев В. Б. Взгляды на применение вооруженных сил США в войнах начала XXI века // Вестник академии военных наук. №2. 2008.
75. Евсеев В. В. Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября.
76. Едовина Т. Кризис вокруг Украины скажется на кредитных рейтингах стран СНГ // Коммерсант. 2014. 14 мая.
77. Ерохин Ив. Трудный путь военной доктрины // Независимое военное обозрение. 1999. №43 / <http://www.airforce.ru/>
78. Ефременко Д. За флажки // Россия в глобальной политике. 2014. Май–июнь.
79. Загорский А. Радикальное сокращение ядерных вооружений укрепит безопасность России / РСМД. 2013. 21 сентября / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2538
80. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2014.
81. Зевелев И. Границы русского мира / Россия в глобальной политике. Т. 12. №2. 2014. Март–апрель.
82. Зеркалов Д. В. США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / <http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf>.
83. Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность. М.: МГИМО, 2013.
84. Иванов С. Б. Выступление перед участниками конференции / Московская конференция по безопасности. 23–24 мая 2013 г. Москва.

85. Иноземцев В. Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. №36 (648).
86. Инфографика: Андрей Лемешко, Дмитрий Иванов, Олеся Волкова. Данные Fitch. Еврокомиссия // РБК. 2014. 27 августа.
87. Исаев Л. М. Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации / http://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/dissertaciya_isaev_final.pdf.
88. Исаев Р. Г. Перспективы развития Северного морского пути и Мурманского транспортного узла. Отчет о результатах исследования / Мурманск. 2012.
89. Казахстан одобрил создание единой с Россией зоны ПВО / Эл.ресурс «ЦВПИ». 2014. 27 мая // <http://eurasian-defence.ru/>
90. Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.
91. Капица Л. М. Индикаторы мирового развития. Второе издание. М.: МГИМО, 2008.
92. Караганов С. А. Долгая конфронтация // Известия. 2014. 4 сентября.
93. Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНЫФРА-М, 2012.
94. Кашеварова А. Президент взял ВПК на себя // Известия. 2014. 11 сентября.
95. Кашин В. Благожелательный баланс // Россия в глобальной политике. 2014. Апрель. Т. 12. №2.
96. Когнитивная школа: построение стратегии как ментальный процесс / Эл. ресурс: «Менеджмент». 2004. 18 июня / <http://www.management.com.ua/strategy/str088.html>
97. Козин В. «Новая» ядерная стратегия США и ее последствия для России // Международная жизнь. 2013. Сентябрь.
98. Козин В. П. ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января.

99. Кокошин А. А. Метод и методология научного исследования у Свечина. В кн.: Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013.
100. Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования. 2014. №4.
101. Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. М.: Изд-во МГУ. 2013.
102. Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030-е годы / Эл. ресурс: «VIPERSON». 2014. 19 августа / <http://viperson.ru/>
103. Колесниченко К. Ю. Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа: монография / К. Ю. Колесниченко. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 72 / http://www.ojkum.ru/res/kolesnichenko_2014.htm
104. Колин К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке / Аналитический центр стратегических исследований «Сокол». Стратегические приоритеты международный научно-аналитический журнал. Вып. 1. М. 2014. С. 22 / <http://acsi.bos.ru/blok.pdf>
105. Колотуша В. В. Силовое принуждение в глобализирующемся мире и его особенности в пограничной сфере. М.: Пограничная академия ФСБ, 2013.
106. Корнилов В. Написан сценарий войны между Россией и Украиной. 2009. 25 апреля / Эл. ресурс: «Украинские новости» / <http://newzz.in.ua/main/1148829085-napisan-scenarij-vojny-mezhdu-rossiej-i.html>
107. Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С. и др. Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев. Изд. стереотип. М.: Изд.: ЛКИ. 2014.

108. Кошкин Р.П. Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014.
109. Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИН-ВИССИН, 2012.
110. Крупнов Ю. В России к концу XXI в. останется 80 млн человек / Аргументы и Факты. №29. 2014. 16 июля.
111. Крутских А. В., Сафронова И. Л. Международное сотрудничество в области информационной безопасности / URL: <http://www.cryptography.ru/db/msg.htmr2mid=1169389>
112. Кто друзья, а кто враги России? Опрос «Левада-центра» 1600 россиян в 2014 году / <http://mapinmap.ru/archives/2531>
113. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>.
114. Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011.
115. Кутлалиев А. Принцип двоеверия // Независимая газета. 2013. 17 декабря. С. 15.
116. Лавров С. В. Выступление в ООН 28 сентября 2014 г. / Шестаков Е. Лавров закрыл «сезон России» в ООН // Российская газета. 2014. 29 сентября.
117. Лавров С. В. Интервью / El Pais. 2014. 19 Sept / www.rg.ru/art/1021447
118. Лавров С. В.: Поставлена цель любой ценой вывести Россию из равновесия // ИТАР-ТАСС. 2014. 11 сентября / <http://itar-tass.com/>

119. Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / <http://itar-tass.com/politika/1517691>
120. Латухина К. Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября.
121. Леер Г. А. Безыдейность / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Финансовый контроль. 2003.
122. Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией? Изд. «Олимп-Бизнес» / <http://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>
123. Литовкин В. Без Генштаба нет армии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 26 января / <http://topwar.ru>
124. Лукин А. Токио — Пекин: психология конфликта / Эл. Ресурс. Портал МГИМО. 2012. 3 октября / <http://www.mgimo.ru>
125. Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я. Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. №6.
126. Маркелл Ф. Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
127. Матвиенко Ю. А., Ковалёв В. И., Малинецкий Г. Г. Концепция «сетевидной» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? / <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/348-novoe-v-voennom-dele/1-stati/4277-kontseptsiya-setetsentricheskoj-vojny-dlya-armii-rossii-mnozhitel-sily-ili-mentalnaya-lovushka>
128. Метатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке (Под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова). М.: Аспект Пресс, 2013.
129. Международный Комитет Красного Креста. Рабочие документы. М. 1999.
130. Мелихов С. В. Количественные методы в американской политологии. Москва, 1979.

131. Мехдиев Э. Т. Сотрудничество стран-участниц ТС и ЕЭП в энергетической сфере. Аналитическая записка. М.: ИМИ МГИМО, 2014. Август.
132. Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития. СПб.: Скифия-принт, 2012.
133. МИД РФ расценил санкции США как новый вид наступательного оружия / Информационный ресурс: «Интерфакс». 2014. 4 июля / <http://www.interfax.ru/russia/384051>
134. Миронов В. Обходимся своим // Российская газета. 2014. 14 мая.
135. Миронов Н. М. Тирания меньшинства // Независимая газета. 2014. 14 мая.
136. Миронов С. М. Антироссийский билль США / Пресс-релиз. 2014. 22 августа.
137. Мониторинг и анализ технологического развития России и мира. 2014, №6, 2 кв. ЦМАКП, 2014. Июль.
138. Мочульский А. Ф. Пекин и иранская проблема. Аналитические записки ИМИ МГИМО. М. 2012. Декабрь.
139. Мунтян М. А. Геополитика: история и современность. В 2-х т. М., 2009.
140. Мухаметшина Е. На «Валдае» сменятся учредители повестка и главный смысл // Ведомости. 2014. 16 октября / <http://www.vedomosti.ru/>
141. Мямлин К. Сетецентричные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/
142. Мясников Е. О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом Договоре СНВ. 2010. 16 июля / <http://www.armscoutrol.ru>
143. На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / <http://topwar.ru>
144. НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.

145. Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.
146. Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»/ http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf
147. Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012.
148. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. МГИМО, 2014. С. 874.
149. «Несостоявшиеся» государства в планах Вашингтона / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2014. 31 августа / <http://topwar.ru/>
150. Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. №18–01. ТС 18–01. 2010. 30 ноября.
151. Никонов В. А. Стена больше не нужна // Российская газета. 2012. 14 ноября.
152. О перспективах развития грузино-российских отношений. Аналитический материал. М.: МГИМО, 2014. Август.
153. Обама Б. Выступление в академии Вест-Пойнта. 2014. 28 мая // ИТАР-ТАСС / <http://itar-tass.com/>
154. Общая и прикладная политология / под ред. Жукова В. И., Краснова Б. И. М., 1997.
155. Общая тактика: учебное пособие. В. Н. Зарицкий, Л. А. Харкевич / <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2007/harkev2.pdf>.
156. Ограниченная война»: концепция современных и будущих военных конфликтов / Эл. ресурс: Портал «Современная армия». 2012. 14 июня / <http://www.modernarmy.ru/article/175>
157. Откуда переселялись в США в 1910 году и кто иммигрирует в США сейчас? / <http://mapinmap.ru/archives/2100>
158. Палюкович И. Зачем Литве Украина? // Военно-политическое обозрение. 2014. 29 января / ИТАР-ТАСС. 2014. 30 августа / <http://itar-tass.com/>

159. Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). М.: АСТ, 2011.
160. Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций / Научные редакторы: Ю. В. Яковца, А. И. Агеева, Т. Т. Тимофеева. М.: МИСК, 2009. Ч. VII.
161. Петухов О. Н. Сайт Томского политехнического университета / http://portal.tpu.ru/SHARED/o/ONPETUKHOV/Study/Strategic-planning/Tab/Lectures_on_the_discipline_of_Strategic_Planning_outcome.pdf. С. 36.
162. Погодин Ю. И., Иванов П. Е. Мобилизационная подготовка и здравоохранение. М. 2006.
163. Подберезкин А. И. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО / Аналитический доклад. 2014.
164. Подберезкин А. И. Военно-политический и стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов / <http://www.nasled.ru/?q=node/3226>
165. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО. 2014.
166. Подберезкин А. И. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки. Аналитический доклад. М.: МГИМО. 2014. Август.
167. Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО, 2013.
168. Подберезкин А. И. Значение развития систем боевого управления, связи и разведки (СЗ1) в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. ДА МИД СССР. 1989 / <http://viperson.ru/wind.php?ID=42208wpg=1400#blist>
169. Подберезкин А. И. Идеология опережающего развития человеческого капитала. Национальный человеческий капитал. Т. I. М.: Европа, 2007.
170. Подберезкин А. И. Идеология русского социализма / Человеческий капитал. Т. I. М.: МГИМО. 2012.

171. Подберезкин А. И. Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. II. М.: МГИМО, 2012.
172. Подберезкин А. И. Международная безопасность как следствие идеологической парадигмы мирового развития / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО, 2011. Т. II.
173. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО, 2011–2013 гг.
174. Подберезкин А. И. Ответственность «впередсмотрящих» // Техника молодежи. 1983. №6.
175. Подберезкин А. И. Предложения по сценариям развития ЧЦ, МО, ВПО и СО / Интернет ресурс: «ЦВПИ». 2014. 2 июля / <http://eurasian-defence.ru>
176. Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение Духовное наследие. РАУ-корпорация. М. 1996.
177. Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО, 2013.
178. Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО. 2011. №2.
179. Подберезкин А. И. Стратегия для будущего Президента России: русский путь Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». М. 2000.
180. Подберезкин А. И. Сценарии и прогнозы развития МО / Эл.ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2014.10.09 / <http://viperson.ru/>
181. Подберезкин А. И. Человеческий капитал на перепутье. М.: МГИМО. 2012.
182. Подберезкин А. И. Через духовность к возрождению отечества // Свободная мысль. 1995. №5.

183. Подберезкин А. И., Боришполец К. П. Евразия и Россия. М.: МГИМО, 2013.
184. Подберезкин А. И., Булатов Ю. А., Мунтян М. А. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М.: 2005.
185. Подберезкин А., Стреляев С., Хохлов О. Ятребов Я. Секреты российской приватизации. М. 2004.
186. Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. Аналитический доклад. М.: МГИМО. 2014.
187. Подберезкин А. И. и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки. Аналитический доклад. М.: МГИМО. 2014.
188. Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. №1.
189. Политика безопасности на фоне украинского кризиса: с Россией нельзя на «ты»? («DeutscheWelle», Германия) / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/60121-politika-bezopasnosti-na-fone-ukrainskogo-krizisa-s-rossiey-nelzya-na-ty-deutsche-welle-germaniya.html>
190. Политика оценки рисков/угроз в Восточном регионе ENPI / Европейская комиссия. Брюссель. 21.12.2010. Рабочий документ (SEC).
191. Полякова Т. В. Переговоры ЕС и США о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Аналитические записки. М.: МГИМО, 2014. Август.
192. Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл.ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>
193. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государств / Доклад И. М. Попова на научной конференции в МГИМО (У) МИД РФ. 2014. Апрель / <http://eurasian-defence.ru>. 2014. 2 июня.
194. Попов И. М. В Киеве точка возврата пройдена. Ситуация на Украине глазами военного аналитика // Независимое во-

- енное обозрение. 2014. 31 января / <http://www.milresource.ru/Ukraine.html>
195. Попов И. М. Доклад «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>
196. Попов И. М., Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха» / <http://maximus67.livejournal.com/1203032.html>
197. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономики и развития. М., 2013.
198. Прокофьев В. Ф. К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / Генеральный штаб вооруженных сил Российской Федерации Центр военно-стратегических исследований. М., 2004.
199. Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.
200. Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 27.02.2013 / Эл. ресурс «Президент России». 2013. 27 февраля / президент.рф
201. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / <http://президент.рф/news.17118>
202. Развитие отечественного гиперзвука — реальность / Эл. ресурс «Военное обозрение 2012. 7 ноября / <http://topwar.ru>
203. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд. испр. М.: ИНФРА-М, 1999.
204. Ремчуков К. Минобороны России бросило вызов США // Независимая газета. 2014 21 июля.

205. Рогов С. М. ПРО для США стала религией // Независимая газета. 2012. 7 июля.
206. Рогов С. М., Шариков П. А. и др. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая.
207. Рогозин Д. О. Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. №3.
208. Рогозин Д. О. Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта.
209. Розэ А. Запад недооценил дружбу России и Китая // Российская газета. 2014. 25 марта.
210. Российская элита — 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва. 2013. Июль
211. Российский боевой самолет 6-го поколения создадут через 12 лет / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 16 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
212. Российский Северный морской путь связал Корею и Финляндию // Администрация Ненецкого автономного округа. 2012. 30 октября.
213. Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. Проекта—А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
214. Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Эл.ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>
215. Рыбас С. Громыко: война, мир, дипломатия. М: Молодая гвардия, 2011.
216. Рыльская М. А. К вопросу о проблеме урегулирования конфликтов // Проблемы деятельности ОВД и ВВ в экстремальных условиях: Сб. научн. тр. М.: ВНИИ МВД России, 1997.
217. Саква Р. Диалог и разногласия // Российская газета. 2013. 6 ноября.

218. Свечин А. Методы стратегического мышления / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков / Ред. совет серии С. В. Степашин и др. М.: Финансовый контроль, 2003.
219. Селиванов Ю. Стратегический цугцванг США / Эл. ресурс: «Регнум». 2014. 16 октября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1857395.html>
220. Синютин С. Дороги будут! // Транспорт России / <http://www.transportrussia.ru/transportnayapolitika/dorogi-budut.html>
221. Синявский В. К., Верещагин С. И. Солдат XXI века на пути создания.
222. Скосырев В. Коррупция может победить Китай // Независимая газета. 2012. 20 ноября.
223. Скосырев В. США создают противокитайский ракетный щит // Независимая газета. 2012. 24 августа. С. 1, 4.
224. Словарь по правам человека. Под ред. А. Д. Джонгмана и А. П. Шмида. — М., 1996.
225. Созинов П. А. Генеральный конструктор «Концерн ПВО «Алмаз-Антей». Эволюция угроз СВН. Доклад М. 2014.
226. Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 2.
227. Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А. А. Дынкина. М.: ИМЭМО РАН, 2011. Сунгуров А. Моделирование в политической науке. М.: МГУ. 2005.
228. Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр. 2011.
229. Стратегическое ядерное оружие России и США / Эл. СМИ. Газета «Взгляд». 2009. 21 мая / <http://vz.ru/infographics/2009/5/21/289078.html>
230. Сулакшин С. С. О существовании и познаваемости будущего / Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы научной конференции 4 июня 2010 г. М.: Научный эксперт, 2010.

231. Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>.
232. Сценарии возможного военного конфликта РФ и США: комментарий к статье эксперта РСМД Валерия Алексеева. 2013. 6 ноября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1728971.html>
233. США испытали противоракету для ЕвроПРО / Эл. СМИ «Взгляд». 2012. 27 июня / <http://vz.ru/news/2012/6/27/585761.html>
234. Тарасенко П. «Исламское государство» проверяют на ударостойкость // Коммерсант. 2014. 11 сентября.
235. Тарасенко П. Растрата доверия // Коммерсант. 2014. 10 сентября.
236. Тезисы о внешней политике России (2012–2018 гг.) / РСМД. М.: Спецкнига, 2012.
237. Тенденции. Альманах Института современного развития Москва. 2013. Декабрь / <http://www.gosbook.ru/system/documents/2014/01/30/trends201312.pdf>.
238. Территория Российской Империи и ее протекторатов в 1800–1917 годах / <http://mapinmap.ru/archives/3041>
239. Топалов С. Шаткая концепция эшелонирования стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.
240. Торкунов А. В. История и историческое сознание / По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2000.
241. Торкунов А. В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. Т. 4. №1(10).
242. Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО. 2012. №5 (26).
243. Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО. 2012. №6 (27).

244. Торкунов А. В. Мюнхен: предвоенные уроки нашему времени / ФСБ: За и против. 2009. №2(5). С. 82–83.
245. Торкунов А. В. Разумная осторожность «перезагрузки» // Известия. 2009. 3 декабря.
246. Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011.
247. Тренин Д. Пять насущных проблем в Арктике / Московский Центр Карнеги. 2014. 1 марта.
248. Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. Штаба Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. — Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014 / <http://pvkgb.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>.
249. Тулупов Д. Потенциал Северного морского пути // РСМД. 2012. 9 июля.
250. Тулупов Д. С. Арктическая дипломатия — новый феномен мировой политики // Россия в глобальной политике. 2013. 31 августа.
251. Тупчиенко В. А. Государственная экономическая политика / В. А. Тупчиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
252. Тухачевский М. Н. Война классов: статьи 1919–1920 гг. М.: Госиздат. 1921.
253. Тэвдой-Бурмули А. «Красная линия» НАТО / Эл.ресурс: «Портал МГИМО». 2014.21 мая / <http://www.mgimo.ru/>
254. Украина, Грузия, Молдавия: путь в НАТО через Европейский союз. К саммиту НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 года. М. 2014. 1 сентября. С. 12 / http://interaffairs.ru/i/Center_of_International_Studies_and_Journalism.pdf
255. Уриновский А. Киберармии США не хватает хакеров / Эл.ресурс: «ЦВПИ». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

256. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. — М., 2003.
257. Фаляхов Р. «Россия потеряла сто триллионов рублей». Интервью «Газеты.Ру» с советником президента РФ Сергеем Глазьевым / Эл. ресурс: «Газета». 2014. 5 сентября / http://www.gazeta.ru/growth/2014/09/04_a_6203541.shtml
258. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / <http://www.президент.рф>. 2014. 30 июня.
259. Фон-Богуславский А. Размышления о стратегии / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд-во «Финансовый контроль». 2003. С. 507.
260. Фрэнк Г. Хоффман. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf.
261. Футурологический конгресс: будущее России и мира. М.: Научный эксперт. 2010. 4 июня.
262. Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007.
263. Чувакин О. Семёрка, да не та! 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/59962-semerka-da-ne-ta.html>
264. Южная Корея пойдет Северным морским путем // ИА «Федералпресс». 2013. 31 июля.
265. Ягольников С., Шушков А. Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику. 2008. 10 февраля.
266. Яковенко Н. БРИКС: Новый расклад в мире / «ИноСМИ». 2014. 30 апреля / <http://www.inosmi.ru/world/20140430>
267. Якунин В. И., Сулакшин С. С. и др. Политическое изменение мировых финансовых кризисов. Москва. 2012 / http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2014/01/Mirov_krizis.pdf.
268. Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government

- in Lisbon. 19 November 2010. (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en)
269. Alexandrov, Mikhail. *Uneasy Alliance: Relations Between Russia and Kazakhstan in the Post-Soviet Era*, Westport: «Greenwood Press», 1999. — 327 p.
270. Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / <http://www.fas.org/libeary/2012/10>
271. America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf.
272. America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf. C. 2.
273. Baker, Peter In Cold War Echo, Obama Strategy Writes Off Putin // New York Times. 19.04.2014. www.nytimes.com/2014/04/20/world/europe/in-cold-war-echo-obama-strategy-writes-off-putin.html?r=0
274. Beebe, Sarah Miller, and Randolph L. Pherson. *Cases in Intelligence Analysis: Structured Analytic Techniques in Action*. Washington, DC: CQ Press, 2011.
275. CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U. S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>
276. Cesar, Edison M., Patrick D. Allen, and Rick Eden. *Finding a New Approach for Measuring the Operational Value of Intelligence for Military Operations: An Annotated Briefing*. Santa Monica, CA: Rand, 1992.
277. Chaminade C., Edquist C. (2006) From theory to practice. The use of the systems of innovation approach in innovation policy

- // Innovation, Learning and Institutions / Eds. J. Hage, M. de Meeus. Oxford: Oxford University Press.
278. China's Military & the U. S. — Japan Alliance in 2030 / Carnegie Endowment for International Peace. W. 2013.
279. Clapper, James M. "Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community for the Senate Committee on Armed Services." 10 March 2011 www.dni.gov (Accessed 20 March 2011).
280. Clauser, Jerome K., and Sandra M. Weir. *Intelligence Research Methodology: An Introduction to Techniques and Procedures for Conducting Research in Defense Intelligence*. State College, PA: H.R.B. Singer, 1975. Washington, DC: U.S. Defense Intelligence School, 1976.
281. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. The Joint Publication 1-02. 8 November 2010 (As Amended Through 15 January 2014).
282. Deutsch, Karl W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: The Free Press, 1963.
283. Dolman, Everett. *Pure Strategy: Power and Policy in the Space and Information Age*. New York: Routledge, 2005.
284. Domlioni T. *The United States and the Asia-Pacific in 2013* // The Asia Society. N-Y., 2013, March, 11.
285. Edquist C. (2011) *Innovation Policy Design: Identification of Systemic Problems*. CIRCLE Electronic Working Papers 2011/6. Lund University, Center for Innovation, Research and Competences in the Learning Economy.
286. Feder, Stanley A. «Factions and Policon: New Ways to Analyze Politics.» *Studies in Intelligence* 31, no. 1 (Spring 1987): 41–57. In *Inside CIA's Private World: Declassified Articles from the Agency's Internal Journal, 1955–1992*, ed. H. Bradford West-erfield, 274–292. New Haven, CT: Yale University Press, 1995.
287. Flynn, Michael T., Lieutenant General, U.S. Army Director, Defense Intelligence Agency. *Annual Threat Assessment*. State-

- ment Before the Senate Armed Services Committee. United States Senate. 11 February 2014.
288. Folker, Robert D., Jr. [MSgt/USAF] Intelligence Analysis in Theater Joint Intelligence Centers: An Experiment in Applying Structured Methods. Occasional Paper No. 7. Washington, DC: Joint Military Intelligence College, January 2000.
289. Fontagné L., Fouré J. and Alexander K. Simulating world trade in the decades ahead: driving forces and policy implications / WTO Working Paper. April 04. 2014.
290. Forecast of world population for four UNEP scenarios from 1960–2100 / http://en.m.wikipedia.org/wiki/International_Futures
291. Grabo, Cynthia. Anticipating Surprise: Analysis for Strategic Warning. University Press of America, 2004.
292. Gray, Colin S. War, Peace and International Relations: An Introduction to Strategic History. Routledge: New York, 2007.
293. Hulnick, Arthur S. «Managing Analysis Strategies for Playing the End Game.» International Journal of Intelligence and Counterintelligence 2, no. 3 (Fall 1988). — p. 321–343.
294. Huntington S. Shah Anup / The Arms Trade is Big Business — Global Issues / <http://www.globalissues.org/article/74/the-arms-trade-is-big-business/> 2014. 05 Jan.
295. Joint Chiefs of Staff. Joint Publication 1–02, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. Washington, DC: GPO, 12 April 2001. As amended through 31 December 2010.
296. Joint Chiefs of Staff. Joint Strategic Capabilities Plan. CJCSI 3110.01 series, 2008.
297. Joint Chiefs of Staff. National Military Strategy. Washington, DC: Government Printing Office, 2006.
298. Libicki M. Cyberdeterrence and Cyberwar. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009 / URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG877>
299. Mahnken, Thomas. “United States Strategic Culture.” Defense Threat Reduction Agency,

300. McClelland, Charles. World Event/Interaction Survey (WEIS) Project, 1966–1978. ICPSR Study No. 5211, 1999.
301. Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace, Fifth Edition, Revised, New York: Alfred A. Knopf, 1978.
302. National Security Council. The National Security Strategy of the United State of America. Wash, DC: USGPO, 2002, September.
303. Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. №3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>
304. Osinga, Frans P.B. Science, Strategy and War: The Strategic Theory of John Boyd. New York: Routledge, 2007.
305. Remarks by Tom Donilon National Security Advisor to the President / The Asia Society New York, New York Monday, March 11, 2013.
306. Resch, David T. «Predictive Analysis: The Gap Between Academia and Practitioners.» Military Intelligence 21, no. 2 (Apr.-Jun. 1995). — p. 26–29.
307. Rummel, Rudolph J. «The Dimensionality of Nations Project», In Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research. Ed.: Richard Merritt and Stein Rokkan. New Haven: Yale University Press, 1966. — p. 109–130.
308. Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective — 2013 / Jakob Hedenskog and Carolina Vendil Pallin (eds) FOI-R--3474--SE December 2013 / http://www.foi.se/ReportFiles/foir_3474.pdf. P. 114.
309. Scenarios for Ukraine / World Scenario Series / World Economic Forum. April. 2014.
310. Schrodtt, Philip A. Microcomputer Methods for Social Scientists (Quantitative Applications in the Social Sciences). Newbury Park, California: SAGE Publications, 1987
311. Singer, David J. Models, Methods and Progress in World Politics: A Peace Research Odyssey. Boulder, Col.: Westview Press, 1990.

312. SIPRI Yearbook 2013: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, USA. Revised edition, 2013.
313. Situation brief: the Libyan conflict and its impact on Egypt and Tunisia / United Nation, N.-Y. 2014. 12 August.
314. Standard Missile-3 Block IIB Analysis of Alternatives / GAO report, February, 11, 2013.
315. Statement from United States President Barack Obama, European Council President Herman Van Rompuy and European Commission President Jose Manuel Barroso. Brussels/Washington, 13 February 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-94_en.htm
316. Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997. — Internet.
317. Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>.
318. Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 / Report of the Defense Science Board. Wash., 2013. Oct.
319. The Collected Papers of Lewis Fry Richardson Volume Two: Quantitative Psychology and Studies of Conflict. Ed.: Oliver M. Ashford, H. Charnock, P.G. Drazin, J. C. R. Hunt, P. Smoker and Ian Sutherland. Cambridge University Press: 2009. — p. 251–351.
320. The International Institute of Strategic Studies (IISS). The Military Balance 2013, IISS, 2013.
321. Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community / Drafting Group. 2011.
322. Towards the next Defence and Security Review: Part Two — NATO // House of Commons Defence Committee. www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmdfence/358/358.pdf
323. Towards the Next Defense and Security Review: Part Two — HATO, HC 358. 2014. 31 July.

324. Trends in world military expenditure. 2012. P. 1. Sam Perlo-Freeman, Elisabeth Sköns, Carina Solmirano and Helén-Wilandh / Sipri Fact Sheet / <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf>
325. Twin Pillars of the Atlantic Alliance, Group of Policy Experts report to the NATO Secretary General // Collective Defence and Common Security. June 2014. www.nato.int/nato-static/assets/pdf/pdf201406/20140606140602-peg-collective-defence.pdf Russian Aggression Prevention Act // US Congress. <https://beta.congress.gov/113/bills/s2277/BILLS-113s2277is.pdf>
326. U.S. Department of Defense. 2010 National Defense Strategy. Washington, DC: GPO, 2010.
327. Ukraine must be a wake-up call for NATO. 2014. 31 July / <http://www.parliament.uk/>
328. United Kingdom Ministry of Defence, Future Character of Conflict. HQ Land Forces, London, 2010. (<http://www.mod.uk/DefenceInternet/MicroSite/DCDC/>)
329. World Economic outlook (International Monetary Fund): a survey by the staff of the. International Monetary Fund. Washington DC: IMF. 2014.

Научное издание

Стратегическое прогнозирование
и планирование внешней
и оборонной политики

Том 2

Прогнозирование сценариев развития
международной и военно-политической
обстановки на период до 2050 года

Коллективная монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 12.03.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл.-печ. л. 45,1
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76